

63.2

Ц 33

Учебное пособие

Т. К. Щеглова

УСТНАЯ ИСТОРИЯ

Министерство образования и науки Российской Федерации
Алтайская государственная педагогическая академия

Т. К. Щеглова

УСТНАЯ ИСТОРИЯ

Учебное пособие

Допущено
Учебно-методическим объединением
по направлениям педагогического образования
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по направлению 540400.68 (050400)
Социально-экономическое образование

Барнаул, 2011

УДК 930.2(075) + 94(470)(075)
ББК 630я73 + 63.211я73 + 63.3(2)я73

Щ 334

Рецензенты:

Пушкарева Наталья Львовна,
д-р ист. наук, профессор, зав. сектором этногенных исследований
Института этнологии и антропологии Российской академии наук;
Мазур Людмила Николаевна,
д-р ист. наук, зав. кафедрой документационного
и информационного управления
Уральского государственного университета

Щеглова, Т. К.

Щ 334 Устная история: учеб. пособие. Барнаул: АлтГПА, 2011. — 364 с.
ISBN 978-5-88210-570-8

В учебном пособии дается определение устной истории, анализ ее теории и практики, предлагаемых ею новых технологий и методов исследования исторического прошлого. Большое внимание уделено вопросам создания, документирования и архивирования устных исторических источников, формирования устных архивов. Предлагаются рекомендации по интерпретации и введению устных исторических источников в научный оборот. Затрагиваются дискуссионные вопросы дефиниций устной истории, предметного поля, концептуально-методологических подходов; анализируются оценки и критика устных исторических источников.

В отдельном разделе рассматривается место устной истории в системе социогуманитарных наук, ее связи с социальной и ментальной историей, этнографией, музеологией, военной антропологией, архивоведением, историей повседневности. В соответствии с жанром издания содержится большой блок практических рекомендаций и методических материалов по организации научно-исследовательской работы в образовательных учреждениях: программы, проекты, вопросники для проведения интервью, анкеты, рекомендации по организации спецкурса или факультатива по устной истории, программа подготовки устных историков, кодекс интервьюера и др.

Пособие предназначено для преподавателей, студентов, исследователей.

УДК 930.2(075) + 94(470)(075)
ББК 630я73 + 63.211я73 + 63.3(2)я73

Оглавление

Предисловие

Зачем нужна устная история?	16
Устная история в учебной работе.	17
Устная история в научно-исследовательской и поисковой работе.	19
Социальное и воспитательное значение устной истории.	23
Устная история и краеведение.	27

Введение

Цель, задачи и структура учебного пособия.	29
Образовательные программы высшего профессионального образования.	32

Глава 1. Устная история: метод, источник и направление исторических исследований

Что такое устная история? Условия и факторы формирования устной истории.	33
Устные исторические источники	37
Методы устной истории	43
Предмет исследования устной истории	47
Теоретические, методологические и концептуальные подходы устной истории.	48
Особенности работы с устными историческими текстами	52
<i>Рекомендации для проверки усвоенного материала. Вопросы для обсуждения на семинарах. Практические задания для самостоятельной работы .</i>	53

Глава 2. Методика и технология создания устных исторических источников. Интервью и интервьюирование в устной истории: подготовительный этап

Выбор направлений исследования и разработка программы или проекта устной истории.	57
Изучение литературы и источников	64
Составление вопросников и типы вопросов	67
Поиск и выбор респондентов	78
<i>Рекомендации для проверки усвоенного материала. Вопросы для обсуждения на семинарах. Практические задания для самостоятельной работы</i>	87

Глава 3. Основной этап: проведение интервью и фиксация устной информации. Другие технологии опроса

Интервью и беседа: сходство и различие.	90
Характеристика участников диалога.	92
Типы интервью.	93
Логика проведения исторического интервью. Прелюдия.	100
Введение в интервью. Установление контакта	103
Начало интервью. Разминка. Оформление паспорта устного источника.	106
Программные вопросы: сотрудничество с интервьюируемым.	
Категории респондентов.	109
Условия проведения интервью. Способы стимулирования рассказчиков.	114
Завершающий этап интервью.	119
Морально-этические факторы и принципы интервьюирования.	
Кодекс интервьюера. Вопрос о скрытой записи.	121
<i>Кодекс интервьюера.</i>	121
Анкетирование: возможности использования в устной истории.	124
<i>Переселения из Средней Азии и Казахстана в 1990-е гг.</i>	
<i>Вопросник</i>	125
<i>Переселения из Средней Азии и Казахстана. Анкета.</i>	127
Визуальные формы устноисторических материалов	130
<i>Рекомендации для проверки усвоенного материала. Вопросы для обсуждения на семинарах. Практические задания для самостоятельной работы.</i>	132

Глава 4. Завершающий этап создания устного исторического источника: транскрибирование и документирование материалов исследовательских интервью

Устный источник и транскрипт	136
Вербальная и визуальная информация.	137
Устная и письменная речь	138
Требования к транскрибированию материалов интервью.	
Особенности документирования устных исторических источников.	140
Системы и способы фиксации вербальной и визуальной информации.	140
Составление аннотации и оформление научно-справочного материала.	143

Интервьюер, интервьюируемый и транскрибирующий: права, связи и отношения в зарубежной и отечественной практике устной истории.	144
<i>Рекомендации для проверки усвоенного материала. Вопросы для обсуждения на семинарах. Практические задания для самостоятельной работы</i>	150

Глава 5. Архивирование устных исторических источников

Государственные архивы и устная история.	152
«Устные архивы»: формы, способы формирования	154
Документирование и фондирование устных исторических источников	155
Требования к ведению архивной документации аудиоисточников и транскриптов: карточка документа, журнал поступлений и опись архивных фондов.	156
Идентификация и регистрация оригиналов-интервью и их письменных аналогов: виды каталогов или картотек	157
Способы хранения устных архивов, обеспечение их сохранности, доступности и презентации материалов.	158
Регламент работы устных архивов и системы доступа к материалам исследовательских интервью	160
<i>Рекомендации для проверки усвоенного материала. Вопросы для обсуждения на семинарах. Практические задания для самостоятельной работы. .</i>	161

Глава 6. Использование устных исторических источников в научно-исследовательской работе и их интерпретация

Сферы использования устных исторических источников	163
Формы, пути и способы публикации первоисточников	164
Подходы, формы и принципы научных публикаций: отечественный и зарубежный опыт	165
Трудности и проблемы публикации диалоговых оригиналов-интервью	167
Вопрос о редактировании и редакторском вмешательстве в текст. Публикации купированных интервью.	168
Устная история и биография. Публикация-монолог	172
Использование устных исторических источников в научных исследованиях и аналитической практике: проблемы и достижения	174

Особенности, приемы, подходы в интерпретации устных исторических источников	175
Распространенные ошибки работы с устными историческими источниками.	180
Методические и методологические стереотипы и новые возможности анализа и прочтения устных исторических источников	181
Междисциплинарные технологии	188
Использование устных исторических источников в культурно-массовой и воспитательной работе.	189
Вопрос об использовании сведений об информанте и его решение в отечественной и зарубежной практике.	190
<i>Рекомендации для проверки усвоенного материала. Вопросы для обсуждения на семинарах. Практические задания для самостоятельной работы</i>	195
Глава 7. Междисциплинарность и прикладное значение устной истории	
Устная история в контексте междисциплинарного взаимодействия	198
Точки зрения о значении и назначении устной истории.	199
<i>Рекомендации для проверки усвоенного материала. Вопросы для обсуждения на семинарах. Практические задания для самостоятельной работы</i>	204
Глава 8. Устная история в системе социогуманитарных наук	
Устная и социальная история: перспективы взаимодействия, или устная социальная история.	205
Устная история как источник и метод этнографических исследований.	209
Устная история и музеология: пути и формы сотрудничества.	221
Устная история в военной антропологии: возможности и перспективы исследований	229
Устная история и история ментальностей: взаимопроникновение и взаимодополнение	234
Устная история и история повседневности: методические и методологические перекрестки.	239
Устная история и архивоведение: традиции и новации	244
<i>Рекомендации для проверки усвоенного материала. Вопросы для обсуждения на семинарах. Практические задания для самостоятельной работы</i>	247

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Руководство и пошаговые методические рекомендации по подготовке устных историков для руководителя группы	252
<i>Методические рекомендации по подготовке устных историков ..</i>	<i>253</i>
Приложение 2. Программа учебного курса по подготовке устных историков «Устная история: теория и практика»	265
«Устная история» в мировой исторической практике в прошлом и настоящем	265
«Устная история» в отечественной историографии	266
Устная история: определение, дискуссии	266
Устная история как метод	267
Устная история как источник	267
Подготовка и проведение интервью	267
Транскрибирование и документирование устного исторического источника	268
Создание устноисторических проектов и разработка научно-исследовательских программ по устной истории	268
Устные архивы: хранение и использование документов устной истории	269
Использование устных исторических источников в научных исследованиях и публикаторской деятельности	269
Пути использования междисциплинарных подходов в устной истории	270
Приложение 3. Интернет-адреса зарубежных центров устной истории	271
Приложение 4. Методические материалы устноисторических исследований: программы	274
<i>Программа изучения существующего или исчезнувшего села ...</i>	<i>274</i>
Приложение 5. Методические материалы устноисторических исследований: вопросники	280
1. <i>История переселений на Алтай</i>	282
2. <i>Репрессии в Алтайском крае</i>	284
3. <i>Раскулачивание и высылка</i>	287
4. <i>Коллективизация и колхозная жизнь</i>	289
5. <i>Социальные отношения в советской деревне в 1930–1960-е гг. в период колхозно-совхозного строительства</i>	293

6. Целина: производственная и повседневная жизнь советской деревни в 1950-е гг.	296
7. Укрупнение колхозов в 1950-е гг. и ликвидация неперспективных сел в 1960–1980-е гг.	300
8. Перестройка и советское сельское общество	302
9. Строительство и обустройство крестьянского жилища: рациональные, сакральные и фольклорно-обрядовые представления .	305
10. Русское население Алтайского края: этнографические группы и их взаимоотношения.	309
11. Православие в представлениях сельского населения в советское и постсоветское время; возрождение православных соборов и открытие приходов	312
12. Этнокультурные факторы в социально-экономическом развитии деревни в период единоличного хозяйствования	316
13. Пионерская организация в жизни советских людей.	318
14. История пионерии	320
15. История этнографических исследований на Алтае	322
16. Великая Отечественная война. Человек на войне	324
17. Деревня и сельское общество Алтайского края в годы Великой Отечественной войны.	328
18. Политические, государственные и партийные деятели советской и постсоветской истории в оценках населения (сельского, городского)	331
19. Советская праздничная система и празднично-досуговые традиции советских людей	335
20. Церкви на Алтае в 1920–1940-е гг.: жизнь прихода, репрессии против священников и разрушение соборов. Воссоздание приходов в постсоветское время.	340
21. Санитарно-бытовая культура сельского населения в 1920–1940-е гг.	343
22. Повседневная жизнь советских крестьян в колхозах или совхозах в мирное время.	347
23. 1980–1990-е гг. через жизненные истории (life story) советских людей	350
Список использованной литературы на русском языке	354
Список использованной литературы на иностранных языках	363

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Altai State Pedagogical Academy

T. K. Shcheglova

ORAL HISTORY

Textbook

Approved by the Academic Affairs Council
for Pedagogical Education as a textbook
for higher education students
in the area of study 540400.68 (050400)
Socio-Economic Education

Barnaul, 2011

UDK 930.2(075) + 94(470)(075)

Reviewers:

Pushkariova Natalia Lvovna,,
Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the sector of ethno-genetic
research of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian
Academy of Science;
Mazur Liudmila Nikolaevna,
Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Documentation
and Information Provision in Management,
Ural State University

Shcheglova, T. K.

Oral History: Textbook. Barnaul: AltSPA, 2011. – 364 p.
ISBN 978-5-88210-570-8

The textbook introduces a definition of oral history, focuses on analysis of its theory and practice, new technologies and research methods of the historical past. Particular emphasis is placed on the issues of creation, documentation, and archiving of oral historical sources, and formation of oral archives. It also offers recommendations of how to interpret oral history sources and to put them into academic circulation. Debatable questions concerning definitions of oral history, its field of study, conceptual-methodological approaches are evaluated; assessment and critical review of oral history sources are analyzed.

A separate section of the book considers the place of oral history in the system of socio-humanitarian sciences, its connection with social and mentality history, ethnography, museology, war anthropology, archive study, history of everyday life. In accordance with the genre of the edition it contains a large part of practical recommendations and methodical material for research work in educational institutions: programs, projects, question lists, questionnaires, recommendations for a course or an elective class on oral history, a program of training oral historians, the code of an interviewer, etc.

The textbook is intended for faculty members, students and researches.

UDK 930.2(075) + 94(470)(075)

Contents

Foreword

Why Do We Need Oral History?	16
Oral History in Academic Work	17
Oral History in Research and Inquiry Work	19
Social and Educative Importance of Oral History	23
Oral and Local History	27

Introduction

Purpose, Objectives, and Structure of the Textbook.	29
Educational Programs of Higher Professional Education	32

Chapter 1. Oral History: Method, Source, and Direction of Historical Research

What is Oral History? Conditions and Factors of Oral History Formation..	33
Oral Historical Sources	37
Methods of Oral History	43
Subject of Scientific Research in Oral History.....	47
Theoretical, Methodological, and Conceptual Approaches of Oral History .	48
Peculiarities of Work with Oral Historical Texts	52
<i>Recommendations for Checking Acquired Material. Questions for Seminar Discussions. Practical Tasks for Individual Work</i>	53

Chapter 2. Formation of Oral Historical Sources: Methods and Technology. Interview and Interviewing in Oral History: Preparatory Phase

Selection of the Research Area and Design of the Program or Project of Oral History	57
Literature and Sources Review	64
Compilation of Question Lists and Types of Questions.....	67
Search for and Selection of Respondents	78
<i>Recommendations for Checking Acquired Material. Questions for Seminar Discussions. Practical Tasks for Individual Work</i>	87

Chapter 3. Main Phase: Interview Procedure and Fixation of Oral Information. Other Inquiry Techniques

Interview and Conversation: Differences and Similarities	90
Description of Interview Participants	92
Types of Interview	93
Logics of Conducting a Historical Interview. Prelude	100
Introduction into the Interview. Contact Establishment	103

Beginning of the Interview. Warming up. Passport Design of the Oral Source	106
Program Questions: Collaboration with the Interviewee. Categories of Respondents	109
Conditions of Interview Procedure. Means of Stimulating Storytellers	114
Closing Stage of the Interview	119
Moral-Ethic Factors and Principles of Interviewing. Code of the Interviewer. Dilemma of Hidden Recording	121
<i>Code of the Interviewer</i>	121
Questionnaire Poll: Means of Application in Oral History	124
<i>Migration from Middle Asia and Kazakhstan in the 1990^s.</i>	
<i>Question List.</i>	125
<i>Migration from Middle Asia and Kazakhstan. Questionnaire</i>	127
Visual Forms of Oral History Material.	130
<i>Recommendations for Checking Acquired Material. Questions for Seminar Discussions. Practical Tasks for Individual Work.</i>	132
Chapter 4. Closing Phase of Oral Historical Source Formation: Transcription and Documentation Processing of Interview Material	
Oral Source and Transcript	136
Verbal and Visual Information	137
Oral and Written Speech	138
Requirements for Transcribing Interview Material. Peculiarities of Documentation Processing of Oral History Sources.	140
Fixation of Verbal and Visual Information: Means and Systems	140
Annotation Preparation and Design of Research and Reference Material	143
Interviewer, Interviewee, and Transcribing Agent: Rights, Connection and Relations in Foreign and Domestic Practices of Oral History.	144
<i>Recommendations for Checking Acquired Material. Questions for Seminar Discussions. Practical Tasks for Individual Work.</i>	150
Chapter 5. Archiving Procedure of Oral History Sources	
State Archives and Oral History	152
“Oral Archives”: Forms, Means of Formation	154
Documentation Processing and Fund Accumulation of Oral History Sources	155
Requirements for Archive Documentation Processing of Audio Sources and Transcriptions: Documentation Card, Entry Register, and Inventory of Archive Funds.	156
Identification and Registration of Original Interviews and Their Written Analogues: Types of Catalogues and Card Files	157

Means of Keeping Oral Archives, Provision of Their Safety,
Access and Presentation of the Material 158

Regulation of Working Time of Oral Archives and Systems
of Access to Interview Material. 160

*Recommendations for Checking Acquired Material. Questions
or Seminar Discussions. Practical Tasks for Individual Work* 161

**Chapter 6. Application of Oral History Sources in Research Work
and Their Interpretation**

Spheres of Application of Oral History Sources. 163

Forms, Ways, and Means of Publishing Original Sources 164

Approaches, Forms, and Principles of Academic Publications:
Domestic and Foreign Experience 165

Difficulties and Problems in Publishing Dialogue Based Original-
Interviews 167

Problem of Editing and Editor’s Interference into the Text
Publication
of an Abridged Interview. 168

Oral History and Biography. Publication in the Form of
a Monologue. 172

Application of Oral History Sources in Research Work and
Analytical Practice: Problems and Achievements 174

Peculiarities, Methods, Approaches in the Interpretation of Oral
History Sources 175

Common Errors in Work with Oral History Sources 180

Methodical and Methodological Stereotypes and New Means
of Analysis and Perusal of Oral History Sources. 181

Interdisciplinary Techniques. 188

Application of Oral History Sources in Cultural Work among the
Masses and Educative Work 189

Problem of Use of the Informant’s Data and its Solution in Domestic
and Foreign Practice 190

*Recommendations for Checking Acquired Material. Questions
for Seminar Discussions. Practical Tasks for Individual Work .* 195

Chapter 7. Interdisciplinarity and Applied Significance of Oral History

Oral History in the Context of Interdisciplinary Interaction 198

Views on the Significance and Purpose of Oral History. 199

*Recommendations for Checking Acquired Material. Questions for Seminar
Discussions. Practical Tasks for Individual Work* 204

Chapter 8. Oral History in the System of Socio-Humanitarian Sciences

Oral and Social Histories: Perspectives of Interaction or Oral Social History	205
Oral History as a Source and Method of Ethnographic Research.....	209
Oral History and Museology: Ways and Forms of Collaboration.....	221
Oral History in War Anthropology: Means and Perspectives of Research	229
Oral History and History of Mentality: Interpenetration and Complimentarity.....	234
Oral History and History of Everyday Life: Methodical and Methodological Crossroads.....	239
Oral History and Archive Study: Traditions and Innovations	244
<i>Recommendations for Checking Acquired Material. Questions for Seminar Discussions. Practical Tasks for Individual Work</i>	247

APPENDIXES

Appendix 1. Methodical Material for Training Oral Historians:

Instructions for the Group Leader	252
<i>Methodical Recommendations for Training Oral Historians.....</i>	253

Appendix 2. Course Program for Training Oral Historians "Oral History:

Theory and Practice".....	265
"Oral History" in the World Practice of the Past and Present.....	265
"Oral History" in the Domestic Historiography.....	266
Oral History: Definition, Debate	266
Oral History as a Method.....	267
Oral History as a Source	267
Preparation for and Conduct of the Interview	267
Transcription and Documentation Procedure of an Oral Historical Source	268
Creation of Oral History Projects and Development of Research Programs on Oral History.....	268
Oral Archives: Keeping and Use of Oral History Documentation	269
Use of Oral History Sources in Research and Publishing Activity.....	269
Ways of Applying Interdisciplinary Approaches in Oral History.....	270

Appendix 3. Internet Sites of Oral History Foreign Centers

Appendix 4. Methodical Material of Oral History Research: Programs.....	274
<i>Program of Study of Existing or Disappeared Villages.....</i>	274

Appendix 5. Methodical Material of Oral History Research: Question

Lists	280
-------------	-----

1. <i>History of Migration in Altai</i>	282
2. <i>Repressions in the Altai Territory</i>	284
3. <i>Dispossession and Deportation of Kulaks.</i>	287
4. <i>Collectivization and Kolkhoz Life</i>	289
5. <i>Social Relations in the Soviet Village in the 1930–1960^s at the Period of Kolkhoz-Sovkhoz Formation</i>	293
6. <i>Virgin Land: Industrial and Everyday Life of the Soviet Village in the 1950^s</i>	296
7. <i>Kolkhoz Expansion of the 1950-s and Elimination of Economically Unviable Villages in the 1960–1980^s</i>	300
8. <i>Reorganization (Perestroika) and Soviet Rural Society</i>	302
9. <i>Construction of a Rural Dwelling and Settling Down: Rational, Sacral, and Folk-Ceremonial Rituals</i>	305
10. <i>Russian Population in the Altai Territory: Ethnographic Groups and their Relations</i>	309
11. <i>Orthodoxy in Rural People's Understanding in the Soviet and Post Soviet Period; Restoration of Orthodox Cathedrals and Opening of Parishes</i>	312
12. <i>Ethno-Cultural Factors in the Socio-Economic Development of the Village at the Period of Individual Farming</i>	316
13. <i>The Pioneers Organization in Soviet People's Lives</i>	318
14. <i>History of the Pioneers Organization</i>	320
15. <i>History of Ethno-Cultural Research in Altai</i>	322
16. <i>World War II. Man at War</i>	324
17. <i>Village and Rural Society of the Altai Territory at the Period of World War.</i>	328
18. <i>Political, State, and Party Personalities of the Soviet and Post-Soviet History in People's Appraisal (Urban and Rural).</i>	331
19. <i>Soviet Holiday System and Festal Traditions of Soviet People</i>	335
20. <i>Churches in Altai in the 1920 –1940^s: Life of the Parish, Repressions against Priests and Demolition of Cathedrals. Restoration of Parishes in the Post-Soviet Period</i>	340
21. <i>Sanitary and Everyday Culture of Rural People in the 1920–1940^s</i>	343
22. <i>Everyday Life of Soviet Peasants in Kolkhozes or Sovkhozes at Peacetime</i>	347
23. <i>The 1980–1990^s through Life Stories of Soviet People.</i>	350
Bibliography in Russian.	354
Bibliography in Foreign Languages	363

Предисловие

Зачем нужна устная история? Предлагаемое учебное пособие подготовлено автором на основе многолетних исследований в области теории и практики устной истории, апробировано в полевых исследованиях и стационарной работе, а также в магистерских программах высшего профессионального образования по социально-экономическому и педагогическому образованию. Введение устной истории в образовательные программы высшего профессионального образования обусловлено изменениями в формах, методах и целях исторического образования в России на всех уровнях (среднее и высшее, общее и профессиональное образование). Место устной истории в системе образования определяется ее учебным, воспитательным, исследовательским и социальным потенциалом, ее возможностями в решении сложных научно-методических и научно-исследовательских проблем истории России и воспитания гражданских качеств.

Одним из существенных недостатков школьного и вузовского исторического образования является схематичное, безынициативное усвоение и механическое воспроизведение учащимися и студентами набора исторических фактов, событий и явлений в объеме учебника, ограничивающего видение исторического прошлого концепцией авторов и не дающего возможности участвовать в оценке и решении исторических проблем. Традиционная концепция образования ставила главными задачами не только усвоение суммы исторических понятий и фактов, но и формирование умений и навыков мыслительной деятельности. Современная модернизация образования усилила требования к формированию исследовательских компетенций.

Устная история способствует историческому познанию, а не усвоению учениками «готовых» знаний о прошлом. Акцент педагогических усилий переносится на формирование умения добывать, обрабатывать, систематизировать и анализировать информацию.

Активизации инициативной и исследовательской работы в образовательных учреждениях способствуют современные изменения в научной методологии истории. В работах, изданных в последние десятилетия, постоянно подчеркивается взаимосвязь между историческими источниками, исследовательскими задачами историка и уста-

навливаемыми им на основе источников историческими фактами. Отмечается необходимость активной позиции историка в постановке исследовательских задач, выборе источников для их решения и формулировании вопросов к историческим источникам. Р. Коллингвуд пишет: «Из всех вещей, воспринимаемых историком, нет ни одной, которую бы он не смог в принципе использовать в качестве свидетельства для суждения по какому-либо вопросу, при условии, что он задает правильный вопрос. Обогащение исторического знания осуществляется главным образом путем отыскания способа того, как использовать в качестве свидетельства для исторического доказательства тот или иной воспринимаемый факт, который историки до сего времени считали бесполезным»¹.

Устная история в учебной работе. На современном этапе привлечение устной истории для методической организации учебной деятельности диктуется компетентностным подходом как одним из инструментов модернизации образования. Он усиливает практическую направленность обучения, а устная история как раз позволяет активизировать ее. Связано это с тем, что она, с одной стороны, погружает участников в процесс создания документов, с другой стороны, созданные на протяжении ряда лет коллекции устных исторических источников позволяют организовать с ними работу на учебных занятиях при изучении новейшей истории.

Руководителю устноисторического проекта или программы по устной истории важно грамотно определить место этих источников в учебно-методических комплексах, программах и модулях курса «История России в XX–XXI веках». Использование сравнительного анализа и сопоставление устных источников особенно эффективно при изучении и исследовании острых дискуссионных проблем XX столетия.

Введение в учебный процесс устных исторических источников создает новое поле деятельности для методистов. Необходимо разработать приемы работы с ними при организации как коллективной работы на занятиях, так и самостоятельной познавательной деятельности студентов и учеников. На сегодняшний день методисты традиционно уделяют основное внимание письменным источникам. Существует целый комплекс научно-методических пособий по организации

¹ Коллингвуд Р. Идея истории: Автобиография. М., 1980. С. 235.

работы с опубликованными документальными источниками. Меньше проработаны вопросы организации работы с архивными источниками и совершенно отсутствуют специальные исследования, посвященные методике использования устных источников в школьном и вузовском обучении истории. Поэтому особенно важны научно-методические наработки по обучению старшеклассников приемам работы с устными историческими источниками на примере курса истории России XX–XXI вв.¹, выполненные коллективом методистов из Новосибирского государственного педагогического университета. Ими рассмотрены теоретические основы обучения старшеклассников приемам сбора устных исторических источников и работы с ними на уроках, разработана методическая модель процесса обучения старшеклассников приемам работы с устными историческими источниками, определено место устных исторических источников в школьном курсе истории России, сформулированы практические рекомендации учителям по их использованию.

Использование «устного архива» в происходящих в дидактике процессах персонализации и индивидуализации обучения является одним из важных путей повышения эффективности учебного процесса и реализации новых принципов обучения. Широкое использование устной истории в работе образовательных учреждений обусловлено также необходимостью привлечения нового материала при изучении и освоении истории на занятиях и при подготовке к ним. Методика работы с устными историческими источниками является важнейшей составляющей модернизации исторического образования. Она должна попасть в поле зрения методистов.

В данном пособии методика работы с устными историческими источниками в аудиторной и самостоятельной учебной работе не рассматривается.

¹ Лейбова Е. К. Методика обучения старшеклассников приемам работы с устными историческими источниками (на примере курса истории России XX–XXI вв.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006; Она же. «Живая история XX века»: устные источники в обучении истории // Вестн. Новосибирск. гос. ун-та. 2006. Т. 5, вып. 1 (доп.): история. С. 134–138; Она же. Потенциал устной истории в решении задач профильного обучения истории // Проблемы социогуманитарного образования. Барнаул, 2005. С. 19–22; Она же. Обучение старшеклассников приемам анализа устных исторических источников // Перспективы исторического и культурного образования в вузе и школе: теория и практика. Новосибирск, 2006. С. 61–71.

Устная история в научно-исследовательской и поисковой работе. Главной целью данного пособия является методическая разработка интервьюирования, документирования, архивирования и интерпретации устных исторических источников. Рассмотрены вопросы создания новых исторических источников и их использования в научно-исследовательской работе в образовательных учреждениях разного уровня: общего среднего образования, с профильной исторической подготовкой (лицеи, гимназии), на исторических факультетах вузов, а также в работе музеев, архивов, просветительных и мемориальных учреждений.

В научной, исследовательской и поисковой деятельности устная история предоставляет учащимся и студентам возможность стать настоящими исследователями информационной историко-культурной среды того населенного пункта, в котором они проживают, беседовать с участниками, свидетелями и очевидцами исторических событий, процессов и явлений недавнего прошлого. Устная история позволяет молодым исследователям выступать в роли «ученых», начиная от постановки исторических проблем и выбора изучаемых тем, записи устных жизненных версий и субъективных описаний прошлой жизни, фиксации индивидуальных и семейных историй, отражающих недавнее прошлое во всем его многообразии и противоречивости, интерпретации устных исторических источников – и заканчивая самостоятельным научным историописанием. Практически нет таких проблем в недавней истории современного общества, о которых исследователь не мог бы получить информацию, обратившись с вопросниками к различным слоям населения.

Важно, что устная история предлагает новые подходы в исследовании прошлого – через изучение субъективного начала в истории, массового и индивидуального исторического сознания россиян XX в., механизмов исторической памяти. Создаваемая «устными историками» источниковая база расширяет поле деятельности историка-исследователя. Занятие устной историей формирует умение работать с разного вида источниками и критическое отношение к ним.

В отличие от историка-хроникера или историка-летописца, выстраивающего цепь исторических событий в хронологической последовательности и выступающего в роли следователя («когда?», «где?»

«как?», «почему?» и «кто?» — и в достижениях и в провалах), устный историк реконструирует историческую жизнь во всем ее многообразии, рассматривая повседневную атмосферу изучаемой эпохи. Для него важнее знать, как жили люди, как на их жизнь влияли события, как ощущения, установки, системы ценностей людей влияли на события, и т. д. В этом отношении устная история отвечает на вызовы современности, обусловленные антропологизацией и гуманизацией исторических знаний, и меняет ракурс исторических исследований: «человек в истории» или «история в человеке», соотношение истории и человеческой памяти.

Научное назначение устной истории состоит в том, что она учит самостоятельно разбираться в прошлом, давать оценки событиям и явлениям новейшей истории, минимизировать политическое и идеологическое давление СМИ, ангажированных публицистов, политиков и историков, формировать свою точку зрения. Это большое приобретение для историка, поскольку история, как никакая другая социогуманитарная наука, используется правящими партиями или властью, особенно в тоталитарных государствах, для обработки сознания массового обывателя. У историков всегда существует тяга к независимости научного суждения. В зарубежной практике появился даже термин «независимый историк» в противовес «официальному историку».

Важным условием организации самостоятельной научно-исследовательской деятельности и развития творческих способностей является работа по созданию архива устной истории в образовательном учреждении. Для российского исторического образования и исторической науки стремление к независимости и правде является необходимым условием развития, так как длительное время историческая правда отражалась лишь в источниках устного происхождения или оставалась невысказанной. В историографии XX в. существовали «паузы», умолчания, запрещенные темы, искажения: темы раскулачивания и репрессий в советской историографии; застоя или индустриального развития и патриотического воспитания в «постсоветской историографии». Отношение к истории как идеологическому оружию вело в прошлом и проявляется в настоящем не только в рецензировании и редактировании печатных произведений, но и в чистке

и унификации архивов: тенденциозном отборе документов, сдаваемых на хранение, и создании закрытых фондов.

Это осложняет формирование адекватной источниковой документальной базы, влияет на качество исследовательских работ, на интерес к истории. Например, комплектование и издание в советское время сборников воспоминаний, используемых до сих пор в учебных заведениях, преследовало ряд пропагандистских и идеологических целей, и прежде всего формирование советских ценностей, создание образа героя советской эпохи и т. д. Примеры – опубликованные сборники отредактированных мемуаров, писем, дневников по Великой Отечественной войне, целине, индустриальным стройкам, таким как ДнепроГЭС, БАМ и др. Например, по истории БАМа были собраны воспоминания только той категории участников, которые являлись «комсомольцами-добровольцами». Наряду с ними государство использовало труд заключенных из колоний и тюрем Сибири, но писать об этом было запрещено. Публикация документов личного происхождения была поставлена под контроль, материалы подвергались цензуре. В настоящем учебном пособии содержатся рекомендации по формированию устных архивов для изучения подобных «белых пятен» истории, запрещенных или искаженных тем и проблем.

Дополнение традиционных письменных источников и архивных документов устноисторическими материалами в исследовательской работе школьников и студентов создает комплексную базу, на основе которой могут быть реализованы принципы формирования научно-мыслительной деятельности:

- 1) анализ и сравнение нескольких источников информации, содержащих противоположные точки зрения или противоречивые сведения;
- 2) оценка степени субъективности и достоверности источника, умение извлекать из него новую информацию;
- 3) самостоятельное описание и объяснение предварительно не изучавшихся общественных явлений;
- 4) формирование собственной точки зрения при отсутствии каких-либо предложенных толкований, а также точки зрения, отличной от всех предложенных¹.

¹ Безносков А., Кушнарева Ю. О стандартах образования // История: еженед. прил. к газ. «Первое сентября». 1996. № 48. С. 2.

Значение устной истории для организации научно-исследовательской работы в системе образования определяется в первую очередь доступностью устных исторических источников и возможностью создавать при образовательных учреждениях устные архивы. В любом населенном пункте (городе, селе) имеется огромное информационное поле, позволяющее организовать создание новых документов. Особенно благоприятны условия для этой работы у учителя сельской школы. Проживая длительное время в одном населенном пункте, хорошо зная односельчан, их возраст, информированность о прошлых событиях, историю села и окрестных мест, преподаватель может профессионально организовать устноисторические исследования, выделить приоритетные направления и первоочередные проблемы, обязательно учитывая возраст информантов и степень их участия в событиях. При этом он имеет возможность брать исторические интервью в первую очередь у самых старших носителей информации, планировать перспективные направления работы на несколько лет вперед, исходя из региональных особенностей исторического процесса.

Преподаватели образовательных учреждений города также могут систематически вести работу по созданию устных источников, многократно посещать интересных информаторов, дорабатывать интервью. Стационарную работу в городе целесообразнее вести по тематическим проектам и работать с определенными группами респондентов, делая выборку адресатов через учреждения соответствующего профиля (Пенсионный фонд, комиссию по реабилитации, органы социальной опеки, советы ветеранов предприятий, учреждений, общественных объединений и т. п.). Преимущества стационарной работы позволяют регулярно пополнять «архивы устной истории», в которых организуется работа учащихся и студентов. Для коллектива же сельских исследователей такой архив в определенной степени компенсирует отсутствие государственных архивохранилищ, фондов региональных музеев и областных или краевых библиотек. Создаваемые в учебных заведениях устные исторические архивы могут быть информационными историко-краеведческими банками. Для этого материалы опросов, содержащиеся в них, должны дополняться другими документальными материалами — фотография-

ми, газетными вырезками, письмами, дневниками, вещественными памятниками прежней жизни.

Для исследовательских коллективов образовательных учреждений эффективной формой работы являются экспедиционные исследования. В ходе их, располагая достаточным временем, удобно проводить коллективные занятия со студентами или учениками по научно-методической подготовке материалов опроса, отрабатывать методику интервьюирования, способы фиксации устных материалов и навыки обращения с техническими средствами, а вечерами обсуждать результаты проведенных интервью, корректировать коммуникативные и исследовательские умения и навыки, выявлять перспективные направления устноисторических исследований. Важна и привлекательная для подростков и юношей романтика полевой работы и тесного общения сверстников.

В настоящем пособии большое внимание уделено определению места информационных банков устных исторических источников в системе государственных учреждений, его использованию профессиональными сообществами историков. Даются рекомендации по установлению рабочих и творческих связей устных архивов образовательных заведений с региональными государственными архивами и музеями. Руководителям учебных заведений надо учитывать огромный научный потенциал создаваемых, или «фабрикуемых» (англ.), устных источников и побеспокоиться об их судьбе: наиболее интересные из них должны передаваться на государственное хранение. Условия передачи материала, время и авторские права должны оговариваться в договорах, заключаемых между организациями — создателями документов и их «сохранителями».

Социальное и воспитательное значение устной истории. В учебном пособии опосредованно даются рекомендации по воспитательной работе и организации общественной жизни коллектива образовательного учреждения. Воспитание через историю является эффективным способом влияния и обусловлено большим социальным зарядом устной истории.

Практически каждый школьный или вузовский коллектив, муниципальный или общественный музей может заниматься историей места, где он находится. В свое время в зарубежной практике в связи

с широким привлечением устной истории так называемых «босоногих историков» у профессионалов возник спор о целесообразности и возможности их участия в устноисторических исследованиях наряду с академическими историками. Спор закончился победой сторонников широкого привлечения к работе всех интересующихся, чьими стараниями будут создаваться новые исторические источники.

Устная история несет в себе большой социальный заряд, способствует диалогу поколений, взаимопониманию отцов и детей. Немецкий ученый Ф. Ульрих сформулировал этот принцип так: «История не должна создаваться только специалистами и только для специалистов. Ее следует писать и изучать так, чтобы в этом участвовало возможно больше граждан, чтобы ее могли понимать все»¹. А в Швеции возникло целое движение, названное по книге журналиста С. Лидквиста: «Копай, где стоишь». Одним из примеров такой работы являлось издание книги об истории квартала Хохлармарк г. Реклингсхаузена, написанной группой инициаторов кружка любителей истории, назвавшей себя «Вы еще помните?» Группа «еженедельно устраивала вечера с жителями квартала, собирала рассказы о прошлом квартала, о том, как жили и работали в разное время, о чем думали, спорили, чему радовались и огорчались, как относились к событиям в стране жители этого рабочего квартала... Многие материалы целиком вошли в подготовленную книгу... о возникновении поселка Хохлармарк, миграции населения, занятиях жителей, труде горняков, повседневной жизни их семей, об участии рабочих в ноябрьских событиях 1918 г., в сопротивлении фашистской диктатуре, отражении в этом горняцком квартале „экономического чуда“ 50-х гг.»².

Социальное значение устной истории обусловлено самим характером устноисторической деятельности — взаимодействием младшего поколения со старшим (отцами, дедами, прадедами). В послевоенной постфашистской Германии немецкое общество, пытаясь выйти из кризиса, в поисках национальной идеологии, в условиях общественного покаяния, конфликта поколений дедов, отцов и де-

¹ Цит. по: *Оболенская С. В.* История повседневности в современной историографии ФРГ// *Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры.* М., 1990. С. 186.

² Там же. С. 187.

тей и осмысления произошедшего в 1933–1945 гг. обратилось к устной истории. В образовательных заведениях была проведена большая работа по сбору воспоминаний о жизни простых людей фашистской Германии, их отношении к нацистскому режиму и самому Гитлеру. Девизом стала простая, понятная всем фраза: «Мама, расскажи мне что-нибудь о Гитлере»¹.

Зарубежные устные историки находят много аналогий между послевоенной постфашистской Германией и постсоветской Россией. В России в 1990-е гг. не без помощи политиков и идеологов также сформировалось противостояние старшего поколения — «коммунистов» — и нового поколения — «демократов». Восстановить прерванную связь поколений возможно в том числе с помощью устной истории через организацию диалога между советскими поколениями отцов и дедов и современной молодежью.

В учебном пособии нет прямых методических рекомендаций по воспитательной работе, по использованию аудио- и видеоматериалов в воспитательных мероприятиях, материалов интервью в периодической печати. Но именно через расспрос, беседу, интервью рядовых «строителей советской эпохи» восстанавливается уважение к старшему поколению, его созидательному труду, самоотверженности, трудовым и боевым свершениям; формируется положительная оценка исторического прошлого через познание повседневной жизни старшего поколения, человеческих взаимоотношений, преодоленных трудностей. Обыденное прошлое старшего поколения содержит эмоционально окрашенные героические и трагические страницы, благодаря знакомству с которыми воспитание из сферы общих рассуждений переходит в область воссоздания реальных исторических корней, чувства исторического достоинства, уважения и гордости за свой народ, за его историю. Участие в устноисторических исследованиях дает возможность почувствовать «дыхание истории», понять, что каждый человек является ее участником. Без гордости молодых граждан России за старшие поколения и историческое прошлое невозможно создать будущее. Устная история способствует социализации учащихся и студентов в современном поликультурном модернизируемом обществе.

¹ Никитина Д. Проблемы устной истории на VII Международной конференции // История СССР. 1990. № 6. С. 211.

Частью воспитательной роли устной истории является приближение к истории. Осуществляется важный принцип сопричастности: «история рядом с вами, может быть, в вашем доме». Познание сложности исторического пути народа, сопоставление противоречивых, взаимоисключающих оценок и представлений ее участников заставляет субъектов устноисторических исследований думать, на уровне формирования собственного мироощущения и мировоззрения решать сложные исторические задачи. Это способствует формированию активной жизненной позиции.

Воспитание историей является эффективным прежде всего в соприкосновении с живой историей, так как оно осуществляется не на основе политизированных штампов или идеологических лозунгов, а на примере рядовых ее участников, простых тружеников (представителей старших поколений семьи, земляков и т. д.), путем формирования уважения к их труду и жизни. Негативный опыт обезличивания и «приглаживания» массовой истории, героизация отдельных событий и личностей, тенденциозные оценки политических и общественных деятелей в советские десятилетия и последовавшее за этим крушение оторванных от жизни идеалов и героев способствовало отчуждению и непониманию между поколениями, формированию скептического и циничного отношения к труду и даже жизни старшего поколения, потере общечеловеческих ценностей, разочарованию в собственной истории, противостоянию «детей и отцов».

Реализация важного назначения истории — укрепления гордости за свою Родину и любви к ней — возможно только через формирование уважения к истории малой родины, гордости за жизнь и труд старших членов семьи, земляков. Участие в устноисторических исследованиях в значительной степени воспитывает стремление не к абстрактным целям построения «светлого будущего», а к вполне достижимым: быть опорой и преемником старших поколений — дедов, отцов, сохранять культурно-историческое наследие предыдущих поколений. В ходе устноисторических исследований прививаются навыки общения с людьми, старшие поколения раскрываются с положительной стороны: их отношение к труду, семье, селу, жизненные принципы, преодоление трудностей, вклад в развитие села, города, края и т. д. Устанавливается тесная связь образовательных учрежде-

ний с производственными коллективами, учреждениями науки и культуры, администрациями населенных пунктов и другими субъектами регионального сообщества.

Устная история и краеведение. Наряду с методическими вопросами обеспечения устноисторической работы в образовательных учреждениях в учебном пособии обращается внимание на научное обоснование устной истории в краеведении.

Опрос всегда использовался в краеведческой исследовательской и поисковой работе. В краеведении России элементы устной истории широко применялись и в XIX в., и на протяжении всего XX в.; в начале XXI в. сформировались традиции опроса старожилов, или, как называли их краеведы, «бывалых людей». Нельзя не отметить большие заслуги краеведов в изучении на основе опроса участников и очевидцев истории революционного движения, истории заводов и фабрик, колхозно-совхозного строительства, патриотических настроений на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны, освоения целины и т. д. Советское краеведение отличалось массовым комплектованием фондов школьных музеев, комнат боевой и трудовой славы, ленинских комнат воспоминаниями, биографиями, рассказами участников тех или иных событий. Но и по содержанию, и по форме краеведческая и поисковая работа лишь отчасти напоминала устную историю, так как не отвечала требованиям устноисторических технологий создания источников, их документирования, архивирования и интерпретации. Отсутствие научно обоснованной методики беседы приводило к потере научной ценности полученных материалов. Происходило это как на уровне фиксации информации, так и на уровне ее интерпретации.

Занятие устной историей требует определенных профессиональных качеств и серьезной предварительной подготовки. К сожалению, любители старины, годами собирая устные рассказы, зачастую не учитывали обязательных требований, предъявляемых к исследовательской беседе и научной записи. Неправильно проведенные опросы и неправильно оформленные записи не могут быть введены в научный оборот. Необходимо владеть методикой создания исторического источника на основе интервьюирования или других видов опроса.

Такие устные исторические источники, как свидетельства участников или очевидцев событий, зафиксированные специалистами с использованием современных технических приемов, являются достижением лишь последних десятилетий. В учебном пособии рассматриваются технологии устной истории применительно к краеведению. Устноисторические исследования в музеях, учреждениях культуры должны выполняться с соблюдением формальных требований: научно-методического и технического обеспечения интервью, правильного оформления и хранения источников, программного сопровождения. Необходимы профессионализм интервьюеров, расширение и углубление научной тематики.

Таким образом, можно подвести итоги и ответить на вопрос, зачем и кому нужна устная история.

1. Устная история одновременно может служить и инструментарием большой науки, и учебно-методическим инструментарием в организации массовой исследовательской работы в образовательных учреждениях разного уровня и в учебно-воспитательной практике.

2. Она доступна для исследователей всех уровней – от маститого ученого до начинающего исследователя-школьника благодаря тому, что ее методика вполне по силам им, а среда, в которой они проживают, является информационным полем.

3. Она привлекательна для молодых исследователей своими креативными технологиями и концентрацией дискуссионных вопросов и проблем. Благодаря органичному сочетанию традиций и новаций и широчайшему тематическому спектру исследовательских тем она может использоваться самым широким кругом исследователей, прежде всего региональной истории.

4. Уникальность устной истории состоит в том, что она также может использоваться в поисковой и исследовательской работе тех учреждений и коллективов, которые занимаются не только образовательной, но и культурно-массовой и просветительной деятельностью.

Введение

Цель, задачи и структура учебного пособия. Целью настоящего учебного пособия автор ставит разработку научной методики создания и использования новых (устных) исторических источников в научно-исследовательской работе образовательных учреждений различного уровня, музеев и индивидуальных исследователей. Опосредованно решаются задачи, связанные с социальным оздоровлением общества, организацией воспитательной и другой внеаудиторной работы, а также с модернизацией учебного процесса и новыми образовательными технологиями. В соответствии с акцентом на использование устной истории в научных исследованиях сформулированы задачи учебно-методического текста и сформирована структура учебного пособия.

Определение устной истории составляет содержание *первой главы*. Устная история, как и многие другие молодые научные дисциплины, не имеет устоявшегося категорийного аппарата. Многие ее дефиниции, в том числе и само определение, находятся в центре научных дискуссий. Поэтому в первой главе характеризуются наиболее распространенные концептуально-теоретические подходы и авторская позиция.

Главы *вторая, третья, четвертая, пятая и шестая* посвящены собственно созданию, документированию, архивированию и интерпретации устных исторических источников. Во *второй и третьей* главах рассматриваются методы устной истории, прежде всего методики и технологии интервью и интервьюирования. Внутренняя структура обеих глав отражает этапы процесса подготовки и проведения опроса. В частности, при рассмотрении подготовительного этапа (глава 2), который по содержанию определяется как обучение исследовательской группы и разработка научно-методических и практических материалов интервью, даются рекомендации по выбору направлений исследования, созданию программы или проекта устной истории, погружению исследователя в изучаемую тему, со-

ставлению вопросников, характеризуются типы вопросов, анализируются проблемы подбора респондентов.

При характеристике основного этапа интервью (глава 3) даются рекомендации по проведению опроса и фиксации устной информации. Для научного обеспечения проводимого опроса в этом разделе определяются типы, логика и этапы проведения исторического интервью, даются методические советы по установлению контакта и сотрудничества с интервьюируемым, характеризуются категории респондентов и показаны способы стимулирования рассказчиков, диктуются успешные условия проведения интервью, принципы оформления паспорта устного источника. Большое внимание уделяется морально-этическим принципам интервьюирования и поведения исследователя. Предлагается кодекс интервьюера.

В *четвертой и пятой* главах описывается завершающий этап создания устного исторического источника, который состоит в документировании (транскрибировании и оформлении) материалов интервью с последующим их архивированием и созданием так называемых устных архивов. Описываются системы хранения материалов исследовательского интервью и доступа к ним.

В *шестой* главе рассмотрена сфера использования устных исторических источников. Самостоятельное внимание уделяется формам и способам публикации первоисточников, обобщается опыт введения устных исторических источников в научные исследования, характеризуются приемы их интерпретации и рассматриваются ошибки, допускаемые при работе с ними.

Седьмая и восьмая главы посвящены междисциплинарному значению устной истории. Прикладное значение устной истории рассматривается на примере использования ее методов и источников в исследованиях социогуманитарных дисциплин, таких как социальная история, этнография, музеология, военная антропология, история повседневности, ментальная история и архивоведение. Характеризуются перспективы, пути и формы сотрудничества.

В конце каждой главы даются вопросы для проверки усвоенного для обсуждения на семинарах для самоконтроля. В этом же блоке предлагаются задания по решению проблем, связанных не только с усвоением материала, но и с овладением методикой научно-исследова-

тельской работы. Приводятся примеры, с помощью которых не просто изучается устная история, но и формируется особый образ мысли.

Приложения содержат методические материалы по организации и развитию устной истории. В приложении 1 предлагаются методические рекомендации по подготовке научно-исследовательского коллектива устных историков. В приложении 2 дана программа учебного курса по устной истории. В приложениях 4 и 5 предлагаются программы и вопросники по изучению истории, культуры, ментальности, этничности и других параметров изучаемого общества в ту или иную эпоху.

Учебный курс рассчитан на 30 часов аудиторных занятий (22 часа лекций и 6 часов практики).

Специфика устной истории состоит в том, что студент не является простым реципиентом готового знания, получаемого от преподавателя. Необходимо формировать у него исследовательские компетенции, используя для этого научно-исследовательскую практику в магистерских программах; архивную, музеологическую или педагогическую – в программах бакалавриата и специалитета. Более того, студент является полноправным участником исследовательского процесса. Чтобы вооружить его технологиями устной истории, его необходимо включать в реализацию научных проектов и программ по устной истории, он должен совместно с руководителем участвовать в процессах создания, документирования и архивирования устноисторических источников. При таком подходе преподавание устной истории больше похоже на стажировку молодых исследователей, когда преподаватель и студенты вместе идут к открытиям, являются исследователями той или иной исторической проблемы в рамках научного проекта, который определяет задачи и цели исследования. При этом опыт и навыки преподавателя помогают молодому исследователю не сбиться с пути. В освоении устной истории каждый изучающий ее студент с самого начала является исследователем. Особенностью овладения и занятия устной историей является то, что поле исследования окружает начинающего устного историка, где бы он ни жил. Поэтому в ходе освоения курса устной истории он должен сразу включаться в исследование окружающей его информационной среды.

Образовательные программы высшего профессионального образования. Учебное пособие ориентировано на подготовку специалистов в сфере образования, прежде всего по укрупненной группе специальностей «Образование и педагогика» ГОС ВПО по направлению подготовки 050400.62 и 050400.68 «Социально-экономическое образование» и специальности 050401.65 «История», а также по направлению 030000 «Гуманитарные науки» в программах таких специальностей высшего профессионального образования, как 030401.65 «История», 030402.65 «Историко-архивоведение», 031502.65 «Музеология», 032301.65 «Регионоведение», и по направлению 040000 «Социальные науки» по специальностям 040201.65 «Социология», 040101.65 «Социальная работа» и др.

Устная история: метод, источник и направление исторических исследований

Что такое устная история? Условия и факторы формирования устной истории

Устная история – довольно молодая научная дисциплина, сформировавшаяся в середине XX в., однако истоками она уходит в далекое прошлое. В ее определении существует много дискуссионных моментов. Во-первых, сложно точно указать предмет изучения. Во-вторых, часто поднимается вопрос о самостоятельности устной истории как научной дисциплины: кто-то воспринимает «устную историю» как устную информацию в разных формах – от слухов и воспоминаний до былин, кто-то признает ее новым методом исторических исследований, другие видят в ней новационное направление исторических исследований или новую историческую дисциплину.

Устная традиция, бесспорно, является самой древней формой трансляции информации от человека к человеку, от поколения к поколению. Устный источник был первым историческим источником, нашедшим применение в исследовательской практике. Свидетельства очевидцев событий в своих трудах использовали еще древнегреческие и римские историки: Геродот, Плиний, Тацит и др. После появления письменности и письменных источников, книгопечатания и архивохранилищ приоритет устной традиции был утерян, устный источник отошел на второй план.

Вторая половина XX столетия стала периодом становления устной истории как самостоятельной отрасли исторической науки. Иногда историки называют этот период «ренессансом» или «возрождением» устной истории. Среди целого комплекса причин, условий и факторов ее оформления следует выделить три. На первом месте стоит появление и совершенствование технологий записи и хранения аудио- и визуаль-

ной информации. Появление фонографов на рубеже XIX–XX вв., массовое производство магнитофонов со второй половины XX в., появление доступной цифровой аудио- и видеотехники с конца XX в. сделало фиксацию устных свидетельств надежной и доступной для широкого круга исследователей и сняло проблему недоверия к исследователю, ранее фиксировавшего устную информацию вручную.

Вторая причина, гносеологическая, заключалась в наступившем в середине XX в. кризисе традиционной позитивистской истории и в так называемых междисциплинарных переворотах второй половины XX в. (лингвистическом, социологическом, антропологическом и др.), приведших к пересмотру предмета, методов, принципов, теорий, методологий и источников исторических исследований. В поле зрения академической науки попали ранее игнорировавшиеся проявления прошлой жизни — образ жизни людей, их поведение, ментальность, идентичность, этничность, жизненные установки, представления, оценки ими событий, слухи, повседневность и др. Расширение и усложнение исследовательского поля привело к усилению междисциплинарных связей истории с другими социальными и гуманитарными науками. На стыке междисциплинарных исследовательских технологий и/или вследствие заимствования методов исследования этих наук зарождались новые субдисциплины или направления исторических исследований. Устная история обязана своим возникновением взаимодействию истории прежде всего с социологией, лингвистикой, культурной антропологией.

На третьем месте среди факторов формирования устной истории стоит комплекс проблем, связанных с состоянием источниковой базы исторических исследований. В силу объективных и субъективных причин сформировавшиеся на протяжении нескольких столетий фонды государственных архивохранилищ оказались не готовы к новым запросам историков. Во-первых, они были укомплектованы преимущественно официальными документами, отражающими государственную жизнь, делопроизводственной документацией, статистической информацией по функционированию государства, больших социальных групп, экономическому развитию и т. п. В них отсутствовал «человеческий материал», необходимый для полноценной реконструкции исторической жизни. Во-вторых, советские государст-

венные архивы в условиях тоталитаризма, волюнтаризма, партийно-идеологической цензуры XX в. жестко контролировались. Регламентировался доступ ко многим тематическим коллекциям документов, засекречивались дела и фонды. Во многих темах образовались так называемые «белые пятна», или «лакуны». В результате документы даже по такому массовому историческому явлению, как раскулачивание и репрессии, оказались недостаточно пригодными для исторического анализа. Большинство их написано по единому шаблону и различается только именами, фамилиями, датами и местами рождения. Трафаретностью отличаются и немногочисленные документы личного происхождения, например воспоминания красных партизан, ветеранов войны и труда. В-третьих, крайне скудно комплектовались архивы в 1990–2010 гг. В результате совпадения двух процессов: реструктуризации и децентрализации архивов, с одной стороны, и начавшейся приватизации, реструктуризации предприятий, учреждений, организаций, с другой стороны — значительная часть документов погибла. Это создало огромные трудности для историков, занимающихся постсоветской историей. Практически остались без письменных документов все перестроечные и постсоветские эксперименты в банковской и промышленной сферах, в аграрном секторе и т. д.

Эти и еще целый ряд причин и условий способствовали возникновению устной истории сначала как нового подхода к изучению исторического прошлого, а затем как самостоятельной исторической дисциплины. Наиболее простое и доступное определение принадлежит А. И. Филюшкину, который определяет устную историю исключительно как «научную дисциплину, обладающую собственным методом исследования — интервью, с помощью которого осуществляется фиксирование субъективного знания отдельной человеческой личности об эпохе, в которой жил человек»¹. Однако оно не дает характеристики аспектов, позволяющих признать устную историю самостоятельной дисциплиной. Можно было бы ограничиться формулировкой, согласно которой устная история как сфера социогуманитарных исследований изучает человеческое общество, а как сфера исторических исследований — его прошлое. Но правильнее сказать,

¹ Филюшкин А. И. Методические указания по проведению исследований по устной истории [Электронный ресурс] // Наш политех. URL: <http://www.nashpolytech.ru>.

что устная история изучает не столько прошлое человеческого общества, сколько человеческое общество в прошлом, а точнее, представителей конкретного сообщества или социума, составляющих единое общество в определенный отрезок времени.

Конечно, как известно, «определение границ конкретного общества столь же неразрешимо, сколь и задача разграничения исторических эпох»¹. Но особенностью устной истории является изучение не только людей того или иного исторического времени, но и – вместе с ними – самого этого исторического времени, что позволяет видеть прошлое совершенно по-новому: не так, как оно интерпретируется в официальных изданиях, схематично излагается в учебных пособиях или оценивается политиками или идеологами. В определенном смысле устная история не столько вооружена конкретными фактологическими (событийными) знаниями об обществе, сообществе, сколько формирует иное восприятие исторической действительности, дает иные способы оценок прошлого.

В этом смысле устная история не является дисциплиной с устойчивой суммой знаний, которые можно передавать, как это делает бытовая, экономическая или политическая история. Устная история, как и ментальная, гендерная или повседневная история, отличается собственным путем исследования и проникновения в прошлое, при этом, как и все дисциплины, она имеет свои методы получения данных и их анализа, тематику и проблематику, собственную источниковую базу, теоретические и методологические подходы. Это позволяет определить устную историю как *историческую дисциплину, отличающуюся собственным концептуальным подходом к изучению исторической действительности через «человека в истории», «историю изнутри» в интерпретации ее массовыми участниками («история снизу», демократический подход) и представителями «высших этажей» общества (элитарный подход), изучающую «человеческое измерение истории» и имеющую собственные методы исследования, основанные на опросе, прежде всего путем организации исследовательских интервью с участниками и очевидцами исторических событий, явлений и процессов, для создания нового типа ис-*

¹ Инголд Т. Предисловие // Барнард А. Социальная антропология. Исследуя социальную жизнь людей. М., 2009. С. 10.

точника – устных исторических источников, содержащих массовые или индивидуальные исторические представления о недавнем прошлом.

При этом необходимо отметить, что устная история как консолидированное самостоятельное направление исторических исследований опирается на прочные междисциплинарные связи, а дифференцируясь по тематическим и предметным полям, она может использоваться как метод и источник в других, таких же синтезированных исторических дисциплинах и направлениях, а также социогуманитарных исследованиях (социальная история, историческая психология). Однако устная история вторгается и в такие сугубо консервативные исторические дисциплины, как экономическая история, история науки и техники и др. В синтезированном или интегрированном виде она вбирает в себя все эти междисциплинарные связи и образует самостоятельное предметное поле. Любой устноисторический тематический проект или научно-исследовательская программа в комплексе отражает прошлое глазами очевидцев и участников истории новейшего времени. Следовательно, дальнейшее развитие устной истории и совершенствование научно-методического материала способствует развитию других исторических дисциплин и социально-гуманитарных наук, равно как и успехи самой устной истории зависят от них. На современном этапе устная история имеет колоссальное развитие в мире и получила признание в академической науке.

Устные исторические источники

Как одно из новейших направлений исторического исследования, устная история базируется на использовании источников устного происхождения. Их видовая самостоятельность не вызывает сомнений. В современной исторической науке к историческим источникам принято относить все свидетельства прошлого, запечатлевшие культурные смыслы, образы, варианты своего времени и попавшие в сферу внимания исследователя¹. Таким образом, устный исторический источник отвечает представлениям об источниках.

¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 30–38; Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 82–84; Репина Л. П., Зверева М. Ю., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 31–34; и др.

За рубежом существует очень широкий спектр толкований понятия устных источников. Например, они определяются как «неформальные разговоры о „старых временах“ среди членов семьи, соседей или коллег по работе», «истории, рассказанные кем-либо о прошлых и настоящих впечатлениях» или «записи интервью с людьми, обладающими важной и полезной информацией», и т. д.¹ Объединяет все определения прежде всего хронологическая ограниченность оценок или описания прошлого собственным эмпирическим опытом рассказчика. С учетом того, что фундаментом исторического познания являются исторические источники, на основе информации которых историк воссоздает образ прошлого, с помощью устных исторических источников в разных вариантах и интерпретациях воссоздается доступное по времени недавнее прошлое – как правило, события, явления и процессы новейшей истории.

Отличительным признаком устного исторического источника является также индивидуальность и субъективность информации, отражающей жизненный опыт конкретного человека как участника или очевидца исторических явлений и процессов, его личные оценки и представления. Об этом говорится и в определении устноисторического источника, принадлежащем исследователям ведущего центра устной истории США в Индиане, как материалов «устноисторического интервью»: «С его помощью можно собрать материал о прошедших событиях у свидетелей и участников этих событий. Устная история базируется на памяти, а память, в свою очередь, является субъективным способом фиксации прошлого, включающим в себя современную переоценку давних событий и индивидуальную психику человека. Устная история может установить, как индивидуальный опыт и впечатления могут повлиять на прошлое и как прошлое влияет на настоящее»². В этом определении важен ряд ключевых признаков: во-первых, «субъективный способ фиксации прошлого», во-вторых, «современная переоценка давних событий и индивидуальная психика человека»: источник дважды субъективен, так как не свободен от влияния последующего жизненного опыта человека.

¹ См.: <http://historymatters.gmu.edu/mse/oral/what.html>.

² What is Oral history? [Электронный ресурс] – Indiana: Indiana University Center for the Study of History and Memory. URL: <http://www.indiana.edu>.

Следовательно, он дает историку информацию, как жизненный опыт и политика влияют на оценку исторического прошлого и как историческое прошлое влияет на ход и содержание текущих исторических процессов.

Вместе с тем необходимо помнить, что в существующей не одно десятилетие практике под устными источниками понимается буквально любой информационный продукт в устной форме. В наши дни к определению источников устной истории существуют разные подходы. Водораздел пролегает между продуктами устной традиции, такими как предание, эпос, ритуально-обрядовые песни, и устной историей как материалами исследовательского интервью. Есть точка зрения о включении в устную историю и тех и других источников. Примером признания источников устной истории как многовидового комплекса устной информации является позиция авторов коллективной монографии фонда «Heritage Lottery Fund», посвященной описанию проектов устной истории: «...Устная история — это свидетельство из самых первых рук, но это также и традиции и истории, передаваемые из поколения в поколение, из уст в уста»¹. Таким образом, источник рассматривается и как устный исторический, и как фольклорно-исторический (там, где речь идет о традиции). П. Томпсон отнес данное понятие к устной традиции².

По нашему мнению, историк-исследователь может работать с разными видами устных источников: и историческими (устный исторический источник), и фольклорно-этнографическими (устная традиция), и социологическими (биография и материалы социологического мониторинга). Основанием к этому служит сама природа источника — устность, а также базовые компоненты и закономерности его формирования и функционирования: переосмысление реальных событий через внутренний мир человека и его жизненный опыт, обусловленное традиционностью мировоззрения, ментальностью, особенностями личности носителя информации и т. д. Но как профессионал он не только фиксирует готовые формы устной традиции, но прежде всего целенаправленно сам создает источниковую базу по интересующим его историческим темам, проблемам, ис-

¹ Oral history projects. Helping your application. Cardiff, 2004. P. 5.

² Томпсон П. Голос прошлого: устная история: пер. с англ. М., 2003. С. 238.

следованиям, обращаясь к непосредственным участникам и очевидцам.

Устный историк относится к созданию источника как исследователь, осознающий его непреходящую значимость и изначально предполагающий его использование другими поколениями историков через формирование устного архива. Традиция летописания повлияла на ответственное отношение историков к созданию источников. Собственно, как Нестор писал «Повесть временных лет», как историки-монахи писали средневековые хроники, используемые современными исследователями, так и современный устный историк работает не только на себя, но и на будущее, фиксируя устные рассказы и свидетельства. Это отражено во многих определениях устной истории, в частности в определении Колумбийского офиса устноисторических исследований: «Устноисторическое исследование — это записанный на пленку разговор. Для того, чтобы получить конечный вариант, необходимо затратить много времени, но, используя технические средства, мы можем создать документ высокой ценности как для себя, так и для тех, кто придет после нас»¹.

Одним из спорных вопросов в определении видовых признаков устного источника является его форма. Одни авторы считают устным историческим источником только саму аудио- или видеозапись как подлинный первоисточник, позволяющий слышать и видеть, что сказал, хотел сказать и даже показать человек, пытаясь донести до собеседника собственную позицию, оценку событий и собственные представления. Поэтому они говорят о работе историка с фоно- или видеоматериалами интервью, без рукописного текста — транскрипта устного источника, во избежание его психологического воздействия. Больше всего они выступают против неизбежного влияния транскрибирующего человека на авторскую устную информацию в процессе перевода устной речи в письменную.

Другие предпочитают работать с транскриптами — письменными вариантами устных свидетельств, признавая их также источниками. Основанием к этому является не только более привычная форма документов и экономия времени при работе с ними, но и забота о сохране-

¹ What is Oral history [Электронный ресурс]. New York: Oral History Research Office, Columbia University. URL: <http://www.columbia.edu/cu/libraries/indiv/oral/summer.html>.

нии устных исторических источников. При всех технических достижениях аудиозапись уязвима, даже при условии ее оцифровки. В таком случае устные историки предъявляют большие требования к процессу транскрибирования и только при условии их соблюдения признают адекватность письменного источника устному. В частности, Канадская устноисторическая ассоциация расширяет рамки устного исторического источника до транскрибированного аналога: «Устная история прежде всего состоит из записи интервью с людьми о прошлой жизни, воспоминания от первого лица. Современная форма устноисторического документа — это запись человеческого голоса. Этот документ должен содержать информацию на звуковом носителе либо в транскрибированной форме»¹. В том же русле дает определение устного исторического источника С. Эверт: «Устноисторический материал — это аудио- и видеозаписи; транскрипции интервью; заметки, сделанные в ходе интервью, но не после; официальная звукозапись»².

Как видим, в историографии устной истории сложился значительный разброс в названиях устноисторических источников. Часть авторов, акцентируя внимание на форме их хранения, называют их «аудио-» и «фоноисточниками». Ближе к ним стоит определение «звуковой источник». В отечественную практику эти термины пришли в 1970-е гг. через архивоведение. Именно архивисты первыми освоили зарубежный опыт, поставили вопросы о признании и создании устных источников как аудиодокументов.

В 1990-е гг. устный источник стал прочно ассоциироваться с материалами интервью. Благодаря деятельности Е. С. Сенявской, считающей, что наибольшее влияние на формирование источников устной истории оказала социология, появился термин «историко-социологический источник»; близко к ним стоит термин, используемый московскими исследователями, — «материалы исследовательского интервью». На наш взгляд, наиболее адекватным является введенный и используемый нами термин «устный исторический источник», который отличается от «устного источника». Первый не существует в го-

¹ What is Oral history [Электронный ресурс] // Ottawa: Canadian Oral History Association. URL: <http://www.ncf.carleton.ca/oral-history>.

² Stephen E. Everett Oral history techniques and procedures // Center of Military History. United States Army. Washington, D. C., 1992. P. 3.

товом виде, а создается историком с помощью опроса (как правило, научно оформленные материалы интервью, беседы, расспроса и т. д.), а второй является продуктом устной традиции или устного народного творчества и существует в готовом оформленном виде (предания, легенды, присловья, были и т. д.).

Что касается места устных исторических источников в источниковой классификации, то представляется возможным отнести их к группе «документов личного происхождения» как самостоятельную разновидность. Особенность устного исторического источника состоит в том, что он содержит двойную информацию: фактологическую и оценочную. В отношении фактологической достоверности устных источников между историками идет спор, существует мнение об их ненадежности, отсутствии репрезентативности, объективности. Нельзя отрицать, что устные рассказы отражают историческую реальность лишь в том виде, в каком она «преломилась» в сознании очевидцев. Необходимо учитывать возможное искажение фактов (дат, имен, хронологической последовательности). Можно согласиться, что память «не дружит» с фактами в силу забывчивости людей, их предвзятости, избирательности в восприятии информации, подверженности влиянию политической или идеологической конъюнктуры. И тем не менее сведения, полученные методом опроса, могут стать отправной точкой для изучения нового, неизвестного в истории какой-либо территории, места, общества.

Необходимо подчеркнуть, что в устных исторических источниках наибольший интерес представляют все же не сами факты, а их оценки, представления о них, а также социокультурная, этноконфессиональная, ментальная и психологическая информация, отраженная в эмпирическом опыте человека — участника исторических событий, явлений, процессов. На современном этапе развития истории признается, что взгляды, жизненные установки, индивидуальные и массовые мнения индивида и самостоятельных социальных групп являются такими же движущими силами истории, как и экономические факторы (производительные силы, производственные отношения). Очень часто события разворачивались тем или иным образом именно благодаря взглядам человека, традициям общества, взаимоотношениям между людьми, настроениям.

Методы устной истории

В основе методов устной истории лежит «технология опроса» или «технология расспроса». Как известно, опрашивать или расспрашивать человека можно в ходе непринужденной беседы, в ходе жестко структурированного или свободного интервью, в ходе обсуждения тех или иных исторических проблем, даже в ходе заполнения анкеты и т. д. Но отличительным методом устной истории является именно метод интервью, сам исследовательский процесс называется интервьюированием. Есть научные школы, которые вообще рассматривают устную историю как метод многих социогуманитарных наук, использующих опрос.

Именно как метод исследования устная история определена Ассоциацией устной истории США, причем это определение является широко распространенным в международной практике: «Устная история – это метод сбора и сохранения исторической информации через запись интервью с участниками прошедших событий, запись их жизненного пути. Опрос является древнейшим путем исторического исследования, предшествующим письменному слову, и одновременно – одним из новейших исторических методов, инициированным появлением записывающей аппаратуры в 1940-е гг. Конечным продуктом устной истории является аудио- или видеозапись»¹.

Несмотря на широкое хождение этого определения, с ним соглашаются не все историки. Многие исследователи на современном этапе считают устную историю не просто методом сбора и сохранения исторической информации, но и методом *создания нового источника*, причем в этом процессе участвуют как минимум два лица: респондент и интервьюер. Сбор же информации подразумевает фиксацию циркулирующих в изучаемом обществе готовых продуктов устного народного творчества (фольклора), являющегося предметом изучения этнографии или лингвистики: сказаний, преданий, былей, былин, сказок, ритуально-обрядовых форм и т. д. Разница и в том, что устный исторический источник содержит информацию, полученную человеком в ходе собственного переживания исторических событий или процессов, участия в них или наблюдения за ни-

¹ Oral History Association (US) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dickinson.edu/oha>.

ми. Вот как об этом говорится в определении специалистов Колумбийского офиса устноисторических исследований: «Устная история — это методика сбора воспоминаний о его/ее жизни, о людях, которых он знал, о событиях, которые он видел либо принимал участие лично»¹. Американский исследователь С. Эверт также определяет метод «устной истории» как «интервьюирование участников либо экспертов на специальные темы, сохранение их мнений и воспоминаний»².

В нашем представлении далеко не вся устная (т. е. не зафиксированная и не регламентированная) информация является специфическим объектом устной истории. Можно, конечно, ввести понятие «устной истории в широком смысле» и «устной истории в узком смысле». В первом случае, обобщая работы таких зарубежных исследователей, как Я. Вансина³, Р. Страдлинг⁴, Д. Тош⁵, М. Хастинг⁶, С. Теркел⁷, и отечественных: Д. Н. Урсу⁸, Е. Ю. Мещеркиной, Д. Н. Хубовой⁹, Е. С. Сенявской¹⁰, В. М. Суринова, — можно выделить три группы устных исторических свидетельств, отражающих индивидуальную и групповую историческую память. Первую группу представляют све-

¹ What is Oral history [Электронный ресурс]. New York: Oral History Research Office, Columbia University. URL: <http://www.columbia.edu/cu/libraries/indiv/oral/summer.html>.

² Stephen E. Everett Oral history techniques and procedures. Center of Military History. United States Army. Washington, D. C., 1992. P. 3.

³ Вансина Я. Устная традиция как история // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 66–69.

⁴ Страдлинг Р. Преподавание истории Европы XX в.: материалы к семинару «Подготовка учителей истории для работы в поликультурной среде». Томск, 2005. С. 251.

⁵ Тош Д. Стремление к истине: как овладеть мастерством историка: пер. с англ. М., 2000. С. 261.

⁶ Хастинг М. Операция «Оверлорд»: как был открыт второй фронт. М., 1988.

⁷ Теркел С. «Хорошая война». Устная история Второй мировой войны // Иностр. лит. 1985. № 5, 10.

⁸ Урсу Д. Н. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории. СПб., 2003. С. 5; *Он же*. Программа и методические указания по спецкурсу «Устная история. Теория и практика» для студентов ист. фак. Симферополь: СГУ, 1991.

⁹ Хубова Д. Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт: автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 1992. 19 с.; *Она же*. Устная история: «Verba volant...?»: метод. пособие. М., 1997. 52 с.

¹⁰ Сенявская Е. С. Психология войны: исторический опыт России в XX в. М., 2002; *Она же*. Психология российских участников XX в. Сравнительно-историческое исследование: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999; *Она же*. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997.

дения о прошлом, передаваемые из уст в уста, от поколения к поколению, — собственно, то, что в этнографии и фольклористике называется устной традицией. Во вторую входят рассказы о событиях из жизни отдельного человека, имеющие целью охарактеризовать эту жизнь и придать ей значение. Так называемой устной биографией занимаются в Институте социологии РАН исследователи под руководством Е. Ю. Мещеркиной. Это направление все больше становится известным как «научная биографистика»¹. Как и источник устной истории, биография обычно пишется или создается исследователем и респондентом. Кстати, это сходство позволяет использовать биографический метод как своего рода маршрутную карту, некий путеводитель или вопросник по устной истории. Многие устные историки успешно работают через биографию, так же, как и социологи-биографисты, составляют вопросники и используют интервью для составления, написания или реконструкции биографий как научного источника.

Наконец, устные свидетельства очевидцев, участников и современников исторических событий, или собственно устная история, составляют третью группу. При этом процесс воспоминаний, свидетельств, рассказа не только инициируется исследователем, а конструируется, моделируется, регулируется с помощью научного исследовательского интервью. Поэтому принципиальной особенностью деятельности устного историка является именно «создание устного исторического источника», или, как это определяется в зарубежной устной истории, «фабрикация источника». Нашу точку зрения о соучастии исследователя в создании устного исторического источника подтверждают и минские источниковеды В. П. Грицкевич, С. Б. Кун и С. Н. Ходин, хотя они рассматривают устную историю как разновидность мемуаров: «Самое существенное в данном виде (устная история) мемуаров — не форма их фиксации, а степень вмешательства лица, которое ведет разговор (опрос). Опрос может производиться

¹ Биографический метод в социологии: История, методология и практика / ред. и сост. Е. Ю. Мещеркина, В. В. Семенова. М., 1994; Устная история и биография: Женский взгляд / ред. и сост. Е. Ю. Мещеркина. М., 2004; Мещеркина Е. Качественные методы в гендерной социологии // Воспоминания женщин: устные истории переходного периода. Теория и практика: сб. ст. Бишкек, 2001. С. 255–294.

как на основе анкеты, так и в произвольной форме. В любом случае канва воспоминаний складывается не самостоятельно, а под воздействием вопросов»¹.

В целом до сих пор существующие определения устной истории можно разделить на две группы с широкими и более узкими толкованиями методов устной истории. Но все они вращаются вокруг двух определений характера деятельности устного историка – «сбора» или «создания», в зависимости от включения в устную историю, и «устной традиции», или собственно «устной истории». Путанице способствует и своеобразный «космополитизм», при котором устной историей занимаются ученые разных научных отраслей: филологи, историки, антропологи, этнографы и др. Именно поэтому нельзя безоговорочно согласиться с известным специалистом в области качественной социологии Т. Шаниным, который как раз считает, что устноисторический метод как качественный метод «не может быть просто приравнен к академической дисциплине, ее использующей (например, истории, этнографии)... Качественная методология либо шире по своим задачам, характеристикам и свойствам, чем отдельно взятая дисциплина, либо должна быть сведена к аспекту такой дисциплины... так как представляет собой методологию с более широким междисциплинарным применением»².

Таким образом, основным методом устной истории является исследовательское или историческое интервью, которое можно определить как смоделированную исследователем целенаправленную беседу о жизненном мире человека в контексте исторических событий, процессов, явлений или как целенаправленный опрос носителя информации о его эмпирическом опыте в контексте исторического прошлого с последующей трансформацией устного рассказа в письменный текст для последующей интерпретации. На наш взгляд, есть несколько отличий собственно методов устной истории. Во-первых, это научно-методическое обеспечение опроса (научные программы,

¹ Грицкевич В. П., Каун С. Б., Ходин С. Н. Теория и история источниковедения: учеб. пособие для студентов заоч. отд. гуманитар. фак. вузов. Минск, 2000.

² Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999. С. 322.

научные проекты, научные вопросники, возможны научные гипотезы). Во-вторых, это выполнение обязательного условия, состоящего в техническом обеспечении фиксации и хранения информации. Почти в каждом определении метода устной истории подчеркивается необходимость технической поддержки интервью. Недаром появились такие определения устных историков, как «историк с микрофоном» или «Геродот с микрофоном». В-третьих, обязательное документирование и архивирование исторического интервью, создание «устных исторических источников» и «устных архивов» с выполнением требований государственных стандартов. Обязательным является заключение договора с государственными архивохранилищами с последующей сдачей материалов.

Предмет исследования устной истории

Предметом исследования устной истории и устного историка является «человеческое измерение» истории, личностное восприятие или оценка прошлых событий, явлений, процессов не просто отдельным человеком как участником или очевидцем-статистом, а личностью с ее взглядами, мировоззрением, психологией, иначе говоря, субъективное отражение или субъективная реконструкция прошлого, индивидуальная оценка истории. Индивид реконструирует исторические события так, как он их видел и понимал. Насколько уникальны эти мнения — другой вопрос. Они, как и любые другие источники, могут объединяться в группы по принципу сходства взглядов людей или их поведения, а могут быть неповторимы и индивидуальны. Так или иначе, сами события, явления или процессы являются канвой или «декорациями» сцены, на которой разворачивается жизнь людей.

Таким образом, предметом исследования устного историка является субъективная реконструкция, или, как пишет Е. С. Сенявская, «субъективная реальность» участника истории. При этом, с одной стороны, для устного историка представляет интерес поведение человека, его отношение к происходящему, возможность влиять на исторические события, с другой стороны — то, как эти события влияли на его жизнь, труд, семью, мировоззрение и т. д., какие возможности или трудности создавали для жизни.

Теоретические, методологические и концептуальные подходы устной истории

Анализ устноисторических исследований позволяет говорить о проявившихся контурах предлагаемых устной историей новых подходов в изучении исторического прошлого. основополагающими принципами концепции или методологии устной истории выступают следующие принципы исторического исследования: «история изнутри», «история снизу вверх», «человек в истории», «история в человеке», «мнения и оценки „безмолвствующего (безгласного, безголосого) большинства“, „немотствующих слоев общества“, „маленького человека“, на самом деле представляющего большинство участников исторического процесса. Такая ситуация отражает смещение акцентов в исторической науке на «мир человека в истории» и «мир истории в человеке».

Толчок к формированию устной истории как самостоятельного направления или самостоятельной исторической дисциплины и ее массовый размах за рубежом в послевоенные 1940–1950-е гг. был обусловлен именно усилением внимания историков к «истории снизу» после масштабной Второй мировой войны – к историческим свидетельствам простых людей, чей жизненный опыт не был отражен в письменных исторических источниках. Академическую историю побудил обратиться к устным источникам, отражавшим мнения рядовых участников, феномен победы в войне над фашизмом, роль народных масс, рядовых людей. П. Томпсон подчеркивал, что устная история «позволяет найти героев не только среди вождей, но и среди неизвестного большинства народа»¹.

Именно обращение к «человеку в истории» потребовало новых источников. «История снизу» и «история изнутри» включили в предметное поле исторической науки изучение субъективного мира людей, индивидуальных образов (интерпретаций) исторических событий XX в.²

¹ Томпсон П. Голос прошлого... С. 34.

² См.: Граница и люди. Воспоминания современных переселенцев Приладожской Карелии, Карельского перешейка. СПб., 2006; Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества / отв. ред. М. В. Лоскутова. М., 2006; Устная история и биография: Женский взгляд. М., 2004; Щеглова Т. К. Значение устной истории в изучении сознания русского населения Алтая (по источникам о разрушении церквей) // История и культура Сиби-

П. Томпсон пишет: «С помощью устной истории мы узнаем людей такими, какими они сами представляют себя, мы видим вещи (конкретные предметы, события, места) через внутреннее мировосприятие каждого человека как непосредственного участника исторического процесса»¹. Таким образом, устные исторические источники могут использоваться для изучения как непосредственно исторической реальности (исторической повседневности, быта, важнейших событий истории), так и ее отражения в массовом историческом сознании.

Обосновывая тезис об изучении «истории изнутри», отталкивающийся от ощущений и поведения человека – участника исторических событий, Э. Тонкин пишет: «Можно смотреть на прошлое по-разному. Для историков прошлое есть „другая страна“, которую они пытаются воссоздать из оставленных ею следов». Устный источник, как своеобразный «взгляд изнутри», включает разнообразную информацию о событиях. Человек, видевший воочию прошлую жизнь, оглядывается назад и рассказывает тем, «кто там не был, на что это было похоже изнутри». Предыдущая жизнь так или иначе определяет мироощущение человека и направляет его действия»².

Установки на «историю снизу вверх» сформировались в ответ на элитарность, в том числе и устной истории, в том виде, в каком она зародилась в США еще в 1940-х гг. благодаря А. Нэвису и его первому проекту по сбору интервью у известных политических деятелей для изучения дипломатической и политической истории. Но массовым занятием исследователей новейшей истории устная история стала благодаря протесту против предрасположенности к истории «сильных мира сего», известных и видных деятелей. Альтернативой «истории на верхних этажах общества» (государственной, политической элиты) стала «история снизу вверх», интерпретация исторических событий «снизу вверх» представителями «нижних этажей общества». Закрепило акцентуацию устной истории на истории «немотствующи-

ри в исследовательском и образовательном пространстве. Новосибирск, 2004; Она же. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, 2008; Воспоминания женщин: устные истории переходного периода. Теория и практика: сб. ст. Бишкек, 2001. С. 27–39.

¹ Томпсон П. Голос прошлого... С. 20.

² Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, 2008. С. 209–210.

щих» слоев общества («безмолвствующего большинства») внимание к массовым событиям и масштабным процессам, спровоцированным Второй мировой войной.

К 1960–1980-м гг. завершается переориентация устной истории с изучения «великих людей и событий» на историю простых людей, дискриминируемых групп населения, что вылилось в новый подход – «историю снизу вверх», историю на нижних этажах общественной лестницы. Появляется множество проектов устной истории, особенно в Западной Европе, которая пережила мировую войну. Например, в Англии сформировалась традиция устной «рабочей истории», устной истории «лондонской бедноты и городского дна» и т. д. Во Франции обращение к устной истории тоже было своего рода протестом, но против господствующей школы Анналов с ее «увлечением количественными методами, изучением масштабных социально-экономических структур и процессов, охватывающих длительные периоды». Работы же устных историков «возвращали читателя к привычным горизонтам человеческой жизни», «обещали возможность „непосредственного выхода“ в историю – своеобразного „окна в прошлое“»¹.

Новые подходы в социальных науках позволили в последующем преодолеть междисциплинарный барьер и добиться для устной истории определенного академического статуса. Но до сих пор ей приходится утверждать право на самостоятельность своего подхода, так как не удается до конца преодолеть определенную конфронтацию между официальной и устной историей. Можно говорить об определенном несовпадении «взгляда снизу» (рядовых участников и очевидцев) на исторические события XX столетия и «взгляда сверху» – оценок официальной зарубежной и отечественной истории. Многие рассматривают устную историю как «повстанческое» направление в науке и противопоставляют его «торжественно-пафосной» и «официально-правильной» истории. Однако разобщенность заполитизированной, ангажированной официальной истории и народного восприятия исторического прошлого сильно преувеличена. На современном этапе очень большой размах получила наряду с демократической устной историей и элитарная устная история: устная история науки, изобретений, культуры и т. п. Создаются центры и программы уст-

¹ Лоскутова М. В. Введение // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 18.

ной истории по изучению истории космонавтики, истории интеллигенции, истории угольной промышленности. В них абсолютно на равных фигурируют история и «снизу вверх» и «сверху вниз», но при этом работа остается в рамках устной истории, так как рассматривается «история изнутри», глазами участников и очевидцев.

Новизна подхода устной истории к исторической действительности заключается в доверии к устной информации участников и очевидцев исторических событий и процессов. Доверие базируется на признании существования исторической индивидуальной и коллективной памяти и на признании движущими силами исторического развития не только производительных сил, производственных отношений, государства, но и внутреннего мира людей, влияющего на направление, темпы, уровень развития, глубину преобразований и реформирования, успех или неудачи того или иного политического режима, государства, исторического процесса или события. Этот концептуальный подход просматривается во многих определениях устной истории. Например, трактовка Общества устной истории Великобритании гласит: «У многих людей при слове „история“ возникает ассоциация с толстыми книгами и документами, архивами и библиотеками, старинными замками и величественными зданиями. Но фактически история — это то, что нас окружает, это мир вокруг нас, в твоей семье, обществе, в котором ты живешь, в „живой“ памяти и опыте пожилых людей... Такой вид истории называют „устная история“... Это живая история уникального жизненного опыта... Устная история записывает человеческий опыт на аудио- и видеоносители»¹. В этом же ключе специфика методологических подходов устной истории характеризуется авторами коллективной монографии фонда «Heritage Lottery Fund»: «Устная история — это запись человеческой памяти, чувств, отношений и опыта на аудио- или видеоносители. Это живая история. Это то, что вокруг нас. У каждого есть история, которую бы он мог рассказать»².

В отличие от более распространенной традиционной истории, базирующейся на письменных документах и вещественных артефак-

¹ What is Oral history [Электронный ресурс] // Oral History Society (UK) URL: <http://www.oralhistory.org.uk>, свободный.

² Oral history projects. Helping your application. Cardiff, 2004. P. 5.

тах, устная история дает историку то, что он не может найти в документах, — живое слово, эмоционально окрашенное восприятие людьми того или иного события, облеченное в словесную форму.

Для нас это проявляется еще в одном концептуальном подходе устной истории — «человеческом содержании» истории. На эту особенность устной истории исследователи стали обращать внимание все чаще, замечая, что устная история «позволяет выявить интересные бытовые и психологические подробности и детали, мотивировку и причины поступков, дает возможность почувствовать Человека в истории»¹. В устной истории действительность передается через субъективное восприятие и выражается через представление, мысли, чувства рассказчика, что можно назвать «человеческим содержанием» исторических событий.

Особенности работы с устными историческими текстами

Анализ устных источников требует наряду с традиционными историческими методами привлечения технологий наук, работающих с разными текстами. Введение в историческое повествование устных источников без должного их анализа чревато многими негативными последствиями. Так, простой пересказ устных источников, часто используемый краеведами и молодыми исследователями, приводит, как правило, к мифологизированию истории или к сказительности. Традиционное обращение к устному источнику за достоверными фактами, датами, именами, с одной стороны, чревато введением в научный оборот ошибочных сведений, с другой стороны, сопровождается потерей специфической информации, которую не могут дать другие документальные тексты. Она может быть закодирована в языке, содержаться в латентной форме.

Например, в связи с акцентуацией устной историей на индивидуальности, субъективной реальности, т. е. «человеческом содержании истории», большое значение приобретают лингвистические методы анализа. «Человеческое содержание» исторических событий проявляется в устных исторических источниках через язык, стиль, терминологию, фразеологию и другие лингвистические формы. В них отра-

¹ Майничева А. Ю. Рассказы о переселении // Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX веков. Омск, 2003. С. 64.

жается специфика каждой эпохи. *Язык является ключевым механизмом формирования внутреннего мира человека через общение с членами социума. Посредством языка конструируется субъективная идентичность человека.*

Поэтому от историка требуются адекватные приемы анализа устных исторических источников, например лингвистические методы анализа текста с целью получения историко-культурной информации. Особенно ярко историко-культурное измерение прошлого проявляется в речи рассказчиков из далекого прошлого — досоветского (доколхозного единоличного периода). Субъективные интерпретации прошлого в устных повествованиях старожиллов отражают объективную историческую реальность, которая маркируется в их речи лингвистическими формами. Их расшифровка дает широкий спектр примет времени и историко-культурных форм социальной жизни.

Таким образом, в силу междисциплинарности устной истории исследователю необходимо отказаться от монополии сугубо исторических методов на анализ устного исторического источника. Отказ от привлечения методов других наук обуславливает ущербность научной интерпретации источников. Устный историк обязан использовать методический арсенал этнологии, антропологии, социологии, социальной психологии, демографии, лингвистики, которые формулируют и осмысливают проблемы, представляющие интерес для историков, при помощи собственного понятийного аппарата и решают вопросы с применением собственных технологий.

Рекомендации для проверки усвоенного материала. Вопросы для обсуждения на семинарах. Практические задания для самостоятельной работы

1. Что такое устная история? Найдите в тексте ее определения. Обсудите дискуссионные моменты. Выскажите свое мнение.
2. Назовите условия, причины, факторы возникновения и формирования устной истории как самостоятельного направления исторических исследований. Какую роль сыграли в развитии теории, методологии, концепций исторических исследований второй половины XX столетия, в том числе становлении устной истории, так называемые перевороты — социологический, лингвисти-

ческий, антропологический и др.? В чем проявилось влияние каждого из них на методы, технологии, исследовательский инструментарий устной истории?

3. Каковы основные подходы устной истории к изучению исторического прошлого? Порассуждайте над предлагаемыми устной историей принципами изучения исторической действительности: «человек в истории», «история в человеке», «человеческое измерение истории». Как они соотносятся с принципами других методологических подходов — «формационного» и «модернизационного»?
4. Какую роль в формировании устной истории как самостоятельной дисциплины, по вашему мнению, сыграли ее теоретико-методологические принципы — «история изнутри», «история снизу»? Как вы понимаете используемый в исторических исследованиях термин «безгласное» («безгласное») или «немолвствующее» («немолвствующее») большинство? Как устные историки объясняют акцентуацию на оценках, мнениях, представлениях о прошлой жизни «немолвствующего» большинства?
5. Как и почему можно использовать устную историю в научно-исследовательской работе студентов и школьников?
6. Есть расхожее мнение, что устная история в европейских странах сформировалась в русле послевоенного массового протестного движения середины XX в. Приведите аргументы в пользу или против этого мнения. Соотносится ли это утверждение с вашими представлениями? Соответственно, можете вы согласиться с оценкой демократического характера устной истории в странах Западной Европы и элитарности в США? Поищите доказательства в пользу своего мнения. Проанализируйте американские традиции элитарной устной истории и европейских традиций демократической устной истории. Как они сопрягаются между собой? Для этого используйте пособие: Хрестоматия по устной истории. СПб.: изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2003.
7. В чем заключается вызов, брошенный устной историей? Сравните ситуацию в истории (традиционная позитивистская история и устная история) с ситуацией в социологии (традиционная и качественная социология). Порассуждайте вокруг представлений о достоверности, субъективности, объективности, реальности исторических источников. Возьмите материалы нескольких интервью и проанализируйте, как в них представлен эмпирический и фактологический (событийный) материал. Попытайтесь оценить их с позиции объективности и субъективности.

Методика и технология создания устных исторических источников. Интервью и интервьюирование в устной истории: подготовительный этап

Интервью и интервьюирование в устной истории: методики и технологии • Подготовительный этап: обучение исследовательской группы и разработка научно-методических и практических материалов интервью • Выбор направлений и темы исследования • Определение научной проблемы на общероссийском и региональном уровнях • Разработка программы или проекта устной истории • Погружение участника устноисторических исследований в тему • Изучение литературы и источников исследуемой темы • Технологии опроса в отечественной и зарубежной практике: вопросники, «маршруты опроса», «путеводители беседы» • Составление вопросников: подходы, принципы, типы • Формулировка вопросов: формы, характер и типы • Поиск и выбор респондентов: методы и пути формирования списка • Виды устной информации.

Признание устной истории самостоятельным направлением исторических исследований прежде всего связано с научной разработкой исследовательского инструментария и определения предмета исторического прошлого — человека в истории, его ощущений и мнений о событиях. Как известно, первые исторические труды были написаны с помощью расспросов и бесед, а первые историки черпали информацию из рассказов очевидцев. Такой способ изучения истории при всех кардинальных изменениях представлений о методах и источниках исторической науки сохранялся благодаря его перемещению из профессиональной академической среды в общественное краеведческое движение. Тысячи и тысячи летописей сел, промышленных предприятий, фабрик, заводов, колхозов, совхозов, еще больше трудовых, военных, исторических биографий выдающихся одно-

сельчан и горожан, передовиков производства, ударников коммунистического труда, победителей соцсоревнований, участников Гражданской и Великой Отечественной войн были написаны на основе расспросов и бесед. Но созданные краеведами материалы, к сожалению, нельзя назвать полноценными историческими источниками, а летописи, хроники и биографии – научными трудами, так как материалы расспросов не создавались изначально как документы (звуковые или письменные) и не оформлялись соответствующим образом.

В XX в. и зарубежные, и отечественные историки признали ценность устных свидетельств и создали методику превращения их в исторические документы (звуковые и письменные), которые, как и любые другие источники, имеют свои достоинства и недостатки. Внедрение новых технологий, четкое определение поля деятельности в исторической науке и методики историописания не только позволили признать устную историю самостоятельной исторической дисциплиной, но и открыли новые перспективы и для академической исторической науки, и для краеведческого движения, и для организации научно-исследовательской работы в образовательных и культурно-просветительных учреждениях.

Создание устноисторического источника является результатом целенаправленной научно организованной работы историка – исследователя новейшей истории России (макрорегиона, микрорегиона). Наиболее эффективным методом получения устных зафиксированных свидетельств является опрос в разных видах: интервьюирование – устная форма общения с носителем информации по заранее подготовленному вопроснику или маршруту (путеводителю) расспроса, и беседа – менее формализованная, более свободная форма общения. Применимо, на наш взгляд, в практике устной истории и анкетирование как письменная форма общения с респондентом для проверки репрезентативности полученных устных материалов. Так или иначе, проведению опроса предшествует подготовка научно-методических материалов. Подготовительная работа по научно-методическому обеспечению проведения опроса носителей информации включает в себя несколько направлений работы и прохождения исследовательским коллективом обязательных этапов формирования группы исследователей.

Выбор направлений исследования и разработка программы или проекта устной истории

Формирование исследовательской группы начинается с решения вопроса, с чего и как начать.

Первый этап – выбор темы и разработка научно-исследовательской программы или устноисторического проекта по изучению недавнего прошлого. Под устноисторическим проектом «подразумевается целенаправленное создание источников устной истории по определенной исследовательской программе»¹ на основе интервьюирования. Целью проекта является создание коллекций документов по устной истории для их использования в научных исследованиях при решении каких-либо исторических проблем. Под коллекцией понимается серия интервью с одним лицом (например, по истории науки или истории политических преобразований) или группой лиц. При этом каждое интервью – это реализация части программы, имеющей тематическую «заданность» или направленность на решение определенных исследовательских или информационных задач. Программы составляются на основе краткосрочного или долгосрочного планирования. В них раскрывается выбор темы, ее цели и задачи, выбор объектов интервью, принципы создания научно-справочного аппарата, место и условия аудиозаписей, юридические и этические аспекты их использования. В случае совместного участия нескольких учреждений или нескольких коллективов программа определяет координацию их действий и степень участия каждого. В программе должно содержаться и обоснование того, что именно интервью является в данном случае наиболее целесообразным методом сбора исторической информации.

Выбор темы, требующей новых источников для решения исторической проблемы, – одна из главных составляющих успеха устноисторических исследований, проектов и программ. На этом этапе вырабатывается концепция исследования и определяется круг интересующих тем и вопросов. Для этого необходимо прежде всего сформулировать проблему исследования, определить цель и задачи работы,

¹ Мокрова М. В. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 4.

сформировать режим и стратегию исследовательской работы, по возможности предложить рабочую гипотезу.

На этом этапе определяется объем всей предстоящей устноисторической работы, задаются параметры ретроспективной информации, которую предстоит получить, и под нее адресно планируются и готовятся методические материалы для целенаправленной организации диалога между исследователем и носителем информации в рамках определенного тематического устноисторического проекта, продумываются пути и способы ее фиксации.

! Нельзя проводить запись интервью ради самого процесса интервьюирования. Многие начинающие интервьюеры совершают общую ошибку — идут на интервью, не имея представления о целях и задачах своей работы и ее значении для конкретного устноисторического проекта. Профессиональный устный историк начинает работу после определения интересующих его проблем, тем, вопросов, ради которых он проводит опрос. Каждый интервьюер должен представлять и планировать конечный результат.

Единых рецептов по выбору направления исследований не существует: они могут определяться как историческим прошлым населенного пункта или региона, где ведется работа, так и интересами создателей устных исторических источников. В каждом населенном пункте, и сельском и городском, имеется широкое поле деятельности для сбора устных свидетельств по историческим событиям, явлениям, процессам, участников которых можно проинтервьюировать. Но при этом надо помнить, что каждый регион имеет свою специфику исторических процессов, обусловленную этносоциальным развитием, формированием историко-культурных групп и сообществ, природно-географическими и экономическими факторами и т. д.

В связи с этим при выборе направлений исследования следует обратить внимание на популярный в современной практике и необходимый для устной истории методологический принцип регионализма. В России с ее огромными территориями, разными географическими, этнодемографическими, социально-экономическими условиями большое влияние на темпы, уровень, глубину исторических преобразований, на формы политической власти и общественного устройства оказывала региональная специфика. И в прошлом, и в настоящем отдельные регионы могут замедлить или ускорить те или иные обще-

российские исторические процессы, придать тот или иной вид историческим событиям.

Региональный принцип наглядно реализуется во взаимодействии устной и социальной истории. В частности, развитие социальной стратификации советского общества закономерно шло в соответствии с партийно-государственной политикой на всей территории СССР. Однако процессы формирования и роль рабочего класса в Ивановской области с ее развитой текстильной промышленностью, в угледобывающей Кемеровской области, в аграрном Алтайском крае, оленеводческом Ямало-Ненецком округе или узбекской Самаркандской области имели особенности.

Иллюстрацией региональной специфики общероссийских процессов является отношение к раскулачиванию и интерпретация понятий «эксплуатация», «эксплуататор», «эксплуатируемый», «кулак», «бедняк». Советская политика раскулачивания имела общие для всех территорий закономерности, однако эти процессы различались как в разных регионах, так и на территории конкретного региона. Так, отдельные оценки, справедливые для Европейской России (например, Кубани), неприменимы к Сибири. В содержании «алтайских» (на территории Алтайского края) интервью о раскулачивании фактически отсутствует мотив «врага», в отличие от «россейских» (на территории Кубани). В частности, Я. Л. Писаревская, исследовавшая голод 1932–1933 гг. на Кубани, указывала, что все интервью делятся на две группы, и в одной из них «тема кулака-врага является основным лейтмотивом воспоминаний».

Причины формирования в лице кулака образа врага в Европейской России исследователи видят в том, что поощрение ненависти к кулаку (речи В. И. Ленина и И. В. Сталина, культивирование этой темы в советской прессе 1920–1930-х гг.) легли здесь на благоприятную почву: кулаки были тождественны помещикам (на Алтае отсутствовало крепостничество), высланным из станиц на первой волне репрессий. Закрепил эту ненависть голод 1932–1933 гг., в котором власть обвинила кулаков как саботажников, настоящих «врагов народа», «тех, кто прятал хлеб, боясь колхозных поборов». (На Алтае масштабы голода были меньше.) В силу совершенно иной региональной социально-экономической ситуации информанты с Кубани создавали обезли-

ченные (неперсонифицированные) образы кулака как укрывателя хлеба, злобного, бесчеловечного существа, готового ради каких-то непонятных интересов уморить голодом себя и свою семью, но не сдать хлеб. Базой для негативного образа кулака служила историческая традиция социального противостояния «помещик—крестьянин», «помещик—казак», а также совпадение по времени коллективизации, раскулачивания и голода. Именно поэтому даже после перестройки 1980-х гг. рассказчики с Кубани воспроизводили представления, «живыми свидетелями (и жертвами) которых они были».

Рассказчики с Алтая описывают ситуацию 1930-х гг. как отражавшую трудовой симбиоз крестьянской семьи и общества, десятилетиями существовавший в алтайской деревне. Алтайские информаторы в оценках «кулаков» изначально настроены более благожелательно, для них характерно социально-экономическое, менее политизированное содержание категории «кулак», они поименно перечисляют раскулаченных. Вспоминая своих деревенских кулаков, они более свободны от идеологии, спускаясь в сферу повседневности. На личные воспоминания и рефлексию наложили отпечаток атмосфера трудовой крестьянской семьи, привязанность респондентов в детстве к своей деревне, крестьянским бытовым и производственным традициям — всему, что определяло их мировоззрение и служило своего рода преградой идеологическому воздействию. В большей части интервью отсутствует деление односельчан на «врагов» и «друзей», «чужих» и «своих» и в целом «черно-белое» видение прошлых взаимоотношений¹.

Именно поэтому при выборе направлений исследования необходимо учитывать общероссийские закономерности и региональные особенности. Соответственно в изучении общероссийских проблем можно пользоваться универсальными вопросниками. Для реализации регионального подхода универсальные вопросники следует адаптировать к конкретно-историческим условиям изучаемой территории с учетом культурно-этнической и социально-экономической специфики. Есть исторические проблемы, интересные и важные преимущественно для конкретной местности, и для их удовлетворительного решения необходима разработка тематических во-

¹ Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, 2008. С. 170.

просников. Например, при изучении крестьянского движения на Алтае в период утверждения советской власти можно воспользоваться общим вопросником о крестьянских выступлениях, а можно составить его конкретно для «роговского движения» начала 1920-х гг. на Алтае (Роговщина Причумышья, Г. В. Рогов): являясь региональным выступлением, оно представляло собой частный случай общего крестьянского движения в России против политики «военного коммунизма» советского государства.

Такая же ситуация существует в изучении протестных крестьянских выступлений в период коллективизации: можно использовать общий вопросник о формах и методах сопротивления коллективизации, а можно разработать вопросник о выступлениях Ф. Г. Добытина или о так называемом «добытинском мятеже» в Нижнем Причарыше Алтайского края. Универсальный вопросник может разрабатываться по темам: перестройка, целина, социальные отношения в деревне в 1930–1960-е гг. и т. д. В целом социальная устная история является универсальным способом формирования источниковой базы по отечественной истории как в масштабе всей страны, так и на региональном уровне.

! При планировании устноисторической работы, выборе тем и направлений исследований и формировании научно-практических программ и проектов нельзя забывать, что с естественным уходом поколений 1900–1930 гг. рождения исчезает целая историческая эпоха — эпоха революций, Гражданской войны, крестьянской цивилизации, первых пятилеток, коллективизации, раскулачивания, Великой Отечественной войны, советского колхозно-совхозного строительства, комсомольско-партийного движения, целины и т. д.

В первую очередь надо активизировать работу по записи воспоминаний советских людей о забытых и замалчиваемых событиях 1920–1950-х гг., пока есть живые свидетели и очевидцы так называемых «белых пятен» (лакун) истории. При этом приходится констатировать, что если еще лет 10 назад можно было найти великолепных информантов по истории и жизни доколхозной деревни, традиционного крестьянского общества, единоличного и общинного хозяйствования, то сейчас ситуация очень быстро меняется. Стало очень сложно работать по истории переселений первой четверти XX в. Все меньше остается участников раскулачивания и репрессий. Быстро умень-

шается количество фронтовиков. И одновременно так же стремительно стала уходить в прошлое советская эпоха.

! Одним из интересных направлений устной истории в современном российском обществе является советская история. Отдаляющаяся советская эпоха требует пристального внимания по ряду причин. Во-первых, это неудовлетворительное состояние архивной базы, госхранилищ письменных документов. Архивы устных источников, с одной стороны, являются альтернативой государственным фондохранилищам, зачастую недостаточно укомплектованным адекватными изучаемой эпохе документами, с другой стороны, дополняют их, так как фонды госхранилищ не дают материалов для решения многих проблем. Занятие устной историей в России продиктовано необходимостью создать полновесную и адекватную источниковую базу по советской истории. Во-вторых, нужно учитывать, что история Советского Союза (1917–1991 гг.) имеет принятые хронологические рамки и представляет собой достаточно цельное и оформленное явление в мировой истории. Это позволяет рассматривать советский период как состоявшийся исторический процесс, имеющий начало, конец, фабулу, причины и следствия. В-третьих, благодаря хронологической близости этого периода истории исследователь имеет возможность общаться с огромным кругом носителей информации о нем, быть инициатором и создателем документов на основе интервьюирования очевидцев тех событий, которые недостаточно количественно или качественно представлены в государственные фондохранилищах.

Для школьного и студенческого коллектива важным является и то, что о советском периоде они могут получить представление, беседуя со своими старшими родственниками. Именно поэтому деятельность отечественного устного историка должна включать создание документов по советской истории. Составление опросников должно во многом исходить из того, что этап советской истории завершен, но свеж в памяти ее современников – участников и очевидцев. Последнее особенно важно, так как современное общество не свободно как от идеализации общего прошлого и ностальгии по временам супердержавы, так и другой крайности – отрицания достижений экономической, политической, общественной жизни советского общества. Наконец, среда информантов, в которой предстоит работать молодым исследователям, позволяет выпукло реконструировать прошлое. Если по истории крестьянского общества современные исследователи работают с остатками старины, выискивая и информантов

и предметы материальной культуры, то советская эпоха позволяет найти ответы на все вопросы.

! Большой интерес приобретает и совсем недавнее прошлое — конец XX и начало XXI вв. Завершенностью исторических процессов отличается период перестройки М. С. Горбачева и постсоветский период президентства Б. Н. Ельцина.

В ходе полномасштабного и глубокого переустройства жизни и деятельности российского общества и государства происходили как положительные, так и негативные изменения, которые в совокупности сформировали благоприятные условия для развития самой устной истории. Так, положительное значение для истории в целом и для устной истории в частности имела политика гласности и демократии. Негативную роль сыграла децентрализация архивных служб, которая сопровождалась формированием значительных брешей в источниковой базе по истории 1990-х гг. и создала для историков трудности в изучении истории постсоветской России. В частности, остались без источников будущие исследователи перестроечных и постперестроечных реформ и их последствий для людей. Это связано с рядом факторов. С одной стороны, эти исторические периоды совпали с реструктуризацией и реформированием самого архивного дела, отказом от обязательной сдачи документов в центральные архивы. Многие письменные документы по истории производственных предприятий и учреждений, политических, научных и культурных коллективов, общественных организаций безвозвратно утеряны. С другой стороны, имели место массовое создание и гибель огромного количества учреждений, от которых в итоге не осталось никаких архивных материалов. Трагично и неоднозначно сложилась также судьба реформируемых государственной и колхозно-кооперативной систем финансов, промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспорта и других отраслей экономики, так же как и судьбы многих их служащих.

Переход от одной модели хозяйствования — колхозно-совхозной — к акционерному или частному предпринимательству, поспешная и не всегда научно обоснованная приватизация во всех отраслях экономики обусловили небывалые темпы переустройства и гибели огромного количества советских предприятий и учреждений, в том

числе предприятий-гигантов. Многие из них возникали уже в период перестройки и быстро лопались, ломая судьбы людей. Но в архивах отсутствует документация не только об истории этих предприятий, но и о жизни людей в этот сложный и важный период российской истории. За страницами отложившихся в архиве документов перестройки и постперестройки, за экономическими показателями, динамикой общественного и политического переустройства скрываются и трагедии, и подвиги людей, их судьбы. Например, показательной для этого периода может стать устная история переустройства банковской системы, вылившегося, как и большинство процессов приватизации, в борьбу, порой криминальную, за капитал. Поэтому многие источниковые проблемы, созданные ситуацией 1990-х гг., могут быть решены через беседы с участниками, очевидцами и свидетелями прошлого.

Таким образом, для того чтобы в будущем полно и достоверно реконструировать историю, воздать должное всем людям, добросовестно служившим обществу и государству даже в смутное и неоднозначное время, нужно уже сейчас позаботиться о создании устных архивов, восстанавливать документальный материал, организовать проведение исследовательских исторических интервью с очевидцами и участниками переустройства России, у которых есть силы, гражданская честь и которым присуще бережное отношение к прошлому.

Изучение литературы и источников

Изучение литературы и источников, опубликованных по теме исследования, является обязательным условием подготовки интервьюера. Интервьюирование не будет успешным, если интервьюер станет механически придерживаться вопросника, даже очень грамотного и подробного, не зная истории. Он обязан прежде всего хорошо знать изучаемую тему в полном объеме, т. е. исторические события, историческую атмосферу, исторических деятелей изучаемой эпохи на уровне страны и преломление общероссийской ситуации на местном уровне, и, исходя из общих знаний, представлять проблемы изучаемой исторической темы, по которой необходимо получить информацию. Любой изучаемый интервьюером через расспрос конкретного человека жизненный эмпирический опыт более богат и насыщен,

чем можно предусмотреть схемой опроса. Знание исторической эпохи или изучаемого времени позволит более полно собрать информацию. Вопросник, как и любая схема, позволяет придерживаться генеральной линии, а хорошее знание эпохи позволяет безбоязненно гулять по лабиринтам памяти человека с отвлечением в ту или иную сторону, ту или иную проблему.

Изучение литературы предполагает полное погружение участника устноисторических исследований в тему, овладение нужной информацией для свободной беседы с очевидцами, а также для выяснения степени изученности темы, наличия «белых пятен», проблемных зон, нерешенных вопросов, прошлых и современных стереотипов, идеологем, мифологем. Устноисторическое исследование может проходить только при условии знания изучаемой темы. Интервьюирование предусматривает изучение не только опубликованной литературы, но и по возможности архивных фондов, с выявлением всех возможных источников по теме. Надо представлять и качество, и объем неопубликованных источников, чтобы не тратить время и силы на получение известного фактологического материала: имен участников, точных дат, местных топонимов. Более того, фактологическая часть устных свидетельств не всегда достоверна в силу забывчивости рассказчика или его намеренных умолчаний, в силу других субъективных соображений. Поэтому при интервьюировании необходимо уже иметь на руках конкретный материал, который поможет расширить рамки беседы с информантом и, кроме того, может помочь уточнению полученного фактологического материала.

Поэтому при изучении литературы и источников по изучаемой теме необходимо обращать внимание на даты, ключевые события, антропонимы и топонимы, которые формируют историческую канву. Спрашиваемый должен свободно ориентироваться во времени, к которому относится беседа, хорошо знать основные исторические факты и события. Это поможет исследователю как на этапе составления вопросников, так и при беседе с очевидцами для уточнения сведений, сообщенных по памяти. Без этого невозможна постановка системных вопросов, нацеленных на воспроизведение прошлого во всей его целостности и многообразии. Предварительное изучение необходимо также для определения объема информации по данной те-

ме в традиционных источниках и возможности восполнить пробелы с помощью интервью. Интервьюер должен уметь определить цели и границы каждого конкретного собеседования в общей программе, в случае необходимости внести в нее уточнения или дополнения. Эта работа окажет также большую помощь в формировании списка потенциальных респондентов, выявлении имен очевидцев и живых участников событий. Предварительное изучение литературы и источников (большим подспорьем в изучении сельской истории являются похозяйственные книги) может помочь в составлении списка респондентов для последующего их поиска в населенном пункте по конкретным фамилиям.

При работе с литературой и источниками необходимо глубоко изучить региональную специфику – начиная с особенностей исторических процессов и событий на территории региона (края, области) и места региона в общеисторических процессах и завершая локальной историей населенного пункта, в котором предстоит работать. Особое внимание необходимо уделить этнокультурной, социально-демографической и политической истории формирования населения. Так, одно дело изучать историю гражданской войны на Кубани, являвшейся ареной ожесточенной борьбы со втягиванием всего населения в противостояние белых и красных, другое дело – на Алтае, где не было масштабного военного противостояния с развернутыми фронтами, белыми и красными армиями. Как уже говорилось, региональные особенности нужно учитывать и при изучении раскулачивания в Центральной России со свойственной ей психологией бывших помещичьих крестьян и дворян и в Сибири с ее традициями вольного хлебопашества и свободного предпринимательства.

Для полного погружения в региональную проблематику нужно дополнить изучение архивов и литературы изучением периодической печати. Для устного историка здесь существуют очень благоприятные условия, так как устная история, изучая недавнее прошлое, опирается на память ныне живущих участников исторических событий, хронологически ограниченную событиями 1920–1930-х гг. – времени, когда произошло становление региональной периодической печати. Поэтому важно поднять подшивки региональных газет (краевых, областных, районных, городских, сельских) за соответствующий пери-

од, познакомиться с историей села, города, завода, тех мест, где жил и работал респондент, узнать имена и фамилии жителей, членов семейных и трудовых династий, основные вехи истории этого населенного пункта или предприятия, ознакомиться с проблемами и настроениями изучаемого времени. Это поможет во время интервью, особенно если респондент путается, что-то забывает или упускает.

Составление вопросников и типы вопросов

От руководителя группы требуется заранее подготовить вопросники, которые станут «маршрутом опроса» — конкретной программой, с которой школьники и студенты будут обращаться к очевидцам и участникам исторических событий по ходу исследовательской работы. Особенно важны подробные вопросники для начинающих интервьюеров, которым при первых интервью легче иметь дело с четко регламентированным планом.

При составлении вопросников необходимо исходить из целей опроса. Здесь возможны три подхода. Первые два обусловлены характером информации в устных исторических источниках: событийным и/или оценочным. Третий — смешанный. Если исследователь ставит задачу воссоздать конкретное событие или цепь событий, то он соответственно выстраивает вопросник с детализацией этого события, обращая внимание на последовательность, хронологию, имена участников, обстоятельства, условия и факторы, ход события, его взаимосвязь с другими событиями и т. д. В этом случае он будет формировать и группу респондентов — более осведомленных. Как правило, это бывшие активные участники событий.

Если исследователя интересует «человеческое содержание истории», т. е. модели поведения человека или социальных групп, индивидуальный или типичный опыт, историческое сознание той или иной эпохи, жизненные установки и ценности общественных групп и их влияние на ход исторических событий, стереотипы и идеологемы основных участников исторического процесса и т. д., то для него важно сформулировать вопросы, чтобы выйти на глубинные пласты исторической памяти, сознания, психологии, менталитета, этничности. Именно выявление мировоззрения, установок и целеполагания исследуемых социальных групп (колхозное крестьянство, сельская ин-

теллигенция, рабочие леспромхоза и т. д.) выходит на первый план при формировании вопросника. Очень интересным может стать воссоздание с помощью вопросов исторического облика (портрета) участников советской истории: исторической психологии советского человека в целом и частных случаев — «портретов» колхозника, интеллигента, партийного работника, учителя, рабочего, инженера и т. д. Для работы с каждой категорией вопросник должен корректироваться. Для такого рода исследования интервьюеру нужен респондент не столько знающий (даты, топонимы), сколько ощущающий. В таких случаях важно будет формировать репрезентативную, т. е. представляющую разные социальные группы, выборку респондентов и для каждой группы корректировать маршруты опроса.

! Неверно ограничиваться вопросами о том, что респондент видел. Надо обязательно формулировать вопросы о том, что он чувствовал и думал в то время. Респондент ценен не как пассивный свидетель исторических событий, а как личность. Каждый человек индивидуален, его чувства, ощущения, восприятия — тоже. Каждый по-своему умеет анализировать, делать выводы, испытывать эмоции, радоваться и огорчаться, волноваться и наслаждаться жизнью. В интервью важно уловить и запечатлеть именно эту индивидуальность.

Но, как показывает опыт, чаще всего вопросник целесообразнее делать смешанным, в котором одна часть вопросов относится к событийному прошлому, а другая обращена к ощущениям человека в этих событиях, особенно если события являлись масштабными (например, участие в войне, в протестном движении и т. п.). В таком случае событийная информация может повторяться из рассказа в рассказ. Это, как правило, дезориентирует начинающего исследователя: у него складывается впечатление, что исследуемая тема исчерпана. Примером является создание студентами АлтГПА во время историко-этнографических экспедиций устных исторических источников о развитии сети населенных пунктов в 1950–1960-е гг. и ликвидации сел. Уже на третьем-четвертом самостоятельно проведенном интервью они говорят, что не слышат ничего нового, так как на вопросы о причинах гибели села получают однотипные ответы — «школу закрыли», «ферму перевели в соседнее село», «и все поехали...», «последним уехал...», «места красивые, если бы возродили, вернулись бы...».

Возможно, в подобном случае надо пересмотреть вопросник или научить ребят им пользоваться, так как со школьной скамьи они традиционно ориентируются на событийную информацию: где? кто? сколько? почему? как? С этой психологией начинающих историков руководителю исследовательского проекта приходится «бороться», в том числе с помощью совершенствования вопросников. В них необходимо включать вопросы, нацеленные на индивидуальный эмпирический опыт людей, ибо оценки и ощущения участников одних и тех же исторических процессов и явлений могут содержать разную их интерпретацию в зависимости от социальности, этничности, ментальности человека и т. п. От этих факторов зависит поведение как отдельных людей, так и социальных групп, влияющее на ход и результат самих исторических событий. Поэтому смешанный вопросник является оптимальным. Ориентация преимущественно на событийную информацию чревата получением однообразных сведений. Жизненные истории разнятся именно субъективной оценочной информацией, и этим они особенно интересны. Получению этой «субъективной» информации надо учить начинающих интервьюеров, что позволит им избежать разочарования («все говорят одно и то же»).

! Строгое следование вопроснику чревато тем, что интервьюер рискует потерять уникальный материал, не относящийся к теме или проблеме опроса, обойти обсуждение важных проблем, на которые вышел рассказчик, но которые не предусмотрены вопросником. Начиная интервьюер, как правило, торопится идти от вопроса к вопросу, часто обрывает информацию, которая ему кажется повторением предыдущего интервью или не относящейся к теме. Часто эта информация бывает уникальной, может оказаться важной для других исследователей или стать отправной точкой нового исследования для самого расспросчика. При жестком следовании вопросам неопытный корреспондент не сможет выйти на обсуждение важных проблем, о существовании которых он не подозревал, а вопросник их не предусмотрел. Надо быть готовым к неожиданным и незапланированным поворотам в воспоминаниях опрашиваемого, а для этого необходимо знать проблемы изучаемой эпохи, чтобы осознать значимость информации и не потерять ее.

Вопросники создаются в соответствии с логикой опроса и в зависимости от принципов их формирования имеют несколько типов.

При *хронологическом* принципе формирования вопросники начинаются с тех вопросов, которые подталкивают респондента к изложению событий или стимулируют повествование в хронологическом порядке («С чего началось...? Расскажите с самого начала... Расскажите по порядку, как происходило...»). Как правило, его используют при изучении протяженных во времени исторических процессов или исторических явлений, состоящих из череды событий (война, репрессии, модернизация колхозно-совхозной сети населенных пунктов и т. д.). Вопросник такого типа может охватывать несколько следующих друг за другом событий, составляющих основу жизненного опыта того или иного поколения, например, «родился... рос и формировался при единоличниках... вырос при раскулачивании... выжидал в годы войны...». Вопросник, сформированный по такому типу, легче воспринимается рассказчиком, так как вспоминать события в хронологической последовательности легче. Но составление подобного вопросника требует от исследователя обширных комплексных знаний о каждом периоде истории российского общества, политических и социальных условиях, общественных настроениях и т. п.

Тематический принцип формирования вопросника более подходит для получения как оценочной (субъективной), так и фактологической информации с детализацией исследуемой темы. Особенно успешно тематические вопросники используются в создании устных исторических источников по истории ментальности, исторической психологии и интеллектуальной истории. Тематический принцип в наибольшей степени подходит для обучения начинающих интервьюеров навыкам самостоятельного составления вопросников. Им легче осваивать научную информацию по интересующей их теме и начинать работать в освоенном информационном пространстве или социокультурном поле. Именно на тематическом вопроснике можно учить стажеров формулировать вопросы для «раскручивания» рассказчика на его собственную интерпретацию событий и описание собственного опыта, после того как событийная или фактологическая информация оказывается исчерпанной.

! Необходимо учитывать, что многие темы, которые известны респонденту благодаря наличию жизненного опыта, могут быть для него сложными в плане изложения или не совсем понятными из-за формулировки вопросов и по

этой причине оказаться нераскрытыми. В таких случаях можно выйти на них через биографию или автобиографию. Еще одной причиной замалчивания информации респондентом при тематическом опросе являются его опасения или неприятные воспоминания. Для получения латентной (скрытой) информации можно использовать «окольные» или косвенные вопросы.

Биографический принцип формирования вопросника близок к хронологическому, так как и рассказчик, и расспросчик как бы поднимаются по лестнице времени — из прошлого к настоящему. Но на каждой ступени они останавливаются и с помощью тематических вопросников реконструируют субъективные (индивидуальные) представления о времени. Можно сказать, что биографический принцип предполагает получение «срезов» исторического времени по вертикали — от одной эпохи к другой или от одного политического режима к другому: последние, в свою очередь, являются «горизонталями». Динамика советской истории отчетливо прослеживается по десятилетним «горизонталям» (1920-е, 1930-е, 1940-е, 1950–1960-е, 1970–1980-е гг.) с их комплексами социально-политических и ментально-психологических явлений и знаменательных событий.

Например, можно рассмотреть временную «горизонталь» 1920-х гг. В крестьяноведении и аграрной истории эти годы являются, с одной стороны, периодом инерционного развития традиционного крестьянского мира с развивающимся единоличным хозяйством (сельское предпринимательство и предприниматели, сельские ярмарки и частные кустарные предприятия и т. д.). С другой стороны, это период формирования и внедрения новой системы ценностей (развитие коммунарского движения, создание отраслевых совхозов, создание партийно-комсомольских организаций и т. д.). Биографические вопросники по этому периоду должны предусмотреть всё.

Аналогичным образом для исследования исторической памяти собеседника о «горизонтали» 1930-х гг. необходимо предусмотреть вопросы по репрессиям, тоталитаризму, коллективизации, разрушению церквей и т. д.; по «горизонтали» памяти о 1940-х гг. — вопросы о войне, депортациях и т. д. В зависимости от состояния памяти человека корреспондент «застревает» на той или иной ступени его биографической лестницы и «выпахивает» все информационное поле. Поэтому биографический принцип формирования вопросника отлича-

ется большим количеством вопросов и требует больше времени для работы с респондентом — как правило, многократного интервьюирования.

! При выборе любого принципа составления вопросника необходимо помнить, что формулировка вопроса может стать рычагом влияния корреспондента на оценку респондента.

Одним из самых сложных этапов в составлении вопросника является *формулировка вопросов*. По *форме* вопросы делятся на *открытые*, которые предполагают развернутый, содержащий пояснения ответ («Расскажите, пожалуйста...») и *закрытые*, предполагающие либо утвердительный, либо отрицательный ответ («Вы родом из деревни Ельцовка?»). Первые не ограничивают собеседника ни во времени, ни в полноте ответа, более того, побуждают его рассуждать, размышлять, выражать свои мысли. И эту особенность открытых вопросов надо «эксплуатировать», чтобы помочь собеседнику. Дело в том, что некоторые люди не в состоянии ответить на вопросы, требующие объяснения их переживаний и эмоций, они не в состоянии понять, а тем более словесно охарактеризовать свои чувства. Такому собеседнику надо показать направление рассуждений, чтобы он вспомнил, что он чувствовал в тот или иной момент жизни: «О чем Вы подумали, когда узнали...». Вопросы второго типа (закрытые) не требуют от рассказчика объяснений и рефлексий.

Наиболее «безопасной» для исследователя формой вопроса является *открытый общий* вопрос, требующий развернутого ответа и не содержащий в своей формулировке возможных вариантов ответа (например, «расскажите о...»). Формулировать общие вопросы можно также из двух предложений: *констатационного* (в нем формулируется проблема) и *вопросительного* («Известно, что вы...», «Говорят, что...», «Как это происходило?»). При опроснике, направленном на выявление жизненного мира участника исторических событий, можно начинать разговор и с вопроса о конкретной ситуации, а затем развивать беседу вокруг тех явлений или аспектов, которые рассказчик затронул в своем повествовании.

При переходе от общих к *частным конкретным* вопросам необходимо дать рассказчику возможность самому формулировать исходные представления с помощью принятого в его социальной среде сло-

варного запаса и оперировать привычными для него понятиями и терминами. Лучше использовать короткие и простые вопросы.

Для развертывания ответа частные конкретные вопросы опросника могут носить *уточняющий* характер. Корреспондент должен стремиться помочь собеседнику, особенно если заметно, что тот затрудняется с ответом, или если исследователю необходимо уточнить какие-то детали. При этом следует избегать *наводящих* вопросов, так как они в скрытой форме могут содержать оценочные суждения интервьюера. Наводящие вопросы, как правило, предвосхищают ожидаемый ответ (например, «Можно считать раскулачивание насильственной политикой?»).

По характеру вопросы также делятся на несколько типов. В устной истории накоплен определенный опыт использования разных типов вопросов, которые можно применять при составлении вопросов по любым историческим проблемам недавнего прошлого. Можно использовать опыт постановки вопросов в качественной социологии и этнологии¹:

Общие вводные вопросы: «Не могли бы Вы рассказать...?», «Не помните ли Вы...?» Их цель – спровоцировать на подробные описания. Остальное интервью можно построить на детализации тех аспектов, событий, явлений, которые были затронуты в рассказе, а для этого использовать другие типы вопросов.

Проясняющие вопросы: «А что случилось? Нельзя ли подробнее...» Они, как правило, задаются вслед за ответом, проясняя сказанное или расширяя информацию.

Конкретизирующие вопросы: «Что Вы тогда подумали?», «Что Вы предприняли?», «Что Вы сами ощущали?». Эти вопросы помогут обогатить событийную канву рассказа «человеческим материалом», получить «человеческое содержание истории» и сформировать источ-

¹ Они проработаны и в качественной социологии и в устной истории. Можно рекомендовать: Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999; Мокрова М. В. Устная история науки...; Илизаров Б. С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания // Вопр. философии. 1985. № 8. С. 63; Квале С. Исследовательское интервью. М., 2003. С. 135; Мещеркина Е. Качественные методы в гендерной социологии // Воспоминания женщин: устные истории переходного периода: Теория и практика. Бишкек, 2001. С. 255–294; Как провести социологические исследования: методология, программы, методы. М., 1987.

ники о таких движущих силах истории, как мнения, установки, поведение человека.

Прямые вопросы: «Вы участвовали в раскулачивании?», «Вы не любили депортированных?» Прямые вопросы – самые результативные для получения ответа, но и самые «опасные». Их можно использовать, если достигнута высокая степень доверия, а еще лучше, если Вы узнали позицию опрашиваемого.

Косвенные вопросы: «Как, Вам кажется, в селе относились к депортированным?» «Как относились в селе к тем, кто раскулачивал? К тем, кого раскулачивали?» При такой постановке вопроса можно узнать отношение респондента к изучаемым событиям через его оценку или мнение о других участниках.

Вопросы-интерпретации могут носить подспудный характер и также быть очень эффективными для выяснения личной позиции рассказчика. Например: «Говорят, что богатыми или кулаками были самые работающие, а беднотой – те, кто лодырничал да непробудно пил». Вопросы-интерпретации могут иметь форму провокации, чтобы заставить рассказчика на своем опыте и опыте своих односельчан опровергнуть либо подтвердить высказывание или порассуждать. Вопросы-интерпретации могут формулироваться в виде утверждения: «В советское время на партийных собраниях не принята была развернутая критика...» или начинаться с фразы: «...То есть Вы считаете?» или «...Если я правильно понял, то...».

Структурирующие вопросы. Обычно интервьюер должен иметь их в запасе и использовать, например, когда тема исчерпана или необходимо прервать многословный ответ не по теме: «Хотелось бы перейти к другой теме...» или «Давайте поговорим о...».

Вопросы, направленные на поиск смысла и раскрытие внутреннего мира респондента: «Почему так произошло?», «Что это для Вас значило?», «Как Вы себя при этом чувствовали?». Эта группа вопросов используется, если целью интервью является именно реконструкция субъективного человеческого опыта. Такие вопросы стимулируют как рассказчика, показывая ему, что исследователя интересуют не просто некие факты прошлого, а сам человек, его жизнь, так и интервьюера, заставляя его «копать глубже», «докапываться до истины».

Вопросы на сравнение, например, «Чем Ваше детство отличалось от детства Ваших родителей?» Такие вопросы способствуют более глубокому изучению какой-либо исторической проблемы или темы. Однако такие вопросы могут быть сложными для респондентов, не склонных к анализу и рефлексии.

Вопросы, высказанные в условном наклонении, например, «Если бы Вам пришлось...?» или в косвенной форме. Такие вопросы могут помочь в случае, если интервьюируемый затрудняется сформулировать ответ, не умеет выразить свои мысли или стесняется признаться в чем-то.

Контрольные вопросы используются для проверки компетентности по опрашиваемой теме. Их можно приготовить заранее, можно сформулировать по ходу беседы, усомнившись в получаемой информации. Для этого исследователь должен располагать достаточной информацией, чтобы проверить, действительно ли респондент обладает теми знаниями, которые он себе приписывает.

Зондирующие вопросы используются, если в ходе интервью возникло ощущение, что респондент что-то недоговаривает, умалчивает или упускает в своем ответе. Зондирующий вопрос может строиться в виде повторения того же вопроса в несколько измененной форме. Можно попросить уточнить смысл высказывания, отдельно ключевого слова или понятия, которые использовал респондент. С зондирующими вопросами тесно связаны *уточняющие вопросы*, которые интервьюер задает, опираясь на сведения, сообщенные ему респондентом. Это может быть упоминание о каком-то неизвестном лице, событии или обстоятельстве, материал, который может представить интересующий исследователя сюжет в новом свете.

Предлагаемые типы вопросников помогают интервьюеру «раскрыть» респондента на личностные суждения, перевести его рассуждения на интересующие исследователя проблемы, если он отклонился и перешел на темы, волнующие в данный момент его самого, или пытается уйти от ответа и т. д. Многие подобные вопросы трудно заранее предусмотреть в вопросниках. Они могут использоваться ситуативно, хотя могут планироваться и заранее. Так или иначе, данные технологии должны быть апробированы не только при составлении вопросников, но и в ходе практических занятий, чтобы научить экспромтом или

ситуативно включать в опрос не запланированные заранее вопросником вопросы. Любое интервью: запланированное, структурированное или проводимое в более свободной форме — должно быть подготовлено через разработку вопросов и подразумевать психологическую готовность корректировать вопросник в ходе интервью. Опыт исследований показывает, что даже живой диалог с участием опытного интервьюера невозможен без знания всех типов вопросов.

- !** Любые типы вопросов должны быть понятны и доступны для расспрашиваемого. При этом необходимо стремиться избегать:
- формулировки вопросов, требующих однозначных ответов — «да», «нет»;
 - наукообразных заумных формулировок вопросов;
 - формулировок вопросов, навязывающих рассказчику понятия и термины, которые, возможно, для него не характерны, непонятны, искажают нарративность индивидуального рассказа;
 - пространных длинных формулировок вопросов. Один вопрос должен укладываться в одно-два предложения и звучать не более 15 сек. Именно в течение такого времени, как утверждают психологи, у собеседника сохраняется активное внимание.

В устной истории, кроме жестко или частично структурированных вопросников, используется и иная технология — в виде «маршрутов собеседования», «путеводителей». Их отличает прорисовка общей канвы опроса. Они больше похожи не на вопросники с четко сформулированными вопросами и жесткой их заданностью, а на заготовки для свободной формы общения. Они эффективны, если во время интервью возникают некие проблемные ситуации. «Маршруты опроса», или «путеводители беседы», могут использоваться экспромтом или постоянно быть в голове как схема развертывания беседы в нужном направлении. Но технологии свободного собеседования или интервьюирования все же являются прерогативой опытных исследователей¹.

В сфере устной истории профессиональные исследователи чаще работают с помощью именно таких свободных вопросников-путеводителей, более открытых для импровизации. В отличие от жестких вопросников, они представляют собой примерный план опроса, в ко-

¹ Примером является описание методики, приведенное в работе: *Андерсон Катрин. Техника интервью: отказ от заранее подготовленного плана // Воспоминания женщин: устные истории переходного периода. Теория и практика. Бишкек, 2001. С. 78–92.*

тором определены интересующие исследователя темы, с формулировкой лишь наиболее важных вопросов, которые нужно не забыть задать информанту. Вопросник в форме путеводаителя отличает определенная последовательность опроса, так называемая стратегия опроса, когда исследователь лишь задает общую тему для рассказа. Некоторые исследователи предпочитают составлять не список готовых вопросов, а перечень или набор тем, которые необходимо осветить в интервью.

Особым достоинством интервью с использованием свободного вопросника является его открытость для внесения изменений и корректировки опроса, исследуемой темы или проблемы. Для нестандартизированного интервью не существует строгих правил проведения опроса или технологий, а используется некий набор методов. Отсутствие жесткой схемы дает огромные возможности для проявления мастерства интервьюера, его знаний. Более того, искусство интервьюера заключается именно в умении выделять перспективные сюжеты, возникающие в рассказе респондента, откликаться на них, задавая вопросы, позволяющие рассказчику развить интересную тему, о существовании которой исследователь перед началом интервью и не подозревал. Идеальным для профессионала является свободное интервью с вопросником-путеводителем, когда от интервьюера требуется только «слышать респондента» и чутко реагировать на ход его мыслей.

Давно работающий по определенной теме или в одном направлении устный историк не нуждается в жестком вопроснике. Он уже свободно владеет и темой, и методикой опроса и может корректировать интервью, «педалируя» те проблемы, которые являются принципиально важными, по которым имеется мало информации или есть возможность получить уникальные сведения. В целом и для начинающих, и для опытных исследователей всегда существует дилемма: следовать появившимся в процессе интервью новым возможностям (тематическим, проблемным, сюжетным, событийным) или придерживаться намеченной схемы интервью.

Путеводителем может служить и программа изучения, которая в комплексе отражает целостность явления, события, процесса. Пример – программа изучения истории исчезнувших сел Алтая, разработанная для историко-этнографических экспедиций АлтГПА (БГПУ) в

рамках научно-практической программы «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие» (см. Приложение 3). На ее основе можно углублять те или иные проблемы и составлять самостоятельные вопросники: как «по вертикали» (хронологический принцип составления опросника, в данном путеводителе — от 1920-х гг., о которых можно еще найти информантов, через 1930–1990-е гг. и до наших дней, например вопросник о возможностях подсобного личного хозяйства в единоличном, колхозно-совхозном и рыночном хозяйстве), так и «по горизонтали» (тематический принцип составления опросника, в данном случае проработка исторических сюжетов каждого временного отрезка, например вопросник с включением вопросов обо всех событиях 1930-х гг. — раскулачивании, образовании колхозов, совхозов, артелей, поселков МТС, спецпереселениях, образовании комсомольской и пионерской организаций, открытии школы, разрушении церкви и т. д.), смешанные вопросники (см. Приложение 4).

Поиск и выбор респондентов

Формирование списка респондентов зависит от целей устноисторического проекта или научно-исследовательской программы по устной истории. От правильного выбора объекта опроса во многом зависит ценность устных исторических источников. В исследовании одних тем для ее раскрытия важным является количественный подход к отбору лиц и стремление к статистической репрезентативности, при котором из всей совокупности выбираются представительные по возрасту, социальному положению, конфессиональной принадлежности и т. д. группы. Такой принцип отбора респондентов особенно широко распространен у социологов.

В устной истории, в отличие от социологии, вопрос о репрезентативности источников решается неоднозначно. Ряд устных историков считает, что этот принцип не столь важен, поскольку цели социологического и устноисторического опроса различны. Каждый устный документ является определенной частицей реконструируемого прошлого и, как элемент мозаики, помогает выстраивать многоцветную картину исторической действительности. Для «человеческого измерения истории» недавнего прошлого, через выявление взгляда человека на исторические события изнутри, необходим диалог исследова-

теля и очевидца. Документ, созданный путем опроса носителя информации о прошлом, содержит его личные оценки, мнения, суждения, ментальные компоненты, отражает психологию, менталитет, внутренний мир человека. Материалы опроса или исторического (исследовательского) интервью, устный исторический источник можно назвать полноценным «человеческим документом». В нем отражаются женский и мужской взгляды, традиционные установки человека и новации, ментальные истоки и психология того общества, в котором он живет, и т. д., то есть то «источниковое сырье», которое необходимо для реализации новейших подходов и направлений в исторических исследованиях. Таким образом, в устной истории большое значение приобретают как раз индивидуальные или субъективные оценки взаимоотношений людей, складывающихся вокруг или внутри тех или иных исторических событий и процессов.

Другие исследователи считают репрезентативность для устной истории столь же обязательной, как и для исторической демографии, экономической или социальной истории и т. д. «Свой взгляд» на прошлое информант (интервьюируемый, рассказчик, респондент, опрашиваемый) сформировал, занимая определенное статусное место в обществе, входя в одну из социальных групп, представляя ту или иную этническую, конфессиональную, семейную, этнографическую культуру. Совокупность оценок людей из разных социальных слоев, экономических или политических кругов позволяет выпукло представить историческое событие, явление или процесс. Устная история как раз и работает с массовыми участниками исторических процессов, создает полный спектр оценок с разных точек зрения. Именно поэтому для успешной реализации исследовательских устноисторических проектов по социальной истории, по их мнению, желательно соблюдать принцип выборки респондентов. Для этого при комплектовании списка респондентов при изучении того или иного события или явления надо стараться охватить весь спектр их участников из разных социальных, профессиональных, этнических, конфессиональных, возрастных и других групп.

Например, изучая какие-либо события из истории сел в 1950-е гг., необходимо включить в документальную базу оценки рядовых колхозников, рабочих совхозов, представителей администрации колхо-

за или совхоза, работников государственной системы здравоохранения, образования, рабочих, занятых в сфере кооперативной или государственной собственности (Закупскот, МТС, леспромхоз, промартели, предприятия Лыноконоплатреста и т. п.). При данном принципе подборки респондентов важное значение приобретают профессиональные и экономические факторы. Одни респонденты принадлежали к колхозно-кооперативному сектору экономики (колхозы, артели), другие – к государственному (совхозы, МТС, леспромхозы). Их оценки и реконструкция исторического прошлого могут сильно различаться в силу разных условий жизни, труда, его оплаты. При колхозно-кооперативной собственности возможности участников исторических процессов долгое время были ограничены (отсутствие паспортов, система трудодней и натуральная оплата труда и т. д.). В государственном секторе экономики были гарантированная денежная оплата труда, гарантированный соцпакет (пенсия, отпуск) и т. д. Эти факторы вели к дифференциации не только между населением двух соседних пунктов – сел с колхозным и с совхозным производством, – но и внутри каждого сельского сообщества: между семьями колхозников, учителей, продавцов.

Другая грань социальной дифференциации пролегла между массовыми рядовыми производителями и представителями администрации и партийной элиты. Значительное влияние на формирование социальных групп в советское время оказывала и политика партийно-тоталитарного государства, в результате которой в обществе выделялись такие группы, как коммунисты, беспартийные, репрессированные, депортированные. На индивидуальные оценки одних и тех же событий влияли и половой, и возрастной факторы. Все эти социально-экономические и социально-политические группы имели разные условия в оплате труда, материальном обеспечении, повседневной и общественной жизни, в гражданских правах. Поэтому прошлое они характеризуют с позиций разного жизненного опыта. Комплекс этих оценок позволяет более адекватно реконструировать прошлое. Таким образом, при работе над той или иной проблемой, например по истории развития сети населенных пунктов, истории репрессий и депортаций и др., социальный спектр опрашиваемых должен быть максимально широк, чтобы набрать материал для

максимально полного человеческого наполнения реконструируемых событий.

При изучении темы «Тыловое российское общество в годы Великой Отечественной войны» очень важна выборка респондентов по возрасту. Самостоятельные вопросники разрабатываются для тех, кто был в трудоспособном возрасте, т. е. старшего и среднего поколений, для молодежи. Условия их жизни и оценки различались в силу разного воспитания и ценностей. Например, люди преклонного возраста являлись носителями традиционного крестьянского мировоззрения, опыта единоличного хозяйствования. Они же имели огромный опыт выживания в экстремальных условиях гражданской войны, массовых эпидемий и голода. Будучи в годы войны людьми с ограниченной трудоспособностью, они занимали свое важное место в деревенском обществе и производственном коллективе военного времени. У них были свои проблемы, и они сформировали свой взгляд на военную жизнь. Иные оценки, ощущения и интерпретации у тех респондентов, которые были подростками и юношами (16–21 год). Они уже воспитывались советской властью и являлись носителями нового коммунистического мировоззрения. Для респондентов, которые были детьми дошкольного и школьного возраста, необходим иной по содержанию вопросник.

Суммируя эти два похода, можно констатировать, что они не должны исключать друг друга: возможно одновременное использование того и другого. Это зависит от целей, задач и формата исследования, предварительной гипотезы и т. д. Историки тоже могут стремиться к репрезентативности источникового материала, но это не всегда является самоцелью, хотя, конечно, и в устной истории возможно достижение репрезентативности, устойчивости и достоверности данных. В некоторых темах для устойчивости и достоверности данных необходима полнота охвата интервьюируемых лиц. Однако вопрос о репрезентативности респондентов в устной истории стоит не так остро, как в социологии. Необходимо самостоятельно решать вопрос о достоверной выборке респондентов в рамках той или иной программы по устной истории.

В устной истории при комплектовании списка информантов исследователи часто исходят из уникальности информации или, наобо-

рот, ее обыденности. При этом точкой отсчета при сборе информации часто становится предварительное изучение письменных источников, проведенных ранее интервью или записанных рассказов, в которых названы возможные респонденты, внесенные в список информантов по совету уже опрошенных корреспондентов как знатоки изучаемой темы или «бывалые люди». Поэтому количественный принцип берется во внимание в меньшей степени, чем целеполагание или потребность в носителе той или иной информации.

Отбор респондентов – наиболее ответственный этап подготовки интервью. Отобранные собеседники должны не только быть готовы рассказывать, но и способны понимать поставленные вопросы, уметь ответить на них. Эта способность существенно различается при ответах на конкретные вопросы и на вопросы, требующие обобщений, когда играют роль не только возраст, но и образование, социальное происхождение, этническая принадлежность, религиозные и политические предпочтения. «Лучшим» респондентом для устного историка считается тот, кто может дать информацию о себе, о своих взглядах, позициях, действиях в определенной исторической ситуации. В то же время он должен оценивать прошедшие события, поведение других лиц, действия социальных групп или институтов. Опыт устноисторической работы показывает, что для большинства респондентов всегда легче дать информацию о себе (т. е. судить о событиях «со своей колокольни»), чем о других людях в той же ситуации. Есть и другая категория интервьюируемых, которые склонны охотно описывать поведение и действия других людей, оценивать их влияние или роль в том или ином событии, предполагать, осуждать, восхищаться.

Правильный подбор респондентов определяется также знанием форм устных свидетельств, в частности учетом разницы между «устным историческим источником» и «устным источником». Первый создается на основе опроса непосредственных участников, очевидцев и свидетелей, т. е. современников изучаемого периода. Именно поэтому не тождественны понятия «создавать источники» путем опроса современников и «собирает источники» (например, собирать пословицы, частушки, предания, легенды и т. д.). В первом случае источник является результатом работы двух человек – исследователя и носителя информации, во втором случае исследователь собирает у населения су-

ществующие в готовом виде фольклорно-лингвистические продукты устного народного творчества, передаваемые из поколения в поколения не один десяток, а чаще не одну сотню лет.

Между ними находятся переходные формы вербальных источников. Например, спорным является определение природы устных рассказов, как правило, семейных историй, полученных от респондентов, пересказывающих информацию, полученную от родителей, дедов, прадедов, являвшихся непосредственными современниками описываемых событий (например, рассказы родителей о переселении предков из Европейской России на Алтай или рассказы дедов о раскулачивании их родителей). В таком случае деды и родители являются не непосредственными участниками, а пересказчиками и хранителями семейных жизненных историй, услышанных от старших. На наш взгляд, вопрос о признании их устными историческими источниками, использовании и способах интерпретации должен решать сам исследователь, который обязан проводить внешнюю критику источника. Кроме того, степень доверия к ним зависит от целеполагания исследователя. Если его интересует событийная или фактологическая информация, то к полученной из семейных историй информации надо относиться осторожно, проверять ее другими источниками. Если он изучает эмпирический опыт, то любая интерпретация прошлого, в том числе в пересказе последующих поколений, может являться «пищей» для размышлений исследователя или предметом анализа.

В связи с этим выбор респондентов для тех или иных устноисторических проектов, можно сказать, в определенной степени зависит от задачи опроса:

— при создании источников с ориентацией на событийное или фактологическое прошлое необходимо искать участников. Исследователь может столкнуться с проблемами: часть респондентов уже ушла из жизни, другие уехали и труднодоступны для общения, некоторые почему-либо отказываются от беседы. В этом случае необходимо особенно тщательно проработать методику действий. Возможно расширение исследовательского арсенала: например, при удаленности респондента — применение анкет фиксированного или свободного образца; при нежелании говорить — продуманная мотивация или система защиты информанта, в зависимости от причин отказа, и т. д.;

– при изучении типичных исторических процессов с акцентуацией внимания на ощущениях человека, его интерпретации событий важна репрезентативная выборка респондентов. Иначе говоря, каждого респондента следует отнести к определенной социальной (возрастной, этнической, конфессиональной, политической или иной) группе и сформировать достоверную выборку ее представителей. Возможен противоположный принцип, когда изучается история изнутри одной группы – к примеру, интеллигенции или какой-либо конфессиональной группы. В устной истории часто используется деление интервьюеров на две группы: представителей «верхних этажей общественной лестницы» (элитный принцип подборки респондентов) и представителей «нижних этажей общественной лестницы» (демократический принцип, характерный для «истории снизу»).

И при событийной акцентуации устной истории, и при выяснении субъективной подоплеки исторических процессов чаще используется второй принцип. Он позволяет посмотреть на изучаемое событие глазами представителей разных социально-культурных групп и более выпукло реконструировать его. Более того, он позволяет структурировать научный анализ и историописание.

Необходимо отметить, что на современном этапе в устной истории, когда «фокус исследования все больше смещается с установления объективных „фактов“ прошлого в сторону изучения самих воспоминаний – субъективного восприятия человеком своей прошлой жизни, приведение интервью „к одному знаменателю“ – выделение общих, типичных характеристик становится все более затруднено»¹. Погоня за открытиями в сфере событийной истории, столь характерной для прошлой истории и для краеведческого движения, уступает место желанию проанализировать не само событие, а «человека в событии». Кроме того, современная динамично развивающаяся информационно-коммуникационная среда позволяет фиксировать большое количество происходящих событий, фактов, явлений и хранить их. И чаще всего задача исследователя – не столько найти источники, сколько суметь грамотно отобрать их для анализа.

¹ Лоскутова М. В. Устная история: методические рекомендации по проведению исследования. СПб., 2002. С. 15.

Многолетний опыт устноисторических исследований позволяет описать несколько способов поиска респондента. Можно воспользоваться также методическим опытом и социологов, и этнографов:

— метод «снежного кома»: список респондентов создается по цепочке благодаря информации от предыдущих информантов. Обычно в ходе интервью либо целенаправленно, либо опосредованно интервьюер узнает имена и координаты людей, которые могут дать интересующую информацию. Кроме того, такой способ является эффективным способом начала работы с новым информантом, так как «рекомендация» предыдущего рассказчика, который сослался на его авторитет в знании изучаемого события, вызывает расположение. Так от одного респондента к другому формируется «неформальный список информантов». Он будет постоянно расширяться по ходу исследования;

— можно идти и официальным путем и составить «формальный список». В таком случае исследователь через администрацию села, района, предприятия получает подробные списки с указанием возраста, адреса, социального статуса, образовательного и культурного уровня респондентов. При этом часто предоставляется трудовая биография человека. Это поможет сориентироваться в сфере его воспоминаний. Но, как показывает практика, такой путь чреват большой потерей времени и непродуктивностью интервью. Как правило, на уровне администрации рекомендуются известные люди, активные участники общественной и производственной жизни. Они представляют определенную социальную среду, которая формировалась государством, партией, общественными или политическими группами и соответственно отражает интересы этих социальных групп. Такой способ подбора информантов подходит, например, для изучения истории общественных движений, партийной элиты и т. д. В эту группу входят и известные уважаемые люди — передовики производства, победители соцсоревнования, участники освоения целины, ветераны войн.

Для этой группы общественно значимых и публичных личностей характерна привычка к интервью по определенной тематике. Они, как правило, говорят уже заученными фразами, сформировавшимися в ходе многочисленных выступлений на вечерах встреч со студен-

тами, школьниками, интервью с журналистами. Подобные случаи бывают и с той категорией старожил, к которым обращались при сборе, например, частушек, свадебных обрядов другие исследователи – этнографы, фольклористы, социологи. Такую категорию надо стараться сразу же выявить и с помощью неформальной беседы, оценив возможную ценность информации, затем неожиданным или провоцирующим вопросом «выбить» из привычной колеи воспоминаний и вывести на интересующие темы. При этом, возможно, понадобится время, чтобы добиться результата;

– проверенным способом является «метод слухов», когда интервьюер выходит в зону посещаемых мест, например, на скамейку около сельского магазина или на крыльцо фельдшерского пункта и расспросами входящих или выходящих посетителей создает вокруг себя круг любопытствующих сельчан. Как правило, это женщины разных возрастов, которые идут в магазин и сначала в силу любопытства быстро включаются в разговор, затем в силу доброжелательства, затем в силу соревновательности помогают составить список респондентов по любым интересующим вопросам;

– при «долгоиграющих» проектах, когда приходится искать респондентов по всему региону или всей стране, исследователь использует другие способы – переписку, официальные запросы, телефонные контакты, интернет и др. Примером подобной работы являются устно-исторические проекты правозащитной организации «Мемориал», архив воспоминаний-интервью, включающий огромное количество документов со всей страны или из-за границы. Среди них – устно-исторический проект «Остарбайтеры». Подобным же образом занимаются устной историей сотрудники музея «АЛЖИР» (Астана, Республика Казахстан) – «Акмолинский лагерь жен изменников родины». Подготовка к собеседованию с разбросанными и в России, и за рубежом информантами требует создания определенного банка данных заранее. В него входят все письменные документы, возникшие в ходе подготовки к интервью: переписка с респондентами или людьми, знавшими их и дающими определенную характеристику, официальные запросы и ответы, фотодокументы, возможные договоры с респондентом или неофициальные соглашения о целях, характере, масштабе и последующем использовании интервью, условия записи беседы и т. п.

В любом случае результатом поисковой деятельности является составление рабочего списка информантов, с которыми важно правильно организовать работу. Следует ввести, во-первых, систему регистрации проведенных интервью, во-вторых, знаковую систему для обозначения информации о респондентах (возраста, причастности к тем или иным событиям, процессам, явлениям и т. п.), позволяющую определять приоритетных респондентов, т. е. тех, кто может быть важным источником информации. По мере углубления в опрос и расширения круга потенциальных респондентов предварительный их список может дополняться новой информацией, а приоритет респондентов — соответственно корректироваться.

- !** 1. Необходимо учитывать при определении очередности работы с респондентами состояние их здоровья и возраст, чтобы не потерять время и не лишиться носителя информации о наиболее удаленных от исследователя событиях. 2. Часто начинающие интервьюеры задают вопрос: «Сколько нужно опросить информантов по одной теме, чтобы материала было достаточно для получения выводов»? Конечно, можно ввести определенный коэффициент насыщения, когда, как говорят некоторые исследователи, интересующая информация начинает повторяться в интервью уже в 20–30-й раз. Но часто однотипность и повторяемость ответов является следствием неумелого проведения интервью, отсутствия опыта общения, умения «разговорить» респондента либо результатом неграмотного составления вопросников.

Рекомендации для проверки усвоенного материала. Вопросы для обсуждения на семинарах. Практические задания для самостоятельной работы

1. Попробуйте сформулировать определение понятия «опрос». Какие виды опроса существуют? Подумайте, в каких науках или научных дисциплинах опрос используется как научный метод. Можно ли говорить об использовании опроса в исторической науке в прошлом и настоящем? Обоснуйте свое мнение.
2. Как вы понимаете принцип выбора темы устноисторических исследований сформулированный следующим образом: «необходимо учитывать общероссийские закономерности и региональные особенности»? Что может быть названо регионом? Приведите несколько примеров различий или специфики

- региональной истории. Порассуждайте, какие факторы могли влиять на особенности общероссийских исторических процессов в том или ином регионе.
3. Назовите хронологические рамки советского периода новейшей истории России. Выделите этапы в его развитии. Подумайте над особенностями региональной истории в советский период. Обозначьте возможные направления изучения «советской истории» как в масштабе всей страны, так и на территории региона. Какие проблемы советской истории, на ваш взгляд, необходимо включить в программы устноисторических исследований? По каким темам безотлагательно необходимо начать работу? Разработайте свой проект по устной истории, исходя из потребностей исторической науки и собственных интересов. Составьте необходимую для его реализации библиографию. Спланируйте работу в архивах. Подберите фонды. Оцените их источниковый потенциал. Очертите круг возможных респондентов и составьте план поиска респондентов.
 4. Перечислите и опишите виды и типы вопросов.
 5. Какие обстоятельства необходимо учитывать при составлении вопросников? Раскройте возможные принципы формирования вопросников. Охарактеризуйте основные подходы к составлению вопросников. С какого из них лучше начинать подготовку историков в школе, в вузе? Можно или нельзя сказать, что тому или иному принципу формирования вопросников соответствуют те или иные вопросы по форме или по характеру? Обоснуйте свое мнение. Выберите схему вопросника: жестко структурированного, маршрутного или «путеводителя» — и составьте для своих товарищей, знакомых, родственников вопросник по биографическому принципу с вопросами разного типа и по форме, и по характеру. В чем разница между этими вопросниками?
 6. Назовите и охарактеризуйте способы поиска респондентов. Подумайте, какие еще возможны пути расширения списка информантов. Сформируйте собственную систему выборки респондентов по выбранной теме.
 7. Обсудите, какие принципы отбора (выборки) респондентов важны для устноисторических проектов. Составьте список требований к респондентам по какой-либо выбранной вами теме. Ранжируйте их по степени важности. Возьмите у одноклассников составленные им списки информантов по другим темам. Сравните выборки респондентов и степень значимости требований к каждой группе. Порассуждайте о соблюдении принципа репрезентативности в устной истории. Сравните требования социологов (для этого возьмите учебник по социологии) и устных историков.

8. Поразмыслите, что может дать устная история для изучения истории российского общества за последние 10–20 лет. Составьте перечень тем, при изучении которых можно использовать устную историю как метод и как источник. Как вы думаете, можно ли с ее помощью найти решение «истинно больших проблем»?
9. Напишите программу или проект по устной истории для работы в образовательных учреждениях, сориентировав их на конкретный возраст (начиная с начальной школы), или для собственных научных изысканий. Обоснуйте цель и задачи.
10. Выберите одну историческую проблему с целью ее изучения. Поставьте вопросы разных видов и разных форм. Редактируя их, поставьте себя на место человека, которому вы предназначаете вопросы. Попробуйте изменить вопрос в соответствии с разными категориями респондентов.
11. Перечислите параметры характеристики респондента, которые необходимо учитывать для формирования стратегии поведения интервьюера. Спрогнозируйте возможные трудности при общении с пожилыми респондентами, с представителями этнических меньшинств, с репрессированными и т. д.
12. У разных респондентов одни и те же события описываются похожими фразами. Как вы думаете, что это может означать? Что они одинаково воспринимали события? Что неудачно составлены вопросы? Что неправильно ведется опрос? Что еще? Обоснуйте свое мнение.

Основной этап: проведение интервью и фиксация устной информации. Другие технологии опроса

Интервью и беседа: сходство и различия • Характеристика участников диалога • Типы интервью • Логика (этапы) проведения исторического интервью • Прелюдия; введение в интервью. Установление контакта • Начало интервью. Разминка • Оформление паспорта устного источника • Программные вопросы: сотрудничество с интервьюируемым • Категории респондентов • Условия проведения интервью • Способы стимулирования рассказчиков • Завершение интервью • Морально-этические факторы и принципы интервьюирования. Кодекс интервьюера

Интервью и беседа: сходство и различие

В современной практике встречаются разные виды опроса, ведущего к созданию нового источника, — интервью (качественное, исследовательское, историческое интервью): беседа, расспрос, опрос и т. д. По назначению они не исключают друг друга. С одной стороны, интервью можно определить как разговор, беседу, диалог между двумя людьми по интересующей обоим теме. С другой стороны, некоторые устные историки различают две самостоятельные формы опроса — интервью и беседу. Они считают, что «беседа отличается от интервью тем, что спрашивающий является таким же равноправным собеседником и создателем будущего текста, как и человек, дающий интервью. При этом коммуникативный акт происходит не в виде „вопрос—ответ“, а позволяет и обмен мыслями между участниками беседы», тем самым «повышает возможность объективного освещения темы разговора»¹. Интервью в таком случае отличается от беседы тем, что интервьюер задает направление рассказу интервьюируемо-

¹ Программа учебного курса «Устная история науки и техники в Москве» // История науки и техники в Москве (учеб.-метод. материалы) / С. С. Илизаров, О. А. Алькова, М. В. Мокрова. М., 2003. С. 203.

го, стимулируя вопросами освещение тех или иных проблем, в том числе таких, о которых собеседник не всегда хотел бы говорить, наполнение рассказа материалом, и таким образом формирует основное содержание текста, но сам отстраняется от оценок и рассуждений. Корреспондент задает вопрос, респондент отвечает. Есть и третий подход. Некоторые устные историки категорически отвергают использование слова «интервью». Так, В. Д. Дувакин, создавший одним из первых в СССР в 1970-е гг. в МГУ коллекцию устных источников по истории университетской науки, сознательно называл встречи с респондентами «беседы». Этой же точки зрения придерживается В. С. Губарев. Он так определил свой метод: «То, чем я занимался, — это не было интервью. Это были расспросы, в которых участвовали два равных собеседника»¹.

Для такой позиции есть некоторые основания, так как интервью в устной истории носит более свободный, открытый и менее формализованный характер, чем в других социогуманитарных науках, прежде всего в социологии. В устноисторических интервью люди рассказывают о своей жизни, «гуляют» по лабиринтам памяти с помощью интервьюера, заходят в улочки, закоулки, тупики глубоко расположенной и даже спрятанной исторической памяти.

По сути дела, действительно, интервью — это процесс взаимодействия между репортером и собеседником, а их вопросы и ответы составляют основу для создания устного исторического источника. Однако полностью согласиться с этим мнением нельзя. Устный историк должен минимизировать свое влияние на рассказчика и тем более не высказывать свои оценки и не оспаривать оценки собеседника. Каждый рассказчик имеет свой стиль воспоминаний, повествования, рефлексии, свой жизненный опыт, свою историческую память, и фиксировать надо конкретный эмпирический опыт. Информационная среда, изучаемая в процессе исторического интервью, очень разнообразна, что в определенной степени объясняется именно индивидуальностью рассказчиков. Это, собственно, отличает устный исторический источник как задокументированное историческое интервью от стандартного формализованного интервью, например в социологии, зани-

¹ Цит. по: Мокрова М. В. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению. М., 2004. С. 19.

мающейся выявлением не индивидуального, атипичного, а общего — закономерностей и тенденций развития общества. Социологические интервью используются практиками для прогнозирования социального развития. В этом плане результаты формализованного интервью социологии больше обращены в будущее, а устной истории — в прошлое.

Характеристика участников диалога

Технология устной истории предусматривает свою методику, аккумулирующую и адаптирующую междисциплинарный опыт контактных методов исследования исторической памяти. Одним из не до конца решенных вопросов является характеристика участников интервью и оценка вклада каждого из них в создаваемый исторический документ. В частности, существует терминологическая разнобой в названии участников процесса интервьюирования. Как правило, в нем участвуют два собеседника, иногда говорят «собеседчика» — «расспросчик» и «рассказчик», или «интервьюер» и «интервьюируемый», или «корреспондент» и «респондент». Часто применительно к носителю информации встречается термин «информатор» или «информант». В последнем случае двойственность является результатом споров вокруг слова «информатор». Если в этнологии его использование не вызывает нареканий, то у историков, в том числе и устных историков, оно встречает возражения. Связано это с российской историей репрессий, когда «информаторами» назывались люди, из страха или по убеждениям завербованные в дореволюционное время царской охранкой, в советское — НКВД. Дискредитация этого слова в период тотальной слежки и репрессий привела к тому, что от него отказались многие российские центры устной истории, например известная правозащитная историко-просветительная организация «Мемориал», коллектив устных историков этнологического факультета Европейского университета. В обыденной памяти старшего поколения слово «информатор» также часто ассоциируется с понятием «осведомитель». Хотя такая практика получения информации силовыми и правоохранительными структурами существовала и существует во всех странах мира и является частью системы государственной безопасности, массовый отечественный опыт работы и НКВД в советское вре-

мя и царской «охранки» в дореволюционной России сформировал негативное отношение к «информаторам» как доносчикам на близких и знакомых людей. Если же отстраниться от этих эмоций, то слово «информатор» довольно точно отражает роль собеседника в интервью как носителя информации. Но многие исследователи, занимающиеся устной историей, прочно перешли на термин «информант», так же как и ряд отечественных социологов. Для зарубежной устной истории терминологическая дискуссия не является актуальной.

Типы интервью

В устной истории приемлемы разнообразные типы интервью, исследователь может гибко трансформировать их в зависимости от ситуации, адаптировать к любой теме, проблеме, любому собеседнику.

По форме оно может состоять в жестком следовании логике исследования, определенной вопросами (социологи говорят в таком случае о жестко структурированном интервью, устные историки — об интервью по строго определенным вопросам) или быть организовано в виде свободной беседы или собеседования. Социологи в последнем случае говорят о полуструктурированном интервью, устные историки — о свободном интервью, интервью с вопросником-путеводителем или вопросником-маршрутом. Так или иначе, здесь имеет место *открытая* форма интервью, «в котором интервьюер выглядит как любопытный знакомый, который — по типу повседневного разговора — задает наводящие вопросы»¹. В последнем случае вновь приходится возвращаться к проблеме определения метода устной истории как «беседы» или «интервью». Поскольку неформальное интервью тоже может содержать один самый общий вопрос «Что с Вами произошло» или начинаться с него, его можно назвать интервью-беседой, поскольку в нем фактически отсутствует формализация. Исследователя называют «интервьюер-беседчик», он способен адаптироваться к условиям беседы, большинство вопросов рождается на глазах респондента и вытекает из непосредственного контекста беседы. Чаще всего «интервьюеру-беседчику» приходится «плыть по течению». Минусы такой формы социологи видят в том,

¹ Фукс-Хайнриц В. Биографический метод // Биографический метод в социологии: история, методология и практика / под ред. Е. Ю. Мещериной, В. В. Семенов. М., 1994. С. 27.

что она «требуется гораздо большего времени для сбора систематической информации», а данные, полученные в ходе «бесед», очень трудно сводить вместе и анализировать. Поэтому качественные социологи используют еще две формы: «мягкое» интервью с вопросами, включающее список тем, которые должны быть изучены в ходе интервью, и «стандартизированное» интервью с общими для всех вопросами, задаваемыми в определенной последовательности, и в жесткой постановке вопросов¹. Но при использовании любой формы интервью является диалогом или своеобразным дуэтом, в котором ведущая партия принадлежит интервьюеру, а респондент является «оркестром».

Кроме интервью-дуэта, возможно проведение группового интервью, когда интервьюер работает с группой информантов, вызывая их на коллективные воспоминания и обсуждение интересующих исследователя проблем. В деревне очень хорошим способом группового интервью является беседа с бабушками на скамейке или на крыльце сельского магазина. Преимущества группового интервью — привычная для рассказчиков обстановка, помогающая им расслабиться, распределение ответственности за рассказ на всех участников, более раскрепощенное поведение собеседников. Совместное обсуждение активизирует их память. Недостаток — то обстоятельство, что групповое мнение оказывает давление на информантов и сдерживает высказывание ими собственной точки зрения, ведет к подстройке индивидуального рассказчика под общую позицию. В этом случае интервьюеру необходимо корректировать ситуацию, в частности ослаблять стремление группы навязывать точку зрения всем участникам беседы, нейтрализовать стремление наиболее авторитетных или активных собеседников монополизировать обсуждение.

Групповое интервью может проводиться и по иной схеме, когда, наоборот, рассказчик один, а респондентов несколько. Такой вариант особенно распространен в школьном или студенческом коллективе устных историков. Его часто использует руководитель группы на стадии подготовки и обучения исследовательского коллектива, выводя начинающих устных историков группами на пробное интервью, в

¹ Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999. С. 183–189.

котором ведущую роль играет сам руководитель, а ученики присутствуют в качестве пассивных наблюдателей с постепенным включением в интервью. Многие молодые исследователи на первых порах из-за неуверенности, неопытности также предпочитают ходить на интервью не в одиночку, а вдвоем или втроем. Возможна, а иногда и целесообразна работа группой из двух или трех опытных интервьюеров, особенно в случае уникальности информанта или в выездных проектах, когда один подстраховывает другого вопросами.

! При любой форме интервью важно фиксировать информацию о рассказчиках, в случае группового интервью — отмечать порядок включения респондентов в разговор или просить называть свое имя перед каждым высказыванием. Это необходимо для дальнейшего транскрибирования интервью и его использования в историописании. В таком случае каждому рассказчику присваивается номер, под которым фиксируются принадлежащие информанту слова, даже междометия. На каждого участника составляется подробная информация.

По содержанию интервью, в соответствии с вопросником, может быть *тематическим*, т. е. посвященным определенной проблеме, теме, вопросу, или *биографическим*.

Тематическое интервью более жестко следует программе исследования; исследователь придерживается, как правило, вопросов. Большинство историков работают именно в русле тематического интервью, составляя вопросы, уточняющие, выявляющие, расширяющие, углубляющие те исторические проблемы, которыми они занимаются. К тематическому интервью чаще обращаются в образовательных учреждениях — как на уровне научного коллектива, объединенного проектом или программой по устной истории (примеры — тематическое интервьюирование коллективом устных историков Европейского университета в Санкт-Петербурге по теме «Строительство БАМа», «Граница и люди: воспоминания переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка», исследование коллектива историков историко-просветительного общества «Мемориал» по темам «Восточные остарбайтеры», «История репрессий жен советских чиновников и военных в 1930-е гг. на примере интервьюирования узниц Акмолинского лагеря жен изменников Родины (АЛЖИР)»), так и на индивидуальном уровне — в школьных, студенческих, преподава-

тельских, исследовательских работах. Часто эти индивидуальные тематические интервью являются базовыми источниками по истории населенных мест, локальных событий, жизни и деятельности знатных людей населенного пункта и т. д.

Биографическое интервью может быть построено в свободной форме и начинаться с просьбы «Расскажите о...». Однако успех этого типа интервью зависит от рассказчика, его навыков свободного рассказа, его умения повествовать. В противном случае исследователь должен взять процесс биографического рассказа в свои руки и с помощью наводящих вопросов помочь составить законченное «жизнеописание» (life story). Практика показывает, что такой тип исследовательского интервью меньше подходит для работы с рядовыми участниками истории при изучении «истории снизу» и является эффективным в работе с публичными людьми – политиками, учеными, писателями, общественными деятелями и т. д.

Очень интересный опыт проведения «биографического историко-научного интервью» накоплен информационно-аналитическим центром «Архив науки и техники» Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Участники проекта «Устная история науки Москвы» разбивают интервью на несколько частей (этапов): собственно автобиографическое повествование и затем уточняющее биографическое интервью, вопросы которого формируются исходя из услышанной ранее автобиографии. Приведем отрывок из программы учебного курса этого коллектива: «Сначала вы предлагаете респонденту рассказать о себе с самого начала, с момента рождения до сегодняшних дней, все из своей биографии, что он сам сочтет нужным поведать.

На этом этапе автобиографическое повествование (нарратив) не прерывается интервьюером и фактически имеет форму монолога. Затем, когда собеседник дает понять, что он закончил (это могут быть фразы типа: „Ну вот, кажется, и все...“, „Ну что вам еще сказать...“ и т. д.), вы задаете вопросы по содержанию услышанного. При этом большинство ваших вопросов будут начинаться с воспроизведенного по памяти фрагмента из услышанного повествования, требующего пояснения, а уже затем будет следовать сам вопрос. Например: „Простите, Вы говорили, что после того, как... С чем это было связано?“.

На заключительном этапе „биографического историко-научного интервью“ исследователь задает вопросы, не связанные с нарративом, заготовленные заранее и включенные в вопросник. Иногда уточняющие вопросы могут возникнуть через несколько дней после встречи, после прослушивания записи или чтения ее расшифровки. Тогда необходима вторая встреча с этим же респондентом»¹.

Один из ведущих специалистов в области биографического метода Вернер Фукс-Хайнритц выделяет следующие виды биографического интервью: *лейтмотивное* и *нарративное*.

Лейтмотивное интервью представляет собой опрос респондентов, как правило, из одной сферы деятельности: например, история физики, история ДнепроГЭС. Для них, в соответствии с хронологически-поступательным развитием, составляется вопросник по ключевым событиям. Его вид может быть различным, это может быть как «подробно разработанная анкета от пятидесяти и более вопросных сфер, которые должны быть обсуждены с опрашиваемым одна за другой, так и лист-подсказка для интервьюера на несколько тем, которые, если опрашиваемый не выйдет на них сам, должны быть заданы в конце интервью». Такое определение лейтмотивного интервью показывает его видовое сходство с тематическим интервью.

Вернер Фукс-Хайнритц называет ряд преимуществ лейтмотивного вида биографического интервью. Это и возможность сравнивать «места многих интервью друг с другом, поскольку они вызваны одинаковыми вопросами из лейтмотива», и быстрее производить оценивание, «поскольку вопросы лейтмотива содержат какой-то минимум важных тем, от которых исследователю нельзя отказаться». Наконец, важным для руководителей коллектива устных историков из образовательных учреждений является то, что «лейтмотивные интервьюеры могут и не быть безусловно хорошими интервьюерами»².

Нарративное интервью в биографическом методе исследования представляет собой стимулирование рассказов. Оно начинается с просьбы «рассказать подробно жизнь по своим релевантным крите-

¹ Программа учебного курса «Устная история науки и техники в Москве» // История науки и техники в Москве (учеб.-метод. материалы) / С. С. Илизаров, О. А. Алькова, М. В. Мокрова. М., 2003. С. 224–225.

² Фукс-Хайнритц В. Биографический метод... С. 25.

риям, следуя происходящему с течением времени... Как только опрашиваемый прекращает рассказывать свою жизнь... интервьюер должен пытаться его снова подвигнуть к рассказу», чтобы выявить «образцы значений и собственно теории информанта о своей жизни», обоснования, оценки, «рассказывать о событиях и ориентациях действий, о которых он бы молчал из стыда или из-за переплетения интересов». Главное преимущество нарративного интервью состоит в том, чтобы «представить свою историю жизни по своим собственным критериям»¹.

Так же как и в устной истории, в биографистике возможно смешение разных видов опроса. В качестве примера Вернер Фукс Хайнритц привел проект Oral history «Об истории жизни и социальной структуры в Рурской области» под руководством Л. Наэтхаммера, использующий комбинацию разных видов интервью при создании биографии. Единственным условием смешанного подхода являлось проведение нескольких интервью, что позволяло «употребить один за другим нарративное и лейтмотивное интервью или апробировать комбинацию открытого интервью с анкетным опросом и групповой дискуссией».

! Создание биографического интервью на первый взгляд кажется простым. У начинающего интервьюера создается впечатление, что достаточно только подтолкнуть респондента вопросом к повествованию. Но нужно помнить, что в интервью-воспоминании информативно не только содержание, но и форма повествования. Изучение нарративной формы интервью может дать исследователю сведения о ментальности, идентичности, социальном статусе человека и т. д., кроме того, часто позволяет обнаружить проявления латентной (скрытой) информации.

Ряд исследователей наряду с биографическим интервью или вместо него выделяют генеалогическое интервью, когда в фокусе исследования находится не история жизни одного человека, но истории жизни нескольких поколений одной семьи. Очень эффективно использование генеалогического интервью в микроистории, при изучении микроколлективов, микропоселений или династий (ученых, сталеваров, учителей и т. п.). В крестьяноведении генеалогическое интервью позволяет через историю семьи изучать историю всего обще-

¹ Фукс-Хайнритц В. Биографический метод... С. 25.

ства, так как при реконструкции генеалогии крестьянской семьи опрос уводит в глубь крестьянского традиционного общества, а завершается современностью: в интервью старшие респонденты — из эпохи единоличников, средние — из советской эпохи, внуки — дети перестройки, правнуки — постсоветской России. В таком генеалогическом «вертикальном» интервью меняются эпохи, прослеживаются традиции и тенденции социального развития за относительно большой отрезок времени.

Можно выделить как самостоятельный и смешанный тип интервью. Оно может быть одновременно тематическим и биографическим; генеалогическим и тематическим; биографическим и генеалогическим. Его характер зависит от цели и задач исследования. Примером является российско-английский проект «Социальная структура советского и постсоветского села» под руководством ректора Школы и профессора Манчестерского университета Теодора Шанина. В его реализации использовались как традиционные для классической социологии количественные методы (потребительский бюджет), так и неформализованные варианты интервью¹. «Изначальная установка проекта на изучение „зоны молчания“ через „голоса снизу“ предполагала обращение к темам в прошлой и настоящей жизни российского села, которые долгие годы замалчивались. Естественно, что обращение к этим темам требовало от интервьюеров-исследователей новых методических навыков»². Это привело социологов-участников проекта к использованию неформализованных интервью, в основе которых лежало изучение истории семьи, семейных историй как результат применения генеалогически-тематических или биографических видов интервью. О. И. Масловой, обобщившей их опыт работы, такой подход напомнил забытую практику экспедиционных исследований села конца XIX — начала XX в., которую создавали земские статистики, работавшие не только как интервьюеры, но и как этнографы³.

¹ Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М.: Аспект-Пресс, 1996. 412 с.

² Маслова О. М. Предисловие: услышать и понять партнера по социальному процессу (заметки после чтения рукописи) // Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1993. С. 6–7.

³ Там же. С. 6.

Целесообразность использования исторического интервью (тематического, биографического, генеалогического, смешанного по содержанию и формализованного или свободного по форме) в гуманитарных науках обусловлено тем, что люди живут и действуют в мире, изменяют его и сами изменяются под воздействием последствий своих действий. Человеческое поведение в устной истории изучается в конкретной социально-исторической ситуации, находящейся в непрерывном изменении и развитии и откладывающейся в сознании человека. И при всем скептическом отношении к интервью со стороны точных наук, признающих только систематизированные знания, полученные и проверенные экспериментом, гуманитарные науки отказались от позитивистского отрицания качественных методов исследования и ограничения исследований только измеряемыми и объективными фактами исторической действительности. Целью исследовательского исторического интервью не является получение исключительно количественных (статистических, хронологических, фактологических) данных; основная информационная ценность интервью заключена в обыденной устной речи. Материалы интервью могут быть двусмысленны и противоречивы, а полученные данные — не воспроизводиться у других опрошенных, хотя интервью, в ходе которого создаются качественные источники, может породить и систематизированные знания.

Логика проведения исторического интервью. Прелюдия

Часто вступительную часть интервью называют разогревающим, вводным, ознакомительным этапом. Он является своеобразной разминкой, прикидкой, от него часто зависит успех всего опроса. Как уже подчеркивалось, интервью представляет собой непринужденную беседу двух равно заинтересованных людей, проводимую по определенному плану (вопросник, путеводитель, примерный план или программа, маршрутный лист опроса). Доверительность интервью, атмосфера живого общения создается в начале опроса.

На этом же этапе интервью оговариваются правила поведения беседчиков. Один из важнейших вопросов, которые нужно оговорить изначально, — запись вопросов и ответов. Если подходить к фиксации интервью строго, то следует отметить, что зарубежная методика

отвергает запись вручную: она допускается лишь в крайнем случае. Требованием к проведению исторического (исследовательского) интервью на современном этапе является использование звукозаписывающей техники. Собственно, и зарождение устной истории как самостоятельного научного направления связано с созданием и внедрением технических средств для фиксации вербальной и, по возможности, визуальной информации. Устный историк относится к техническим средствам записи как к способу наиболее полно и адекватно зафиксировать оценки и отношение рассказчика к тому или иному событию. При этом обеспечивается возможность сохранить информацию, содержащуюся не только в смысле слов, но и в конструировании фраз, составлении из них тематических фрагментов речи, а также в интонациях рассказчика, паузах, междометиях, проявлениях эмоций и т. п. При видеозаписи фиксируются также мимика, позы, жесты, телодвижения, выражение лица и т. д. Именно в полной совокупности этих элементов отражается личная позиция рассказчика.

В отечественной практике долгое время допускалась и сейчас допускается запись вручную. Объективными причинами этого являются финансовые и материальные трудности российских исследователей, особенно школьных и вузовских, когда даже приобретение диктофонов является проблемой. Но все же нужно помнить, что ручной способ фиксации ведет не только к большим потерям информации, но и к искажениям, связанным со значительным вмешательством рассказчика в текст при перенесении устной речи на бумагу. В наши дни остается все меньше оснований для применения ручной записи в силу широкой доступности технических средств (цифровые диктофоны, диктофоны в мобильных телефонах, в плеерах и т. п.) и их постоянного совершенствования.

Цифровая запись предоставляет больше возможностей, чем аналоговая (на пленке): она может быть размещена в виртуальных «устных архивах» в Интернете, способы ее хранения более надежны, чем на ленточных или бобинных носителях, срок годности которых, как правило, не превышает 10 лет. Актуальным в настоящее время является перевод сделанных ранее записей в цифровую форму. Современные технологии позволяют оцифровывать информацию со старых ленточных носителей.

Для обработки цифровой записи имеются компьютерные программы транскрибирования, значительно ускоряющие перевод устной речи в письменную. Часть из них размещена в интернете. Поэтому прежде чем выходить на интервью, необходимо продумать технические способы фиксации материалов, а также последующего их транскрибирования. При этом следует помнить, что любая форма фиксации — вручную или с технической поддержкой — возможна лишь с согласия рассказчика в случае доверия, достигнутого на начальном этапе интервью.

Придавая большое значение началу интервью, американские устные историки иногда выделяют его в качестве самостоятельного этапа: это является отличительной особенностью зарубежной методики. В таком случае интервью состоит из двух самостоятельных этапов интервью (двух встреч). Западные исследователи называют первую встречу-интервью «*предварительным интервью*». Его задача — установить контакт и взаимопонимание с респондентом. Во время предварительного интервью корреспондент должен объяснить цель своей работы, обсудить условия проведения интервью и его записи (аудиозапись или видеосъемка). В начале интервью оговариваются авторские права и возможность использования материалов другими исследователями. При этом по методике зарубежных устных историков интервьюер ни в коем случае не должен знакомить своего собеседника со списком вопросов, которые будут заданы во время основного интервью. Отечественные устные историки также высказываются против вручения вопросника респонденту, но рекомендуют, если возможно, обсудить с ним структуру интервью, вопросы и темы, которые планируется затронуть в беседе. На наш взгляд, возможны оба варианта: все зависит от состояния и личностных качеств опрашиваемого, возможностей и условий проведения интервью.

Таким образом, независимо от «траектории», интервью — с делением на самостоятельное «племинарное интервью» с первым посещением интервьюируемого и собственно основное интервью при второй встрече, как это принято у американских исследователей, или более распространенное разовое интервью — имеет научно проработанную поэтапную методику. Объединяет тот и другой подход то, что проведение интервью требует творческого подхода, а его особен-

ности обусловлены индивидуальными качествами ведущего, ситуацией опроса и личностными свойствами опрашиваемого. Единый рецепт для всех интервьюеров дать сложно, но ясно одно: успех интервью, независимо от того, предшествовала ли ему предварительная встреча или проводилось сразу основное интервью, определяется умением интервьюера правильно сгруппировать вопросы, расположить их в нужном порядке с учетом текущих обстоятельств, атмосферы беседы и возраста опрашиваемого и грамотно организовать начальный этап-встречу. В целом искусство использования метода опроса-интервью состоит в том, чтобы уметь и знать:

- о чем именно спрашивать (для этого надо владеть знаниями об изучаемой эпохе, событии или явлении);
- как спрашивать (психология общения, этические требования);
- кого спрашивать (необходимо учитывать социальное происхождение, этнический, конфессиональный и возрастной характер, образовательный уровень и состояние здоровья);
- какие задавать вопросы (для этого надо иметь проработанные вопросники);
- где вести беседу (следует учитывать время, место и условия);
- как обрабатывать данные (транскрибирование и документирование устной информации).

Группировка вопросов в интервью имеет свою организационную логику, независимо от заданности и целеполагания всей программы опроса.

Введение в интервью. Установление контакта

Цель этой части интервью или части общения – вызвать интерес к беседе, убедить людей в том, что их знания важны для науки. Американские исследователи установили, что первые четыре минуты беседы с незнакомыми ранее людьми определяют весь последующий разговор. Первый контакт может быть установлен как предварительно, например в виде договоренности о встрече (в городе, как правило, по телефону), так и непосредственно, например неожиданным для носителя информации приходом в условиях экспедиционной работы в селе. Перед началом интервью следует кратко объяснить респонденту цели исследования, обозначить темы, которые предполагается обсудить в ходе интервью.

! Важно на этом этапе не испугать людей и не вызвать у них необоснованных подозрений, прежде чем они поймут задачи исследования.

Опыт показывает, что некоторых респондентов пугает официальный термин «интервью». При знакомстве его лучше не употреблять. Предпочтительнее договариваться о «беседе»: «Здравствуйте, Иван Иванович. Меня зовут Петр Петрович. Я работаю над проектом под названием... Его целью является изучение...» Или: «Я изучаю историю села... Слышал, что Вы... И был бы очень благодарен, если бы Вы согласились побеседовать на эту тему...».

! Руководителю устноисторического проекта также необходимо помнить, что интервьюерам-новичкам присущ страх перед первыми выходами на интервью. Он проходит со временем по мере накопления навыков общения, осознания своих задач и ценности своей работы.

Для создания атмосферы доверительности можно рассказать что-то самому интервьюеру (о дороге, погоде, сослаться на кого-то в деревне или городе). Надо помнить, что если один человек раскрывает конфиденциальные сведения, а в последующем и «свою душу», а другой его только спрашивает, у рассказчика может возникнуть психологический дискомфорт, чувство неравенства. Поэтому интервью станет более доверительным, если интервьюер что-нибудь расскажет и о себе. Нужно быть готовым к тому, что респондент и сам может начать задавать вопросы о жизни интервьюера.

Обязательное условие установления контакта – предоставление интервьюируемому официальной информации о себе (преподаватель, студент и т. д.) и об организации, которую представляет исследователь (школа, институт, музей, университет, факультет и т. п.).

Ведущий интервью обязан объяснить, где и как будет использоваться полученная информация, и тем самым заручиться согласием на ее использование. Интервьюируемый вправе знать, в каких целях будет использован материал. Обращаться к собеседнику нужно уважительно, по имени и отчеству, а не фамильярно, как это принято в деревне. Если исследователь располагает такими материалами, как старые фотографии, газетные вырезки и другие документы, относящиеся к изучаемой теме, можно начать с их просмотра. Можно предпринять и такой ход – попросить показать фотографии из семейного

альбома, связанные с темой разговора. Как известно, подобные материалы вызывают воспоминания и помогают начать разговор, особенно при интервьюировании закрытых, застенчивых, скованных, малообщительных людей.

! Следует помнить: чтобы побудить человека к воспоминаниям, не обязательно задавать вопросы. Существуют вспомогательные приемы, с помощью которых можно стимулировать процесс воспоминаний и добиться развернутых рассказов. Вызвать в памяти прошлое человеку помогают старые фотографии, предметы быта, старые орудия труда и т. д. Пробуждают воспоминания мелодии и песни прошлых лет.

Очень эффективный способ «раскрутки» интервьюируемого — совместное вычерчивание генеалогических схем родства в прошлом и настоящем, построение хронологических схем событий или биографии респондента (линии времени), создание примерных карт-схем исчезнувшего села, расположения лагеря репрессированных, нанесение на карту сети поселков МТС, единоличного или колхозного землепользования и т. д.

На практике школьники и студенты быстро убеждаются, что успех всего интервью определяется именно вступительной беседой. Даже у опытного интервьюера, для которого не имеет значения, кого он выбирает для интервью, успех опроса зависит от первого контакта с собеседником. Как правило, откровенности и доброжелательности интервьюируемого способствует информация о том, почему с вопросами обратились именно к нему, почему интересуется именно его мнение, от кого узнали о нем. Часто первая встреча с глазу на глаз может определить успех или, наоборот, оказаться концом попытки создать устный исторический источник. Именно поэтому четыре минуты начала беседы надо провести с максимальной пользой. Каждый человек индивидуален, к каждому собеседнику желательно подобрать свои «ключи». Лучшим способом является поиск общих увлечений, интересов, пристрастий или общих знакомых. Только при доверительных отношениях можно открыто обсуждать детали личной жизни человека и его отношение к историческим событиям.

! Одним из способов установления доверия может являться готовность самого респондента рассказать о себе, но не допустимо высказывать свое мнение

или свое отношение к обсуждаемому событию, историческому деятелю и т. д. Очень важно, особенно в начале интервью, не показывать своей позиции, избегать оценочных суждений. Особенно осторожно нужно проявлять реакцию на религиозные, национальные, этнические или политические вопросы. Лучше при интервью показать, что корреспондент уважает право респондента занимать ту или иную позицию. И тем более ни в коем случае не следует вступать в спор, провоцировать спор и вызывать тем самым неприятие по отношению к себе. Свое мнение интервьюер обязан оставлять при себе.

От техники собеседования зависит, станет ли первая беседа интервью последней или, наоборот, одной из многих. Решение о количестве интервью с одним респондентом будет зависеть от составленного плана или программы исследования, результатов первого интервью, возможностей интервьюера. Однако показывать свое намерение закончить опрос интервьюируемому не рекомендуется. Любой рассказчик должен чувствовать заинтересованность в нем и быть готовым к тому, что, возможно, записи будут делаться с ним еще не раз.

! Нужно быть готовым к тому, что иногда уговорить человека дать интервью бывает сложно, а то и невозможно. Причинами отказа в воспоминаниях могут быть суеверность пожилых людей, страх перед техническими средствами записи, боязнь ложной интерпретации их мнения или искажения их слов, нежелание откровенничать по данной теме, боязнь осуждения их поступков, банальная стеснительность, наконец, отсутствие свободного времени.

Начало интервью. Разминка. Оформление паспорта устного источника

Первые программные вопросы не должны быть сложными и объемными. Собеседники как бы проводят своеобразную разминку.

! Интервьюирование рекомендуется начать с коротких неформальных вопросов, которые можно записывать на диктофон. На этом этапе знакомства надо постараться узнать потенциальные возможности человека и как рассказчика (умение пространно или кратко отвечать на вопросы, хорошо он слышит или нет, откровенен или скрытен и т. д.), и как информанта (владеет или нет материалом по изучаемой проблеме, «дружит» с датами и именами или нет и т. д.) и составить паспортчку (основные сведения об опрашиваемом).

Опыт показал, что студенты и учащиеся не понимают, что сбор сведений о респонденте – важнейшее обязательное условие науч-

ной записи и создания исторического документа. Обычная паспортная карточка содержит следующие пункты:

Ф. И. О.

Год рождения.

Место рождения.

Образование и профессия.

Где и в каком качестве работал и работает (если на пенсии, то с какого времени).

Адрес. Контактная информация.

Но для научной интерпретации исторического интервью обязательно потребуются другие данные, которые, с одной стороны, позволяют формализовать характеристики респондентов и дают возможность проводить сравнения по заданным исследователем параметрам в тех или иных социальных группах (между мужчинами и женщинами, между старшими и младшими) или между представителями разных групп (например, отношение к раскулачиванию со стороны интеллигенции или крестьянства, со стороны единоличников или коммунаров и т. д.). Поэтому целесообразно расширить информацию о носителе информации и наряду с возрастом, полом, семейным положением включить сведения о вероисповедании, социальном положении. А для ментальной или этнической истории, антропологии, да и просто истории имеет важное значение этническая, этнографическая или иная принадлежность.

С другой стороны, полное «досье» на информатора необходимо для дальнейшей аналитической работы с материалами исторического интервью. Чем шире и полнее информация об информанте, тем больше возможностей для интерпретации материалов проведенного с ним исторического интервью. Связано это со сложным внутренним контекстом личности.

Используя современный термин «идентичность», исследователь должен рассмотреть все варианты самоидентификации, от которых часто зависят и позиция, и оценки, и поведение человека в тех или иных исторических обстоятельствах. Например, человек, проживающий в России, идентифицирует себя как гражданин России и называет себя «россиянином» (при этом надо быть готовым к тому, что часть пожилых людей до сих пор говорят: «Я — советский человек», «Я жил в

СССР»). Одновременно он может быть русским и идентифицировать себя с русским этносом и русской культурой или татарин и соотносить себя с татарской культурой. Одновременно он может осознавать свою региональную идентичность и называть себя «сибиряк» или «пермяк». Но и это не последняя идентичность. Он может осознавать себя одновременно и гражданином России, и русским, и сибиряком и при этом уточнять: «Я – из сибирских казаков», «Я – из кержаков», «Я – из воронежских» и т. д. На микроуровне самоопределения могут дифференцироваться и по деревням, и по районам деревни – «краям»: «Я – ельцовский, мы отличаемся от бурановских» (Ельцовка, Бурановка – Усть-Калманский район, Алтайский край), а внутри деревни могут осознаваться отличия населения, например, сибирского, рязанского, воронежского краев: «Мы – Рязань», «Сибиряки так не делают», «Воронежские все такие». «Они совсем другие, даже по-другому говорят. Они все „щекают“: „щайник“, да „хокают“ – „Хришка, хорох хорит“ (Гришка, горох горит)»¹. Эта информация позволит грамотно и полно анализировать интервью и выявлять все факторы, влиявшие на поведение человека в исторической действительности. Поэтому на этом этапе важно как можно полнее собрать информацию о человеке.

Полученная информация помогает скорректировать поведение самого интервьюера и адаптировать вопросы в ходе начавшегося интервью. Специалисты в области устной истории должны выработать собственные правила общения с респондентами в зависимости от их пола, возраста, особенностей культуры, веры, психики, характера и пр.

! Не следует начинать интервью строгим голосом с предложения «Назовите Ваши имя, отчество, фамилию и год рождения». Таким образом можно изначально перейти на официальный тон и настроить рассказчика на официальную волну, взвешивание всего сказанного, внутреннюю цензуру всего, что он говорит, умалчивание того, что не хочет предавать гласности. Такое начало похоже на допрос, а допрос вызывает настороженность и настраивает на неискренность.

Необходимо отметить, что между зарубежными и отечественными исследователями существует значительная разница в представлениях о формах и характере общения интервьюера и респондента.

¹ Щеглова Т. К. Русское население Алтая: состав, формирование, численность // Краеведческие записки. Вып. 8. Барнаул, 2009. С. 186.

Большинство западных специалистов рекомендуют придерживаться официального жанра интервью, во время которого следует лишь задавать вопросы, не управляя активно ходом повествования. Устная история воспринимается в этом случае как монолог респондента, нарратив¹. В отечественной же практике в методических пособиях интервью чаще характеризуется как диалог — доверительная беседа в непринужденной обстановке.

Программные вопросы: сотрудничество с интервьюируемым. Категории респондентов

Переход к основным вопросам должен быть понятен опрашиваемому. Интервьюеры могут выделить их фразой: «Позвольте перейти к наиболее важным вопросам».

Существуют общие советы по использованию заготовленных вопросов. Начинать надо, как уже говорилось, с самых общих вопросов, особенно если неизвестно, какой информацией располагает потенциальный рассказчик. Чтобы определиться с тем, на какие темы лучше развернуть интервью с конкретным рассказчиком, целесообразно использовать наводящие вопросы. Например, вы спрашиваете о повседневных условиях жизни и труда в период образования колхозов, желая получить достаточно полную информацию о бытовой и социальной обстановке того времени, и получаете однозначный ответ, что «жили бедно». В таком случае можно через уточнение, с помощью конкретизирующих вопросов, получить жизненный материал конкретного респондента, принадлежащего к социальной группе колхозников, к профессиональной группе скотников, конюхов или трактористов. Например: сколько было кроватей в доме? На чем спали? Сколько было обуви у детей? Какие продукты питания были самыми распространенными? Что ели на завтрак? Как часто кушали? Когда в доме появился телевизор? Машина? И т. п. Поэтому вопросник должен идти от общих вопросов к частным и предусматривать и наводящие, и конкретизирующие вопросы, которые помогут охватить все аспекты изучаемой проблемы.

¹ Мокрова М. В. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению. С. 19.

Вопросник может быть нужен для того, чтобы быть готовым к любой ситуации, возникающей в ходе интервьюирования, и разворачивать вопросы в соответствии с ней. Вообще интервьюер должен быть хорошим психологом, который, ситуативно используя вопросник, хорошо чувствует состояние рассказчика, предугадывает его поведение и видит причины не удовлетворяющих его ответов. Так, например, неопределенный ответ на конкретный вопрос часто свидетельствует о том, что собеседник просто не считает тему важной, а не о том, что он мало знает. Особенно это касается вопросов о повседневной, будничной жизни, которая, в представлении интервьюируемых, всем хорошо известна и вроде бы не имеет общественной ценности — «всё как у всех». В советском идеологически заряженном обществе формировался стереотип историчности прошлого только как героического, яркого, связанного с какими-то эпохальными событиями и с выдающимися личностями. Поэтому бывшему колхознику часто непонятно, что интересного может быть для исследователя в его прошлой повседневной трудовой и будничной жизни, что здесь может представлять интерес для истории. Именно поэтому и нужно составить конкретный вопросник под конкретную тему и создать ситуацию успеха для рассказчика.

Использование вопросника также поможет и начинающему, и опытному исследователю при отступлениях, монологах, полумонологам рассказчиков следовать плану исследования, выбранной проблеме, идти к цели опроса. При этом необходимо понимать ценность всех возможных отступлений рассказчика от изучаемой темы. Многие из них так или иначе могут быть использованы для характеристики эпохи и определения роли человеческого фактора. Но исследователь вместе с тем не должен отходить от заданного курса.

При использовании вопросников желательно избегать слишком большой упорядоченности вопросов. Как правило, опытный интервьюер не следует вопроснику буквально, не держит его перед глазами. Вообще невозможно вести интервью, выстраивая его в виде допроса. Логика вопросника позволяет контролировать ситуацию и в зависимости от того, как ведет себя рассказчик, владеет или нет логикой, образностью изложения или отвечает скупо, кратко, корректировать общение, добиваясь своей цели. С одними рассказчиками

невозможно обойтись без множества вопросов, детализирующих воспоминания и вынуждающих развертывать ответы, с другими лучше не вмешиваться в процесс воспоминаний, так как им важен сам контакт и внимательный слушатель, и в процессе их спонтанных воспоминаний лучше молчать и лишь при удобном случае выводить на интересующие вопросы.

Таким образом, приемлемы все варианты: интервьюер может пользоваться и вопросником, и перечнем вопросов, и планом беседы, и даже подготовленным заранее справочным материалом (основные даты, факты, имена) или вспомогательными предметами (фотографии, газетные вырезки, предметы и т. п.), чтобы не упустить каких-либо существенных деталей. Вместе с тем необходимо помнить, что излишне подробный план или список вопросов могут сузить рамки интервью, ограничить процесс воспоминаний о прошлом. Интервьюер должен уметь легко и свободно направлять диалог с помощью возникающих по ходу беседы вопросов.

! Существует мнение, что все люди по манере говорить и восприятию информации делятся на три категории. *Визуалы* воспринимают окружающий мир через органы зрения. Для них характерны быстрый темп речи, высокий голос, жестикуляция руками выше плеч. Они обладают большой скоростью реакции и мыслят образами. Такие респонденты оценивают собеседника по внешним проявлениям. Чтобы они раскрылись и не упустили в рассказах важные исследователю сюжеты, надо быть заинтересованным слушателем и проявлять интерес ко всему, что говорится; можно использовать и «язык тела» — кивать, хмуриться, улыбаться, смотреть в глаза, не отвлекаться. *Аудиалы* воспринимают все через слух, говорят размеренно и монотонно. Ход их рассуждений и раздумий строго упорядочен, поэтому их легко сбить, перебив рассказ. Как правило, они смотрят не прямо на собеседника, а чуть в сторону, им достаточно голоса интервьюера. И не надо прилагать усилий, чтобы обратить их внимание на себя: им это не поможет, а только помешает. *Кинестики* воспринимают окружающий мир через осязание. Для них важны близкие контакты с собеседником, во время беседы они садятся как можно ближе, могут касаться руки, говорят медленно.

Желательно учить интервьюеров распознавать типы рассказчиков и работать с ними индивидуально, так как они различаются способами изложения своего рассказа, привлекая разные методы доне-

сения информации до слушателя. То, что «визуал» будет «показывать», «аудиал» будет рассказывать, а «кинестик» — «излагать». При этом визуал может «упустить из виду», аудиал — «прослушать», кинестик — «пропустить».

Есть и другие неформальные классификации собеседников, которые также выделяют категории «хороших рассказчиков», от природы или в силу их профессиональной деятельности умеющих выбирать из памяти наиболее существенное и интересное, и «трудных» рассказчиков. Среди последних выделяются, например, «попрыгунчики», не умеющие отделять главное от второстепенного, как правило, по причине художественного ассоциативного стиля мышления. Они часто перескакивают с одной мысли на другую, не могут сконцентрироваться. Их надо постоянно мобилизовать вопросом: «Погодите, а вот мы говорили об этом...». Для них это привычно. Другой трудной категорией являются так называемые «фантазеры», которые во время интервью могут приходиться в состояние экстаза и уже не контролировать свою фантазию, приукрашивая, присочиняя, выдавая за действительность свои мечты или чужую историю. Наконец, часто встречаются респонденты, из которых приходится все «вытягивать клещами». Они отвечают на вопросы конкретно и немногословно.

! Занимаясь устной историей, нужно быть готовым к тому, что большинство респондентов — пожилые люди. К таким собеседникам нужен особый подход и терпение. Не стоит прерывать их рассказ. Все появляющиеся вопросы лучше записать на бумаге и затем задать их. Некоторая разница существует в работе с женщинами и мужчинами, устный историк должен учитывать гендерный фактор. Женщины более разговорчивы, но они чаще отвлекаются на посторонние темы. Женские истории содержат больше информации о повседневности: женщины хорошо воспроизводят бытовую жизнь, взаимоотношения людей и их влияние на происходящие события, отношения мужчин, женщин, детей, условия жизни и т. д. В целом их рассказы отражают атмосферу в обществе, проблемы, связанные с получением образования, медицинским обслуживанием, имущественным положением и соответствующими ему возможностями, качеством жизни и т. п. Мужские рассказы более ориентированы на анализ общественно-политической жизни и участие в ней, развитие производства, проблемы и достижения, трудовую биографию, большую политику и власть и т. п.

Любое интервью представляет собой сложное социально-психологическое общение. Интервьюер должен обладать не только определенным уровнем знаний по теме, с которой он приходит к респонденту, но и определенным уровнем культуры, необходимым для общения с людьми. Историк во время устного опроса приходится обращаться к «большим» периодам жизни респондента (депортация, репрессии, раскулачивание и т. д.). Поэтому вопросы надо задавать так, чтобы не задеть самолюбия респондента, его достоинства, престижных представлений. Исследователю необходимо также стремиться не вызывать у опрашиваемого отрицательных эмоций: опасений за последствия опроса, неприятных ассоциаций, печальных воспоминаний и других переживаний, влияющих на его душевное самочувствие. Опыт устноисторических исследований показывает, что у поколения 1930–1950-х гг. до сих пор существует страх перед последствиями своей откровенности. Часто они спрашивают, не «привлекут» ли их за этот рассказ.

Интервьюер должен уметь не только вызывать респондента на искренность, но и не нарушать его душевный комфорт и покой. Недопустимо доводить рассказчика в его воспоминаниях до стрессового состояния. Конечно, бывает трудно удержать человека от слез при воспоминаниях о депортациях или раскулачивании. Особенно эмоционально реагируют на нахлынувшие воспоминания пожилые женщины (бабушки). Интервьюер должен контролировать ситуацию, позволяя рассказчику справиться со своими эмоциями без последствий для здоровья. Не надо забывать, что слезы могут быть и очищающими, и облегчающими, и травмирующими. И печаль может быть светлой, а может быть разрушающей. Каждый интервьюер — и начинающий, и опытный — должен брать на себя ответственность. Только бережное отношение к рассказчику делает историю наукой социальной.

Однако и чересчур перестраховываться не стоит. Очень многие пожилые люди, особенно одинокие женщины, находят в интервьюере долгожданного внимательного слушателя. Многие люди преклонного возраста остаются одни в старости: теряют супруга, уезжают дети, не навещают внуки; сами они из-за недомоганий не могут сходить в магазин, к соседям и т. д. Они являются благодарными собеседниками и стараются рассказами удержать интервьюера около себя, вы-

плеснуть то, что накопилось в долгом одиночестве. И в этом также проявляется социальное назначение устной истории: она устанавливает диалог между представителями разных поколений, воспитывает у интервьюера уважение к жизни и труду старших поколений и вызывает чувство благодарности и теплоты у интервьюируемого.

Условия проведения интервью. Способы стимулирования рассказчиков

Что касается самой организации интервью, то интервьюеры должны понимать, что общение с опрашиваемым обусловлено ситуацией опроса. Условия должны быть благоприятными для спокойной и сосредоточенной работы респондента над вопросами. Для этого прежде всего необходимо выбирать оптимальное время и место для опроса. Эти факторы могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на опрос и его конечные результаты. Рекомендуются всячески избегать отвлекающих моментов, постороннего шума. Не рекомендуется проводить интервью в людных помещениях, при посторонних людях, особенно по неоднозначным темам. Даже молчаливое присутствие во время интервью «третьего лица» (соседа, сослуживца, родственника) влияет на содержание ответов расспрашиваемого человека. Очень часто при работе с пожилым респондентом негативное влияние оказывает присутствие его, как правило, тоже немолодых детей или внуков. Они могут грубо вмешиваться в интервью или ответы респондента, подвергать сомнению сказанное им, высказываться по поводу памяти и умственных способностей матери или отца: «Да что она знает!», «Что она понимает!», «Да что она помнит!» и т. п. Многие из них своим поведением проявляют неуважение к своим родителям, дедам, смеиваются, насмешничают. Это сковывает и сбивает рассказчика, и в конце концов он замолкает. Еще хуже, если они начинают перебивать рассказчика, отрицать сказанное им и пытаться говорить за него. Однако бывают и другие ситуации, когда дочь-пенсионерка заботливо доносит вопросы своей престарелой и глухой матери, создает доброжелательную атмосферу для беседы, оказывает знаки поддержки и интервьюеру и интервьюируемому.

В рабочем кабинете, где можно добиться полной тишины, беседа будет проходить в более официальной атмосфере, что также не спо-

собствует искренности и может исподволь побудить человека ввести внутреннюю цензуру. Большим временем и откровенностью человек располагает в домашней обстановке. Однако надо учитывать занятость респондента домашними делами: так, для сельского хозяина приход интервьюера во время утренней работы по хозяйству или вечерней дойки может быть причиной отказа отвечать на вопросы.

Конечно, при достижении большого опыта устноисторической работы можно выработать стратегию опроса и в неблагоприятных условиях, в ситуации и экспромта, и мимолетного знакомства. Существует опыт работы известных устных историков, которые виртуозно могут разговаривать человека по интересующим их темам. Но их манера, почти агрессивно-наступательная, несколько похожа на деятельность журналиста. Действительно, всегда существует желание провести аналогию между деятельностью журналиста, для которого интервью — важный инструмент получения информации, и устным историком, для которого интервью — метод познания. История знает много примеров «перекрестного опыления» деятельности устных историков и журналистов, так же как и формирования из журналистов, писателей — публицистов-историков, в том числе устных. Из журналистов-публицистов вышел и основатель устной истории А. Нэвис.

В качестве примера, который будет интересен всем занимающимся устной историей, можно привести книгу американского публициста Г. Маурера, проведшего социально-психологическое исследование истории такого общественного явления, как безработица, через изучение жизни и судеб людей в контексте исторической эпохи. Каждое интервью публицист-историк предваряет цитатами-характеристиками условий опроса. Например, «Рон Брет. Обитатель негритянского квартала города Дейтон, штат Огайо. Он не захотел беседовать у себя дома, поэтому мы разговариваем, сидя на траве в парке». Далее идут вопросы и ответы на них. «Лео Джонсон. За последние годы он был студентом колледжа (правда, недолго), строительным рабочим, лесорубом, торговым агентом по продаже пластинок, работником на ферме и матросом-речником. Сейчас он на попутных машинах путешествует через всю страну, чтобы повидаться со старыми друзьями. Мы беседуем с ним на заднем дворике одного дома в Ричмонде, штат Индиана. Его рюкзак лежит рядом; некоторое время

спустя он наденет его и отправится домой в Феникс. Наш разговор начинается в 9 утра, а ко времени его окончания Лео допивает третью банку пива. Ему 29 лет»¹. Далее идут вопросы и ответы на них.

Успех опроса определяется также психологическим состоянием самого исследователя в момент проведения интервью и тем, насколько умело он сам, а также другие участники, в том числе учащиеся и студенты, пользуются психологическими приемами ведения беседы. Так, интервьюер должен владеть способами поощрения интервьюируемого к ответу: внимательный взгляд, одобрительный кивок, благодарность за подробный ответ, восхищение памятью собеседника, неподдельная заинтересованность, уважительное отношение к респонденту. Нельзя прерывать собеседника или открыто и грубо подвергать сомнению его высказывания. Чтобы проверить информацию, вызвавшую недоверие, можно использовать множество других способов: частичное несогласие с опрашиваемым: «Вы говорите, что..., однако многие...»; стимулирование более подробных воспоминаний: «Вы так думаете?»; указание на противоречие: «Может быть, я Вас неправильно понял?».

Вместе с тем надо всегда помнить, что при интервьюировании существует опасность влияния ведущего на содержание ответов и оценок. Замечено, что опрашиваемые часто стремятся «угадать» желательный для интервьюера ответ на заданный вопрос. Поэтому расспросчики должны быть сдержанными в проявлении собственных реакций на ответы или поведение интервьюируемого, не вступать в дискуссию с ним по поводу его мнения, не задавать вопросов-подсказок, а давать возможность думать. Интервьюер обязан свести к минимуму влияние своих оценок и суждений на качество воспоминаний. Совершенно недопустимо в беседе давать оценки мыслям и действиям респондента.

Однако совсем устраняться от контактов с интервьюируемым тоже неверно, хотя некоторые специалисты, как отечественные, так и зарубежные, считают, что устная история исключает полноценный диалог, советуют полностью устраниться от участия в интервью в качестве говорящего и играть только роль слушателя, направляющего монолог рассказчика в нужное русло. Но такой подход далеко не все-

¹ Маурер Г. Без работы. М., 1986. С. 87, 108.

гда себя оправдывает. Самой эффективной формой устноисторического интервью является организация полумонолога. Для этого можно ограничиться одобрительными кивками, улыбками, восхищенными взглядами, а можно поощрять рассказчика понимающими замечаниями и умными вопросами, т. е. открыто проявлять интерес к тому, что он говорит.

Богатство получаемого материала прямо пропорционально интересу к рассказчику: респондент почувствует, если его собеседник заскучал, и невольно «свернет» рассказ или постарается быстрее его закончить, упуская детали, не вдаваясь в подробности. Если же корреспондент всем своим видом: мимикой, жестами, позами, поощряющими междометиями — демонстрирует неподдельный интерес к услышанному, рассказчик будет дополнять свое повествование красочными подробностями, и рассказ окажется более живым и насыщенным.

! Надо учиться активно слушать. Но при этом нельзя впадать в другую крайность — восхищенно перебивать, громко и шумно реагировать, не давать закончить фразу эмоциональными реакциями. Иначе при транскрибировании (расшифровке) придется гадать, что именно произнес респондент и что слышится под восклицаниями респондента. Особенно этим грешат начинающие интервьюеры. Первые записи их интервью изобилуют междометиями и фразами «угу», «да-да!», «ах вот как!», «я так и думал/понял», «точно, точно!» и т. д., наложившимися на голос рассказчика и заглушившими его слова.

Качество получаемой информации зависит не только от умения слушать, но и от умения спрашивать. Задавая плохо сформулированные вопросы, респондент будет получать расплывчатые и неопределенные ответы. Если собеседник вдруг замолчал, не надо спешить задавать вопрос. Надо пытаться понять, что стоит за недомолвками и паузами. Причинами колебаний собеседника часто бывает неудачная формулировка вопроса. В таком случае нужно либо отказаться от вопроса, либо по ходу беседы изменить его структуру, особенно если респонденту важен развернутый ответ. Пауза может быть порождена также желанием рассказчика вспомнить что-то для него важное, собраться с мыслями. Значит, надо дать рассказчику время это сделать. Пауза может отражать его колебания перед выбором: рассказать тот или иной сюжет или умолчать. Значит, надо стимулировать его откровенность. Возможно, он пытается справиться с на-

хлынувшими эмоциями, или ему надо просто передохнуть, или требуется время, чтобы осмыслить пережитое.

Из-за неопытности или нетерпеливости начинающий расспросчик боится молчания рассказчика, не дает ему возможности мобилизоваться. Для опытного интервьюера огромное значение имеет собственное умение «держат паузу», которая демонстрирует доброжелательность и важность ответа на поставленный вопрос. Затянувшейся паузой расспросчик как бы призывает рассказчика: «Ну вспомните же, это важно», и человек во время этих пауз может испытать «озарение», во время которого из глубины памяти всплывет то, что казалось уже забытым.

Сбить рассказчика может неосторожное слово, рассеянность или жест, который может быть расценен как незаинтересованность в том, о чем он рассказывает. Например, ведение записи во время беседы может восприниматься как знак важности излагаемой информации, а приостановка записи — как признак ее несущественности. Такой момент может стать разрушающим в собеседовании двух людей, так же как отсутствующий взгляд в окно, неприкрытая зевота интервьюера, звонок его мобильного телефона и т. п.

Успеху интервью может мешать нетерпеливость расспросчика или его жесткое следование заранее задуманному плану беседы. Нетерпеливость и зависимость от плана исследования ведут к потере уникальной информации, которая не входит в исследовательский план. В результате расспросчик стремится во что бы то ни стало «выпытать» то, что рассказчик знает плохо, получая некачественную информацию, и отсекает сведения, которые важны для рассказчика, отражают его жизненный опыт и представляют научный интерес, хотя и по другой исторической проблеме, не столь важной для исследователя. Такие ошибки чаще совершают те, кто работает с тематическими вопросниками. Начинающие устные историки отсекают все отступления от темы, которые могут оказаться уникальными и более интересными, чем та информация, которую интервьюеры «вытягивают по капле».

По этой же причине ошибкой является нетерпение при выслушивании того, что в представлении исследователя является долгим и несущественным отступлением. Часто это бывает сетование пожило-

го респондента на современное положение, маленькие пенсии, отсутствие помощи от детей, незаслуженное забвение заслуг и т. д. К этим издержкам беседы можно относиться по-разному, но необходимо помнить о ценности для самого рассказчика всего, что он говорит. Это характеризует время, в котором он живет, даже если эта информация не вписывается в рамки тематического исторического интервью. Нужно действовать адекватно ситуации. Возможно, кажущиеся сорными отступления (о пенсии, о молодежи, о современных нравах и т. п.) через много лет также будут полезны историкам.

Важным союзником интервьюера является глубокомысленное, выразительное молчание. Часто вместо того, чтобы превращать интервью в допрос, непрерывно «обстреливая» собеседника градом вопросов, исследователь может использовать молчание, чтобы побудить собеседника вспомнить что-то и продолжить интервью. Паузы могут быть ожидающими, недоумевающими, поощряющими, но так или иначе побуждающими процесс воспоминания.

И молчание, и паузы могут служить своеобразными эквивалентами вопросов. К приемам, побуждающим рассказчика говорить, может относиться и кивок головой, и междометие «м-м-м», как бы просящие помощи рассказчика, и пауза, приглашающая продолжить, расширить, уточнить ответ. Эффективным способом развить мысль рассказчика является переспрашивание с использованием ключевого слова из рассказа. Можно, услышав какие-то слова и фразы, сильную эмоцию или интонацию, которые сигнализируют о важных для рассказчика темах или проблемах, выразить любыми способами интерес, любопытство именно к ним. Но в то же время не следует забывать об исследовательских целях опроса. Так или иначе, функция расспросчика состоит в том, чтобы следовать своей теме или линии опроса, определенной вопросником, во время любых отступлений собеседника и во время перехода его мыслей от одной темы к другой.

Завершающий этап интервью

Завершение беседы должно состоять из несложных вопросов, так как к этому времени и интервьюер, и респондент (опрашиваемый) утомлены. Можно уточнить какие-либо вопросы, вернуться к недосказанному. В большинстве пособий по качественной социологии

указывается, что оптимальная продолжительность одного интервью составляет 40–50 минут. Дальнейший расспрос может не дать ожидаемого эффекта. Вместе с тем опыт показывает, что беседа может успешно длиться и до 2–3 часов, если рассказчик сам разговорился и инициирует продолжение общения. В этом состоит отличие формализованного социологического интервью от исторического интервью. В первом случае интересы спрашивающего и рассказывающего часто не совпадают, тогда как в устной истории роль устного историка, ведущего интервью, — «провоцировать» рассказчика на воспоминания, организовывать процесс вспоминания и стимулировать поток нахлынувших воспоминаний. Воспоминания втягивают, захватывают человека, и он забывает о времени. Особенно это относится к одиноким пожилым людям, которые рады возможности поговорить, рады внимательному слушателю и хотят как можно дольше протянуть общение.

Однако, если человек немолод и видно, что он устал, но чувствуется, что он еще обладает достаточной информацией, лучше прервать опрос, перенести беседу на другой день и продолжить ее в удобное для респондента время. При благоприятных условиях опрос может быть выстроен в виде цепочки встреч с респондентом. Это самый выгодный для исследователя вариант, если он имеет достаточно времени. Разбив интервью на несколько встреч и заручившись согласием, исследователь предоставляет возможность респонденту вспомнить свое прошлое. В таком случае процесс воспоминаний может превратиться в развернутое биографическое интервью.

По окончании интервью необходимо вложить в каждую аудио- или видеокассету карточку с информацией. Если используется цифровая техника, аннотация составляется на файл цифрового диктофона или видеомаягнитофона: что, где, когда, кем было записано, а также та информация, которая вам нужна. Например:

Соколов Афанасий Степанович, с. Красные Орлы, Чарышский район. Потомок казачьего рода. 1908 г. р. Тракторист совхоза «Маяк» (Красные Орлы), рабочком, директор совхоза. В беседе принимает участие жена Елена Ефимовна (урожденная Костылева), 1908 г. р. Поярка совхоза Маяк. 105 мин. (15.45–17.30). с. Маяк, Чарышский район. В доме А. С. Соколова. 09.07.2009. Часть 1 (ведет интервью М. П. Петрова, записывает И. Г. Русакова).

! Заканчивая интервью и убирая технику, диктофон выключайте в последнюю очередь. Часто бывает, что, «разогретый» разговором, респондент только к окончанию беседы вдруг говорит что-то важное и интересное, а интервьюер уже упаковал диктофон в сумку.

Морально-этические факторы и принципы интервьюирования. Кодекс интервьюера. Вопрос о скрытой записи

Интервью как метод исследования представляет собой сложный процесс, может вызвать непредвиденные последствия и требует от исследователя высокой ответственности как при самостоятельной индивидуальной форме работы, так и – тем более – при обучении молодых интервьюеров. Любая программа по устной истории или устному проекту должна предусматривать разработку и принятие Кодекса интервьюера и следование ему. В качестве примера можно использовать наработки отечественных исследователей, первой среди которых стал кодекс, принятый в начале 1990-х гг. Всероссийским обществом устной истории. Свои кодексы существуют в зарубежных обществах устной истории. Есть единичные разработки сводов, уставов, кодексов интервьюера отечественными обществами или центрами устной истории. Их содержание аккумулировано в предлагаемом варианте Кодекса, который может быть использован в адаптированном виде при составлении собственного свода правил поведения.

Кодекс интервьюера

Интервьюирование должно стать повседневной работой в исторических исследованиях по XX в. При этом интервьюер-историк должен сознавать, что создает документы, являющиеся историческим источником для будущих исследователей. Поэтому необходимо тщательно документировать результаты опроса, а в ходе подготовки и проведения опроса придерживаться этического протокола отношений с респондентом, принципов защиты людей, участвующих в исследованиях в качестве испытываемых.

- Цель исследовательского интервью, помимо научной ценности добываемого знания, должна рассматриваться с точки зрения психологического комфорта респондента и содействия улучшению изучаемых сторон человеческого бытия.

• Интервью должно записываться только после того, как респондент извещен об ответственности за свои материалы и извещенные об имеющихся на них правах¹. Исследователю желательно документировать соглашения с теми, у кого он берет интервью. Но в любом случае необходимо соблюдать конфиденциальность по требованию респондента и принимать во внимание возможные последствия исследования для него. Что касается требования обязательного получения подписи респондента, то на этот вопрос каждый должен ответить для себя сам. Раньше, если интервью записывалось вручную, рекомендовалось скреплять бумагу подписью респондента и заверять печатью сельского Совета, сельской администрации и т. п. При технической записи интервью есть такое понятие, как «осознанное согласие» респондента. Оно предполагает полное информирование (проговаривание на диктофон) респондента об общих целях исследования и основных пунктах плана, в том числе об использовании материалов, а также объяснение возможных последствий и права респондента отказаться от своего имени в исследованиях или его права на запрещение использовать рассказ в историописании.

Одним из важных вопросов в зарубежной устной истории является определение авторских прав на устный исторический источник. Для российских исследователей эта проблема не актуальна. Лишь те центры устной истории, которые работают по американским технологиям, уделяют ему значительное внимание. В европейских центрах эта проблема также решается неоднозначно, и ей не уделяется большого внимания. Лишь в Великобритании, вслед за США, в последнее время стали придавать значение соблюдению всех необходимых юридических формальностей.

Позиция американских историков отчасти объясняется тем, что устная история в США, в отличие от Западной Европы, начиналась не с «истории снизу вверх» — истории рядовых участников истории, а с выдающихся политических и общественных деятелей. Следовательно, существовал риск судебных разбирательств. Кроме того, в традициях гражданского общества США любой шаг в устной истории документировать или протоколировать. В частности, в некоторых центрах устной истории, например в университете штата Индиана

¹ Это требование является обязательным в зарубежной практике.

на, с респондентом подписывается договор о согласии на интервью; отдельно подписывается договор на передачу интервью центру устной истории. Следует отметить, что в целом зарубежные историки все более строго относятся к соблюдению формальных процедур, связанных с обеспечением авторских прав респондента.

- При создании устного исторического источника необходимо оговорить этическую сторону использования «скрытого диктофона». Эта проблема, не проработанная на уровне действующего законодательства РФ о средствах массовой информации, приобретает особую актуальность в связи с тем, что современные миниатюрные цифровые диктофоны и видеокамеры, в отличие от громоздких старых магнитофонов, позволяют делать запись незаметно для собеседника. При внесении в кодекс интервьюера положительного решения о «скрытой записи» необходимо помнить, что аудиоинтервью предполагает добровольное согласие респондента на диктофонную запись его рассказа, но довольно распространенной ситуацией является отказ носителя информации записываться. Более того, интервьюер может услышать категоричное требование убрать магнитофон или выключить его.

Относительно подобной ситуации и у зарубежных, и у отечественных устных историков существует две точки зрения. Согласно первой, необходимо выполнять требования рассказчика, а использование скрытой записи неэтично. Сторонники этой позиции считают, что для исследователя-интервьюера главное – его репутация. Использование некорректных методов подорвет доверие к ученому и приведет к отказу информантов работать с ним. Другая точка зрения оправдывает скрытую запись уникальностью получаемого материала, который при включенном диктофоне исследователь вряд ли услышал бы. Другим аргументом в пользу применения скрытого диктофона является создание неформальных, доверительных условий для разговора: респонденты чувствуют себя свободнее, если полагают, что их слова не записываются. Порой исследователь манипулирует диктофоном, например, при требовании респондента убрать – прячет его в сумку или под стол и тайно включает или на требование выключить делает обманные движения и продолжает запись.

В литературе встречаются разное отношение к использованию скрытого диктофона, от резкого осуждения до поощрения. Но при

принятии любого решения в кодексе необходимо указать, что исследователь не имеет права использовать полученный тайно, без согласия респондента материал в своих исследованиях, по крайней мере в ближайшие 75 лет, определенные Законом об архивах в качестве срока сохранения конфиденциальности. Анонимное использование источника возможно, но без интерпретации данных о респонденте возникают сложности при анализе документа.

- Интервьюер должен вести информативный диалог с респондентом, задавая вопросы, стимулирующие более широкое освещение темы. В начале интервью, если это возможно, надо попросить респондента дать обзор источников по теме данного опроса, которые в записи необходимо указать. Иногда этот диалог называют «техникой собеседования». Ключевыми навыками устного историка должны быть компетентность и мастерство.

- Интервьюер обязан защищать опрашиваемого от возможных социальных травм, вести беседу с уважением к его человеческому достоинству, не создавать стрессовой ситуации. Даже если ответы вызывают сомнение интервьюера, он не должен проявлять недовольства.

- Письменная расшифровка материала должна соответствовать устному рассказу интервьюируемого. Интервьюер несет ответственность за правильное цитирование материалов, за глубину анализа интервью, за интерпретацию высказываний интервьюируемых. Вопросом моральной ответственности является и публикация данных без согласия респондента.

- Транскрибированные, оцифрованные или документированные материалы опросов, соответственно оформленные, сдаются на хранение в архив, при этом исследователь получает определенные юридические гарантии своих прав по использованию данного фонда.

Исследователи, вовлекающие в такого рода работу студентов или школьников, обязаны познакомить их с правилами и этическими нормами опроса и с ответственностью в целом за данный опрос.

Анкетирование: возможности использования в устной истории

Вопрос о применении анкетирования в устной истории является дискуссионным. Но ряд исследователей признают анкетирование как вспомогательный способ получения материала, дополняющий или

уточняющий материалы интервью и позволяющий стандартизировать получаемую информацию. Анкетирование можно рассматривать как возможную авторскую версию рассказа или воспоминаний на основе вопросника. В таком случае анкетирование может быть приближено к тематическому интервьюированию или социологическому опросу. Но отождествлять методический вопросник с традиционной анкетой, широко применяемой в социологии, нельзя, так как его оформление и заполнение требуют развернутых ответов.

Тематическое анкетирование в устной истории отличается от анкетирования в социологическом мониторинге. Для получения качественных материалов анкетирования возможно предварительное письменное разъяснение в виде уведомления или устного собеседования и добровольный договор между исследователем и респондентом. Только при понимании цели и назначения опроса и правильном оформлении можно получить качественную анкету, пригодную для устного историка. Допустимо, а порой и желательно параллельное интервьюирование и анкетирование респондента по одной и той же теме.

Для примера сравним научную проработку опросных листов при использовании обоих методов для получения исторической информации по теме «Переселения из Средней Азии и Казахстана в 1990-е гг.».

Переселения из Средней Азии и Казахстана в 1990-е гг¹. Вопросник

I. Условия проживания в местах выхода переселенцев

1. Расскажите о месте прежнего проживания. Начните с полного адреса: республика, город (село, поселок), район.

2. Какой имели состав семьи до переселения?

3. Есть ли сейчас родственники в республике? Опишите степень родства.

4. Расскажите историю семьи, начиная с причин, по которым Вы (Ваши предки) оказались в республике. С какими событиями в советской истории связан Ваш переезд? С какой политикой советского государства? Расскажите о переезде. Расскажите об условиях обустройства, льготах, жилищных условиях. Кто еще с вами (вашими предками) приехал? Какова их судьба?

¹ Вопросник составлен на основе программы полевых исследований: Историческое и культурное наследие алтайской деревни: материалы для полевых исследований по этнографии и устной истории: метод. пособие. Барнаул, 2006. С. 22–24, а также методического пособия: Щеглова Т. К. Методика сбора устных исторических источников: метод. пособие. Вып. 2. Изд. 2-е, испр. Барнаул, 2006. С. 21.

5. С каким образованием Вы приехали? Какое получили место работы, должность?

6. Расскажите о материальных условиях проживания: наличии жилья (квартира, дом, собственное или ведомственное жилье, дача), автомобиля и др.

7. Как складывались взаимоотношения с коренным этническим населением до 1991 г.?

8. Опишите традиционный досуг, формы и виды времяпрепровождения. Как общались во вне рабочее время?

II. Причины и процесс переселения

9. Что изменилось в материальном положении в связи с суверенизацией республики (с 1991 г.): лишение (смена места) работы членов семьи, нерегулярность в выплате заработной платы, отоваривание по талонам (карточкам) и т. п.

10. Какие произошли изменения в правовом и моральном положении русскоязычного населения в связи с национально-государственным строительством? Какое эмоциональное, психологическое состояние было у Вас накануне переселения? Какие факторы и события влияли на него? Вспомните конкретные случаи, ухудшившие Ваше состояние, ускорившие принятие решения о переезде.

11. Приходилось ли Вам, членам Вашей семьи сталкиваться с открыто неприязненным отношением к русскоязычному населению? В чем оно проявлялось? На какое время приходится начало миграции русскоязычного населения: родственников, друзей, соседей и т. д. Что послужило его поводом?

13. Назовите ваши причины и мотивы переселений Ваших знакомых. Кто был инициатором переселений в семье?

14. Какие обсуждались варианты переселений? Кто участвовал в обсуждении? Что послужило главным аргументом при определении места под переселение (край, район, село)?

15. Были ли предварительные поездки в места предполагаемого переселения? Их цели – возможности приобретения жилья, трудоустройства, материальные условия проживания и т. п.; состав, результаты. Назовите конечные причины, на основании которых было выбрано место для переселения (наличие родственников, друзей, знакомых в местах предполагаемого переселения, что еще?).

17. Какие возникли трудности в подготовке к переселению (продажа жилья, имущества, увольнение с работы и др.)?

18. Опишите способы переселения семьи и транспортировки имущества.

19. Что имели до переселения, что удалось перевезти на новое место?

20. Что из имущества пришлось оставить на месте? Что с ним произошло? Кто и как им распорядился?

III. Адаптация к новым условиям проживания

21. Опишите первоначальные условия проживания в селе, материальное положение, трудоустройство.

22. Расскажите о приобретении собственного жилья и других путях решения жилищного вопроса.

23. Пришлось ли Вам осваивать новые виды труда? Опишите трудности в обзаведении личным подсобным хозяйством.

24. С каким отношением администрации к переселенцам Вы встретились?

25. Каким было отношение местного населения к переселенцам? Были ли случаи помощи? Неприязни?

26. Существовали ли самоназвания или прозвища у приезжих русских переселенцев в сельском социуме: «приезжие», «местные жители», «казахи», «узбеки» и др.?

27. Какие Вы замечали различия в бытовой и духовной культуре местных русских и русских приезжих переселенцев?

28. Какие произошли изменения в досуговой деятельности?

29. Расскажите о возможностях приобретения и использования статуса «беженцев», «вынужденных переселенцев».

30. Что Вы считаете родиной? Почему?

31. Остались ли родственники, друзья, знакомые в местах выхода? Поддерживаете ли Вы контакты? Что они сообщают о современных условиях проживания русских? Изменяется ли и как правовое, материальное социальное положение русских в бывших союзных республиках?

32. Приходилось ли Вам бывать в местах выхода после переселения?

33. Существует ли возможность и желание вернуться?

Переселения из Средней Азии и Казахстана. Анкета

Вопросы анкеты могут предварять текст, возможно, в таком виде.

Уважаемый товарищ! ЛИК АлтГПА обращается к Вам с просьбой ознакомиться с вопросами анкеты и ответить на них. Ваши ответы окажут неоценимую помощь в восстановлении исторического прошлого. Результаты данного опроса составят самостоятельный архив по истории русско-го населения из бывших союзных республик и переселений в Россию в период распада СССР и суверенизации республик и будут использованы в научной работе только с Вашего согласия. Заранее благодарим Вас за участие в исследовании.

Инструкция по заполнению анкеты

Ответы даются в свободной произвольной форме как на листах с вопросами, так и на любых чистых листах бумаги.

При использовании для ответов анкеты чистых листов текст пишется на одной стороне развернутого листа (как в анкете). Слева оставляются поля 2–3 см.

Размеры Вашего ответа не ограничиваются. Для нас важны все подробности, которые хранятся в Вашей памяти.

Вопрос переписывать не обязательно. Можно указать его номер перед Вашим ответом. Номер ответа должен соответствовать номеру вопроса в анкете.

Время для написания ответа не регламентируются. Если у Вас есть желание, Вы можете писать ответы достаточно подробно, даже в течение нескольких дней. Будем благодарны за Ваши воспоминания.

1. Населенный пункт, район.
2. Национальность.
3. Прежнее место проживания (республика, населенный пункт).
4. Укажите время и причины приезда в союзную республику (комсомольские стройки, распределение по трудоустройству, призыв, что еще?).
5. Место работы и должность до переселения (можно указать несколько в порядке сменяемости).
6. Атмосфера и взаимоотношения в интернациональном коллективе.
7. Жилищные условия до переселения (подчеркнуть): собственное, ведомственное жилье, квартира, дом, какое еще?
8. Предварительные поездки в места предполагаемого переселения (год, населенный пункт).
9. Время переселения в Россию (год, месяц).
10. Время переселения в село (год, месяц).
11. Причины переселения (подчеркнуть, можно несколько): трудное финансовое положение, межнациональные конфликты, отсутствие перспектив продвижения по службе, боязнь за будущее детей, другие (опишите).
12. Наличие родственников в выбранном селе или городе до переезда (количество и степень родства).
13. Количество членов семьи, переселившихся одновременно, степень родства.
14. Общее количество переселившихся родственников (степень родства, время переселения).
15. Какое имущество Вам удалось перевезти?
16. Что из имущества пришлось оставить на месте? Что с ним произошло?
17. В течение какого времени удалось трудоустроиться? Кем? Почему?

18. Место работы, должность в настоящее время.
19. С какими трудностями при обустройстве личным подсобным хозяйством приходилось сталкиваться?
20. Как отнеслось местное население к переселенцам?
22. Приходилось ли Вам сталкиваться с явно негативным отношением местного населения и в чем это проявлялось?
23. Какие причины, по Вашему мнению, вынуждают русских уезжать из Азии?
24. Существуют ли различия между переселенцами и местными жителями? В чем они заключаются?
25. Приходилось ли Вам бывать в местах прежнего проживания после переезда (год)?
26. Наличие родственников, друзей в местах выхода. Поддерживаются ли контакты, каким образом?
27. Как изменилось их положение сейчас по сравнению с положением до Вашего отъезда?
28. Что Вы считаете родиной? Почему?

Сообщите, пожалуйста, сведения о себе:

Ваши фамилия, имя, отчество.

Место и год рождения.

Место рождения Ваших родителей, дедушек и бабушек.

Дата заполнения анкеты.

Благодарим Вас за сотрудничество. Если у Вас возникнут какие-либо вопросы или Вы захотите дополнить уже написанное, можно позвонить по телефону (8-3852) 388-440 или обратиться по адресу: 656031, Барнаул, ул. Молодежная, 55, каб. 315.

Использование анкетного метода эффективно при работе в русле не только тематического анкетирования, но и биографического и автобиографического анкетирования-интервьюирования. Структура и содержание биографической анкеты-интервью предполагает фокусирование на определенной личности, чаще всего общественном деятеле, деятельность которого связана с теми или иными событиями или темами. В этом плане тематическое и биографическое анкетирование похоже тем, что рассматривают ограниченный отрезок времени, тогда как в автобиографической анкете-интервью описывается история всей жизни. Однако в конечном счете нужные материалы могут быть извлечены из различных автобиографических, биографи-

ческих, тематических анкет-интервью и сконцентрированы вокруг определенной темы.

В сравнении с интервьюированием в анкетировании могут участвовать менее подготовленные студенты и учащиеся, так как качество работы зависит главным образом от правильно составленной анкеты и формулировки вопросов. Составление анкеты для преподавателя является непростым делом и требует основательного знания сути исторических явлений и техники опроса. Это авторская работа. Прежде чем посылать учащихся с анкетами по адресам, педагог должен убедиться в совершенстве анкеты. Для овладения мастерством составления анкет можно обратиться к опыту этнографов, социологов, лингвистов, психологов и глубоко изучить тему анкетирования.

Респондент заполняет анкету самостоятельно в пределах своих знаний. Допустима совместная форма работы, когда анкетер записывает ответы на вопросы под диктовку. Краеведам можно широко применять письменное почтовое анкетирование по целому ряду тем: опрос бывших жителей исчезнувших сел района, односельчан, подвергнутых раскулачиванию и т. п., проживающих не только в крае, но и за его пределами. В арсенал методов устной истории наряду с тематическим интервью можно включить и свободное заполнение анкеты на чистых листах, и ответы на вопросы печатной анкеты.

Визуальные формы устноисторических материалов

Одним из способов сбора информации об эмпирическом жизненном мире респондента является кино-, фото- и видеосъемка, т. е. визуальная форма материалов опроса. А. Пиз (Пенсильвания) после проведенных исследований сделал вывод, что вербальное общение людей содержит 35%, а невербальное – 65% информации¹.

В последнее время все более популярной становится визуальная антропология. Для устных историков использование визуальных методов исследования может являться большим подспорьем для получения полновесной версии интервью. С помощью визуальных методов фиксируется та часть информации, которую рассказчику сложно выразить словами. В этом случае без фиксации визуальной информации интервью может привести к утрате материала, к неиспра-

¹ Пиз А. Язык телодвижений. М., 2002. С. 12.

вимоу браку. Для предотвращения таких ситуаций лучше при интервью использовать визуальные способы сбора информации. К носителям визуальной информации относятся фотоснимки, видеозарисовки, различного рода вещи, являющиеся памятниками изучаемого исторического события или процесса, официальные документы, личные документы (переписка, дневниковые записи и т. д.). Их полезно использовать при проведении интервью для активизации памяти, детализации рассказа, при необходимости быстро что-либо вспомнить. Важной визуальной информацией является контекст описываемых событий – выражения лица, жесты и другие невербальные средства передачи информации. Бывает, что этот визуальный текст противоречит сказанному или, наоборот, существенно его дополняет. При фото- и особенно видеосъемках «прорывается» гораздо больше жизненного материала, который рассказчик стремился скрыть, а расспросчик мог не заметить. В этом плане визуальные материалы более правдивы и в некоторых отношениях более информативны, они дают интервьюеру дополнительные возможности, поскольку в их основе лежат не только слова, но и образы, которые говорят больше, чем мог или хотел рассказать информант.

Но получить хорошие визуальные материалы еще сложнее, чем аудиоматериалы. Не каждый респондент сразу соглашается «говорить на диктофон», бывает долгое время скован в своих ответах. Для многих из них требуется значительное время, чтобы перестать «коситься» на диктофон и замечать его. Еще сложнее заставить человека «забыться» перед видеокамерой, расслабиться и быть собой. Это является существенным препятствием к массовому применению видеосъемки.

! Сейчас существует множество методических пособий по «чтению» языка телодвижений. Но не стоит чересчур этим увлекаться. Особенно грешат этим молодые исследователи, начитавшись пособий, обучающих понимать «язык жестов». Сложно одновременно следить за ходом беседы, позами, жестами, мимикой. Во-первых, у каждого собеседника свой язык телодвижений, особенно жесты, и он зависит от ситуации. Во-вторых, увлекшись «языком жестов», некоторые интервьюеры часто теряют саму нить разговора. Не надо заикливаться на «тотальном сканировании» языка телодвижений. Все хорошо в меру. Навыки придут вместе с опытом.

Важно замечать смену настроения, изменения позы, движений, мимики, темпа и тембра голоса, которые свидетельствуют о смене внутреннего состояния человека при рассказе того или иного сюжета. При этом есть несколько общих «телодвижений», свидетельствующих, по мнению зарубежных исследователей, об определенной информации. Например, если рассказчик отвел глаза или не смотрит в глаза собеседнику, в ряде случаев – помните о аудиовизуалах – это означает неуверенность в том, что он говорит, или намерение скрыть что-то, избежать откровенности¹.

Понимание визуальной информации во время собеседования помогает грамотно выстроить опрос, «считывать» внутреннее состояние человека, чтобы ненароком, или в неподходящее время, или в неподходящий момент не задать «неподходящий» вопрос. Или, наоборот, «поймать момент» для очень личного вопроса, на который в другой ситуации человек не захочет ответить. Умение «считывать» и интерпретировать невербальную информацию может помочь полнее проанализировать впоследствии видеозапись проведенного интервью или заметки на полях.

Рекомендации для проверки усвоенного материала. Вопросы для обсуждения на семинарах. Практические задания для самостоятельной работы.

1. Назовите виды опроса. Видите ли вы разницу между ними? Дайте определение интервью и беседе. Есть мнение, что основным методом устной истории является интервью. Выскажите свое мнение.
2. Какие по форме и по содержанию бывают интервью?
3. Прочтите отрывок текста главы 3, в котором приводится типология биографического интервью Вернера Фукс-Хайнритца (лейтмотивное и нарративное). Сравните с отрывком описания интервью по форме (структурированное и свободное). Можно ли, по вашему мнению, отнести лейтмотивное по содержанию интервью к структурированному по форме, так же как свободное — к

¹ С такой трактовкой можно согласиться, а можно и оспорить ее. Но, так или иначе, визуальному контексту в зарубежной устной истории придается большое значение. Отечественные устные историки не делают фиксацию визуальной информации самоцелью и редко используют ее при анализе устных исторических источников.

- нарративному? Порассуждайте о возможных комбинациях вопросов по форме и содержанию.
4. Представьте себя на месте исследователей, ведущих изучение жизни и деятельности краеведов и регионального краеведческого сообщества. Проведите или составьте «путеводитель» структурированного или открытого интервью — биографического по своему содержанию, а затем трансформируйте в тематическое по содержанию интервью, взяв в качестве темы общественные движения и общества советской эпохи и участие в них краеведов, например их участие в деятельности региональных отделов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, в работе филиала Всероссийского географического общества и т. п.
 5. Перечислите основные этапы интервью. Определите задачи каждого из них. Найдите в тексте и назовите принципиальные для интервьюера правила поведения на каждом из этих этапов. Какие встречаются ошибки в проведении интервью?
 6. Прочитайте внимательно текст третьей главы и выделите трудности, с которыми вы можете встретиться во время проведения интервью. Найдите добровольцев из студентов или исследователей, участвовавших в устноисторических проектах, и расспросите их, с какими трудностями встретились они во время своих интервью, как сумели их преодолеть.
 7. Что такое паспортчика? Прочитайте внимательно рекомендации по составлению научно-справочных материалов, сопровождающих устный исторический источник. Оцените по степени важности рекомендуемую информацию. Выскажите свое мнение о ее обязательности. Что бы вы добавили или убрали и почему? Мотивируйте.
 8. Назовите и охарактеризуйте категории информантов. Выделите типы рассказчиков по формальным и неформальным классификациям, о которых говорилось в данной главе. Понаблюдайте за окружающими. Можете ли вы сразу определить, к какой категории собеседников они относятся. К какой категории относитесь вы? Подумайте, можно ли абсолютизировать деление людей на категории, или принять его условно, или не согласиться с этим.
 9. Попрактикуйтесь с одnogруппниками в ходе ролевой ситуации-игры в адекватности поведения с разными информантами, например, при работе с представителями конфессий, толков, согласий — старообрядцами, мусульманами, буддистами, баптистами и др. Воссоздайте ситуацию группового интервью (несколько интервьюеров) с разными категориями репрессированных (раскулаченные, депортанты, спецпереселенцы и др.).

10. Обратите внимание на визуальные формы устноисторических материалов. Можно ли, по вашему мнению, считать, что, в соответствии с подсчетами А. Пиза, при записи только вербальной информации более половины того, что рассказывал информант, теряется? В чем вы видите преимущества и риски аудио- и видеозаписи?
11. Назовите составляющие результативности интервью. Какие условия и факторы могут способствовать успеху интервью, какие привести к неудачи? От чего зависит качество получаемой в интервью информации? Что важнее, на Ваш взгляд: умение слушать или умение спрашивать? В чем проявляется то и другое? Подумайте над следующим: можете ли вы к перечисленным в главе способам стимулирования рассказчика добавить свои предложения?
12. Почему устные историки так много внимания уделяют морально-этическим вопросам интервьюирования?
13. Внимательно изучите кодекс интервьюера. Выделите острые проблемы этического плана, не имеющие однозначного решения в научном сообществе устных историков. Выскажите свое мнение о них. Обсудите вопрос о «скрытой записи» с товарищами. Проанализируйте сказанное ими с точки зрения вашего понимания. Попытайтесь таким путем найти решение этого вопроса.
14. Анкетирование и интервьюирование: в чем их преимущества и недостатки? Назовите примеры, когда целесообразнее использовать анкетирование, а когда — интервьюирование. Разработайте по выбранной вами теме и анкету, и вопросник. Поясните, в чем их различия и с какой целью они будут использоваться.
15. Понаблюдайте за работой теле- или радиожурналистов в информационных, культурно-развлекательных, научно-познавательных авторских программах. Обратите особое внимание на авторские программы с известными ведущими-интервьюерами: как они подбирают собеседников, как выстраивают опрос, как учитывают особенности поведения, мировоззрения, образования, профессии, религиозной принадлежности собеседника. Сравните несколько передач одного автора-интервьюера и выясните, насколько запрограммирована траектория опроса, какие вопросы повторяются, есть ли импровизация и т. д. Сравните программы разных авторов. Обратите внимание на способы поощрения рассказчика. Что характерно для их манеры: вопросы-провокации, афиширование своей позиции, ориентация на интересы аудитории, что еще? Дайте свою оценку постановке вопросов и поведению журналистов-интервьюеров в информационных, аналитических и развлекательных передачах с разными аудиториями и интервьюируемыми.

16. **Какие категории респондентов выделяют психологи? Как вам могут пригодиться эти знания? Проанализируйте манеру общения известных вам людей. В чем вы видите разницу?**
 17. **Постройте собственное генеалогическое древо. Обратите внимание на то, какие ваши предки лучше известны, какие нет. Напишите историю семьи, исходя из известной вам информации. Постройте вопросник по истории своего рода по материнской и по отцовской линии так, чтобы восполнить пробелы генеалогического древа. Составьте список родственников для опроса. Дополните историю семью новой информацией. Проанализируйте оценки представителей поколений той эпохи, на которую выпал период их активной производственной и общественной жизни. Совпали ли они с вашими представлениями? Как вы думаете, почему?**
 18. **Порассуждайте о взаимодействии «биографистики», «генеалогии» и «устной истории» при подготовке интервью. Используйте метод научной биографии и проведите интервью с вашим научным руководителем или другим преподавателем, исследователем, куратором.**
-

Завершающий этап создания устного исторического источника: транскрибирование и документирование материалов исследовательских интервью

Транскрибирование и документирование • Устный источник и транскрипт. Вербальная и визуальная информация • Устная и письменная речь • Требования к транскрибированию устных материалов интервью • Особенности документирования устных исторических источников • Системы и способы фиксации вербальной и визуальной информации • Составление аннотации. Оформление научно-справочного материала • Интервьюер, интервьюируемый и транскрибирующий: права, связи и отношения в зарубежной и отечественной практике устной истории

Чтобы записи опроса, интервью, анкетирования могли быть опубликованы и пущены в научный оборот, они должны быть из устной речи переведены в письменную. При транскрибировании необходимо соблюдать ряд обязательных условий, от которых зависит процесс документирования устных материалов. Как правило, именно при оформлении устного исторического источника исследователь допускает больше всего ошибок, перечеркивающих всю предшествующую работу.

Устный источник и транскрипт

Транскрибировать — значит расшифровать или раскодировать аудио- или видеозапись. Транскрибирование подразумевает перевод записанного на аудионоситель устного интервью в письменный текст, дословное графическое воспроизведение аудиозаписи. В устной истории для обозначения письменной версии устного исторического источника используется термин *транскрипт*. Научно-справочное оформление аудио- и видеодокументов и транскрипта завершает процесс документирования, т. е. превращение аудио- и письменного

источника в документ. Вместе с тем между устными историками до сих пор нет договоренности о том, что в устной истории считать источником: сам оригинал — т. е. аудиозапись устного свидетельства — или его письменную расшифровку. Многие отказываются считать транскрипт устным источником, относя его к традиционным письменным источникам. Другие говорят, что письменный аналог устного источника нельзя считать только сопроводительным документом к источнику устной истории, ибо он сам становится историческим источником, но при обеспечении полной раскодировки информации. Водораздел между двумя точками зрения сформировался вокруг известной проблемы устных источников — утраты практически всей невербальной информации в процессе перекодировки звучащего текста в письменную форму. Задача устного историка — минимизировать утраты. Поэтому в зарубежной практике к транскрибированию привлекают профессионально подготовленного человека.

Вербальная и визуальная информация

Прежде чем браться за транскрибирование, необходимо уяснить, что при механическом переводе устной речи в графическую форму исследователь не может записать словами больше, чем он услышал, однако то, что он увидел в жестах или заметил в интонации и паузах, может представлять не меньшую ценность. При создании на основе устного свидетельства письменного транскрипта желательно учитывать и вербальный, и визуальный «текст», а также латентный (скрытый) контекст¹. Часто, по мнению зарубежных исследователей, именно перевод увиденного на язык слов и категорий выводит исследователя в совершенно новую реальность. В ходе буквального графического транскрибирования устной речи описываемая респондентом реальность сильно упрощается, поэтому при создании полной версии документированного интервью настоятельно рекомендуется вести транскрибирование двух видов информации — вербальной и визуальной. В комплексе они составляют реакцию человека на поставлен-

¹ Необходимо иметь в виду, что в отечественной историографии не абсолютизируется необходимость фиксации и расшифровки визуальной информации (мимики, жестов и т. п.), но и не отрицается, что их учет помогает сформировать полновесную версию оценки рассказчика.

ный исследователем вопрос, включая его мнение, отношение, оценку. При фиксации вербальной информации встречается меньше затруднений, чем при фиксации визуальной. Не вся замеченная исследователем информация может быть перенесена в письменный вариант, не для всего увиденного есть нужные слова. Это ведет не только к упрощению, но и к искажению отражаемой респондентом реальности. В идеале транскрибирование должно завершаться не только созданием письменного документа, но и сохранением вербального и визуального контекста. Поэтому многие устные историки считают, что исследователь должен в своей работе с устными историческими источниками иметь устный оригинал и письменный транскрипт.

Устная и письменная речь

Определенные проблемы при документировании материалов интервью создает значительная разница устной и письменной речи. С переходом от устного общения к тексту меняется сам характер коммуникации: записанное сообщение всегда гласит одно и то же. Устная же речь носит открытый, изменчивый, незаконченный характер. Знак меняется в пространстве, звук — во времени. Пишущий всегда может вернуться к началу текста, чтобы что-то исправить, дополнить, уточнить. «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь», но сказанное слово нельзя и восстановить, слова забываются. Именно поэтому все исправления и дополнения в устной речи делаются по ходу рассказа: устная речь изобилует повторами, человек начинает предложение и не заканчивает его, меняет его грамматическую структуру, перебирает синонимы, пытаясь найти подходящее слово, и т. п. Даже самая гладкая и выразительная речь при дословной передаче на бумаге производит корявое, неуклюжее впечатление.

Особенности устной речи: мимика, жесты, интонация, ритм речи — ведут к тому, что даже максимально приближенная к оригинальной записи транскрипция всегда требует определенной интерпретации, а значит, существует опасность искажения. Например, расстановка знаков препинания, разбивка текста на предложения и абзацы уже ведет к «авторскому истолкованию мысли рассказчика». От поставленной запятой часто меняется смысл сказанного, как в известном примере — «казнить нельзя помиловать». Недаром в зарубежной

практике при определении авторства устного исторического источника наряду с интервьюером и информантом часто называют третьего человека, претендующего на авторство, — того, кто кодирует устную речь в письменную. Именно по этой причине у ряда устных историков возникло сомнение в необходимости транскрибировать устную речь. Они считают, что в ходе транскрибирования, очень трудоемкого и затратного процесса, происходит обеднение и даже искажение информации. Отечественные устные историки признают создание письменной версии устного исторического источника, так как транскрипт может более оперативно использоваться в историческом анализе, а возможные потери не умаляют значимости информации. Кроме того, большинство историков привыкло иметь дело с письменным текстом: он проще в работе, в нем легче найти нужный фрагмент, его анализ требует меньше времени, его проще хранить. На современном этапе проблема в значительной мере решена благодаря появлению цифровой записи, которую можно транскрибировать с использованием компьютерных программ. Но традиционно и в силу психологических причин историки предпочитают работать с письменным текстом. Нельзя не учитывать инерцию человеческого мышления и тот факт, что конечным продуктом работы даже устного историка, использующего материалы интервью, является научный письменный текст — статья, монография, реферат и т. п. В современной научно-исследовательской практике, несмотря на широкое применение Интернета и CD, по-прежнему основными формами развития научной мысли остаются книги, музейные экспозиции, учебные фильмы и т. д. Поэтому «письменный текст по-прежнему продолжает определять логику мышления исследователей, и поэтому транскрипция значительно облегчает анализ полученных материалов»¹

Но при этом особую ответственность в расшифровке устной речи и кодировки устной информации в письменный текст несут те, кто этим занимается. Поэтому руководителям устноисторических проектов или научных программ надо обязательно планировать достаточное количество времени на обучение принципам транскрибирования и организации самого процесса с учетом участников, места, времени.

¹ Лоскутова М. В. Устная история. Методические рекомендации по проведению исследования. СПб., 2002. С. 34.

Транскрибирование только на первый взгляд представляется чисто технической операцией. На самом деле оно завершается созданием исторического документа и определяет его качество.

Требования к транскрибированию материалов интервью. Особенности документирования устных исторических источников

Системы и способы фиксации вербальной и визуальной информации. Допускается два вида фиксации материалов интервью: ручное и техническое. Отношение к ручной фиксации в зарубежной практике негативное.

- При *ручной* фиксации вопросы корреспондента и ответы респондента записываются непосредственно вслед за рассказом. При использовании звукозаписывающей аппаратуры текст транскрибируется с аудиозаписи. Запись ведется дословно, без пропуска отдельных слов и фраз, излагается от первого, а не от третьего лица. При ручной фиксации рассказа следует максимально использовать слова, фразы, выражения опрашиваемого. При транскрибировании аудиозаписи сохраняются все междометия, все звуки, фразы, в том числе нелитературные выражения, сорные слова. Ручное транскрибирование первоначально ведется в черновом виде. Так же составляется тезисная фиксация (аннотация) ответов респондента при технической фиксации. Документом является чистовой вариант. Сопроводительная фиксация и в том и в другом варианте является рабочим материалом интервьюера. Она используется в последующем при сохранении материалов в «устном архиве»: для составления аннотации к аудиозаписи, ведения описи и составления карточки для картотеки устных исторических источников.

- Черновая запись ведется на одной стороне листа, слева оставляются поля для заметок о характере рассказа, интонациях, проявлении эмоций: «не желает отвечать», «оживлен», «нервничает» и т. п. Желательно записывать не только все ответы респондента, но и вопросы и замечания интервьюера. Таким образом, при транскрибировании на листе бумаги формируются два поля: $\frac{2}{3}$ для транскрибированного рассказа, $\frac{1}{3}$ — рабочее поле интервьюера. Обратная сторона и поля могут использоваться также для дополнений рассказчика, если он возвращается к описанному ранее событию, для уточнения не-

понятного, а также для своих замечаний, пометок характера рассказа («неосторожно», «сдержанно», «враждебно», «неискренне» и т. п.).

! Одной из проблем транскрибирования устного источника является неполнота фиксации в письменном тексте визуальной информации. Хотя многие зарубежные и отечественные исследователи абсолютизируют значение расшифровки визуальной информации, ряд отечественных авторов призывает не слишком увлекаться ею. Отношение к расшифровке визуальной информации должно определяться целями исследования, тем, насколько важны для изучаемой темы мимика или жестикуляция. Пристальное внимание к визуальной информации пришло в устную историю из психологии и антропологии (этнографии), для которых важны не только, а иногда и не столько содержание, сколько форма высказываний. Так, психологи фиксируют даже продолжительность пауз. Для устных историков подобная информация часто не имеет решающего значения, однако во многих случаях она бывает востребована при анализе и интерпретации устного источника, особенно по таким темам, как репрессии, депортации, приватизация и т. п. Новейшая история России содержит трагические страницы, сформировавшие определенный страх респондентов. Многие жившие в эпоху тоталитаризма и репрессий «не за дело, а за слово» предпочитают не высказывать свои оценки и мнения вслух. При работе с этой категорией респондентов необходимо использовать две формы фиксации: текстовую для звуковой и знаковую для латентной (скрытой) информации. Поэтому перед началом интервьюирования и началом транскрибирования можно разработать единую знаковую систему для обозначения особенностей речи и поведения респондентов.

Для этого можно либо разработать свою систему, либо использовать имеющиеся в других социогуманитарных науках системы обозначения особенностей речи и поведения респондентов¹. Есть некоторый опыт и в устной истории, например, разработанная Каллмайером и опубликованная в работе В. Фукс-Хайнритца «Биографический метод»² система транскрипции особенностей устной речи индивида при переводе ее в письменный текст:

>>' совсем короткий перерыв внутри выражения;
 короткая пауза
 средняя пауза

¹ Это требование к транскрибированию носит рекомендательный характер.

² Цит. по: Фукс-Хайнритц В. Биографический метод... С. 29.

(Пауза)	длинная пауза
мгм	заполнитель паузы, сигнал восприятия
	снижение голоса
—	голос на весу (ровно)
	возвышение голоса
h	задержка, затруднение в формулировании
k	маркированная корректура (подчеркивание окончательного варианта, особенно при многократной корректуре)
Но дальше я не пошел	(акцентирование)
верно	резкое ударение
верно?	растянуто
(Смех), (выходки), (быстро)	характеристики внеязыковых процессов, соответственно способов речи, тона, характеристика стоит перед соответствующим местом и считается до конца выражения, до новой характеристики или до +
&	резкое быстрое знакомство
(..), (...)	непонятно, неясно
(так ли?)	больше или дальше непонятно, предположительный дословный текст

• Запоминание рассказа и его последующая запись на бумаге категорически запрещается. Такая запись неизбежно преломляется через сознание и мировоззрение интервьюера, что влечет за собой неполноту, искажение фактов, оценок и суждений рассказчика.

• Недопустимо собственное редактирование текста, даже если речь выглядит безграмотной. Запись должна отражать тот словарный запас, которым обладает рассказчик. Если встречаются непонятные слова, их значение выясняют в ходе беседы и фиксируют объяснения в интерпретации рассказчика на полях. «Олитературивание» текста недопустимо. Исследователь должен придать устной истории рассказчика письменную форму; проблема состоит в том, что процесс перевода устного слова в печатное может сопровождаться потерей информации о личности рассказчика. Кроме того, в разговорном «соре» содержатся элементы, которые могут извлекать-

ся и использоваться другими специалистами — психологами, лингвистами, культурологами для собственных целей через междисциплинарные связи. Поэтому любая переработка «сырого материала» антинаучна.

! Одним из дискуссионных вопросов является фиксация и кодировка в письменной версии устного источника фонетических характеристик речи, акцентов, особенностей диалектного произношения и т. п. В лингвистике, диалектологии, фольклористике, этнографии наработан огромный опыт кодировки звуковой информации — так называемая фонетическая транскрипция. Для устной истории эта информация также может быть полезна, например при записи речи представителей разных социальных групп, мигрантов, переселенцев и т. д. Устные историки при необходимости могут внести в фонетическую транскрипцию собственные стандарты.

Отношение к фонетическому транскрибированию у устных историков разное. Часто оно определяется целями и задачами исследования. Но этот вопрос важно определить перед транскрибированием, так как он может возникнуть при подготовке устных исторических источников к публикации.

Что касается фиксации произношения, то главными ее противниками выступают устные истории из США и Великобритании. Их отказ от фонетического транскрибирования связан с представлениями о правах человека. В частности, они считают, что отражение просторечных и диалектных особенностей языка респондента может создать впечатление о его малограмотности, недостаточной образованности. В письменном виде такая речь будет особенно отличаться от принятых официальных стандартов речи, что может быть воспринято как пренебрежение к респонденту со стороны интервьюера. Поэтому в Великобритании и в США устные историки выступают за соблюдение при транскрибировании общепринятых орфографических норм и отказ от использования фонетической транскрипции.

Составление аннотации и оформление научно-справочного материала. В современных условиях необходима техническая поддержка интервью. При этом техническую запись (аудио, видео) необходимо обязательно сопровождать параллельной записью вручную. Слушая рассказчика и фиксируя рассказ на диктофон или видеокамеру, исследователь создает вслед за респондентом опорную схему устного свидетельства, которая называется аннотацией. Такая форма непо-

средственной записи необходима для окончательного оформления документа. В связи с тем, что ручная запись интервьюера отстает от устной речи интервьюируемого, необходимо в первую очередь стремиться к фиксации имен, фамилий, географических названий, названий населенных мест, улиц и т. д. Кроме информации, содержащейся в записях интервью (для этого необходимо стремиться к дословной аннотации) и интонации (фиксируется звукозаписью и шифруется при транскрибировании материалов интервью при помощи знаковой системы), существуют еще и жесты, которые без видеозаписи может наблюдать только респондент. Бессловесная жестикуляция не только отражает эмоциональный настрой респондента, но и несет латентную информацию о позиции, взглядах, оценках рассказчика. Жесты и мимика должны фиксироваться в аннотации и стать частью записи интервью вручную или транскрибированной записи и использоваться в дальнейшем при анализе источника.

! Применение диктофона расслабляет начинающего исследователя. У него возникает уверенность, что все запишется. В результате, даже если не брать в расчет возможность отказа техники (сели батарейки, закончилась магнитная пленка или память в цифровом диктофоне), минусы такого подхода очевидны: интервьюер станет слушать респондента «вполуха», потеряет интерес к беседе и не будет способен генерировать новые незапланированные вопросы.

В окончательном оформлении транскрибированный, раскодированный или расшифрованный текст будет иметь законченный вид и являться историческим документом, только в сопровождении научно-справочной информации. Для этого к нему, кроме информации об интервьюере, интервьюируемом и обстоятельствах проведения интервью, рекомендуется прилагать информацию, презентующую сам исторический документ: название исследовательского проекта, научно-исследовательской программы, экспедиции или темы стационарного исследования.

Интервьюер, интервьюируемый и транскрибирующий: права, связи и отношения в зарубежной и отечественной практике устной истории. Запись-аннотация используется как при последующем транскрибировании, так и при упорядочивании документированного материала. Транскрибирование является трудоемким процессом.

Для студентов и школьников это довольно утомительная и нудная, но совершенно необходимая работа. Подсчитано, что в среднем, чтобы «расшифровать» 1 час записи, требуется не менее 5 часов работы (С. С. Илизаров, М. В. Мокрова), по другим данным — от 6 до 8 часов (М. В. Лоскутова), не считая дополнительного времени, затраченного на сверку транскрипта и записи интервью. За рубежом устноисторические проекты финансируются предприятиями, учреждениями, организациями, чья история пишется: история метрополитена Нью-Йорка, история угольной промышленности. Корпорации оплачивают все виды работ по устноисторическому проекту от его разработки до оплаты работы интервьюера, работы интервьюирования и оплаты труда по транскрибированию.

В отечественной практике это пока добровольный труд исследователя-историка, который работает «на энтузиазме» и «на интересе». Поэтому создание полновесной транскрибированной версии требует больших затрат времени и сил, многократного прослушивания одних и тех же фраз. Но историку, как правило, для работы нужны выборочные фрагменты интервью. В этом случае помогает аннотация, позволяющая быстро находить нужные тематические отрывки интервью. Именно для этого во время параллельного составления аннотации важно указывать метражи аудиокассеты или время (минуты звучания) при цифровой записи, чтобы быстро найти его в многочасовом интервью. В американской устной истории проводится хронометраж.

- В устноисторической практике нет единого мнения о том, кто должен заниматься транскрибированием — только исследователь-интервьюер или также те, кто не участвовал в данном интервью, но является участником устноисторического проекта (вспомогательный персонал, например студенты-практиканты, наемные кодировщики и т. д.). Опасность неверного истолкования устного субъективного материала во время транскрибирования диктует необходимость участия самого интервьюера; при этом допускается меньше искажений, но это возможно только при небольшом объеме интервью. При массовом опросе и больших объемах аудиозаписи возникает необходимость в привлечении третьих лиц. Если к транскрибированию привлекаются другие люди, то каждый коллектив устных ис-

ториков должен выработать единые стандарты транскрибирования, ввести единообразие в обработке интервью (знаковая система, единые правила сокращений и т. д.).

- Чистовой вариант рассказа оформляется в виде рукописного или печатного текста (принтер, печатная машинка) на развернутом листе бумаги с одной стороны, слева оставляется поле в 2,5–3 см для сшивания листов. Чтобы документ был хорошо читаем, необходимо записывать самостоятельные сюжеты с красной строки или выделять их как отдельные вопросы. При ручной фиксации интервью или рукописном оформлении расшифрованного интервью текст переписывается разборчивым почерком, запись не должна быть слишком плотной. В документированном виде в идеале также предусматриваются два поля — для материала интервью и для заметок интервьюера.

- Правильно оформленный текст по необходимости, а в зарубежной практике обязательно дается на прочтение интервьюированному. Есть разумные аргументы в пользу этого: например, если респондент оговорился, он получает возможность исправить ошибку. Такая практика была введена в США. После ознакомления с документом респондент, если у него нет существенных замечаний и уточнений, ставит свою подпись. Связано это с тем, что в зарубежной практике, особенно в США, транскрибирование материала является оплачиваемой работой, для которой нанимают сдельщиков (оплата производится из средств финансирования всего устноисторического проекта). В том числе поэтому там и была введена практика проверки письменного текста респондентом. Обычно среди требований, предъявляемых к нанятому расшифровщику, наряду с образованностью указывается грамотность, так как от него требуется умение как можно точнее расставлять знаки препинания, а также наличие хорошего слуха и желательно лингвистических навыков. Их обучают всем способам расшифровки, единой знаковой системе фиксации вербальной и визуальной информации. Поскольку соавторами создаваемого нового документа являются и расспросчик, и рассказчик, и даже транскрибирующий, письменную расшифровку обязательно визируют у респондента. Ему дается время прочитать транскрибированный текст, внести необходимые уточнения и поправки. После редактирования респондент должен обязательно поставить

подпись и дату. По мнению многих зарубежных устных историков, визирование является необходимым элементом документирования, потому что никто, кроме самого респондента, не сможет исправить то, что не расслышали или неверно поняли рассказчик и расшифровщик.

В отечественной практике раньше рекомендовалось заверять подпись респондента печатью исполкома, сельсовета, сельской, районной, городской администрации или другого государственного учреждения. На современном этапе при технической записи интервью его согласие записываться на диктофон уже рассматривается как юридически допустимая замена подписи. В том числе поэтому в устных архивах наряду с документированными распечатанными бумажными вариантами интервью сдаются на хранение и аудиоматериалы.

Противники повторного, а тем более многократного редактирования транскрипта рассказчиком обычно аргументируют это тем, что наиболее адекватна первая эмпирическая реакция респондента, и соответственно более «чистым» является именно первый вариант текста. Дело в том, что чтение транскрибированного текста почти никогда не удовлетворяет рассказчика. Увидев в письменной форме свой рассказ, он начинает отказываться от многих высказываний. Часто в результате редакции текст радикально меняется, в нем появляются «отцензуренные» самим респондентом в соответствии с текущей социально-политической ситуацией, отшлифованные новыми веяниями, общественным мнением и СМИ оценки и описания прошлых событий. Часто редактирование сводится к внесению изменений, связанных с желанием респондента выглядеть определенным образом в глазах окружающих или оставить о себе хорошее мнение.

Эти изменения тоже, кстати, могут быть интересным материалом для историка, политолога, социолога, культуролога и других исследователей, так как разница между двумя вариантами — транскрибированным и отредактированным — показывает, как изменялись приоритеты, взгляды, мнения человека, как влияют на него политика, идеология, общество и т. д. Сравнение первоначального текста с последующими редакциями особенно распространено у американских историков. В России их опыт использовался, например, коллективом устных историков Института истории естествознания и техники. За-

нимаясь устной историей науки города Москвы, его сотрудники разработали «процедуру авторизации текста, в ходе которой возникают новые редакции текста, содержание которых подчас весьма отличается от первоначально произнесенного текста». Они считают, что «сохранение всех основных редакций текста интервью позволяет избежать деформации первоначального смысла и проводить комплексный источниковедческий анализ, обращаясь к аудио-, видеозаписи, первоначальному транскрипту и т. д. неограниченное количество раз»¹. Каждый отредактированный учеными вариант транскрипта тоже становится предметом исследований: что изменено в тексте, почему, о чем это свидетельствует. Одним из убедительных аргументов в пользу такого подхода является профессиональная этика, дающая носителю информации возможность редактировать текст, который будет предан гласности и станет открытым для публики.

В ряде российских центров устной истории, как и во многих европейских центрах, такую практику не применяют, считая, что чем больше у интервьюируемого возможностей вносить изменения в текст, тем меньше в нем остается его подлинных оценок и больше появляется ангажированности. Кроме того, чем дольше респондент работает с текстом, тем больше ограничений он вводит на использование интервью.

Одна из причин такой разницы в подходах — то, что российские и европейские исследователи меньше заостряют внимание на проблеме авторского права.

❗ Если научным коллективом будет принято решение об авторском редактировании текста респондентов, необходимо обязательно учитывать аудиторию, с которой работают интервьюеры. В том же Институте истории естествознания и техники исследователи имели дело с очень грамотной, образованной и амбициозной аудиторией — известными учеными и их окружением. Более трудно, а то и невозможно организовать подобную работу с пожилым сельским населением 1905–1920-х гг. рождения в силу разных причин — состояния их здоровья (плохо видят, плохо слышат), отсутствия образования (не умеют или плохо умеют писать) и т. д. Но если исследователи решили предоставлять респонденту возможность редактировать текст, необходимо инст-

¹ Мокрова М. В. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению. С. 28.

руктировать его, чтобы разъяснить, чем устная речь отличается от письменной, а тем более от литературного текста, и указать на то, что нужно ограничиться проверкой лишь тех слов, которые отличаются спецификой, относятся к датам, именам, топонимам и т. д.

Долгое время (в 1990-е гг.) основным средством фиксации являлись пленочные магнитофоны и видеокамеры. Пленка как носитель весьма ненадежна. Ленточные и кассетные носители размагничиваются, ухудшается качество звука. Наряду с ручным транскрибированием современные способы сохранения старых записей предполагают оцифровку аудио- и видеоматериалов, сделанных на магнитофонах или кассетных диктофонах. Для этого можно воспользоваться программами перевода аудиозаписи в цифровую форму.

В завершение характеристики требований к транскрибированию нужно напомнить, что вопросы превращения устного исторического источника в формате аудио- или видеозаписи в его письменный аналог — транскрипт в отечественной практике не до конца проработаны. Существует много нерешенных и спорных моментов. В опубликованных методических рекомендациях чаще всего механически воспроизводится опыт зарубежных центров устной истории, хотя многие их рекомендации разработаны и апробированы в национальных обществах с иным менталитетом, в ином правовом пространстве. Российскому научному сообществу необходимо выработать собственные подходы, принципы и единые требования к транскрибированию, адаптировав их к российскому социокультурному полю. Нужно документально оформить правила транскрибирования и определить содержание научно-справочного материала каждого транскрипта. В этом документе должны быть оговорены принятые сокращения в тексте, знаковая система кодирования невербальной информации, оформления имен, топонимов, просторечных слов и выражений, фонетическое транскрибирование говоров, диалектов, произношений. При отсутствии принятой в России единой системы транскрибирования любой коллектив устных историков вправе принять единые для его членов и понятные для других исследователей правила документирования материалов интервью.

Таким образом, транскрибирование является завершающей и важнейшей стадией создания устных исторических источников. Оно, соб-

ственно, и составляет значительную часть процедуры документирования. Без транскрибирования звуков документ является уязвимым, может быть утерян. Письменный транскрипт устного исторического источника более доступен исследователю, с ним удобнее работать.

Но такая точка зрения разделяется не всеми исследователями. Наиболее точной и полной версией является аудиодокумент. Качество письменной версии зависит от работы транскрибирующего, именно поэтому предлагается считать авторами конечного документа — устного исторического источника — трех человек: респондента как носителя информации и рассказчика; корреспондента (интервьюера) как создавшего саму ситуацию, подготовившего научно-методические материалы, ведущего опрос и записавшего информацию, и человека, транскрибирующего материалы интервью. От того, как последний сумеет превратить устную речь в письменную, расставит акценты, знаки препинания, закодирует лингвистическую и визуальную информацию, зависит качество письменной версии устного исторического источника. Завершается документирование составлением научно-справочных материалов и к аудиоисточнику, и к его транскрипту.

Рекомендации для проверки усвоенного материала. Вопросы для обсуждения на семинарах. Практические задания для самостоятельной работы

1. Что включает в себя процесс документирования? Соотнесите понятия «создание» («фабрикация») и «документирование»; «создание» и «транскрибирование»; «транскрибирование» и «документирование». Почему их нельзя называть синонимами? Чем они отличаются и как сопрягаются между собой?
2. Что включает в себя информация устного источника? Какая информация теряется при переводе устной речи в письменную? Что такое вербальная и визуальная информация? Приведите примеры той и другой. Проработайте термины «вербальный текст», «визуальный текст», «латентный контекст» или «латентная информация». Подумайте и скажите, можно ли с помощью визуальных форм устноисторических материалов выявить латентную информацию. Мотивируйте свое мнение.
3. Чем отличается устная речь от письменной? Что такое транскрипт? Порассуждайте, может ли транскрипт быть полностью адекватен устному источнику.

Как вы относитесь к точке зрения о том, что собственно устным историческим источником является только «звуковой» или «аудиовизуальный» документ — сама запись? Почему к транскрибированию предъявляются очень высокие требования? Перечислите и охарактеризуйте основные принципы транскрибирования.

4. Транскрибируйте отрывок какого-нибудь интервью-диалога. Перечислите трудности, которые вы встретили при переводе устной речи в письменную. Как вы их решали?
5. Возьмите аудиозапись интервью, составьте аннотацию и научно-справочный материал (паспортчику). На что необходимо обратить внимание при аннотировании, какую информацию необходимо занести в аннотацию? Чем отличается аннотация от транскрипта?
6. Транскрибируйте какой-либо отрывок интервью, соблюдая требования к фиксации вербальной и визуальной информации, воспользовавшись предложенной В. Фуксом-Хайнритцем системой обозначения особенностей речи и поведения респондентов (см. таблицу). Обсудите с товарищами разработанную им систему на предмет расширения знаков кодировки вербальной и визуальной информации. Какие еще, по вашему мнению, знаки необходимо ввести для обозначения речевой или поведенческой информации? Попытайтесь совместно с товарищами разработать собственную систему.
7. Найдите в тексте главы описания разногласий в оценках некоторых составляющих процесса документирования между историками научных школ европейских стран, США, России. Дайте им свою оценку. Как вы можете объяснить причины существующих отличий? Каких позиций готовы придерживаться вы? Пообсуждайте с товарищами.
8. Попытайтесь найти и проанализировать системы транскрибирования, используемые, например, в лингвистике, этнографии, социологии, других науках, использующих опросные методики. Оцените их с точки зрения применимости в устной истории.

Архивирование устных исторических источников

Государственные архивы и устная история • «Устные архивы»: формы, способы формирования. Документирование и фондирование устных исторических источников • Требования к ведению архивной документации аудиоисточников и транскриптов: карточка документа, журнал поступлений • Каталог (картотека) и описание архивных фондов • Идентификация и регистрация оригиналов-интервью и их письменных аналогов • Способы хранения, обеспечения сохранности, доступности и презентации материалов устных архивов • Регламент работы устных архивов • Система доступа к материалам исследовательских интервью

Государственные архивы и устная история

В последнее время архивисты активно обсуждают проблему отбора документов в архивы, чтобы сохранить для будущих поколений социокультурный опыт прошлого. Особенно остро стоит вопрос о том, какая информация должна быть признана наиболее ценной и отображена на постоянное хранение в качестве важного элемента социальной памяти. Этот вопрос поднимают историки, философы, политики, социологи и др. Он должен волновать и студентов, и школьников, и преподавателей, и каждого человека, всерьез задумывающихся о прошлом своего народа. Всем необходимо сообща действовать ради сохранения памяти. Обществу не должно быть безразлично, какие документы отбираются на хранение в архивы, на основании каких документов будет писаться история.

В наши дни в отечественном архивоведении, а за рубежом в 1960–1970-х гг. начался кардинальный пересмотр и обновление системы комплектования архивов. Переориентация происходит по нескольким направлениям, и одно из них связано с тем, что «было поставлено под сомнение устоявшееся, но не отвечающее современным общественным потребностям представление об архивах как хранилищах документов, образующихся почти исключительно в государственной системе управления. Применение архивной выборки по

зволило приступить к приему на хранение документов, создаваемых вне сферы государственного делопроизводства. Результатом стало повышение информационного разнообразия состава архивов, расширение источников комплектования. В их число в качестве полноправных элементов были включены личные документы и так называемая устная (народная) история, т. е. информация, полученная путем опроса и записи воспоминаний участников исторических событий»¹.

Для современной устной истории актуальна проблема хранения архивов устных исторических источников. В отечественной практике так называемые «устные архивы» немногочисленны и создаются в основном при образовательных учреждениях. В еще меньшей степени устные исторические источники документируются, фондируются и архивируются. Лишь в некоторых коллективах, которые занимаются устной историей или применяют ее методы в своих исследованиях и проектах, оформляются материалы опроса силами школьников, студентов и преподавателей. Однако в силу уникальности источников, создаваемых методом интервью, находиться они должны, конечно, в государственных фондохранилищах.

Заинтересованность в создании исследователями устных архивов обоюдная, так как архивисты не справляются со всем объемом предусмотренной инструкциями работы. Государственные архивы обязаны формировать фонды личных документов и проводить интервьюирование знаменитых земляков. Однако не только муниципальные (сельские, районные), но и региональные (краевые, областные) архивы, как правило, не выполняют годовые планы, в том числе из-за кадровых проблем.

При этом создание устных источников на местах, отличающихся своеобразием отражения исторических процессов и явлений, наложенных на местную социальную и культурную среду и ситуацию, является важной работой, а создаваемые источники представляют огромный интерес не только для региональной, но и для большой науки. Уровень, темпы, глубина общероссийских процессов зависят от участия в них и отношения к ним социальных групп, региональных социокультурных и экономических условий и факторов. На примере

¹ Устная история в зарубежных архивах. Обзор / сост. В. М. Виноградов, В. Н. Гармаш, 1988. С. 3–4.

специфики исторических процессов на территории Алтайского края, например, можно уверенно утверждать, что для населения переселенческих и старожильческих (особенно старообрядческих) сел многие события по проблемам XX в., в том числе судьба села в годы революции и Гражданской войны, развитие единоличного хозяйства (нэп), раскулачивание и репрессии, имели разную окраску, глубину и последствия. В населенных пунктах с преобладанием этнических групп, например немецкого населения, можно создать уникальные источники по депортации немцев Поволжья, Прибалтики, судьбе немцев в годы войны (трудармии, отношения с местным населением) и в послевоенные годы реабилитации. В селах бывшей казачьей оборонительной линии (на Алтае это Смоленский, Быстроистокский, Петропавловский, Чарышский, Третьяковский районы) целесообразно провести сбор воспоминаний о судьбе казачьих семей в годы Гражданской войны и советской власти, рассказывании, семейных трудовых традициях, быте, культуре и т. д. И абсолютно для всех образовательных учреждений аграрного Алтайского края возможно участие в создании устных архивов по истории исчезнувших сел, начиная с истории их возникновения, описания крестьянского уклада, составления крестьянских семейных летописей и кончая причинами гибели села. Это одна из важных проблем большой науки, занимающейся изучением систем расселения и освоения территорий.

Таким образом, фиксация исторических процессов на местах будет одновременно являться составной частью регионального летописания и государственного архивоведения.

«Устные архивы»: формы, способы формирования

Организация устноисторических исследований возможна только при выполнении всех условий, предъявляемых к работе по созданию новых источников. В настоящее время возник устойчивый интерес со стороны государственных архивов к формирующимся общественным «устным архивам» и коллекциям интервью при образовательных учреждениях. Но этот процесс находится в самом начале. Для его активизации необходима обоюдная заинтересованность: занимающиеся устной историей должны помнить о значимости создаваемых источников и стремиться создать условия для последующей пе-

редачи их в государственные архивы, а архивисты — поощрять исследователей к сдаче материалов, а также проработать юридические моменты их использования и создать условия для хранения аудиоматериалов. Пока не решены эти вопросы, полученные интервью будут еще долго храниться в тех научных или учебных центрах, где они созданы. В таких случаях способами хранения устных источников должны стать специально организованные аудио-, видео- и обычные библиотеки. Одним из самых эффективных способов размещения устных источников являются ресурсы Интернета. На современном этапе в Интернете довольно широко представлены зарубежные информационно-коммуникативные источники по устной истории в виде собственно транскриптов и записей устноисторических интервью. Можно воспользоваться списком адресов коллекций устных исторических источников в Интернете (см. Приложение 3).

Но основным результатом работы исследовательских коллективов по сбору устных свидетельств должно стать формирование устных архивов (информационных банков) при учебных заведениях, музеях, государственных архивах как в звуковой, так и в транскрибированной форме. В настоящее время растет количество организаций, учреждений, отдельных исследователей, создающих документы устной истории, многие исследователи проводят инициативное комплектование фондов устных исторических источников. Формируются и накапливаются коллекции устных исторических источников. Исследователи, использующие опрос в своей работе, должны помнить, что реализация любого устноисторического проекта должна завершаться созданием «устных архивов».

Документирование и фондирование устных исторических источников

На сегодняшний день единого образца ведения архивной документации аудиисточников и транскриптов нет, но есть стремление сделать полученные записи пригодными для использования другими исследователями. Уже в начале формирования «устного архива» желательно составить предварительный договор с государственными архивами о последующей сдаче материалов на государственное хранение. Целесообразно заранее узнать у сотрудников конкретного архива, в каком виде и на каких условиях они готовы будут принять

материалы на хранение. В таком случае выбор исследователями стандартов создания собственных «устных архивов» будет определяться требованиями государственного архива.

Работу по систематизации, учету и хранению создаваемых устных исторических источников необходимо начинать параллельно с работой по опросу респондентов. Следует позаботиться о том, чтобы каждая кассета или цифровая запись легко идентифицировалась. Это обеспечивается несколькими путями. Во-первых, необходимо наговаривать информацию о респонденте, обстоятельствах проведения интервью и о тех, кто проводит интервью, на пленку, причем лучше не во время самого интервью, а до начала беседы или в крайнем случае в ее конце. Имеются доводы как за, так и против того, чтобы делать эту запись непосредственно в начале опроса: такое начало беседы может показаться респонденту слишком официальным, создать ненужное напряжение, особенно если он и так волнуется, однако в конце разговора интервьюер может просто забыть об этом или у него может не хватить времени. Во-вторых, магнитофонная кассета или другой носитель звуковой информации маркируется подписью. В-третьих, сопроводительная информация подробно излагается в письменной аннотации материалов интервью, создаваемой параллельно технической записи.

Требования к ведению архивной документации аудиоисточников и транскриптов: карточка документа, журнал поступлений и опись архивных фондов

В «устном» архиве необходимо завести журнал поступлений материалов и/или карточки учета проведенных интервью. Как правило, они используются в служебной работе. На их основе составляется опись фонда, которая предоставляется для работы исследователям и посетителям. В этих документах фиксируется стандартный материал: данные о том, кто проводил каждое интервью, личные данные интервьюируемого, когда и где проводилось интервью.

Традиционная опись устных источников ведется в конторских тетрадах по форме:

Форма учета материала

№ п/п	№ единицы хранения	Где собран материал	От кого получен материал	Кто, где, когда вел опрос	Наименование документа. Краткое содержание (аннотация)	Дата поступления
-------	--------------------	---------------------	--------------------------	---------------------------	--	------------------

Для работы исследователя со звукозаписью интервью в «устном архиве» важно вносить в описание данные о том, сколько часов длилось интервью, описание звукового носителя (магнитофонные пленки, их количество, цифровая запись); есть ли письменная версия устного исторического документа; когда, кем проводилось транскрибирование. В журнале поступлений (карточках учета) и в описи следует помечать введенные ограничения на доступ и использование материала. Для идентификации устного источника в этих же документах необходимо обязательно делать краткую аннотацию содержания каждого интервью.

Идентификация и регистрация оригиналов-интервью и их письменных аналогов: виды каталогов или картотек

Для обеспечения доступности устных исторических источников, возможности быстрого поиска нужных материалов в интервью в зарубежных устных архивах наряду с журналом (он используется только в служебных целях) создаются отдельные каталоги в виде картотек интервью, в котором отражается содержание собранных интервью. На каждый аудио-, видео- и транскрибированный документ составляется карточка: место записи, время, данные об интервьюере и интервьюируемом, тема документа и краткое содержание, номер единицы хранения. Их можно назвать «картотеки-аннотации». Для работы в устном архиве рекомендуется создавать короткую аннотацию каждой записи. В зарубежной практике «принятый стандарт краткого изложения содержания интервью вырабатывается самими исследователями в зависимости от темы проекта. В любом случае в таком описании полезно указывать имена тех лиц и названия тех населенных пунктов, которые чаще всего встречаются в рассказе респондента, — это позволит выявить возможные точки пересечения разных интервью, о которых исследователь сначала даже и не подозревал»¹.

Для работы с разными фрагментами интервью целесообразно при составлении описания устного исторического источника отмечать, в каком месте записи он находится. Это процесс в зарубежной

¹ Лоскутова М. В. Устная история: метод. рекомендации по проведению исследования. СПб., 2002. С. 32.

практике получил название индексации записи интервью и состоит в указании на начало и/или конец фрагмента по минутам звучания или по метрам записи в зависимости от используемого оборудования (магнитофонная лента, кассета, цифровой носитель). В последующем создается каталог или картотека устных рассказов. Такой каталог облегчает работу с ними не только тем историкам, которые участвовали в интервью, но и сторонним исследователям.

Другой способ формирования картотеки для облегчения поиска нужной информации – создание карточек информантов. На каждого респондента заводится карточка, в которую вносится информация о нем, а также относящиеся к нему сведения: предварительная анкета, переписка, переданные им документы, письма и т. д. В зарубежных и некоторых отечественных центрах устной истории в карточку вносятся и обязательное письменное согласие респондента на использование полученных материалов. При таком принципе создания картотеки в рабочем журнале поступления и в самой карточке, наряду с координатами (телефоны, адрес), указываются темы проведенных интервью, а также возможные перспективные направления интервью для работы с ценными информантами.

Способы хранения устных архивов, обеспечение их сохранности, доступности и презентации материалов

На современном этапе, когда существуют возможности оцифровки материала или записи сразу на цифровой носитель, исследователи должны стремиться к созданию компьютерной версии «устного архива» с формированием электронной формы каталога или картотеки с интерактивными ссылками и выходом на любой документ в электронной форме. Возможно и создание системы поиска. Важнейшим результатом деятельности коллектива устных историков является создание своего сайта, на котором традиционно выставляется информация о работе коллектива, о конференциях и обязательно формируется коллекция устных исторических источников. В последнем случае необходимо проработать правовые условия выставляемых в Интернете материалов интервью. Предание их широкой гласности должно быть согласовано с респондентами, или должна быть введена система шифровки авторства представленной информации.

Сейчас, с распространением цифровой техники, условия хранения устных материалов улучшились. Поэтому настоятельно рекомендуется, не откладывая надолго, оцифровывать все аудио- и видеоматериалы, особенно сделанные в предыдущие годы. Необходимость этого диктуется и тем, что существование устного оригинала является обязательным для юридически значимого обоснования достоверности письменного транскрипта и его авторства, а также согласия респондента на интервью. Следует помнить, что любая, даже очень хорошая копия на магнитной ленте и даже в цифровом формате не застрахована от повреждений, поэтому оцифрованные материалы необходимо хранить на нескольких носителях, периодически проверяя сохранность записи, и при необходимости проводить перезапись. В целом при организации аудиоколлекций в «устных архивах» можно использовать разработанные для государственных архивов ГОСТы на хранение кино-, аудио-, видеоматериалов¹.

Но даже при широком использовании технических средств в устных архивах необходимо создавать письменные копии устных исторических источников. Поэтому важной задачей при создании «устного архива» становится транскрибирование устных материалов и создание письменной копии устного исторического источника. Необходимо стремиться к стопроцентному созданию письменных копий. Они являются более доступными для исследователей. В силу уже упоминавшейся недолговечности магнитных носителей в научной среде много говорилось о необходимости все переводить в печатный текст: кассеты быстро размагничивались, и вся записанная информация терялась.

В ряде центров устной истории отказываются от транскрибирования. Сторонники такого подхода считают, что есть целый ряд обстоятельств, в связи с которыми нельзя требовать охвата транскрибированием всех устных источников. Во-первых, оно требует огромного количества времени и денег. С учетом нынешнего уровня отечественного источниковедения, состояния архивных фондов государствен-

¹ Мусатова Т. Н., Кузьмичев Н. А., Сергин А. Б. Устная история как метод активного комплектования // Проблемы хранения и обеспечения сохранности архивных документов. М., 1985; Виноградов В. М., Рябов А. В. «Устный источник» и комплектование государственных архивов // Актуальные проблемы советского архивоведения. М., 1986.

ных хранилищ, по их мнению, более важен охват интервьюированием тех представителей старших поколений, которые быстро уходят из жизни и уносят с собой невосполнимую информацию по событиям XX столетия. Во-вторых, они считают, что даже хорошая письменная копия устного исторического источника несовершенна, а для настоящего исследования нужна полноценная звуковая или видеокопия. Это особенно важно для работы лингвистов, психологов, этнографов и др., которым важны не только слова, но и жесты, мимика, интонации, которые не отражаются в полной мере в транскрибированном тексте. И в-третьих, расшифрованное интервью представляет собой сложный засоренный текст, содержащий повторения и многочисленные отвлечения, с большим количеством «шума», «мусора». С последним аргументом не согласно большинство устных историков: кажущийся «мусор» при грамотной интерпретации может дать ценную информацию, и ее нужно уметь выявлять. Необходимо задаваться вопросами, почему появилось то или иное отступление рассказчика от основной темы, почему он отказался отвечать на данный вопрос, какие приоритеты он выстраивает в своем рассказе и т. п.

Регламент работы устных архивов и системы доступа к материалам исследовательских интервью

Работа по документированию и архивированию устных исторических источников завершается формированием регламента работы устного архива. Он включает следующие параметры: время, место, условия работы с документами. Одним из важных и сложных вопросов является проработка условий допуска исследователей к материалам интервью. Для его решения нужно определиться с двумя проблемами: согласием информанта и согласием интервьюера на использование материалов интервью. И та, и другая проблема в зарубежной и отечественной практике решается по-разному. Но при принятии любого решения исследователь при использовании документов устного архива обязан оформлять ссылки и сноски с указанием номеров фондов, дел, страниц или часов и минут аудиозаписи.

Архивирование созданных документов предполагает формирование фондов, составление описей, журналов поступлений, картотек. Коллекции аудиointервью и их транскриптов выделяются в само-

стоятельный устный архив. Допуск к документам осуществляется с согласия создателей документов. Для исследователя, использующего материалы устных архивов, так же как при работе с документами других архивов, обязательным является оформление ссылок на используемые устные исторические источники.

/

**Рекомендации для проверки усвоенного материала.
Вопросы для обсуждения на семинарах. Практические задания
для самостоятельной работы.**

1. Что такое «устные архивы»? Согласны ли вы с тем, что устные архивы общественных организаций, государственных или иных учреждений являются частью национального историко-культурного наследия и подлежат регистрации и/или хранению в государственных архивах.
2. Представьте, что вы профессиональный архивист. С какими проблемами вы можете столкнуться при регистрации или передаче устных коллекций в государственный архив? Как их можно предотвратить? Составьте проект требований к ведению архивной документации звуковых источников и их транскриптов для включения требований в договор о сотрудничестве государственного и общественного «устного» архива.
3. Как, по вашему мнению, лучше структурировать фонды устноисторических материалов? Назовите возможные принципы фондирования устных исторических источников.
4. Ознакомьтесь с принятыми в практике государственных архивов требованиями и принципами формирования личных фондов известных людей науки и культуры; общественных и политических деятелей. Как, по вашему мнению, можно их использовать для разработки системы доступа к материалам исследовательских интервью в устных архивах?
5. Возьмите учебник по архивоведению. Сравните требования к системе документирования и архивирования в государственных архивах и устных архивах. Составьте на основе государственных требований инструкцию по условиям хранения звуковых источников (аудио-, видео- и других материалов).
6. Подумайте, почему именно архивисты первыми в нашей стране обратились к опыту зарубежной устной истории. Какие недостатки в формировании фондохранилищ можно скорректировать с помощью устной истории?

7. Сформируйте принципы взаимодействия устных архивов в образовательных учреждениях с государственными архивами. Поищите в опубликованной литературе, в том числе по архивоведению, а также в сети Интернет, формы договоров устных и государственных архивов. Разработайте самостоятельный вариант договора.

Использование устных исторических источников в научно-исследовательской работе и их интерпретация

Сферы использования устных исторических источников • Публикации первоисточников • Научная публикация устных исторических источников • Трудности и проблемы публикации оригиналов-интервью • Подходы, формы и принципы научных публикаций: отечественный и зарубежный опыт • Вопрос о редактировании и редакторском вмешательстве в текст. Купированное интервью • Устная история и биография. Публикация-монолог • Использование устных исторических источников в научных исследованиях и аналитической практике • Распространенные ошибки работы с устными историческими источниками • Интерпретация и источниковый анализ устных исторических источников • Методы и приемы анализа устных исторических источников. Методические и методологические стереотипы и новые возможности прочтения устных исторических источников • Междисциплинарные технологии • Вопрос об использовании сведений об информанте и его решение в отечественной и зарубежной практике • Использование устных исторических источников в культурно-массовой работе

Сферы использования устных исторических источников

Использование устных исторических источников — непростой вопрос. Ответ на него зависит от того, в какой сфере они используются: в образовательных или культурно-просветительных учреждениях, в корпоративных коллективах, в региональных или центральных СМИ, в государственных архивах и т. п. Круг использования аудио- и видеоисточников и их транскриптов очень широк. В образовательных учреждениях это может быть учебно-методическая работа: устные исторические источники могут использоваться как разновидность документов личного происхождения и на занятиях, и в само-

стоятельной работе учащихся. Это может быть воспитательная работа – как в форме организации встреч и бесед со знатными людьми города или села, так и использование аудио- и видеозаписей на студенческих или школьных вечерах, в музеях образовательных учреждений, в газетах и т. д. Это может быть поисковая и учебно-исследовательская работа. Устные исторические источники широко используются в государственных и общественных музеях, творческими коллективами при дворцах или домах культуры, в региональных общественно-политических, научных и других аналитических или популярных теле- и радиопрограммах.

Огромный опыт использования устных исторических источников в разных сферах общественной и научной жизни накоплен за рубежом. Например, распространена популяризация с помощью устных источников истории и деятельности крупных отраслевых предприятий. Известны проекты корпоративных вечеров, телепередач, радиопередач как с использованием устных исторических источников, так путем и организации трансляции интервью или обмена воспоминаниями в прямом эфире.

Но наибольшее количество вопросов возникает при использовании устных исторических источников в научно-исследовательской работе. Решению вопросов, связанных с научными проектами, посвящен данный раздел учебного пособия. Предпринята также попытка рассмотреть вопрос об интерпретации устных источников и путях их источниковедческого анализа в научных работах.

Формы, пути и способы публикации первоисточников

Существует несколько путей использования устных исторических источников. Формы и способы каждого из них определяется целями и задачами исследования и аудиторией, которой предназначена научная (научно-популярная) работа.

Первый путь – *публикация первоисточников*. Они также могут различаться. В соответствии с целями публикации и аудиторией, которой они предназначены, можно выделить несколько разновидностей: научная публикация устных исторических источников; научно-популярная публикация; публицистическая. Могут быть и другие разновидности.

Подходы, формы и принципы научных публикаций: отечественный и зарубежный опыт

На сегодняшний день в России имеется немного примеров публикации оригинальных письменных версий устных исторических текстов-интервью. Принципы и формы публикации других видов документов личного происхождения, таких как мемуары, путевые дневники, письма и др., давно отработаны, так же как отработана в археографии технология публикации письменных архивных документов. Разработана знаковая система и для публикации лингвистических фонетических документов, позволяющая показывать говоры, диалекты, произношения¹. Однако устные историки еще серьезно не обсуждали не только проблемы, но и подходы к публикации устных исторических источников.

При видимом сходстве с другими типами и видами исторических источников, особенно с группой документов личного происхождения, устные исторические интервью отличаются внешней непрезентабельностью, особенно в опубликованном виде: много повторов, начатых и не оконченных фраз, пауз, малозначительных фраз, отступлений от темы, слов-паразитов, перескакиваний от одной темы к другой и т. п. Это особенно характерно для отечественной источниковой базы, соответствующей традициям устной истории «снизу», рассматривающей взгляды и судьбу «обычного человека». Транскрипция для публикации интервью с «рядовыми участниками» исторических событий затрудняет читателю понимание смысла текста, создает крайне негативное впечатление и формирует представление о неспособности респондентов к выражению своих мыслей, а также недоверие к информации. Поэтому можно согласиться с М. В. Лоскутовой, что «дословная публикация расшифрованных аудиозаписей, как можно предположить, будет лишь провоцировать к высказыванию обвине-

¹ Примером могут являться издания, подготовленные группой филологов Барнаульского и Бийского государственных педагогических институтов, которые в 1960–1970-е гг. собрали уникальный материал в ходе диалектологической и фольклорной практики студентов филологического факультета. См. например: *Байрамова Т. Ф. Луппова Г. П., Сенина В. Я. Русские говоры Алтая: хрестоматия. метод. разработки для студентов филол. фак. вузов Алтая. Бийск, 1991. 88 с.*

ний в том, что устная история способствует „банализации“, „замусориванию» истории“»¹.

Тем не менее и в зарубежной, и в отечественной практике устные историки опубликовали устные исторические источники через печатные издания или разместили в Интернете, разработав свои системы подготовки их к печати. К сожалению, отсутствие единого центра, координирующего деятельность исследователей в сфере отечественной устной истории, способствовало тому, что проблема публикации устных исторических источников не стала предметом обсуждения до сих пор. Созданное на общественных началах еще в 1989 г. Всесоюзное (а затем Всероссийское) общество устной истории, проведя ряд конференций², фактически прекратило свою деятельность. Есть богатый опыт зарубежных центров устной истории, объединенных в Международное общество устной истории, но он малодоступен отечественным исследователям из-за языковых проблем. Немногочисленные отечественные историки работают разрозненно, и каждый пытается решать проблемы публикации устных исторических источников самостоятельно.

Наиболее признанной среди исследователей является форма публикаций материалов интервью в виде диалога интервьюера и интервьюируемого, с обозначенными вопросами и данными на них ответами. Наиболее спорной является проблема редакторского вмешательства в материалы интервью. Опубликованные в отечественной практике устные исторические источники несут на себе следы вмешательства тех, кто готовил их к публикации. С одной стороны, благодаря редакторской правке транскрибированного интервью сохраняется внутренняя целостность документа. С другой стороны, он уже не является первоисточником.

В зарубежной практике существует два подхода – публикация оригинального интервью и публикация отредактированных материалов. Каждый из них имеет свои преимущества, и выбор зависит от целей публикации.

¹ Лоскутова М. В. Устная история. Методические рекомендации по проведению исследования. СПб., 2002. С. 46.

² Проблемы устной истории в СССР: тез. науч. конф. 28–29 нояб. 1989 г. Киров, 1990; Проблемы устной истории и современность. Калининград, 1992.

Трудности и проблемы публикации диалоговых оригиналов-интервью

Первая форма — публикация оригинала-интервью с максимальной приближенностью к транскрибированному тексту — возможна в изданиях, имеющих целевую аудиторию — ученых, исследователей. Научная источниковедческая публикация устных исторических документов изначально ограничивает круг пользователей и потенциальную читательскую аудиторию. В случае публикации оригинала-интервью без редактирования и без купюр остается ряд нерешенных вопросов. Если сохранять комплексность и полноту письменной версии, то в ней отражается и историческая, и лингвистическая, и психологическая, и антропологическая информация. В таком случае к речевой засоренности устных исторических источников добавляется знаковая кодировка визуальной и вербальной информации, фонетической и лингвистической информации и т. д. Это утяжеляет текст и делает его еще менее доступным для широкой аудитории, при этом создает трудности и для тех, кому текст предназначен. Поэтому необходимо определить целевое назначение публикации и поискать пути обеспечения доступности публикуемых материалов, например, сопровождать публикацию отредактированного текста приложением аудиозаписи оригинала устного источника на CD или DVD, который будет предназначен узким специалистам. Более вероятно, что в тексте, ориентированном на исследователей-историков, нет необходимости графически обозначать говор, диалект, произношение, если этот историк — не этнограф. В последнем случае, так же как для лингвистов и культурологов, при подготовке устных исторических источников к публикации можно использовать применяемую филологами фонетическую кодировку.

Публикации устных исторических источников могут преследовать учебные цели и в этом случае издаваться в виде не сборника документов, а учебной хрестоматии или практикума документов для занятий. В таком случае надо подготовить хороший сопроводительный научно-справочный материал. Так или иначе, для составителей сборника документов в первую очередь необходимо определиться с целями и читателями или пользователями издания.

***Вопрос о редактировании и редакторском вмешательстве в текст.
Публикации купированных интервью***

Вопрос о степени редактирования или купюр или публикации полной версии интервью является дискуссионным. В изданных сборниках устных исторических источников реализуются оба подхода: публикации полнотекстовых интервью и публикации отрывков интервью по тематическим блокам. К этой группе можно отнести публикации устных источников, несущих на себе корректную редакторскую правку. Большинство опубликованных полновесных устных исторических источников представляют собой материалы интервью, взятые у известных деятелей науки, изобретателей, успешных общественных или политических деятелей. Они строятся по биографическому принципу, отличаются тем, что речь рассказчика грамотна и логически выстроена.

Второй формой публикации устных исторических источников являются *выдержки (отрывки) интервью: редактирование, купирование и отбор отрывков или купированных интервью*. Публикация исторических интервью не целиком, а отрывочно обычно практикуется с целью избежать присущих устным историческим источникам недостатков. Как правило, такие публикации ставят своей задачей сделать устные исторические источники доступными для широкой читательской аудитории. Это предполагает отказ от полновесной версии, которая остается для исследователей в оригинальной устной (аудиоинтервью) и письменной (транскрипт) версиях. Эти отрывки являются частью интервью и поэтому представляют собой фрагменты диалога между интервьюером и интервьюируемым. В опубликованном виде тематический отрывок состоит из вопросов и ответов. И те и другие могут повторяться в интервью с другими людьми. Но часто вопросы формулируются и меняются в соответствии с ситуацией беседы и могут различаться постановкой.

Подготовка к публикации устных исторических источников в виде отрывков, как правило, сопровождается не только значительными сокращениями и стилистическим редактированием текста, но и отбором отдельных фрагментов интервью и выстраиванием их в определенной последовательности. Такой принцип используется в публикациях полевых материалов фольклористами и этнографами. Они

обычно «рассыпают» все материалы интервью по темам и затем заново моделируют текст, соединяя тематические отрывки независимо от того, в начале или в конце беседы они первоначально находились. Например, если респондент возвращался к вопросам раскулачивания на протяжении всего интервью, вспоминая об этом в связи с теми или иными более ранними или более поздними событиями из своей жизни, то в опубликованном интервью они будут изъяты из контекста беседы и соединены в единый тематический блок.

По такому принципу строятся многие зарубежные и отечественные публикации устных исторических источников, в том числе размещенные в Интернете или в периодической печати. Интересным опытом публикаций являются тематические коллекции устных источников коллектива сотрудников факультета этнологии (совр. антропологии) Европейского университета в Санкт-Петербурге в серии «*Studia Ethnologica*». Разработанная ими схема публикации может быть интересна и пригодна для всех.

Принципы и формы публикаций устных исторических источников можно представить по выпуску № 2, составленному из устных воспоминаний советских переселенцев Карелии и Карельского перешейка. Основу корпуса публикуемых текстов составили полевые записи экспедиции Европейского университета (Россия) и Университета Йюенсуу (Финляндия), проводившееся в 2000–2003 гг. на территории Приозерского района Ленинградской области и Ланденпохского района Республики Карелия¹. Составители сборника Е. А. Мельникова, В. Ю. Макарова, О. Н. Филичева, П. Хакамиес, М. В. Хаккарайнен «после долгих и нелегких обсуждений (продолжавшихся вплоть до дня сдачи сборника в издательство)» выбрали формат публикации — не публиковать интервью полностью, а разделить их на отрывки и сгруппировать по темам. Тематические отрывки публиковались в диалоговой форме: вопрос — ответ. Такой подход составители обосновали наличием в исследуемом регионе «местной устной традиции» или «устным репертуаром местных жителей». Именно «репертуар местных жителей», связанных единой судьбой и потому сходством жизненного пути, определил структуру сборника. В этот репертуар вошли история переселения; освоение территории; взаимоотно-

¹ Граница и люди... СПб., 2005.

шения переселенцев; рассказы о финнах; религиозность; представления насельников о родине.

Предложенный авторами подход «местная устная традиция» или «устный репертуар местных жителей» можно реализовать в любом регионе. Выделение местного колоритного репертуара не представляет трудностей. В частности, для составителей опубликованного сборника устных исторических источников репертуар определялся единством судеб местного населения, обусловленным историческими событиями в данном регионе. После нападения гитлеровской Германии на Польшу осенью 1939 г. СССР потребовал от Финляндии передачи территорий на Карельском перешейке и ряда островов в Финском заливе, объясняя это необходимостью обезопасить подступы к Ленинграду. Но лишь по окончании Финской войны по мирному договору весь Карельский перешеек с г. Выборгом и Выборгским заливом перешел к СССР. В марте 1940 г. с этих территорий было эвакуировано в глубь Финляндии более 400 тыс. финнов. На освобожденные территории свозились добровольцы из европейской части РСФСР (до 190 тыс. человек). В 1941 г. Финляндия выступила на стороне Германии, заняла войсками переданные СССР территории; значительная часть прежнего финского населения этих территорий вернулась в свои дома. Наконец, в 1944 г. на освобожденные советской армией территории снова началось переселение советских людей, в потоке переселенцев были как те, кто проживал в 1940 г., так и новые люди. Поэтому в жизненных историях было много точек соприкосновения, поворотов судьбы, жизненных маршрутов. Исторические события создавали единую канву для участников исторических событий. На этой базе сформировалась «местная устная традиция», или «устный репертуар местных жителей».

Исследователи стремились, с одной стороны, показать все многообразие «общих мест» в жизненном опыте переселенцев или индивидуальную жизненную траекторию, с другой стороны, типичность и повторяемость. Поэтому внутри сборника устных источников каждый раздел также объединял отрывки тематически. Например, раздел «История переселения» включал восемь групп отрывков интервью — по темам «Довоенная история территории глазами переселенцев», «История переезда», «Первые впечатления», «Материальный мир

заселяемых территорий» и т. д. В каждой группе публиковались отрывки по теме заголовка из интервью нескольких информантов. Такое структурирование позволяло одновременно показать и стереотипность, и многообразие. В результате, отказавшись от публикации цельных интервью, составители включили большое число рассуждений на одну тему, вариантов одних и тех же рассказов.

Такой подход, как и другие, не бесспорен. По мнению некоторых исследователей, редактирование вольно или невольно искажает текст как «индивидуальную версию рассказчика». Это ведет не только к механическому сокращению текста, но и к изменению оценок и взглядов респондента, поскольку сам отбор материала уже несет на себе отпечаток взглядов и мнений редактора. В таком случае возможен конфликт двух интерпретаций – респондента и редактора текста, в роли которого часто выступает сам исследователь. Не случайно в издательском проекте Европейского университета составители сочли необходимым включить «практически полностью расшифровки четырех интервью» «для того, чтобы показать „механику“ опроса, которая была общей для всех участников исследовательской группы». Тем самым в самом сборнике наряду с тематическими разделами отрывков интервью опубликованы четыре полновесных интервью-оригинала.

Другие устные историки, являясь противниками редактирования, указывают на то, что при редактировании выхолащивается одно их важнейших преимуществ устных исторических источников – индивидуальный опыт, эмоциональные переживания, повседневный опыт обычных людей. По их мнению, профессиональные устные историки должны стремиться к идеалу – тексту без купюр, с сохранением всех видов информации. При публикации отрывков разрушается целостность повествования как форма передачи «своей информации», которая также может быть подвергнута анализу.

Несомненно, этот фактор имеет место. У каждого подхода к публикации – и полной версии оригинала-интервью, и тематических отрывков интервью – есть достоинства и недостатки. Поэтому любой коллектив составителей должен определить целевую аудиторию и цели и задачи сборника или хрестоматии устных исторических источников и выбрать для публикации ту или иную форму. В частности, кол-

лектив устноисторического проекта «Граница и люди: воспоминания переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка», реализовав все потенциальные преимущества публикации тематических блоков отрывков, определил главный недостаток — то, что «высказывания информантов оказываются вырваны из контекста всей беседы». Чтобы нейтрализовать или уменьшить последствия этих потерь, составители нашли форму публикации отрывков «таким образом, что они начинались с вопроса собирателя, которым и было инициировано обсуждение той или иной темы», и заканчивались там, «где рассказчик завершает обсуждение, а следующий вопрос собирателя затрагивает уже другую область». Кроме того, они «постарались свести к минимуму „послеполевое“ вмешательство, полностью сохранив особенности речи как информантов, так и собирателей, отказавшись от корректуры синтаксиса и орфографии разговорной речи. Сокращению подвергались дословно повторяющиеся вопросы собирателя, связанные с плохим слухом информанта, и в редких случаях — те отрывки интервью, где рассказчик отвлекается на совершенно посторонние, не связанные с темой беседы проблемы»¹.

Устная история и биография. Публикация-монолог

Еще одним отличным от предыдущих форм публикации устных материалов является публикация материалов интервью в форме не диалога, а монолога, когда публикуются лишь логически выстроенные ответы респондента. Такой подход широко распространен в краеведческой работе и часто используется в современных популярных изданиях. Но его сложно назвать собственно устной историей, так как слова респондента вырваны из социального контекста общения, внутри которого создан устный источник. Именно через общение респондент выстраивал свою систему доказательств. В таком случае за страницами публикации остается собственно личность респондента, которая проявляется именно в диалоге. Через диалог презентуется сам интервьюируемый, в диалоге проявляется понимание социального, гендерного, возрастного статуса респондента, этнической и конфессиональной принадлежности и т. д. Трудно определить жанр подобного «источника». С одной стороны, природа фикси-

¹ Граница и люди... С. 15.

руемой информации — также устная, так как информация получена и записана корреспондентом, а не самим респондентом. Но вот способы фиксации, а главное, конечный продукт нельзя назвать устным историческим источником — скорее, «научной биографией», создаваемой с применением методов устной истории. Этим занимаются исследователи, работающие в русле нового направления — биографистики. Метод устной истории также используется в беллетристике, мемуаристике и т. д.

Очень интересный проект с применением устной истории в области биографистики реализован филологами АлтГУ «Барнаул в воспоминаниях старожилов. XX век». Это издание изначально имело мемориальное назначение и было ориентировано на широкую читательскую аудиторию. Результатом опроса известных людей Барнаула, живущих и работающих в городе (именно в таком краеведческом смысле используется этнографический термин «старожилы»), является издание двух одноименных выпусков. В ходе реализации проекта были проведены беседы со знатными жителями города. Принцип отбора в качестве информаторов людей, отличившихся в общественной, научной, культурной и государственной жизни Барнаула, является вполне приемлемым и созвучен подходам американской устной истории, которая берет начало с опросов великих людей, в отличие от устной истории Европы, которая сфокусировалась на ощущениях «маленького» человека в истории.

Составители не позиционировали материалы опроса как устные исторические источники, хотя при сборе информации использовался метод устной истории. В отличие от устных историков, составители серьезно поработали с записанными текстами, стремясь, как сказано в аннотации, к тому, чтобы книга была написана живым, образным языком. По словам руководителя проекта Л. М. Дмитриевой, «задача участников проекта заключалась в том, чтобы расширить исторические знания читателей, познакомить с интересными людьми и значимыми событиями»¹. При такой форме публикации материалов, полученных путем опроса, составители фактически превратились в соавторов информантов. Такая форма публикации вполне допусти-

¹ Барнаул в воспоминаниях старожилов. XX век. Ч. 2. Барнаул, 2007. С. 6.

ма как популярное издание устных материалов. Она широко практикуется в журналистской работе и в краеведческих изданиях.

Использование устных исторических источников в научных исследованиях и аналитической практике: проблемы и достижения

Второй путь использования устных исторических источников — это *их введение в аналитические исторические исследования*. Частью проблемы использования устных исторических источников в научных исследованиях и в академической практике является их интерпретация и источниковый анализ.

На начальной стадии занятия устной историей исследователь, как правило, использует устные исторические источники в качестве цитат — это *цитирование-утверждение либо пересказ источника*. Такой вариант распространен в школьных и студенческих исследованиях, а также в работах краеведов. Лишь со временем приходит умение работать с ними — анализировать, максимально используя всю информацию для реконструкции прошлого, извлекать латентную (скрытую) информацию; учитывать лингвистические, ментальные, аудиовизуальные и другие характеристики звукозаписи и транскрипта, давать внешнюю и внутреннюю критику источника.

Трудности использования устных исторических источников для научной интерпретации состоят в том, что любое документированное историческое интервью как качественный источник является отражением индивидуального опыта, субъективным конструированием социальной реальности, отличается лингвистическими нюансами, личностным взаимодействием. В силу этих особенностей материалы даже нескольких исторических интервью слабо поддаются систематизации и унификации и тем более не отвечают требованиям репрезентативности. В этом состоят трудности работы с устными историческими источниками. К ним не подходят традиционные методы обработки источников. Их невозможно выстроить в статистические ряды, вывести общие закономерности и тенденции, высчитать проценты и т. д. Большие трудности вызывают различия между устной речью и письменным текстом. В конструируемом в ходе интервью сюжете традиционное предметное поле — общество, как правило, является вторичным, а первичным — жизненный мир респон-

дента. Для исследователя традиционно важным является поиск существенных смыслов в описании, что не всегда срабатывает при работе с устными историческими источниками.

Особенности, приемы, подходы в интерпретации устных исторических источников

В арсенал методов интерпретации устных исторических источников входят как общенаучные, так и специфические приемы. На одном из первых мест стоит нарративный анализ, когда интервью анализируется с точки зрения не только его содержания, но и его текстуальной формы. Так, в интервью при рассмотрении личностного, субъективного восприятия прошлого важно обращать внимание не только на то, какие события и стороны своей жизни человек выделяет, но и какими смысловыми категориями он оперирует. Однако сосредоточенность на текстуальном и лингвистическом анализе может увести исследователя от субъекта и конструируемой им объективной реальности. Устная история уже в 1970-е гг. пережила лингвистический переворот и увлечение лингвистическим дискурсом интерпретации устных исторических источников, оставив прерогативу герменевтической интерпретации лингвистам. В современной устной истории возможно применение лингвистических техник как своеобразной «статистики» качественного интервью. Оно известно как «контент-анализ», т. е. подсчет частотности употребления тех или иных слов, словообразований или словосочетаний для характеристики жизненного опыта человека, того общества и той эпохи, о которой он повествует. В этом плане всегда важно помнить, что в качественном интервью часто смысл зависит от контекста, и часто полученное исследователем из одного контекста знание не может быть автоматически сопоставлено с контекстом другого интервью. Оно может отличаться нюансами, которые меняют смысл оценок интервьюируемого. Это создает трудности и при трансформации устной речи в письменную форму, и при интерпретации.

Одним из способов интерпретации может выступать и выявление латентной информации. Дело в том, что почти каждый респондент так или иначе пытается скрыть ту информацию, которую он в силу разных причин не хочет придавать публичной огласке. Однако, как правило, она так или иначе маркируется в его речи междометия-

ми, оговорками, фразами, словосочетаниями, интонацией и т. д. и может многое сказать о внутреннем мире человека, его позиции, мировоззрении, отношении к описываемому событию и т. д. В частности, анализу можно подвергать саму причину нежелания говорить о чем-то.

Примером является фрагмент анализа устного свидетельства о разрушении церкви: «Среди уничтоженных в 1930-е гг. храмов была церковь в с. Соколово, которую сожгли, по словам старожилов, в начале 1930-х гг. (старожилы называли три даты: 1932, 1934, 1935 г.): „Буылки с бензином в нее кидали, потом огонь бросили“. Практически каждая из указанных дат могла быть правильной. Устная память „не дружит“ с датами, фактологический разнобой часто встречается в устных источниках, так как событийный материал искажается в памяти старожилов за давностью лет. А вот воспоминания старожилов о судьбе разрушителей отражают представление крестьян о возмездии за поругание православных святынь богоборцами. Решение о поджоге в с. Соколово, по свидетельству старожилов, „было принято на каком-то собрании“. Поджигателями церкви называют В. Бекельмешева и Е. И. Симонова, „им нашлись помощники“. М. В. Макрушин так рассказывал: „Три комсомольца зажгли ее, нагадили там“. Возмездие для них наступило быстро: „Один, который поджег, до дому добежал, в избу не успел забежать, около крыльца упал, его всего перекорежило, и тут прям умер. Перекорежило так, что не могли его хоронить... руки, ноги ему ломали, чтобы в гроб его сложить. Вот тут или бог его наказал, или его самого перекорежило с испугу“... В рассказах о разрушении церквей интерпретация событий позволяет выявить сложное отношение современных (постсоветских) крестьян к вере. За внешней бравадой может скрываться страх за возмездие, за внешним неверием — вера или внутренняя раздвоенность, за отрицанием бога — его присутствие в сознании и поведении человека и т. п. Латентная (скрытая) информация содержится в особых речевых построениях информанта. В процитированной ранее фразе, где информант комментирует парализацию разрушителя церкви «тут его бог наказал или самого перекорежило», проявилась раздвоенность: с одной стороны ценности, которые человек получал от новой власти в результате советского воспитания (атеизм проявился во фразе «самого перекорежило»),

с другой — генетическая память и православная традиция, которая в советский период поддерживалась и воспроизводилась старшими женщинами, выполнявшими роль воспитателей в семье (проявилась во фразе „бог наказал“)...)»¹.

При интерпретации устных исторических источников необходимо принимать во внимание, что каждый рассказчик конструирует свою субъективную реальность, которая для него являлась объективной, а совокупность этих субъективных реальностей составляет объективную реальность. Но стремление к абсолютной объективности не является исключительной задачей устного историка как исследователя. Использование качественных методик исследования, в том числе исторического интервью, ведет к более широкому историческому и культурному контексту изучаемой эпохи и, следовательно, к конструированию многоликой и многофакторной социальной реальности как альтернативы одномерной объективной реальности. А это, в свою очередь, требует учитывать, что получаемая путем интервьюирования реконструкция прошлого представляет собой переплетение лингвистических, и контекстуальных, и других свойств тех знаний, которыми обладает конкретный респондент и которые для него являются «субъективной объективностью» или конструируемой им социальной реальностью.

Самой большой проблемой историописания в устноисторических исследованиях является обобщение результатов исследования. Связано это как с объективными характеристиками устных исторических источников, так и с предубеждениями против них, инерционностью мышления исследователей, несмотря на то, что история уже давно обратилась к междисциплинарным подходам и источникам. Среди них материалы этносоциологического мониторинга, методы исторической компаративистики и т. д. Но способы работы с ними довольно привычны для историков. Это математические методы обработки. Например, историку легче работать с материалами анкет, которые поддаются статистической обработке, позволяют выявлять закономерности, стандартизировать материалы. Совсем иное — материалы качественного исторического интервью, которые трудно

¹ Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, 2008. С. 236.

поддаются типологизации, систематизации и поэтому трудно обрабатываются и анализируются. Легче работать с типичными, чем с единичными материалами. Всегда ставится проблема репрезентативности, сопоставимости и т. д. В традиционной отечественной историографии делать какие-то выводы об обществе на основании свидетельств принято только при соблюдении ряда условий. Наряду с требованием репрезентативности это выборка респондентов, привлечение других видов источников и т. п. Количество интервью и количество свидетельств, которое позволяет делать какие-то выводы, определить всегда сложно и далеко не всегда нужно. Однако для устной истории на современном этапе сформировались благоприятные условия, когда «в современной мысли произошел сдвиг от модернистских формализованных знаний (основанных на математическом моделировании, статистике, выстраивании динамических рядов, обработке достаточного количества повторяющихся типических материалов. — Т. Щ.) к повествовательным знаниям, воплощенным в рассказах», когда «истина вырабатывается локально, в небольших повествованиях, а коллективные рассказы служат сохранению ценностей сообщества»¹.

Другой проблемой научной интерпретации является проблема соотнесения в устных исторических источниках индивидуального человеческого опыта с более широкими историческими процессами. Даже при репрезентативной выборке респондентов в интерпретации устных исторических источников статистическая их обработка имеет вспомогательное значение — например, при характеристике взглядов и представлений, свойственных определенной социальной группе. Что касается устной истории, то она рассматривает исторические процессы с учетом того, что реальностью являлся некий субстрат, отражающий описываемый респондентом мир, а сама реальность представляется такой, какой ее воспринимают люди. Поэтому исследователи изучают взгляды интервьюируемых людей на мир и через анализ зримого в их рассказе смысла пытаются сделать незримое — зримым.

Следующую проблему использования устных исторических источников в научных аналитических работах составляет непредвзя-

¹ Квале С. Исследовательское интервью. М., 2003. С. 50.

тая интерпретация текста, к которой должен стремиться устный историк. Исследователь должен пытаться уйти от той традиции понимания, в которой он живет (пользуясь сленговым выражением, «по понятиям»). Он должен интерпретировать услышанное от респондента не по своим «понятиям». Как известно, в одних и тех же словах или в одном и том же тексте разные люди с разными жизненными принципами, с разным мировоззрением, эмпирическим опытом, политическими взглядами, образованием могут найти подтверждение своей позиции, «услышать то, что хотят слышать» и интерпретировать слова респондента, подтверждая свою рабочую гипотезу. Именно в этом историки видят наибольшую опасность, так как, описывая и анализируя отраженную в устном рассказе реальность, устный историк так или иначе может скатиться к ее редактированию, адаптируя к своему уровню, своим «понятиям». Разные люди, обладающие разным опытом, навыками и аналитическими способностями, могут видеть и описывать один и тот же процесс, но реконструированные «картинки» получатся разными.

Поэтому письменное описание, научный аналитический анализ — это всегда интеллектуальная конструкция, модель, созданная исследователем. И любая недобросовестность, предвзятость, невнимательность исследователя к представлениям и оценкам респондентов, данным ими в интервью, а также использованным ими ключевым категориям и понятиям чревато искажением описанной ими субъективной реальности. В этом смысле любой исследователь — заложник своих представлений и своей гипотезы. Необходимо учитывать неизбежную предвзятость на всех этапах устноисторической работы: при составлении вопросника и использовании интервью как метода исследования, но особенно — на этапе интерпретации. Нужно видеть рассказ информанта в комплексе, а не выхватывать какие-либо цитаты, отрывки для подтверждения своей сформировавшейся гипотезы. Чтобы добиться непредвзятой интерпретации, можно посоветовать при научном анализе материалов интервью сначала прочитать его целиком, чтобы понять общий смысл, и только после этого начать работать с отдельными отрывками, темами, фрагментами и специальными выражениями, при этом периодически возвращаясь к более общему смыслу, чтобы не исказить отдельных фрагмен-

тов, иначе говоря, работать с тематическими отрывками в контексте всего интервью. Это означает сравнение интерпретации отдельных высказываний с общим смыслом интервью, возможно, с другой информацией об интервьюируемом. Интерпретация исследователя должна следовать содержанию высказывания и быть направлена на понимание того, какие сведения о жизненном мире исследуемого отражены в данном высказывании, искать смысл высказывания в интервью.

Распространенные ошибки работы с устными историческими источниками

Одной из самых распространенных ошибок в научном историописании является использование устных исторических источников в пересказе, редактирование и интерпретация полученной путем опроса информации. Такая ошибка является наиболее типичной для начинающих устных историков и краеведов. Как правило, этим же грешат учебно-исследовательские работы школьников и студентов на различного уровня конференциях или олимпиадах. Юные краеведы в своих работах не анализируют, а просто пересказывают то, что слышали от информантов, связывая полученную информацию в складное повествование. Так же используются материалы опросов краеведами. В частности, полученная краеведами информация от старожил и «бывалых людей» была положена в основу созданных в 1970–1980-е гг. летописей по истории колхозов, предприятий, сел и в разного рода краеведческих изданиях. Вольный пересказ рассказчиком рассказа бывалого человека всегда сопровождал краеведческую мысль и до сих пор используется в краеведческих работах. Краеведческий научный доклад или краеведческая публикация изобилует множеством цитат, которые, как правило, даже не оформляются принятыми при цитировании кавычками. Автор просто пересказывает услышанное. В экспедициях часто приходится наблюдать полных интереса начинающих устных историков, которые приносят новые жизненные истории и захлеб обмениваются впечатлениями. Но этим весь их энтузиазм и исчерпывается. Как правильно работать с полученными материалами, они не знают. Конечным результатом становится, как правило, доклад или публикация с обильным цитированием, но без анализа устноисторических материалов.

Ошибкой начинающего устного историка является неумное накопление интервью, когда исследователь увлечен процессом создания все новых версий. В результате азарт накопления приводит к «нагромождению» источниковых материалов. У исследователя не остается ни сил, ни времени, ни энергии для анализа, интерпретации и историописания. В лучшем случае он ограничивается расшифровкой интервью, которые складываются в папках. Остается только сдать их в архив на хранение для других исследователей. Но это не худший вариант завершения исследований. Хуже, когда проведенные интервью остаются грудой кассет, дисков или цифровых файлов.

Другой распространенной ошибкой интерпретации устных исторических источников является перенос оценок и выводов, полученных в результате интервьюирования одного человека, на оценку общих исторических процессов. В любом случае, прежде чем делать вывод, желательно взвешивать, насколько типичным является данное интервью для изучаемой социальной группы.

Методические и методологические стереотипы и новые возможности анализа и прочтения устных исторических источников

Наконец, необходимо напомнить, что, как любой источник, устный исторический источник должен подвергаться источниковедческому анализу. Как известно, исторический источник подлежит внутренней и внешней критике, которая предполагает восстановление исторических условий возникновения документа, учет обстоятельств его создания, решение проблемы установления авторства, анализ самого текста документа и его содержания, интерпретацию источника и его верификацию. Применяя эту традиционную схему источниковедческого анализа, устные историки говорят о том, что некоторые эти положения остаются актуальными, но ряд их вызывает оживленные дискуссии в силу специфики устного исторического источника, которая уже затрагивалась. Более того, многие предъявляемые к устному источнику претензии представляются не только архаичными и схоластичными, но и догматичными. На наш взгляд, при работе с устными источниками действительно существуют проблемы, но они лежат в других плоскостях.

Первая проблема источниковедческого анализа — это авторство источника. До сих пор и в зарубежной, и в отечественной устной истории отсутствует однозначное решение. Особенно оживленная дискуссия ведется американскими историками, для которых формальные вопросы являются принципиальными. Они считают всех участников создания устного исторического источника соавторами. Интервьюер направляет ход беседы-интервью, поэтому его позиция в той или иной степени определяет и направленность рассуждений респондента, и «содержание рождающегося текста». Из отечественных исследователей Д. Н. Хубова предлагает считать ту часть интервью, которая содержит текст, изложенный интервьюируемым, его интеллектуальной собственностью, а авторские права на запись признать принадлежащим интервьюеру¹.

М. В. Мокрова считает устный исторический источник «соавторством» двух людей — расспросчика и рассказчика: «Устная история, как любой диалог, подразумевает взаимное влияние собеседников друг на друга. И воздействие на содержание создаваемого источника оказывает не только респондент, но и интервьюер. Респондент сообщает автобиографические сведения, как он их помнит, и отвечает на поставленные вопросы. Интервьюер устанавливает цели и задачи интервью и на протяжении всей беседы задает направление и корректирует характер получаемой информации; от него требуются не только профессиональные историко-научные, технические и методические знания, но и определенные личностные характеристики». Таким образом, существует как бы двойное авторство: респондент — автор воспоминаний, а исследователь, производящий запись, — автор фонодокумента.

Другие авторы сводят влияние интервьюеров на интервьюируемых к минимуму и требуют, чтобы они, направляя беседу в нужное русло, не вмешивались в рассказ, а значит, и не меняли содержания повествования. Следовательно, по их мнению, информация, содержащаяся в интервью, определяется лицом, чей голос записан на пленку, и мало зависит от лица, осуществившего процесс записи.

¹ Хубова Д. Н. «Устная история» и источниковедение: «В поисках утраченного времени» // Мир источниковедения. М., Пенза, 1994. С. 29; Она же. Устная история «Verba volant...?»: метод. пособие. М., 1997. С. 56.

Однако для отечественной устной истории эта проблема все же не столь остра и является в основном отголоском дискуссии в зарубежной науке. В силу разных обстоятельств в России сложилось достаточно вольное обращение с устными историческими источниками, которые, как и в этнографии, социологии, лингвистике, фольклористике, считаются интеллектуальным продуктом их собирателя (фольклориста, этнографа) или создателя (устного историка).

Другая проблема сформировалась в плоскости споров о достоверности устного исторического источника. Эти споры в значительной степени были порождены догмами позитивизма в предыдущие годы. После свершившихся в 1970–1980-е гг. «революций» в исторической науке – от позитивизма к постмодернизму, от классической научной парадигмы к неклассической («новая история», «новая культурная история», «новая интеллектуальная история») этот спор представляется архаичным, а приверженцы объективности как главного свойства исторических источников именуются «историками-антикварами»; их оппоненты – «новые историки», или «историки-феноменологи». За почти двухсотлетний период представления об истории как науке прошли путь от «от культа исторического факта и установления жесткой зависимости в цепи „исторический источник – исторический факт – историческая концепция“ с претензией на строгую научность истории и ее способности давать достоверные знания о своем предмете» до отрицания событийно-описательной истории, отказа от объяснения событий прошлого через действие универсальных закономерностей, подмены фактической аргументации абстрактным конструированием, увлечения реконструкцией повседневного мира ушедшей культуры и т. д.¹

Не бросаясь из крайности в крайность, необходимо извлекать из разных подходов те способы, методы и технологии работы с источниками, которые позволяют реконструировать максимально адекватную картину изучаемых эпох. Уже давно в зарубежной практике, а с недавних пор и в отечественной утвердились новые подходы к информационной насыщенности исторического источника. Историки не ограничиваются фактологическим или событийным прочтени-

¹ Кладова Н. В. Проблемы исторического познания: источниковедческий аспект. Барнаул, 2006. С. 10–28.

ем источников. Благодаря наработкам так называемой «новой исторической науки» и постмодернизма ценным в источниках стал именно тот индивидуальный жизненный опыт, в котором самозначимыми являются и повседневная жизнь, и ценности, и взгляды, и жизненные установки. В целом тенденциями постмодернистского подхода стало усиление позиций субъекта в процессе исторического познания.

В свете этого иной смысл приобретает вопрос об источниковой чистоте и источниковом «мусоре» материалов исследовательского интервью. Оказывается, достоверность и объективность устного исторического источника – вопросы, не чуждые устной истории. Только понимать их надо не так, как они трактуются в позитивистской истории, с ее культом фактов и цепочками доказательств. Основным источником информации любого интервью является память человека. Особенности коллективной и индивидуальной исторической памяти обуславливают сильные и слабые стороны устного исторического источника. Те и другие могут являться пищей для размышления историка. Но необходимо уметь с ними работать.

Примером является изучение разными исследователями, в том числе историками, мифологизации исторических событий прошлого: Гражданской войны, процесса образования поселений, истории переселений и т. д. Действительно, многие устные рассказы о Гражданской войне, о коллективизации, о ГУЛАГе, о региональных и государственных деятелях основаны на реальных фактах, но в процессе передачи от очевидцев к слушателям, от дедов к отцам, от отцов к детям, из поколения в поколение, «округляются» по законам жанров народного творчества и приобретают сначала вид преданий, затем, по истечении определенного времени, трансформируются в легенды и мифы. Например, на Алтае повсеместно бытует рассказ о посещении Н. С. Хрущевым деревенского магазина: он якобы зашел в деревенский магазин с пустыми полками и прилавком, попросил у продавщицы килограмм пряников и поставил под них шляпу, так как у продавщицы не было даже упаковочной бумаги. Толчком к созданию этого предания послужил реальный факт посещения Хрущевым Алтайского края и бедность деревенской торговой сети в советское, особенно послевоенное время, когда за товарами ездили в город.

А знаковым, узнаваемым элементом народного стереотипа Н. С. Хрущева стала круглая шляпа, в который он запечатлен на всех фото-снимках и в газетных публикациях. Основой мифологизации этого исторического факта являются традиционное мышление и психология сельского населения и народная традиция облекать исторический факт в оболочку устного народного творчества.

Примером мифологизации реальных исторических событий является история о разрушении сельских храмов в период богоборчества. Более того, в информационном пространстве современных сел существует огромный пласт рассказов о судьбе священников прихода, самого храма, о месте, где располагалась церковь, об иконах и крестах и т. д. Наряду с конкретно-историческим материалом в них содержится источниковый материал по православно-этнической ментальности и крестьянской психологии. Для фиксации «уникальных человеческих документов» можно разработать самостоятельный исследовательский проект по устной истории «Борьба советской власти с церковью в 1920–1930-е гг.». В вопроснике необходимо предусмотреть получение информации о закрытии приходов, репрессиях против священников и верующих, разграблении и разрушении церквей, судьбе участников разрушения, судьбе икон, крестов, святых источников и т. д. Таким образом, даже мифологизация является полезной для понимания человеческого содержания истории.

Тем не менее отечественное источниковедение отстает от отечественной исторической науки, ревниво относясь к появлению и тем более признанию новых видов и типов исторических источников. В его фокусе до сих пор находится проблема верификации, в том числе верификация источников устной истории. Многие источниковеды и историки до сих пор заостряют внимание на проблеме достоверности и недостоверности устных исторических источников, указывая на их эмоциональную насыщенность и субъективность как на неизбежный недостаток «человеческих документов». Ряд исследователей считает невозможным использование их в качестве исторических источников в силу сомнительной достоверности. Кроме общеизвестных контраргументов о том, что и традиционные источники, даже такие формализованные документы, как акты, протоколы, отчеты, статистические данные, могут содержать искажения и быть

столь же субъективными¹, устные историки все чаще говорят об ином дискурсе в интерпретации устных исторических источников.

Например, важное значение при интерпретации устных исторических источников среди модернистских и постмодернистских новаций имеет обоснование новых областей исторических исследований, в частности исследование индивидуальной и коллективной исторической памяти. Для устной истории интересны и некоторые разработки реконструирования прошлой реальности на основе такого материала интервью, как слово, образ, метафора, знаковое моделирование реальности, т. е. реализация исторических исследований через лингвистические смыслы, посредством которых люди прошлого воспринимали реальный мир и истолковывали окружающее. Так, усиление позиций субъекта в процессе исторической реконструкции на основе устных исторических источников представляется перспективным, поскольку расширяет возможности использования инновационных методов исторического исследования.

В целом необходимо отметить, что все повороты исторической мысли, зигзаги методических и методологических подходов, смены парадигм, взаимоисключающие теории и концепции создали огромный арсенал способов и путей интерпретации источников, из которого можно выбрать инструментарий для работы с устными историческими источниками, не сводя источниковедение устной истории только к их верификации. Новации в теории и методологии исторической науки не отрицают и традиционный источниковедческий анализ, который необходим для всех без исключения видов документов, в том числе для таких новых видов исторических источников, как устные. Традиционная внешняя и внутренняя критика устных исторических источников особенно необходима при использовании фактологической и событийной информации. При работе с устными историческими источниками, так же как и с другими документами, важны проверка правильности дат событий, имен, фактов, о которых шла речь в интервью, сопоставление этих данных с другими источниками.

С целью проверки фактологической информации необходимо проработать сведения об информанте, установить роль, которую он играл в описываемом событии. Это позволяет оценить его осведом-

¹ Томпсон П. *Голос прошлого...* С. 129.

ленность, а также выявить его современное отношение к другим участникам событий и самим событиям. Необходимо учитывать степень давности описываемых событий. С одной стороны, чем больше времени прошло, тем вероятнее искажение фактов. С другой стороны, временная дистанция дает возможность оценить прошлое, выделить из частного главное, расставить акценты. В разрешении этих трудностей может пригодиться методика интеллектуальной истории по работе с нарративом. Она позволяет рассматривать документ устной истории как имеющий двойственную природу, поскольку он существует в двух измерениях. С одной стороны, в устном историческом источнике респондент сообщает сведения о прошлом. С другой стороны, он ведет свой рассказ в настоящее время и соответственно транслирует в нем оценки и представления, сформированные под влиянием прожитых лет и современной политики и идеологии. Иначе говоря, его повествование о прошлом несет на себе печать последующего индивидуального опыта, неизбежных метаморфоз в оценке пережитого. В этом плане материал интервью, как нарратив, является историческим источником с выраженной субъективностью с двумя плоскостями анализа — собственно прошлого и тех изменений, которые происходили с автором и изменили его оценки.

Таким образом, проблема признания или непризнания за документами устной истории статуса исторических источников является архаичной. Причины недоверия и неутраченной дискуссии об их верификации и недопустимой субъективности состоят в узости применяемых подходов и инерционного мышления. Как указывает М. В. Мокрова, «историк, ищущий в документах устной истории конкретную, готовую для использования фактическую информацию и ничего больше, будет, скорее всего, разочарован: даты, факты, имена людей могут быть искажены (а именно так используются в краеведческих изданиях устные источники, из-за чего допускаются ошибки, вызывающие претензии традиционных историков и подрывающие их доверие к устным историческим источникам. — Т. Щ.). Историки, напротив, получат уникальный и насыщенный материал. Социолог, изучив ряд интервью, объединенных принадлежностью к какой-либо субкультуре, сможет глубже понять особенности существования малой группы, сформировавшейся в социуме. Психолог, лин-

гвист, антрополог, философ – каждый делает свои собственные выводы из содержащейся в одном и том же интервью информации. Следовательно, результат работы с документом зависит не только и не столько от самого источника, сколько от интерпретации. Источники устной истории требуют комплексного изучения с привлечением не только исторических и источниковедческих методов исследования, но и инструментария психологии, социологии, антропологии, психолингвистики и других областей наук о человеке»¹. Этого требует сама природа устного источника: «Как документ личного происхождения, он многопланов и содержит фактографический и эмпирический материал. Полученный во время опроса фактологический материал используется исследователями при восстановлении сельской событийной истории... Эмпирический материал, закодированный в интервью, позволяет историку восстановить прошлую жизнь во всем ее многообразии: мировосприятие и жизненный опыт людей, их оценки событий и исторических деятелей, вкусы и взгляды, суждения и мнения, пристрастия и убеждения и т. д. Современная методология признаёт за эмпирическими и эмоциональными факторами значение самостоятельных движущих сил истории. Признаётся современными историками и влияние на исторический процесс таких факторов, как убеждения человека, взаимоотношения, личные обиды и пристрастия, взгляды...»².

Междисциплинарные технологии

Методики и технологии с фактологической информацией в исторической науке отработаны. При работе с эмпирическим материалом устных исторических источников необходимо привлекать инструментарий и технологии анализа, разработанные и применяемые в психологии, социологии, антропологии, лингвистике, а также опыт других научных дисциплин. Специфика самого источника устной истории проявляется в комплексности. Комплексный характер устной истории придает использование широкого спектра методик исследования. Полезными, а иногда и необходимыми в устной истории мо-

¹ Мокрова М. В. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 24.

² Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, 2008. С. 75.

гут быть приемы и методы, разработанные многими социогуманитарными науками. Например, близки к устной истории исследовательские методы антропологии. Как известно, антропология помогает взглянуть на любое современное сформировавшееся сообщество и изучить его, используя методы и способы анализа, применяемые обычно в полевых работах. Сближает устную историю и антропологию то, что, в отличие от социологии, в центре ее внимания — не закономерности и типичные явления, а мир в его многообразии. В частности, антрополог пытается выяснить, что делает людей разными, изучая различные субкультуры, в отличие от социолога, который, наоборот, вводит системы и классификации. Сближает устную историю и антропологию и стремление зафиксировать действительность не с позиции стороннего наблюдателя, а с точки зрения изучаемых индивидов или целых групп. Не зазорно для более тонкого анализа, для правильной интерпретации смысла чаще обращаться к методам работы с источниками и других наук, в том числе и новых дисциплин. Например, можно привлечь «кинесику» — науку о жестах — для расшифровки невербальной информации, лингвистики — для работы с речью, голосом, тоном, тембром, характером речи, которые могут передавать информацию о возрасте человека, его физическом и душевном состоянии, эмоциях и т. п.

Использование устных исторических источников в культурно-массовой и воспитательной работе

Третий путь использования устных исторических источников связан с популяризацией исторических знаний, с развитием гражданского общества, с воспитанием патриотизма и любви к своей Родине — малой и большой. Это обусловлено тем, что по своей природе устная история, как никакое другое направление исторических исследований, тяготеет к сотрудничеству с самыми разными формами творчества, адресованного массовой аудитории. Устные исторические интервью имеют очень широкий ареал использования, от учебных и научно-познавательных компакт-дисков, интернет-сайтов и интернет-страниц до музейных экспозиций, радио-, телепередач. В этом направлении особенно больших успехов достигли зарубежные устные историки.

В зарубежной практике нашли проработку вопросы взаимодействия устной истории и современных средств массовой информации, музейного дела, кино, театра и устной истории; образования, воспитания и устной истории. Использование устных исторических источников в этих сферах во многом определяется сложившимися здесь законами жанра. Поэтому зарубежные историки пытаются понять, какой отпечаток это сотрудничество накладывает на академические практики.

Подводя промежуточные выводы, необходимо констатировать, что вопросы и проблемы использования и интерпретации устных исторических источников являются на сегодняшний день менее разработанными и в теоретическом, и в практическом плане, чем вопросы, связанные с созданием устных исторических источников. Тем в большей степени в вопросах их создания и документирования подспорьем для устных историков является опыт социологов, этнологов, антропологов и технологии других социогуманитарных наук, базирующихся на работе с носителями информации.

В вопросах интерпретации приходится полагаться на личный опыт проб, ошибок, удачных находок. Усложняет ситуацию сохраняющееся недоверие к устным историческим источникам со стороны академической науки. Тем не менее при работе с устными историческими источниками, так же как и с другими видами и типами источников, необходимо опираться на традиции отечественного источниковедения с его методикой источниковедческого анализа, привлекая методы анализа других наук — текстологии, социологии, лингвистики, лингвокультурологии, психологии, работающих с текстами, индивидуальным и коллективным историческим сознанием и т. д.

Вопрос об использовании сведений об информанте и его решение в отечественной и зарубежной практике

Одной из самых сложных и неоднозначных проблем использования устных исторических источников в научных публикациях является публикация информации об информанте и использование представленной им информации. Существует несколько подходов, отражающих наработки разных национальных научных школ.

Уже на начальном этапе формирования научно-практической программы по устной истории, создания устноисторического проекта важно обсудить этические вопросы, связанные с использованием имени рассказчика в публикациях разного рода. Вопрос о том, имеет ли право интервьюер ссылаться в своих научных публикациях на конкретного рассказчика, является дискуссионным и не имеет у историков однозначного ответа. В этнографии, например, является обязательным полное «досье» о рассказчике, как носителе традиций этнической культуры, без которой невозможна научная интерпретация полевых материалов. Научно-справочное оформление этнографических источников предусматривает наряду с личными паспортными данными указание происхождения, данные о родителях респондента, семейные предания о предках.

В отечественной устной истории этот вопрос еще серьезно не обсуждался и до конца не решен. В зарубежной устноисторической практике встречается несколько вариантов. Так, некоторые американские устные историки считают, что указание при цитировании фамилии и имени респондента не только неэтично, но и нарушает его права. В своих научных публикациях они ссылаются на кодировку заархивированного устного источника в соответствии с принятым в фондах американских устных архивов при университетах, архивах или библиотеках учетом поступающего материала и присвоением номера фонда, описи, дела. В таком случае в научном тексте ссылки на устный исторический источник включают традиционные архивные данные. В отличие от американской традиции, французская устная история допускает ссылки на фамилию информатора. В целом в зарубежной практике нет единодушия: в одних обществах устной истории принято нумеровать интервью без афиширования авторов, в других цитирование сопровождается указанием не только автора высказываний, но и полных данных о нем.

В российской практике также нет единого мнения. Каждый исследователь решает эту проблему самостоятельно. Но именно для российских историков эти вопросы имеют важное значение. Связано это и с несовершенством нормативной базы российского законодательства, и с особым драматизмом исторических процессов. В отечественной юриспруденции не проработаны нормативы, регулирую-

щие авторские права, определяющие интеллектуальную собственность, защищающие личную тайну и гарантирующие конфиденциальность личности.

Драматизм российской истории XX в., при юридических прорехах, часто ставит историка перед дилеммой – опубликовать или не опубликовать информацию о респонденте. В России весь XX в. происходили кардинальные изменения и радикальные преобразования – это и раскулачивание, и репрессии, и депортации, и войны, и реформы, раскалывающие общество на группы, а во многих случаях – на исполнителей и жертв. Учитывать эти обстоятельства особенно важно при работе в микронаселенных пунктах, где проживают потомки тех и других. Публикации рассказов представителей одной стороны затрагивают чувства и достоинства другой стороны, например, в ситуации, когда в своем рассказе о раскулачивании респондент из семьи раскулаченных указывает фамилии односельчан – активистов комитетов бедноты, которые участвовали в раскулачивании. Подобные обстоятельства необходимо учитывать при составлении программы по изучению противостояния белых и красных в казачьем обществе, когда в рассказах обеих сторон приводятся семейные истории с указанием фамилий. Для микрообществ со стабильным населением публичное обнародование интервью или его интерпретация в научных изданиях может стать толчком к нагнетанию межличностной неприязни и общественному взрыву.

Руководитель устноисторической программы обязан обсудить вопросы, связанные с публикацией данных об интервьюере. Острота проблемы обусловлена необходимостью защиты личной тайны человека. В архивной практике законодательно оформлен запрет на публикацию индивидуальных данных с соблюдением срока давности до 75 лет. Под этот закон попали широко используемые историками материалы похозяйственных книг муниципальных и текущих архивов сельских администраций и районных архивов. Этот источник всегда являлся наиболее массовым и доступным для сельских учителей и школьников. В соответствии с нормативами для защиты конфиденциальной информации они могут вводиться в научный оборот только с согласия людей, чьи данные исследователь хочет использовать в научных публикациях, или их потомков.

В результате в отечественной практике устной истории нашли применение и американские традиции, и опыт европейских школ. Исследователи, работающие по американским технологиям, придерживаются принципа анонимности информантов, которая диктуется не столько этическими представлениями, сколько юридическими аспектами авторского права. Примером является деятельность коллектива устных историков Европейского университета г. Санкт-Петербурга, тесно работающих с историками из университета штата Индиана. Система кодировки предусматривает изменение в цитируемых отрывках всех собственных имен, упоминаемых в интервью при публикации, на вымышленные, а имен авторов публикуемых отрывков – на шифры, присвоенные в архивных фондах. Используемая система шифровки в самом тексте и в «сводном индексе интервью» (СИН), помещенная в сборнике, включают информацию о собеседниках. Записи в СИН расположены в алфавитном порядке шифров информантов. Каждая запись включает сведения о поле (женский, мужской), годе и месте рождения человека, времени переезда в тех случаях, когда оно известно. В СИН также приводятся номера кассет (цифровых записей, CD, DVD) в устном архиве Европейского университета.

Например, № 170 [С 1 – АВП, С 2 – ИАР, ЕУ-Лахден-02 ПФ-1]. Данная информация расшифровывается следующим образом:

№ 170 – номер публикуемого в сборнике отрывка воспоминаний переселенцев (опрашивались сразу два информанта);

С 1 – АВП; С 2 – ИАР – шифры двух информантов, С 1 и С 2, по СИН – сводному индексу интервью;

ЕУ – Лахден-02 – полный шифр аудио- (цифровой) записи в архиве Европейского университета в Санкт-Петербурге. Цифра 02 показывает, что собеседник дважды участвовал в интервью (в 2002 и 2003 гг.).

ПФ – 14 – номер аудио- (цифровой) записи. Приводится в том случае, если интервью записано на нескольких кассетах (цифровых дисках).

В качестве примера можно привести отрывок из издания «Граница и люди: воспоминания переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка», подготовленного исследовательской группой Европейского университета.

«Раздел Освоение территории

Тема Ориентация в пространстве

№ 170 [С 1 – АВП, С 2 – ИАР, ЕУ – Лахден-02 ПФ-1]

И А не говорили, что есть какие-то тайные финские тропочки?

С 1 Нет. Не было. Троп таких тайных, таких не было.

С 2 Да тропочки-то были – ходили возле озера. Дак это просто тропочка: идешь, и все, и вроде уж после не боялись.

С 1 Ну-ну-ну... Да, да, да.

С 2 Лесом прямо – тропочка небольшая. Идешь лесом вдоль озера.

С 1 Может, и они ходили тут.

С 1 Но факт тот, что и мы ходили. В лес за ягодами ходили, или на рыбалку пойдем»¹.

Таким образом, для информантов вводится шифровка слова «собеседник» под номерами С 1, С 2, С 3 и т. д. Если участие собеседника в интервью ограничивалось несколькими репликами, то он зашифровывался, без представления информации о нем, знаком N. Если беседа вели два и более исследователей – И 1, И 2 и т. д. Пример:

«Раздел Религиозность

Тема Похоронно-поминальная обрядность

№ 420 [ВАГ, ПФ-5]

И 1 Может быть, [все] по-разному хоронили?

С Я, когда... У татар, знаю, слыхала, что сидя хоронят, гроб не делают – татары. А у чувашей – не слыхала, не знаю.

N У чувашей гроб².

С Гроб делают? Я не слыхала, а у татар знаю, что сидя. Заворачивают в материал, в простынь, и садят, садят сидя в могилу.

И 1 И у вас так на кладбище хоронили?

С Я не была, но рассказывают, что вот так татар хоронят. Я не была на таких похоронах, я только на русских ходила.

И 2 А никто там не пытался возмущаться, почему так?

С Так вот мы сами возмущаемся, что почему так? Никто не объясняет. Такой обычай у нас, такой закон, такой обычай. [...]

И 1 А веры все были одинаковой?

С Нет, веры разной. У нас христианская вера, у русских. А у них эти... как их... У карелов да у финнов ведь пятидесятница. Пятидесятники они называются»³.¹ Граница и люди... С. 15–16; 146–147.² Муж рассказчицы.³ Граница и люди... С. 298.

В сводном индексе интервью отрывка 170 под шифром С 1 – АВП представлена следующая информация об АВП – «АВП, м, 1923 г. р., Ур. дер. Кондоша Вологодского р-на Вологодской обл. Приехал в 1940-м, затем в 1945.¹ ЕУ-Лахден-02 ПФ-14; ЕУ-Лахден-03 ПФ-5 (здесь он сообщает, что приехал первый раз в 1940 г., затем – в 1946 г., и говорит о том, что он – уроженец Чепеповецкого р-на Вологодской обл.). Записано в г. Лахденпохья (Т16, 54, 71, 89...). Второй собеседник С 2 – ИАР: «f, 1922 г. р., ур. дер. Кондоша Вологодского р-на Вологодской обл. Приехала в 1940 г., затем после Великой Отечественной войны. ЕУ-Приозер-01 ПФ-31, 32. Записано в пос. Мельниково (№ 504). В отрывке 420 – ВАГ: «f, 1924 г. р., ур. пос. Вознесенье Ленинградской обл. Приехала в конце 1940-х гг. ЕУ-Лахден-02 МД-6, 7. Записано в г. Лахденпохья (№ 52, 53, 82...).²

При использовании устных исторических источников, независимо от форм (публикация, интерпретация, иллюстрация) наряду со специфическими приемами работы широко используются междисциплинарные технологии (контекст, нарратив и др.), общенаучные и общеисторические методы анализа.

Рекомендации для проверки усвоенного материала.

Вопросы для обсуждения на семинарах. Практические задания для самостоятельной работы

1. Перечислите и проанализируйте формы и пути публикации первоисточников. Обсудите их достоинства и недостатки. Объясните, в чем различие диалоговых оригиналов-интервью, купированных интервью, биографических интервью-монологов. В чем состоят трудности публикации оригиналов-интервью? Как вы относитесь к редактированию материалов интервью? Какие способы вмешательства считаете более щадящими?
2. Подумайте, возможно ли на основе приведенной в учебном пособии классификации использование иных форм публикаций первоисточников, напри-

¹ Исторически территории дважды заселялась переселенцами из СССР: в 1940-х гг. после передачи территории проигравшей Финляндией, когда финны были выселены, и в 1945 г., когда после победы над Германией и освобождении территории вернувшиеся финны вновь были выселены и территории заняты переселенцами из разных регионов СССР.

² Граница и люди... С. 473–475.

мер купированных монологических оригиналов-интервью. Свяжите каждую форму с целью публикации и дайте развернутую характеристику аудитории, которой они могут быть предназначены. Поработайте с опубликованными материалами опросов или с интернет-материалами и составьте список выявленных публикаций материалов интервью, включая публицистические, репортажные, газетные и иные версии. Проанализируйте их на предмет подходов к их публикации. Сопоставьте виды вопросников и принципы интервью (см. главы 2 и 3) с формами публикаций материалов интервью. Зависят ли они друг от друга, могут ли влиять виды интервью на выбор форм и путей публикации? Обоснуйте свое мнение.

3. Охарактеризуйте пути введения устных исторических источников в научный оборот. Сравните их между собой и проанализируйте, исходя из собственного опыта, проблемы и достижения каждого. Назовите трудности, которые встречает исследователь, вводящий устные исторические тексты в научный оборот.
4. Порассуждайте о проблемах научной интерпретации устных исторических источников, опираясь на текст шестой главы. Сформулируйте и выпишите их по порядку. Устно прокомментируйте. Обсудите с товарищами, имеющими опыт использования устных исторических источников в научном аналитическом анализе, те трудности, с которыми столкнулись они.
5. В источниковедении существуют разработанные методики анализа источников, т. е. источниковый анализ с так называемой внутренней и внешней критикой источников. Вспомните, что он включает. Можно ли его применить к анализу устных источников? Соотнесите компоненты источникового анализа документальных материалов с устными историческими источниками. В чем разница в подходах к источникам сторонников позитивизма и сторонников постмодернизма? Обозначьте аргументы «защитников» и «обвинителей» устных исторических источников. Знаете ли вы примеры интерпретации устных исторических источников как новых типов источников в монографических исследованиях? Найдите их. Выявите дискурсы использования устных исторических источников в этих работах; что нового для представлений о прошлом, по сравнению с другими источниками, они дали авторам? На какие трудности они обратили внимание?
6. Как понятие «местная устная традиция» или «устный репертуар местных жителей» соотносится с новым концептуально-теоретическим подходом в исторических исследованиях — «регионализмом». Попытайтесь определить и обсудить на практических занятиях «устный репертуар» местных жителей ва-

шего региона. Какие темы или проблемы являются наиболее «горячими» для истории вашего региона? Задайте себе вопрос, может ли быть в их решении более одной точки зрения, в том числе по интересующим вас вопросам. Найдите в устных исторических источниках взаимоисключающие, противоречивые, спорные оценки. Сравните их между собой. Поищите основания для существования каждой из них.

7. Как вы считаете, арсенал каких наук и дисциплин и почему необходимо привлечь для работы с текстами устных исторических источников? Почему устные историки уделяют много внимания лингвистическим методикам работы с устными историческими источниками?
8. Найдите интернет-сайты с коллекциями устных исторических источников. Определите принципы и формы их публикаций, условия использования.
9. Разработайте приемлемую, с вашей точки зрения, систему использования устных исторических источников в научных исследованиях.
10. Подберите цитаты по какой-либо исторической проблеме. Старайтесь подбирать такие отрывки, в которых выражена определенная позиция, а не такие, в которых содержится преимущественно описание. Составьте первичный анализ, используя и оформляя их как цитаты, сопоставьте оценки и мнения.
11. Используйте научно-педагогическую практику для работы со школьниками или студентами для социализации истории. Составьте проект устноисторических исследований с привлечением родителей с последующим проведением каких-либо мероприятий: классного вечера, аудиогазеты, вечера знакомства, классного уголка.

Междисциплинарность и прикладное значение устной истории

Устная история в контексте междисциплинарного взаимодействия

Известный историк, методолог исторической науки М. Блок писал: «Любая наука, взятая изолированно, представляет лишь некий фрагмент всеобщего движения к знанию... Чтобы правильно понять и оценить методы исследования данной дисциплины, необходимо уметь их связать вполне убедительно и ясно со всей совокупностью тенденций, которые одновременно проявляются в других группах наук»¹. Пока отечественная устная история занимает маргинальное положение в системе социогуманитарных наук. Она недостаточно обсуждается и в конкретно-исторических исследованиях, и в теоретико-методологических работах. Ряд историков вообще не видят ценности в исследованиях, основанных на субъективных показаниях, и поэтому не признают ни методы, ни источники устной истории научными. Нишами для использования отдельных элементов и методов устной истории (опрос старожилов и беседы с «бывалыми людьми») в отечественной научной практике являются этнография и социология, а также общественное и учебное краеведение. Из новых исторических субдисциплин она используется локальной историей, микроисторией, историей повседневности и др. В последнее время к устной истории обращаются специалисты по военной антропологии. Вместе с тем на современном этапе устная история предоставляет большие возможности для большой науки и поисково-исследовательской работы в образовательных учреждениях разного уровня, научно-исследовательских и культурно-просветительных организациях.

Для системы современного научного социогуманитарного знания и развития научного познания устная история предоставляет междисциплинарный комплексный методологический подход. Согласно концепции Д. Н. Хубовой, «устная история — „сумма векторов“ методов и подходов современных гуманитарных дисциплин, ориентиро-

¹ Блок М. Апология истории. М., 1973. С. 15.

ванная на собирание и фиксацию устных исторических текстов, источников устного происхождения»¹. Устная история имеет теоретические связи и практические междисциплинарные взаимоотношения с архивоведением, социологией, собственно историей, источниковедением и текстологией, семиотикой, психологией, антропологией, социо-, пара- и психолингвистикой; взаимодополняет теории и методы многих гуманитарных и социальных дисциплин.

Точки зрения о значении и назначении устной истории

В современном научном мире сформировались две точки зрения. Согласно первой, значение устной истории сугубо прикладное, она играет роль инструмента познания (исследовательское интервью) и источника информации (материалы интервью). Вторая точка зрения признает оформленность устной истории как самостоятельной и полноценной субдисциплины и направления исследований с полным набором соответствующих атрибутов – собственного предмета, методолого-концептуального подхода, инструментария исследований и анализа, источников и т. д. Не вдаваясь в эту дискуссию, необходимо признать, что устная история действительно имеет прикладное значение для многих социогуманитарных исследований, в том числе и для исторической науки.

Устная история, используя технику записи устных материалов, предложила социогуманитарным наукам обновленный подход к исследованию прошлого. Ее вторжение в уже сложившиеся науки со своими новыми методами и источниками породило совершенно новые научные ситуации. Методы исследования, подходы и объекты родственных дисциплин приобрели иные контуры. Например, к классическому методу социологии – устному опросу – добавляются источниковедческие аспекты авторства, роли интервьюера, его установки; психологические мотивации, изучение механизмов вариативной интерпретации действительности информантом и пр.

Обращение к устным свидетельствам и интервьюированию получило различное значение и научные результаты в разных научных сферах в соответствии с их исследовательскими традициями. В част-

¹ Хубова Д. Н. Устная история и архив: зарубежные концепции и опыт: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 16.

ности, для этнологов, антропологов, филологов данные устной истории всегда являются одним из базовых материалов. Что касается социологов, то они всегда балансировали между количественным подходом, позволяющим измерить макросоциальные феномены, общие тенденции и закономерности общественного развития, и качественным подходом, интересующимся индивидуальными судьбами и частными случаями. Сближение и взаимопроникновение устной истории с филологическими науками объясняется привлечением при анализе и интерпретации устных материалов теории личности, языка, сознания, разработанных психоаналитическим подходом, методами психологии, семиотики, лингвистики и пр. Использование устной истории филологическими науками диктуется возможностями, которые она предоставляет для изучения языковой среды социокультурного поля.

Самостоятельное значение устная история как метод и источник имеет и для других социогуманитарных наук: религиоведения, культурологии, регионоведения и др. Более того, устноисторическая методика и технологии играют большую роль и для естественных, технических и физико-математических наук — в сфере изучения истории самих наук, открытий, изобретений и достижений, биографий выдающихся деятелей.

В академической истории инструментарий и методология устной истории могут быть востребованы практически всеми направлениями исследований: социальной, политической, этнической и даже экономической историей. Характер этих связей и выходов, их много-сложность и взаимопроникновение обусловлены природой устного слова, структурами памяти, сознания — базовыми понятиями для устной истории и для многих других социогуманитарных наук.

Огромные возможности устная история дает для развития исследовательских технологий, методов, источников новых синтезированных исторических дисциплин. Благодаря антропологической акцентуации на современном этапе в рамках исторической науки сформировался целый ряд новых направлений исторических исследований, таких как «историческая психология», «история ментальности» (ментальная история), гендерная история и др. Предметом исследования новых субдисциплин, в совокупности составляющих социальную ис-

торию, является человек, а исторические события и процессы рассматриваются изнутри, через призму мира человека, который дает им оценку как мужчина или женщина, руководитель или подчиненный, крестьянин или горожанин, сторонник или противник, мусульманин или христианин, тюрк или славянин и т. п. В частности, в гендерных исследованиях прошлое и современность рассматриваются через призму взаимоотношений полов, глазами женщины с ее жизненным опытом и женским подходом или мужчины с преломлением исторической действительности через его мужской мир. Ментальная история дает возможность анализировать влияние на ход и содержание исторических событий и процессов таких факторов, как традиции и внутренние установки человека, сформировавшиеся в далеком прошлом, хранящиеся на уровне «генетической памяти» и часто обуславливающие ход исторических событий и даже исторический путь народа. Для этих и других перспективных путей проникновения в историческое прошлое устная история является универсальным методом исследований, с помощью которого создается комплексный устный исторический источник. В этом проявляется ее прикладное значение.

Таким образом, можно говорить, что устная история благодаря ее методам и источникам имеет большое междисциплинарное значение и сама является результатом междисциплинарного взаимодействия. Она родилась в актуальном междисциплинарном контексте современной науки в условиях развития комплексных подходов и методов гуманитарных исследований, на стыке многих социогуманитарных дисциплин, и сама открывает большие перспективы и возможности для других наук и дисциплин. Привлечение устной историей методов и подходов других наук и, наоборот, использование ее методов и подходов другими науками диктуется общими интересами и целями исследований социогуманитарных наук в их новационных поисках последних десятилетий.

На современном этапе устная история, как никакая другая дисциплина, удерживает и объединяет в процессе исследования другие социогуманитарные науки и дисциплины, прежде всего благодаря способности определять соотношение между объективным и субъективным миром человека. Сегодня задача архивоведения, истории,

археографии, источниковедения, исторической психологии, антропологии и др. состоит в том, чтобы обобщить опыт устной истории, разработанные ею современные методики, научно организовать собранный материал в устные архивы. Этот качественный сдвиг в социогуманитарной сфере требует изменения традиционных представлений конкретных дисциплин и наук: источниковедения, архивоведения, методологии исторической науки. Необходимо изменить статус «устного источника» при решении многих теоретических и частных вопросов, на которых построена структура взаимоотношений устной истории с методами и предметом изучения других родственных дисциплин.

Таким образом, взаимодействие устной истории с другими направлениями исторических исследований, новых исторических дисциплин и других социогуманитарных наук необходимо. Работая на одном поле, все социально ориентированные и гуманитарные дисциплины и направления исследований, имея свои подходы к изучению исторической действительности, нуждаются в новых методах и источниках исследования. Устный исторический источник как продукт исследовательского интервью содержит документальный материал по экономической, этнической, политической, бытовой истории и т. д. Он может использоваться и психологами, и лингвистами (устная история предполагает техническую запись, при которой фиксируются и говор, и диалект, и произношение, и интонация), и текстологами, культурологами, и политологами, и религиоведами и т. д. Междисциплинарность методов устной истории позволяет использовать их другими новыми направлениями исторических исследований, так же как и создаваемые с их помощью источники.

Поэтому для других наук не принципиален выбор предмета, объекта и, соответственно, тем и направлений устноисторических исследований. Если исходить из прикладного значения устной истории, то он может быть обусловлен сформировавшимся в академической науке спросом на источниковый материал, без которого возможности даже традиционных подходов в решении тех или иных исторических проблем ограничены. При выборе направлений устноисторической деятельности необходимо учитывать запросы и новые подходы к методам и источникам исторических исследований, например ген-

дерный подход, или новые исторические субдисциплины, например интеллектуальную или новую культурную историю. Причиной предпочтений в устноисторических исследованиях может стать выявление пробелов в исторических или других социогуманитарных знаниях. Выбор направления исследований может также определяться потребностями регионального или муниципального сообщества в историческом анализе каких-либо событий, имевших место в прошлом на данной территории. В конечном итоге организация работы по одному или нескольким направлениям позволит сформировать основательную источниковую базу. В силу многофункциональности любого участника исторических процессов в его интерпретации реконструируется многомерная картина прошлой жизни, независимо от того, какие исторические события или явления обсуждаются. Этим и определяется значение устной истории для социальной истории и других отраслей исторических исследований. В этом свете многие «уязвимые» и даже «негативные» особенности устного исторического источника, в частности подвергающиеся критике субъективность информации и вызывающая сомнение ее достоверность, могут являться источником, например, по исторической или этнической психологии, гражданской, конфессиональной, этнической идентичности и т. д. Таким образом, использование методов и источников устной истории социальными и другими отраслями исторических исследований (политической, этнической, экономической, военной и др.), а также новыми историческими субдисциплинами открывает большие возможности для их развития вширь и вглубь. Именно прикладным развитием устной истории объясняется ее возросшее значение.

Таким образом, устная история, как новая научная дисциплина, на современном этапе междисциплинарного обмена и взаимодействия:

— активно использует достижения других наук, научных дисциплин и научных направлений; адаптирует их методический инструментарий для собственного нового исследовательского подхода и методологии;

— сама дает другим наукам новые подходы, новые методы и технологии, новые источники, концептуальные и методологические разработки и открывает новые возможности для познания исторического прошлого.

В целом междисциплинарность устной истории и востребованность устного архива отражают стремление современной науки в академических коллективах и исследовательской практике в образовательных учреждениях к интеграции как следствию тенденций комплексного познания многослойной реальности, прошлой и настоящей действительности.

Рекомендации для проверки усвоенного материала. Вопросы для обсуждения на семинарах. Практические задания для самостоятельной работы

1. Как устная история может помочь в развитии исторических исследований. Есть сторонники и противники мнения о самостоятельности устной истории как дисциплины или, по крайней мере, самостоятельного направления исторических исследований (см. также первую главу). Но те и другие признают устную историю как один из инструментов исторических исследований. Вы скажите свое мнение. В чем проявляется прикладное значение устной истории?
2. Дайте оценку распространенному суждению о том, что устная история является продуктом междисциплинарного взаимодействия. В чем вы видите силу и уязвимость устной истории как междисциплинарной области знаний? Какое место вы ей отведете в системе социогуманитарных знаний? С какими социогуманитарными науками и дисциплинами она больше всего взаимодействует? Какое значение она имеет для развития исследовательских направлений и дисциплин в самой исторической науке?

Устная история в системе социогуманитарных наук

Устная история и социальная история: перспективы взаимодействия, или устная социальная история • Устная история в военной антропологии: возможности и перспективы исследований • Устная история как источник и метод этнографических исследований • Устная история, музееведение, музеология и музеи: пути и формы сотрудничества • Устная история и история повседневности: методические и методологические перекрестки • Устная история и история ментальностей или ментальная история: взаимодействие и взаимопроникновение исторических дисциплин • Устная история и архивоведение: традиции и новации

Устная и социальная история: перспективы взаимодействия, или устная социальная история

Социальная история как направление исторических исследований и самостоятельная отрасль исторической науки в отечественной практике окончательно оформилась в 1990-е гг. За рубежом ее истоки восходят к разработкам французской исторической школы «Анналов».

Но если в поле исследования социальной истории на начальном этапе развития находились большие общественные группы, их взаимоотношения и взаимодействия в конкретных исторических условиях, то в современной новейшей социальной истории — человек как член социума. По словам А. К. Соколова, в центре внимания социальных историков оказался человек «не сам по себе, а как элементарная клеточка живого и развивающегося общественного организма»¹. То есть, образно говоря, человек рассматривается в тех ролевых ситуациях, через совокупность которых проходит его личная, семейная, общественная, производственная, досуговая, творческая жизнь. В разное время и в разных условиях человек выполняет ту или иную социальную функцию. Антропологизация и гуманизация

¹ Соколов А. К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения исторических исследований // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 1. М., 1998. С. 108.

исторической науки потребовали новых подходов в изучении «человеческого содержания» исторических процессов, событий, явлений. При антропологическом и гуманистическом подходах движущими силами истории являются не только производственные отношения в изучаемых социальных группах, но и сам человек, его поведение, деятельность, жизненная позиция, этническая психология, его мнения, установки, целеполагания, мировоззрение, представления, взаимоотношения и взаимодействия с окружающими людьми.

На современном этапе в рамках устной социальной истории можно выделить несколько направлений научной, исследовательской и поисковой работы¹. Прежде всего это история социальных катаклизмов XX в., дольше всего изобиловавшая «белыми пятнами» — местами, подвергавшимися искажению в официальной историографии или малоизученными в силу несовершенства методик исследования и научного анализа, отсутствия источников, схоластического подхода к историческим исследованиям, засилия догм, стереотипов, мифологем и т. п. Примерами могут быть следующие темы.

- Восприятие важнейших событий гражданской войны на Алтае: отношение к событиям и их участникам, понятие о белых и красных, богатых и бедных, семейные предания и другие формы памяти о случаях из жизни семьи в период партизанского движения и т. д.

- Жизнь конкретной крестьянской семьи в 1920-е гг. — период свободного землепользования, развития единоличного хозяйства и кооперации (нэп): история развития поселковой инфраструктуры традиционным крестьянским путем — образование деревень, заимок, выселок, хуторов; советская система расселения — образование коммун, колхозов, совхозов, артелей, поселков МТС, сетей «Закупскот» и «Заготзерно», льнопоселков и т. д.; развитие предпринимательства и торговли в городе и селе; организация жизни сельского мира; социальные взаимоотношения и социальные категории, например «нэп-

¹ Направления рассматриваются на основе региональной истории Алтая. Они легко ложатся на любой другой регион в силу унифицированности исторических процессов в советское время. Например, колхозное производство из-за меньшей технической оснащённости в большей степени, чем совхозное, включало в производственный процесс, особенно в период сезонных работ (летней и осенней страды), все население «от мала до велика».

ман», «батрак», «кулак», «середняк», «коммунар» и др. Батрачество, единоличный и наемный труд, эксплуатация и т. д.

- Жизнь крестьян в 1930-е гг.: коллективизация, колхозно-совхозное строительство, развитие сети поселений в условиях упорядочивания колхозного землепользования, сселение хуторов и заимок, развитие новых принципов формирования сельских поселенческих макро- и микросистем. Раскулачивание и спецпереселения. Индустриализация и первые индустриальные стройки (меланжевый комбинат) и строительство новых городских районов («Город-сад», «Китай-город» и др.). Организация общественной жизни: пионерские отряды, комсомольские и партийные организации и др. Социалистическое соревнование: стахановское, ефремовское и другие движения.

- Село и город в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и послевоенное время. Организация производства в тыловой деревне и городе. История мобилизации и возвращения односельчан с фронта. Действие законов военного времени, в том числе «закона о колосках» в жизни сельского общества. Случаи эпидемий и голода, семейная и общественная жизнь в тыловой деревне и городе, введение военной дисциплины на предприятиях города и т. д. Город и городское население в годы войны: организация военного производства; эвакуация промышленных предприятий (заводы «Трансмаш», станкостроительный и др.), учреждений образования и культуры (медицинский и сельскохозяйственный институты и др.).

- Репрессии 1920–1950-х гг.: спецпереселения и спецпереселенцы на Алтае, раскулачивание крестьян и ссылка; социальные категории «враг народа», «изменник родины», «жены изменников родины»; депортация, репатриации и принудительные переселения на Алтай в советское время: взаимоотношения «непрощенных гостей» (ссылочно-поселенцы, депортанты и др.) и «вынужденных хозяев» (местное население).

- Алтай в послевоенное время: укрупнение колхозов и ликвидация неперспективных сел. Их влияние на поселковую структуру и жизнь отдельной семьи или человека. История исчезнувших и исчезающих сел Алтая. Освоение целинных и залежных земель. Послевоенная индустриализация: строительство промышленных предприятий в городах Алтая, формирование новых городских районов. Зре-

лично-досуговая и развлекательная сторона жизни. Жизнь человека в контексте общественной атмосферы и жизни политических и профсоюзных организаций.

- Повседневная колхозная жизнь: взаимоотношения на производстве, в обществе, в семье. Влияние изменений условий быта в городе и на селе: электрификация, радиовещание, телевидение; бытовая техника и т. д.

- Участие жителей Алтайского края в стройках пятилеток: быт, взаимоотношения, межрегиональные, межэтнические, межконфессиональные контакты и т. д.

- Участие жителей Алтайского края в афганской войне и локальных конфликтах 1990–2010 гг.

- Аграрная политика 1960–1980-х гг. и судьба алтайской деревни в период «застоя»: участие в механизации сельского хозяйства, реализации Продовольственной программы и т. д.

- Восприятие жителями важнейших событий текущей истории: перестройка и политическая жизнь в 1985–1993 гг.; изменения в производственной, общественной и семейной жизни в постсоветский период президентства Б. Н. Ельцина; отношение к современной аграрной политике – аренда, фермерство, частное землепользование, колхозы, совхозы.

Номинации и количество направлений исследований в русле устной социальной истории могут быть расширены в соответствии с историческими событиями, процессами и явлениями новейшей истории. Но при этом необходимо руководствоваться по крайней мере двумя обстоятельствами. Во-первых, выбираемая тема или предмет исследования должны быть доступны для исследования, т. е. обеспечены информантами – свидетелями или участниками событий. Доступность измеряется глубиной и протяженностью памяти человека о том или ином событии. Как правило, она измеряется в лучшем случае тремя поколениями. Допустимо и изучение семейных рассказов, полученных от родителей или дедов как носителей индивидуальной исторической памяти, например о переселении на Алтай или о раскулачивании. Памятники коллективной исторической памяти более мифологизированы и требуют применения самостоятельных методик работы. К ним относятся, например, рассказы об образовании

сел. Во-вторых, устного социального историка интересует не само по себе событие, процесс или явление, а эмпирический опыт человека, его мнения, ощущения, оценки и то, как они могли влиять на происходящее, взаимоотношения людей. «Взгляд изнутри» на событие или процесс, участником или очевидцем которого человек был, его интерпретация последствий для него, семьи и общества. Поэтому исследовательское интервью настраивает респондента не на последовательный пересказ события, а на пространные толкования того, как это было, описания ощущений и поведения самого человека и окружающих его людей. В принципе формировать направления исследований можно в соответствии со школьными или вузовскими учебными программами по истории России XX – начала XXI вв. Но любая тема должна изучаться изнутри, через внутренний мир и воспоминания человека, его личную позицию, эмпирический опыт или субъективную реальность, которая отражает историческое сознание конкретной личности, как единицы того или иного социума. В Приложении 5 предлагается ряд вопросников (№ 1–8 и др.) для исследований в области устной социальной истории.

Устная история как источник и метод этнографических исследований

Устная история как опросный способ получения информации не только об историческом прошлом, но и культуре, обычаях, мировоззрении народов известна с давних времен. Если в исторических исследованиях с созданием архивной документальной письменной базы уже в конце нового времени от устной информации почти отказались, то в изучении этносов и этнической культуры исследовательская традиция расспросов носителей культуры не прерывалась. Наряду с методом наблюдения и фиксации обрядовой части традиционной культуры работа с устной информацией оставалась в практике путешественников и исследователей. Внедрение в этнографическую практику метода устной истории и совершенствование исследовательского арсенала обусловлено рядом современных реалий развития этнографической науки. Во-первых, в этнографии объектом исследования наряду с этнокультурными артефактами являются продукты духовной традиционной культуры, и не только обрядо-

во-ритуальные, но и мировоззренческие — целеполагание, жизненные установки, то, что сейчас включают в понятия «этничность», «идентичность», «ментальность».

Во-вторых, многие традиционные общества являлись и до сих пор являются бесписьменными. Традиционная культура в них существовала и транслировалась вербально и в прошлом и в наши дни. Поэтому их изучение осуществляется путем выявления носителей устных форм существования, хранения и трансляции этнокультурной информации.

В-третьих, в индустриально-аграрных развивающихся государствах с развитой светской культурой сферой бытования традиционной культуры остается малограмотная и неграмотная либо просто не ориентированная на письменную фиксацию культурного наследия часть общества. К ней во всех странах мира относится население, связанное с сельскохозяйственным трудом (земледельцы, скотоводы) или промыслами (охотники, рыболовы, собиратели). В России именно крестьянство выполняло функции хранения, воспроизведения и трансляции традиционной русской культуры. Из этого «народно-крестьянского» родника черпала силу формировавшаяся в золотой век национальная русская культура. Именно благодаря введению в светскую культуру форм и содержания традиционной народной культуры вошла в мировую сокровищницу музыка М. И. Глинки, использовавшего фольклорные мотивы в классической музыке. А. С. Пушкин стал общенациональным поэтом благодаря богатому разговорному русскому языку, на который он перевел светскую литературу и поэзию. Совершенный им переворот особенно заметен, когда читаешь современных ему поэтов — А. П. Барятинского, В. А. Жуковского. А. Г. Венецианов стал известным живописцем благодаря отражению в изобразительном искусстве национального образа России — крестьянских женщин в традиционных сарафанах и кокошниках и т. д.

Недаром в период формирования золотого фонда русской национальной культуры в XIX в. началось «хождение русской интеллигенции в народ» за источниковым материалом, за русским народным творчеством, ритуально-обрядовым наследием: достаточно вспомнить деятельность А. Н. Афанасьева, В. И. Даля, Д. К. Зеленина. В интеллектуальной среде аристократов родилось подвижничество и пере-

движничество. Ярким примером являлась деятельность этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. Основным способом проникновения в сокровищницу народной культуры оставался опрос, в том числе и в этнографии XIX–XX вв., так же как и в других гуманитарных науках – лингвистике, диалектологии, фольклористике.

Техническая революция XX в. в способах получения, фиксации и хранения информации создала новые возможности и перспективы для развития гуманитарных наук, с помощью так называемого «исторического» или «исследовательского интервью». В этнографии его контуры оформились в 1920-е гг., когда был брошен призыв к исследователям изучать «уходящую Россию», в том числе крестьянскую Россию, разработаны программы изучения деревни и деревенского мира и вопросники по истории культуры и быта. И это были первые попытки формирования новых способов проникновения в «этничность». Можно сказать, что именно на этом этапе произошло разделение между двумя методами этнографических исследований. Первый метод до сих пор называется «сбор этнографических источников», т. е. сбор и фиксация преданий, легенд, былей, причетов, колядок, свадебных песен и других подобных готовых форм устной традиционной культуры. Метод сбора памятников духовной культуры приравнивается к сбору предметов материальной культуры – продукции гончарства, ткачества и т. д. И в этом смысле тоже можно говорить о сборе и фиксации готовых форм традиционной культуры. Второй метод – это «создание», или «фабрикация», этнографических источников с помощью исторического или исследовательского интервью, т. е. опрос с проникновением в «этничность» и этническую ментальность¹.

И, в-четвертых, в этнографических исследованиях на сегодняшнем этапе развития российского общества и других государств доминирующее значение приобретает опрос, так как внимание исследователей все больше переключается с материальных компонентов культуры в духовную сферу (психология, ментальность, этничность). Связано это, с одной стороны, с такими процессами, как глобализация, интернационализация, информатизация, ведущими к унификации материальной среды общества и корректировке предметного поля

¹ См. также: Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. С. 32.

этнографии. Традиционное внимание к материальной, вещественной сфере остается только в изучении бесписьменных народов или архаичных культур. В индустриально развитых странах фактически не осталось памятников традиционной материальной культуры (поселений, жилищ, одежды, украшений и т. д.). Стирается также этнографичность витальных обрядов. И в изучении духовной культуры объективно все чаще внимание переносится с изучения ее «готовых форм» (ритуально-обрядовых действий, фольклорных текстов) в область выявления идентичности, этничности, самосознания, которые проявляются в поведении, поступках, целеполагании, представлениях, установках человека.

С другой стороны, в результате интенсификации межкультурных связей, динамики миграционных процессов усложняется этнический состав населения во всех странах мира. В полиэтнических обществах встречаются разные культуры с их традиционными жизненными установками, конфессиональными и этнокультурными представлениями, культурно-бытовыми привычками. Изучение духовности и ментальности этнической культуры требуют проникновения в глубинные пласты сознания и знаний человека. Получение информации, которая часто носит латентный характер, требует профессионализма в научно-методической проработке опроса и его проведения. Большую помощь этнографам может оказать исследовательский арсенал устной истории и опыт зарубежных и отечественных устных историков.

Сферой взаимодействия устной истории и этнографии может стать формирование архивов устных этнографических и исторических источников. В этнографических исследованиях при новациях в исследовательских технологиях (пример – развитие визуальной антропологии) почти нетронутой остается технология документирования и архивирования получаемого материала. Это касается в первую очередь распространенной у этнографов ручной записи материалов. Однако при записи рассказов вручную происходит существенное вмешательство исследователя в авторскую интерпретацию: первоначальный материал искажается в результате сокращения услышанного, так как исследователь не успевает записывать за рассказчиком. Часто допускается переформулировка услышанного. Еще ча-

ще текст записывается так, как его понял интервьюер, а не с тем смыслом, который вкладывал рассказчик. Существуют и другие издержки фиксации вручную, наносящие урон авторской версии повествования.

Следует грамотно вести работу по обработке, документированию и архивированию создаваемых опросом этнографических источников. В исторических исследованиях, в том числе и в рамках этнологии, все настойчивее звучит мысль о введении требований к группе так называемых «полевых материалов автора» (в этнографических исследованиях обычно обозначаются как ПМА). Они справедливо подвергаются критике за отсутствие единых требований к оформлению, высокую степень субъективности из-за ручной фиксации, их незащищенность и частую потерю без обязательного размещения на хранение в архивах с гарантией авторских прав и т. д. Более того, можно вообще поставить вопрос, что такое полевые материалы автора, в чем их достоинства и недостатки как источника? Надо поставить также вопросы к оформлению и хранению ПМА и дать на них ответы:

– как источник формировался на этапе фиксации получаемого от информатора материала: вручную, вслед за рассказом, или при технической поддержке – записи (аудио, видео)?

– как записывался: дословно или что успел записать исследователь? Что услышал? Как понял?

– как фиксировался: наспех, на коленях – или была создана «ситуация успеха», т. е. условия для полного, развернутого рассказа человека (удачно выбрано место, время)?

– как устная информация превращалась в письменный документ, т. е. как велось документирование устной информации и создание «письменного устного источника»?

Чтобы уменьшить критику материалов опросов по этнографическим темам как исторических источников, необходимо наряду с деятельностью этнографа по «сбору полевого материала» расширить деятельность по «созданию источника» с выполнением всех требований к его формированию от начального до завершающего этапа. Можно воспользоваться принципами «фабрикации документа» на основе опроса, интервью, беседы, разработанными за рубежом в уст-

ной история – «oral history», а также в истории повседневной или бытовой истории – «everydaily history», биографистике и др. Для этнографов много может дать опыт «устноисторической практики» по транскрибированию и документированию «исследовательского» или «исторического» интервью.

Существующая практика и распространенная традиция комплектования домашних архивов у этнографов, с одной стороны, оправдывается авторским правом, мобильностью введения новых материалов в научный оборот. С другой стороны, она может быть подвергнута критике за целый ряд недостатков, прежде всего за отсутствие отработанных принципов и технологий сохранения этого уникального материала. Он является частью историко-культурного наследия, поэтому представляет собой не только авторское, но и национальное достояние. Полученный интервьюированием материал, конечно, создается этнографом, но в этой работе соавтором этнографа является носитель информации. Полученный материал требует охраны авторских прав той и другой стороны, но одновременно должен быть доступен для последующих исследователей и использоваться в государственно-общественной работе. Для того чтобы защитить авторские права, сделать ПМА достоянием науки и общества, можно использовать технологию архивирования материалов интервью и оформления авторских прав той и другой стороны в практике устной истории, что позволит совместить принципы формирования полевых материалов автора как личных архивов и принципы формирования «устных архивов» с выполнением требований к хранению документов в государственных хранилищах и одновременно обеспечить гарантии авторских прав. Последнее волнует любого исследователя, не только этнографа. Но любого исследователя, и не только этнографа, должна волновать и опасность гибели уникальных материалов личных архивов как общенационального достояния.

Зарубежная практика архивирования устной информации и широкое распространение так называемых «устных архивов» при научных и образовательных учреждениях, при библиотеках, при ведомственных и муниципальных архивах может быть востребована профессиональными этнографами, особенно технологии строгого учета, регистрации, фондирования, хранения создаваемых ими документов и

системы доступа и использования, в том числе разработка требований к публичному цитированию полученных от респондентов материалов и научно-моральных принципов интерпретации материалов.

Использование устноисторического опыта в определенной степени позволит превратить так называемые ПМА в традиционный исторический источник, который будет использоваться в процессе исследования и самим исследователем, и другими с его разрешения, что необходимо предусмотреть правилами допуска к авторским материалам в архивах других исследователей. На сегодняшний день созданные ПМА используются их создателями лишь частично, как правило, через цитирование отрывков и интерпретацию в разного рода научных публикациях, а в полном виде недоступны не только широкому кругу исследователей-современников автора, но и следующим поколениям исследователей. Технологии же устных архивов позволяют сохранить ПМА. Сейчас они, к сожалению, часто теряются, так как их жизнь заканчивается с жизнью их создателя. Можно привести десятки примеров гибели домашних и личных архивов.

Конечно, документирование и архивирование материалов опроса требуют от исследователя дополнительных сил и времени, но эти затраты необходимы. Что касается авторских прав, то при правильном архивировании с разработкой условий доступа все права этнографа будут защищены. Этнографам необходимо использовать опыт устных историков в оформлении устных исторических источников, который предусматривает их документирование (транскрибирование с соблюдением требований оформления) и архивирование (фонды письменных и оцифрованных источников)

Между двумя видами источников – ПМА и устными историческими источниками – существует разница. Одним из отличий является степень «полноты» и «сюжетности». Этнограф, как правило, фиксирует только тот материал, который ему нужен, например описания игр, если он занимается изучением традиционных праздников и зрелищно-игровых форм, или сюжеты свадебного поезда, если он изучает обряды витального цикла. Можно сказать, что, в отличие от устного исторического источника, он создает не полновесный, а «цитатный» источник и фиксирует «тематические отрывки», «тематические цитаты». Устный историк фиксирует полную версию, т. е. все, что го-

ворит человек. При этом он понимает, что «руда», которая сопровождает необходимую ему информацию, может быть востребована исследователями других проблем. Изучая те или иные исторические события в соответствии с вопросником, он часто касается других тем, характеризующих эпоху, и не отказывается от фиксации этого материала. Этнограф в этом плане более избирателен, не всегда фиксирует то, что не входит в круг его научных пристрастий, меньше обращает внимание на исторический фон. Устный историк тоже направляет опрос в русло интересующих его тем. Но при этом он выстраивает беседу-диалог вокруг «жизненной истории» (life story) и записывает «сырье» в виде отступлений на другие сюжеты, события, явления, которые могут послужить источником для других исследователей или пригодиться самому историку для выявления глубинных мотивов поступков, поведения и действий человека.

Использование устной истории в этнографических исследованиях как источника (устный исторический источник) определяется еще рядом факторов. Необходимо заметить, что, несмотря на заметное сходство между исследовательским инструментарием устной истории и этнографии, существуют принципиальные отличия между методом опроса, принятым в этнографии, и методом интервьюирования в устной истории. Во-первых, обязательная для создания устного исторического источника техническая запись фиксирует не только словесную информацию, но и звуковую (интонация, междометия, эмоции), а при использовании видео- и кинофиксации – визуальную (мимика, жесты, телодвижения). В ней также закодирована латентная информация, отражающая этничность человека. Во-вторых, в силу своей междисциплинарности устная история широко привлекает для анализа и интерпретации своих источников методики таких наук, как история, лингвистика, социология, политология, культурология, психология.

Таким образом, так или иначе введение в этнографическую практику опыта устной истории поможет не только расширить исследовательский инструментарий, но и создать прочную источниковую базу устноисторической и этнографической информации, которая будет особенно востребована на этапе определенной трансформации традиционной или классической этнографии в этнологию, так

как последняя в большей степени занимается внутренним миром человека и меньше фиксирует внешнюю обрядовую сторону. Методический арсенал устных историков, совершенствование методов опроса, фиксации, документирования и архивирования, т. е. создания новых источников, могут значительно продвинуть этнографические исследования вперед.

Возможными совместными проектами устной истории и этнографии может стать создание не только комплекса устных исторических источников по этнической истории и этнической культуре, но и интегрированных программ, например по крестьяноведению для работы с сельским населением, переживавшим перманентную модернизацию XX–XXI вв. Среди апробированных программ устной истории можно предложить следующие интегрированные направления устноисторических и этнографических исследований:

- деревня Алтайского края и традиционное крестьянское общество;
- крестьянство Алтайского края в досоветский, советский и постсоветский периоды: трудовые, бытовые, общественные и семейные традиции в крестьянской семье;
- заселение Алтайского края. Этнографические группы и историко-культурные группы русского населения и их взаимоотношения;
- переселения на Алтай в XX–XXI вв. Этнические мигранты и их взаимоотношения с местным населением и между собой;
- спецпереселения, депортации, ссылки на Алтай: «свои» и «чужие» в экстремальных условиях;
- традиции формирования и развития сети населенных пунктов, их типов в досоветский, советский, постсоветский периоды – деревень, заимок, хуторов, выселков, сел, рабочих поселений, городов. Развитие традиционной крестьянской и организованной административной планировки и застройки поселений, жилых усадеб, хозяйственных дворов и построек. Традиции огораживания жилого пространства в прошлом и настоящем. Формирование культурно-административных площадей и производственной среды населенных пунктов в крестьянский, советский и постсоветский периоды. Обустройство и демонология жилой среды в прошлом и настоящем;
- народная экономика: традиции земледелия, скотоводства, лесных промыслов, рыболовства. Демонология окрестных мест;

- социальные отношения в деревне в доколхозный и колхозный периоды: общественные порядки, организация деревенского самоуправления, социальные и этнокультурные группы, причины их формирования и их взаимоотношения. Участие в общественной жизни – возможности, ограничения, перспективы. Материальное и имущественное положение.

Успешно можно использовать устную историю для проведения комплексного исследования городского общества 1920–1930-х гг., соединяя урбан-историю, этнографию города и устную историю. Совместным проектом может стать тема «Городское общество в XX в.: повседневная жизнь и бытовая история».

Примером соединения собственно истории, этнографии и устной истории является изучение деревни в 1920–1930-е гг. Отечественная историография именно при рассмотрении социальной истории и социальной стратификации деревни в эти годы (период крестьянского единоличного хозяйствования и социалистической модернизации, включающей раскрестьянивание, раскулачивание, репрессии и обобществление производства) никак не может выбраться из «накатанной колеи», отойти от концептуального «прокрустова ложа». Любая попытка историков вогнать исторический процесс в методологические схемы, в том числе марксистско-ленинскую классовую парадигму, упрощает или искажает его, ограничивает методическую базу и исследовательские технологии. Примером является попытка историков определить содержание социальных категорий «кулак» и «батрак»/«бедняк». В советской историографии критерии кулачества как класса определялись идеологическими штампами, сформулированными в партийно-государственных директивах. Среди них – наличие механических орудий труда (что свидетельствовало о зажиточности), использование наемной рабочей силы (что трактовалось как эксплуатация). Современные концепции социальной дифференциации в доколхозной деревне недалеко ушли от советской историографии. Они по-прежнему вращаются вокруг этих показателей. Историки пытаются доказать, что наем сельчан на сельскохозяйственные работы у кулаков доколхозной деревни – это не эксплуатация, а применение машин – это не обогащение. Тем самым агитпроповские шаблоны переносятся из советской историографии в новейшую. В результате даже те истори-

ки, которые отказываются от классовой схемы социального развития деревни, сводят свою аргументацию к попытке доказать, что кулак не является «классовым врагом» или «врагом народа», а бедняк — наиболее сознательной личностью. Такой подход был нужен в период государственной и общественной реабилитации значительной части репрессированного российского общества, начатой перестройкой с середины 1980-х гг. Большая наука 1990-х гг. внесла свою лепту в анализ раскулачивания, его сущности, тем самым выполняя свое социальное назначение, и предоставила обществу возможность развивать полученные выводы с целью не только восстановления справедливости в отношении репрессированной части деревенского мира, но и формирования общественного мнения.

Однако устные исторические источники показывают, что к началу масштабных преобразований российской деревни в ходе коллективизации и раскулачивания 1930-х гг. мир алтайской деревни не являлся двумерным (богатые и бедные), а представлял собой общественную, хозяйственную, этнокультурную мозаику. В ходе освоения территории Алтайского края разновременными, поликультурными и полиэтничными мигрантами формировалась культурно-историческая специфика социумов по зонам расселения, отразившаяся на составе населения, хозяйственной специализации, уровне материального благополучия, имущественной, культурной, социальной дифференциации и т. д. Эти различия, помноженные на пестрые природно-климатические условия края, не только обусловили социально-экономическую и этнокультурную пестроту деревенского мира Алтая, но и способствовали формированию социокультурных групп внутри одного сельского общества. Эти группы могли по-разному относиться к проводившейся советским государством политике коллективизации и раскулачивания. В частности, устноисторическая работа показала, что на позицию старообрядцев повлияла их многовековая традиция борьбы за свою веру; они по-своему встречали преобразования советской власти. Трудолюбие и хозяйственность старообрядческих семей, их крепкое семейное хозяйство обусловили особую позицию этой категории крестьян в годы коллективизации, поэтому в старообрядческих селах социалистические преобразования проходили не так, как в остальных. Казаки, с их менталитетом служи-

лого сословия и привилегиями, способствовавшими их хозяйственной состоятельности, по-иному относились к политике советской власти. Реализация политики раскулачивания в казачьих селах приобрела особые формы, дополненные «расказачиванием». Переселенцы последней миграционной волны, находившиеся в начальном периоде адаптации и обустройства на новом месте, также имели свой взгляд на происходящие преобразования и также по-своему относились к советской политике. Этнические мигранты (мордва, мари, чуваша и др.) определяли собственные позиции, на которые положительно повлияла национальная политика 1920–1930-х гг. в области образования (открытие национальных школ) и культуры (создание нацотделов при региональных органах власти) и т. д.¹

Анализ советской и новейшей отечественной историографии показывает, что большая наука слабо учитывала этносоциальный и особенно этнокультурный фактор в формировании позиций участников советской реорганизации деревни в 1930-е гг. В определенной степени это являлось следствием использования ограниченной и неадекватной базы. И таких штампов в социальной истории, в том числе по стратификации деревенского общества и в 1920-е гг., и в 1950-е гг., много². Например, чтобы увидеть многофакторность имущественных, общественных и производственных отношений единоличного хозяйствования, необходимо включать в вопросники вопросы как традиционной социальной истории, так и этнографии. Это поможет рассмотреть многие вопросы, например истоки такого явления, как детский труд в единоличной деревне, и не только под углом зрения «батрачество или эксплуатация детского труда как особенности патриархального единоличного крестьянского хозяйства и многодетности крестьянских семей»³. Особенно эффективным взаимодействием устной истории и этнографии является в сфере изучения аграрной истории и крестьяноведения. В Приложение 5 включен ряд

¹ Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края XX веке. С. 166.

² Там же. Гл. 2, 5.

³ Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. С. 121–144; Она же. Крестьянское общество и семья при «единоличной жизни»: этнокультурный фактор в социальной стратификации 20-х годов XX в. (по устноюисторическим источникам) // Алтайский сборник. Барнаул, 2004. Вып. 2. С. 51–65.

вопросников: 9. Строительство и обустройство крестьянского жилища: рациональные, сакральные и фольклорно-обрядовые представления; 10. Русское население Алтайского края: этнографические группы и их взаимоотношения; 11. Православие в представлениях сельского населения в советское и постсоветское время; возрождение православных соборов и открытие приходов; 12. Этнокультурные факторы в социально-экономическом развитии деревни в период единоличного хозяйствования.

Устная история и музеология: пути и формы сотрудничества

Понятие «устная история», так же как и «музеология», до сих пор является дискуссионным. Одни определяют и устную историю, и музеологию как самостоятельные науки, другие рассматривают их как теорию и методику работы, в том числе исследовательской. Но, так или иначе, их связывает ряд факторов и черт. Во-первых, более интенсивная методологическая и теоретическая направленность исследований исторического профиля. Во-вторых, то, что становление и развитие этих исторических дисциплин со второй половины XX в. связано с внедрением звукозаписывающей и электронно-вычислительной техники, информационно-коммуникативных и компьютерных технологий. Эти факторы привели к корректировке принципов экспозиционной работы в музеологии, вернули музеи к научной работе и междисциплинарному взаимодействию. В то же время развитие устной истории предоставило новые методы изучения исторического прошлого и историко-культурного наследия, создало новые исторические источники, обладающие высокими демонстрационными и эмоциональными ресурсами, что создало возможности для модернизации музейной работы и в сфере научных изысканий, и в сфере презентации памятников истории и культуры.

В современной научной практике среди множества определений устной истории выделяется несколько ее принципиальных функций и содержательных компонентов. Это собственный метод исследования – интервью, с помощью которого осуществляется фиксирование субъективного знания отдельной человеческой личности об эпохе, в которой жил человек. Это собственный исторический источник – фото-, видео- и транскрибированные материалы историческо-

го интервью. Их отличительными признаками является оформленная в звуке или видеоизображении индивидуальная информация, отражающая эмпирический жизненный опыт человека как участника или очевидца исторических явлений и процессов; его оценки и представления. Например, в определении одного из ведущих центров устной истории США «Истории и памяти университета Индианы», с помощью устных исторических источников собирается «материал о прошедших событиях у свидетелей и участников этих событий. Устная история базируется на памяти, а память, в свою очередь, является субъективным способом фиксирования прошлого, включающего в себя современную переоценку давних событий и индивидуальную психику человека. Устная история может установить, как индивидуальный опыт и впечатления могут повлиять на прошлое и как прошлое влияет на настоящее»¹. Обязательным в устной истории является документирование и архивирование устных исторических источников для их последовательного использования и в экспозиционной и в научно-исследовательской работе.

Взаимодействие с устной историей открывает большие перспективы для музеологии. Об этом свидетельствует тот смысл, который вкладывается в современные представления о музеологии: «структура и методы комплексного процесса сбора... и экспонирования и другого коммуникативного использования таких предметов движимого культурного наследия, которые могут... служить получению и распространению познаний, а также передаче эмоций»².

Можно предложить несколько путей взаимодействия устной истории и музеологии. Во-первых, существует необходимость расширить понятие «музейные предметы» за счет «историко-культурного наследия», которое должно включать не только вещественные памятники культуры, но и памятники или продукты духовного наследия, базирующиеся на коллективной и индивидуальной исторической памяти. Нельзя ограничивать социальную значимость музеев только той частью культурного наследия, которая сосредоточена в них в

¹ What is Oral history – Indiana: Indiana University. Center for the Study of History and Memory [Электронный ресурс]. URL: <http://www.indiana.edu>.

² Шнайнер К. Предмет исследования музееведения и происхождение дисциплины [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pribaikal.ru/1600/article/2173.html>.

предметном виде. Так было изначально с самых первых музеев. Однако в XX в. изменились представления об информации, кардинально изменились способы и пути ее фиксации, презентации и хранения. Например, история недавнего прошлого в экспозициях музеев может стать интереснее благодаря рассказам ее участников. Соответственно должно меняться и представление о наследии. К памятникам наследия, по нашему мнению, относится не только то, что можно увидеть, т. е. образцы материальной культуры, но и то, что составляет духовное, ментальное, этническое, конфессиональное его содержание, хранящееся в памяти человека или общества, рассказанное или продемонстрированное им.

Одним из главных предназначений музеев должны стать фиксация и хранение памяти и ее презентация. Традиционно музей заполняет эту нишу опять же мемориально-вещественными артефактами и свидетельствами — фотографиями, дневниками, записками, письмами и другими предметами. Менее распространено включение в экспозицию устной или визуальной информации, которая отличается большим эмоциональным воздействием. При формировании тематических коллекций музейщики часто работают с «бывалыми людьми», «знатоками местной истории», с помощью которых моделируются или реконструируются историко-культурные процессы, но такая работа проводилась и проводится музеями без научно-методического оформления материалов бесед или опроса, их документирования и архивирования, тем более без аудио- или видеофиксации.

На современном этапе развития музееведения активизировались поиски новаторских подходов как на этапе сбора самого материала, так и на этапе его популяризации и демонстрации массовому посетителю, формирования экспозиций. Исследовательские, собирательские, поисковые и познавательные усилия из материальной сферы все чаще перемещаются в духовную. Одной из очевидных проблем современных музеев является существование огромных музейных фондов с сотнями тысяч экспонатов, лишь незначительная часть которых доступна для населения через постоянные и временные выставки. Зарубежные музеологи, высоко оценивая содержание музейных фондов России, тем не менее все чаще критикуют их за архаичный способ презентации историко-культурного наследия, за превра-

щение музеев в склады вещей, которые недоступны не только массовому посетителю, но и исследователям. Вызывают нарекания со стороны музеологов и методы работы с посетителями. При распространенных формах презентации историко-культурного наследия посетитель исключен из процесса познания прошлого. Он являлся пассивным созерцателем, более того, в процессе познания задействованы главным образом органы зрения.

В наши дни ищутся новые принципы формирования экспозиции, пути презентации наследия, формы и методы взаимодействия посетителя и экспозиции, способы воздействия экспозиции на посетителя. Среди них – новационные формы презентации интеллектуальных достижений человечества, основанные на развитии научной и технической мысли, являющейся важнейшей частью духовного наследия. В отечественном музееведении к этому направлению относится прежде всего Политехнический музей, который одним из первых стал переводить принципы построения экспозиции от пассивных форм к активным. За Уралом примером является иркутский «Экспериментарий» – Музей занимательной науки. Большая часть его экспонатов, объясняющих законы физики, создана силами сотрудников музея из подручных средств. Эти экспонаты можно не только потрогать, но и самостоятельно привести в действие. Усилило бы эффект восприятия использование в экспозиции продукции визуальной антропологии и устной истории, например аудио- и видеоинтервью по истории развития регионального сообщества физиков, их рассказы о жизни и деятельности. Современные технические условия позволяют организовать индивидуальный просмотр или прослушивание без участия экскурсовода. Устная информация обогащает любой вещественный экспонат. Иногда без комментариев или объяснений невозможно понять или адекватно оценить, каким образом реализовывался тот или иной предмет в истории или культуре, и для посетителей многие предметы остаются «безмолвными», несмотря на сопроводительные подписи. В таких случаях достаточно было бы аудио- или видеоинтервью, сопровождающих вещественные источники в экспозиции.

Устная информация значительно дополняет и письменные документы, особенно широко используемые при демонстрации событий новейшей истории. Музейные экспозиции по истории XX в. не могут

удивить посетителей «экзотическими» экспонатами, такими как зуб мамонта, захоронение древнего человека, кинжал скифского воина и т. п. XX в. представлен в музеях предметами унифицированной фабрично-заводской материальной культуры, свидетельствами повседневной жизни и технических достижений. Устные исторические источники представляют музеям возможность дать более широкую, более глубокую и более панорамную картину исторического процесса или события. Примерами являются «тематический музей» по истории репрессий «АЛЖИР» – «Акмолинский лагерь жен изменников родины» (Республика Казахстан), в котором при формировании экспозиций интересно сочетаются вещественные экспонаты и рассказы очевидцев; «музеи исторического события», например музей истории Солонковского боя в Волчихинском районе Алтайского края; вещественные и вербальные коллекции в «музеях исторической личности», например, музеях писателя В. М. Шукшина в с. Сростки, писателя А. П. Соболева в с. Смоленском, космонавта Г. С. Титова в с. Полковниково Алтайского края. При любом профиле музея большое значение в музейной работе, в том числе при создании экспозиций, приобретают историко-культурные памятники устного происхождения вербальная и визуальная запись воспоминаний, рассказов, семейных историй. На современном этапе музейщики ищут пути включения этого наследия в музейные фонды, музейные экспозиции, временные музейные выставки.

Для этого при государственных музеях, на наш взгляд, целесообразно создавать архивы устных исторических источников, так называемые «устные архивы», так же как и при общественных мемориальных комнатах, кабинетах, центрах в образовательных и культурно-просветительских учреждениях. И в том и в другом случае необходимо выполнение ряда научно-методических условий, которые разработаны в устной истории. Первое условие касается правильной научной фиксации интервью с последующим документированием и архивированием материалов. Обязательным условием для общественных музеев является последующая передача «устных архивов» на государственное хранение в муниципальные и центральные архивы или создание фондов устных источников при государственных музеях с регистрацией и постановкой на учет. Это требование связано с

уникальностью создаваемых «человеческих документов», востребованность которых будет возрастать из года в год, из десятилетия в десятилетие, из столетия в столетие.

Устные исторические источники в силу своей специфики больше, чем какие-либо другие документы из государственных фондохранилищ (официальные документы), передают «аромат эпохи», ощущения и самочувствие человека в эту эпоху, «живое дыхание истории». Созданные на основе интервью или материалов беседы источники отличаются «человеческим содержанием» и поэтому показывают не только историю быта или бытовые условия эпохи, но и человека эпохи. Этим они и интересны тем, кто стремится к объективной и полной реконструкции прошлого, и тем, кто пришел увидеть прошлую жизнь и человека прошлого. Устные исторические источники позволяют музеям расширить свою деятельность за пределы «складирования древностей» и стать многофункциональными учреждениями.

Таким образом, создание устных архивов при музеях является перспективным развитием музейного дела. Современная эволюция музеев по пути от презентации материальных культурных артефактов к презентации всего историко-культурного наследия человечества требует обновления арсенала методов работы по сбору, хранению и популяризации материальных и духовных ценностей как единого целого, полномерно отражающего эпоху, когда экспозиция материальной культуры сопровождается звуковым или видеорядом, шумовым фоном эпохи, слайдовой демонстрацией, пением или рассказом участника событий. Для устного историка важно, что любая эпоха, исторический процесс, историческое событие или явление отражается не только в материальных предметах, но и в звуковой форме, в виде рассказов людей. В отечественных музеях метод устной истории получил широкое распространение в практике музея Министерста культуры, Мемориальном музее космонавтики, музее Н. Е. Жуковского и др.

В завершение можно предложить несколько путей вкрапления устной истории в музейное дело. Представляется интересным комбинировать экспозиции по истории раскулачивания и репрессий из вещей и фотографий семейных архивов с коллекциями аудио- и видеоматериалов с рассказами, песнями, стихами и другими устными вербальными и визуальными памятниками, собранными и созданными

исследователями с помощью носителей информации. Наложение видеоряда или аудиозаписи на экспозицию фотографий, личных вещей, архивных дел создает условия для более эмоционального восприятия. По такому же принципу можно создавать выставки или постоянные экспозиции по истории целины с фоторядом и аудиорядом — песнями и воспоминаниями целинников, шутками, прибаутками, рассказами о повседневной жизни или рассуждениями об общественной атмосфере того времени, о дискуссионных моментах. По таким же принципам можно формировать выставки по истории исчезнувших сел, по истории общественной реакции региональных сообществ в 1991 г. на попытку ГКЧП взять власть в свои руки.

Жизненные истории, изнутри отражающие исторические события, позволяют ощутить дыхание истории, бережно, с пониманием (осуждение, одобрение, уважение и другая палитра эмоций) относиться к событиям и участникам исторической жизни. В развитии научных форм популяризации (создании выставок и экспозиций) большое значение приобретают психолого-педагогические вопросы, в частности воздействие музея на посетителя.

Направлениями работы по созданию при музеях архивов устных исторических источников может стать интервьюирование очевидцев и участников не только общероссийских событий, но и событий, интересных для конкретного регионального сообщества. Например, в истории Алтайского края есть ряд общеисторических процессов и событий, протекавших своеобразно, соответственно специфическим региональным условиям. Среди них известны роговское движение в Причумышье в годы Гражданской войны, добытинское восстание в период коллективизации в Причарышье, ефремовское движение в стахановской истории на территории хлебопашеских районов и т. д. Любой общероссийский исторический процесс имел свое «региональное лицо» на Алтае и может быть запечатлен в музейных экспозициях или инсценирован в лицах с озвучиванием или сопровождаться аудио- и видеоматериалами.

Предметом сотрудничества устных историков и музеологов может служить формирование фонда устных исторических источников по истории советских общественных организаций (пионерия, комсомол). В целом необходимо отметить, что советская эпоха, ос-

тавшись в прошлом, очень быстро уходит из знаковой системы современного общества. Быстро происходит потеря советской лозунгово-уличной агитации, монументальной живописи и скульптур, советских традиций оформления улиц и парков и других широко распространенных свидетельств советской эпохи. Новая символика настенной живописи рекламного-плакатного творчества является свидетельством иного времени — постсоветской России. Пройдет еще несколько лет, и сбор материальных свидетельств советской эпохи будет таким же актуальным, каким в советское время являлся сбор материальных памятников крестьянской цивилизации. Забываются и советская повседневная жизнь в колхозах, и традиции общественной жизни: история пионерских организаций, народных дружин и т. д. При этом уповать на письменные документы нельзя: даже в газетах и журналах жизнь общества в советское время не отражалась адекватно ни в ее драматических, ни счастливых проявлениях: зачастую лакировалась, политизировалась или ретушировалась. Не способствуют реконструкции советской истории в музеях и не менее ангажированные современные оценки. Воссоздать в экспозиции жизнь коммуналки, колхозного общества или пионерского отряда можно только с опорой на вербальные или визуальные устные свидетельства.

Самостоятельным направлением музейной региональной работы может стать история научных исследований и изобретений в гуманитарной, естественнонаучной, технической сферах. Это может быть, в частности, летопись исторических, археологических, этнографических исследований на Алтае. Население Алтайского края в силу особенностей его заселения и формирования большого числа историко-культурных групп является предметом исследования ведущих российских этнографов из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Омска, Томска, проводивших на его территории экспедиции и выезды в 1950–1990-е гг. Их материалы легли в основу публикаций, монографий, статей и других солидных научных изданий по истории и культуре народов Алтая. Но получить полное представление по ссылкам на их полевые материалы об их исследовательских маршрутах, изученных населенных пунктах, этнографических группах невозможно. С помощью устной истории можно организовать интервью по истории этнографических исследований с такими известными исследова-

телями, как В. А. Липинская (г. Москва), Е. Ф. Фурсова, Г. В. Любимова (г. Новосибирск), Т. Б. Смирнова, М. А. Жигунова, Т. Н. Золотова (г. Омск) и др. В музеях можно создать стенды с картографированием исследовательских маршрутов, озвучить их с помощью отрывков аудио- и видеоинтервью и зрительно обогатить с помощью слайд- и фотопрезентацией из материалов экспедиции. Около такой экспозиции можно организовать самостоятельное объемное проникновение посетителя в тематическое прошлое.

Таким образом, устная история создает новые возможности для музейной практики в области поисково-собирающей, экспозиционно-презентационной и научно-исследовательской работы и условия для решения теоретико-концептуальных и методологических проблем музеологии и других гуманитарных наук. В качестве примера взаимодействия устной истории и музеологии в Приложении 5 размещен ряд вопросников, которые могут расширить возможности музейной работы и внедрения новых презентационных форм, среди них вопросники по истории пионерии (13 и 14) и истории этнографических исследований на Алтае (15).

Устная история в военной антропологии: возможности и перспективы исследований

В последнее время получило широкое распространение такое направление исторической науки, как военно-историческая, или военная, антропология. По определению историков, она является междисциплинарной областью исследования и включает в себя исследовательский инструментарий истории, психологии, культурологии и других наук. При всей ее многоплановости ее главным стержнем, пожалуй, являются историко-психологические исследования, которые показывают войну как явление, формирующее особый тип человеческого сознания, создающее феномен «человека воюющего», и позволяют раскрыть мотивации поведения людей в экстремальных условиях «военного лихолетья». В этом смысле военно-историческая антропология, по определению ее основательницы Е. С. Сенявской, является прежде всего «человеческим измерением войны»¹, интерпретируя которое фактически невозможно «фальсифицировать про-

¹ Сенявская Е. С. Психология войны: исторический опыт России в XX веке. М., 2002.

шлое в угоду настоящему». Именно к этому призывал стремиться историк И. Д. Ковальченко¹. Одним из ведущих специалистов в этой сфере является Е. С. Сенявская, выполнившая и защитившая в Центре изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН докторскую диссертацию «Психология российских участников войн XX в. Сравнительно-историческое исследование». Ею подмечена одна из отличительных особенностей российской истории: «В России, для которой весь XX в. явился чередой больших и малых вооруженных конфликтов, психология „человека с ружьем“ оказалась преобладающей и в мирной жизни, решающим образом повлияла на весь ход истории»².

Устная история может явиться действенным методом в изучении большой Великой Отечественной войны и малых войн, в которых российские солдаты с честью выполняли воинский долг, — это и участие в вооруженных конфликтах в Корее, в Анголе, на Кубе, на границе с Китаем, и афганская война, и чеченские кампании. Их участники живут в городах и селах всей страны, включая Алтайский регион. Они могут рассказать про оборотную сторону войны — не отшлифованную идеологией и политикой, не «забронзовевшую» в молчаливых монументах; про ее повседневную изнанку со всеми мелочами жизни, которую нельзя воспеть как героическую в пафосных фильмах и книгах, но которая и составляет подвиг «человека воюющего». Именно об этом меньше всего пишут историки и говорят исследователи.

Формирование военной антропологии как самостоятельного направления исторических исследований уходит корнями в наработки исторической психологии классической школы «Анналов». Именно в военной отрасли исторической психологии появился специальный термин «war mentality», «обозначающий состояние умов в военное время, психологию военного времени»³. Методологическим образ-

¹ Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1; Дискуссия о методологических поисках в современной исторической науке // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 75–90.

² Сенявская Е. С. Психология российских участников войн XX века. С. 3.

³ Там же. С. 13.

цом такого рода исследований называют исследование английского историка М. Хастингса «Оверлорд». В нем автор на материалах «устной истории» воссоздал психологическую атмосферу высадки союзных войск в Нормандии¹. И. И. Розовская считает, что основополагающий принцип исторической психологии, выдвинутый французскими историками школы «Анналов», состоит в «осознании и понимании эпохи, исходя из нее самой, без оценок и мерок чуждого ей по духу времени»². Основным отличием подхода военной антропологии к изучению войны является «непосредственное проникновение в историческое прошлое» с помощью интервью, «вживание исследователя» с помощью интервью в изучаемую эпоху, во внутренний мир участника исторических событий. От войны осталось много мемуаров представителей высшего командования – генералов, маршалов, главнокомандующих. Историческое интервью с рядовым и офицерским составом выявляет «взгляд на войну из окопа» с ее повседневной и героической жизнью и существенно дорисовывает военную историю, делает ее выпуклой, «голографической».

В русле военной антропологии или истории повседневности с помощью технологий устной истории наряду с «человеком воюющим» изучаются жизнь и ощущения тылового населения воюющей страны и жизнь населения на оккупированной территории. Необходимо считаться с тем, что в наши дни остается все меньше фронтовиков – в прошлом «людей воюющих». Надо торопиться. Но изучать войну можно и через тех, кто сейчас относится к «ветеранам тыла», «детям войны», «узникам фашизма» и другим категориям – жертвам войны и военного времени. Для азиатской части России, от Урала и до Дальнего Востока, актуальным является изучение войны через жизнь тылового населения: женщин, подростков, детей военного времени. Их судьба является важнейшей частью истории войны, без нее нельзя считать военную историю полной и завершенной. Однако именно жизнь рядовых колхозниц, подростков и детей сибирских тыловых территорий затерялась на фоне героических свершений совет-

¹ Хастингс М. Операция «Оверлорд»: как был открыт второй фронт. М., 1988.

² Розовская И. И. Методологические проблемы социально-исторической психологии (на материалах французской исторической школы «Анналов»). М., 1972. С. 20.

ских женщин на фронте, в прифронтовой полосе, в партизанских отрядах, блокадном Ленинграде и осажденной Москве.

В зарубежной историографии существует термин «потерянные героини», а скрытым ключом, который направил к ним историков, оказался метод устной истории, который применяется в ситуациях, когда документов, касающихся их жизни и деятельности, у историков мало. В отечественной практике наработки исследователей, работающих в русле «устной истории женщин», или «женской устной истории»¹, могут быть особенно полезны. Приверженцы «модели женской устной истории» занимаются прежде всего историей женщин, которые были «за кулисами» театра военных действий, не являлись признанными активистками общественных движений, государственными деятелями. Использование «модели устной истории женщин» поднимает ряд вопросов, которые должны быть изучены шире: о питании и способах лечения детей в экстремальных условиях, о способах адаптации к условиям военного времени и выживания, о ролевой переориентации женщины в производственной и общественной жизни тыловой деревни². Более того, в женских устных источниках зафиксированы такие негероические семейные сюжеты, как получение сроков за невыполнение трудодней или, например, судимость на основе указа о колосках, наказания за опоздания на принудительные работы, за спекуляцию, за кражу зерна на току для голодных детей и т. д. В этом плане устные свидетельства женщин военной деревни позволяют историку корректировать многие ставшие шаблонными понятия, например «цена победы». Конечно, во многом такие сюжеты разрушают «глянцевый» портрет войны, отшлифованный в советское время. Но современный настрой общества позволяет обратиться к тому, что скрывалось в советской истории за парадно-глянцевой картиной войны, и показать, что происходило с людьми ежедневно в повседневной жизни.

В определенной степени такой подход является способом деидеологизации официального (советского) образа войны, который реализовывался и государственными деятелями и исследователями, когда

¹ Воспоминания женщин: устные истории переходного периода: теория и практика: сб. статей. Бишкек, 2001.

² Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. С. 373–400.

«истории» в обществе отводилась роль орудия политического и идеологического воздействия на «общечеловеческую» память. Вместе с тем расширение сферы военно-антропологической истории за счет жизни военной тыловой деревни позволяет воссоздать повседневную жизнь общества в годы войны и увидеть ее другими глазами во всем ее многообразии и многоцветии. Действительно, «неверно представлять себе эти трагические эпохи как сплошную цепь несчастий. И в эти периоды люди дружили, любили друг друга, воспитывали детей, устраивали свой быт», а занимаясь устноисторическими исследованиями, можно «увидеть, из чего складывалась ежедневная жизнь людей... понять, как люди приспособлялись к жизненным обстоятельствам...»¹. Необходимость устноисторических исследований алтайской деревни в военное время диктуется и решением проблемы глубоких изменений в сознании сельских жителей, вызванных войной. Война ускорила модернизацию деревенского сообщества, проявлявшуюся в том числе и в пересмотре многих традиционных представлений о женщине в быту, на производстве, в общественно-политической жизни, в переоценке системы жизненных ценностей и закреплении социалистических норм во взаимоотношениях женщин и мужчин.

В этом смысле устные женские истории отражают общественную важность воспоминаний, идентичность их носителей в определении оценок войн и трансформацию мировоззрения сельских жителей. Только записав рассказы женщин-колхозниц территории, удаленной от эпицентра событий, мы можем увидеть полную историческую картину войны и представить феномен категории «подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны». И в этом смысле не имеют значения социальный статус, административная должность, профессиональное образование женщины, которую выбирает интервьюер, то, насколько типичен или нетипичен ее жизненный опыт. Существуют общие черты, объединяющие всех женщин, оставшихся без мужчин в деревнях: на колхозном поле, совхозном току или скотном дворе, в собственной семье, от жизни и деятельно-

¹ Козлов В. Ф., Леонтьев Я. В., Щербакова И. Л. Человек в истории. Россия – XX век: Конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников: Материалы в помощь участнику конкурса. М., 2005. С. 15; Воспоминания женщин... С. 5.

сти которых зависел итог войны. В этом плане их повседневная будничная жизнь являлась важнейшей составляющей общих результатов победы советского общества в Великой Отечественной войне. Для работы в этом направлении Приложение 5 включены разработанные автором вопросники «Великая Отечественная война. Фронт и фронтовая жизнь» (№ 16), «Деревня и сельское общество Алтайского края в годы Великой Отечественной войны» (№ 17).

Устная история и история ментальностей: взаимопроникновение и взаимодополнение

История ментальностей рассматривает влияние внутренних механизмов поведения человека и общества, заложенных на психологическом уровне, на исторические процессы. Научное направление «история ментальности» исходит из того, что историческая жизнь общества зависела и зависит от глубинных ментальных компонентов. К ним Ю. Л. Бессмертный, например, относит систему образов и представлений и считает, что «она различна у разных социальных групп и страт», они руководствуются ею в своем поведении, и в ней «выражено их представление о мире в целом и их собственном месте в этом мире...», это «система образов, которая передается от поколения к поколению в процессе воспитания и обучения и «вследствие определенных экономических условий»¹.

Устную историю и ментальную историю сближает то, что «в противовес аристократической истории идей история ментальности выступает как средство изучения представлений, типичных для основной массы людей, для того безмолвствующего большинства, в котором принято видеть „подлинного творца истории“»².

Историческая психология изучает влияние на историческое развитие, историю общества и историю государства психологии человека, психологии его поведения, психологии общения. Для устной истории полезным является то, что историческая психология связана со смысловыми интерпретациями текстов и специализированными процедурами исследования, приемами чтения и понимания текста.

¹ Бессмертный Ю. Л. Школа «Анналов» и современные подходы в исторической науке // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. М., 1991. С. 18.

² Там же.

В ракурсе устной ментальной истории можно выделить три пласта образов, представлений, установок других ментальных компонентов: дореволюционный мир России, советская ментальность и постсоветская ментальность. При этом при всех уровнях есть некие общие компоненты. Они формировались исторически длительное время, зависели от среды проживания, переселений, рода занятий. Эти качества часто относят к идентичности. Идентичность во многом обуславливает ментальность. Одни компоненты сформировались как общеэтнические, например общерусские, другие — как общерегиональные, например воронежские — в южнороссийской зоне, месте контакта с населением левобережной Украины; другие примеры — сибиряки и поморы. Внутри них формировались свои группы (например, среди сибиряков — чалдоны, кержаки, тоболяки и т. д.); одни ментальные компоненты влияли на другие и собственно являлись факторами развития ментальности. Одновременно на ментальность могли оказывать влияние и исторические процессы: например, перманентная колонизация населением европейской части России ее азиатских территорий. Они влияли на развитие ментальности как жителей исходных территорий, так и той подвижной части населения, которая своим переселением раздвигала границы Российской империи и осваивала окраины. В комплексе это все влияло на состояние и развитие ментальных компонентов¹.

При работе с русским населением Алтайского края в рамках научно-практических программ по истории ментальностей с использованием устноисторических технологий, в частности составлении вопросников, необходимо учитывать и этнокультурные и исторические условия и факторы его формирования и развития и в целом по России, и по регионам. Можно воспользоваться попытками комплексной характеристики русского населения Алтая, сделанными в ряде публикаций: «Русские и другие этнические переселенцы разных миграционных волн везли с собой на Алтай традиции ведения хозяйства, общественный и семейный уклад. Трудовые традиции, хозяйственный и культурный опыт помогали выжить на новом месте. Поэто-

¹ См. об этом: Щеглова Т. К. Русское население Азиатского края: этнокультурное многообразие и идентичность // Народы Евразии: этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации: сб. Новосибирск, 2005. С. 111–124.

му история Алтайского края — это история переселений и освоения территории Верхнего Приобья историко-культурными группами русских со всех уголков России. Мигранты были пристрастны в выборе места жительства. Каждая группа собственно старалась выбирать для ведения хозяйства территорию Верхнего Приобья с привычными для них географическими и природно-климатическими условиями. Исходя из хозяйственно-семейных традиций, сложившихся в местах выхода, учитывали агрокультурную пригодность местности и ландшафтные особенности, к которым привыкли на малой родине. В результате на территории Алтайского края сформировались этногеографические ареалы, отличающиеся возможностями „кормящего ландшафта“, историческими аспектами колонизации, хозяйственно-культурными традициями и духовно-бытовыми привычками.

Пестрый культурный мир русского населения Алтайского края сохранял свои традиции вплоть до 1930-х гг. Развитие советского колхозно-совхозного строя ускорило разрушение самобытной крестьянской культуры и формирование единой светской культуры. На современном этапе в условиях индустриализации и мировой глобализации унификация завершилась, прежде всего в материальной сфере этнической культуры русских. Вместе с тем традиционная русская культура до сих пор присутствует и в этнической психологии, и в менталитете, и в бытовом поведении разных групп русского населения Алтайского края. Представители современного образованного общества идентифицируют себя «россиянами», в Москве — «сибиряками», а на Алтае в повседневной жизни часто вспоминают о своих культурно-исторических корнях — „мы из кержаков“, „чалдонья порода“, „мы россейские“ и т. п.»¹.

К этой характеристике необходимо добавить компоненты, приобретенные в процессе исторического развития. В частности, на те или иные общественные группы и общественные единицы наложила отпечаток социальная принадлежность (принадлежность к тем или иным социально-сословным группам) как в дореволюционное, так и советское время. В дореволюционное время на ментальность оказывали влияние права, обязанности, положение и возможности самой сослов-

¹ Щеглова Т. К. Русское население Алтайского края: состав, формирование, численность // Краеведческие записки. Вып. 8. Барнаул, 2009. С. 186.

ной группы: крестьянства, дворянства, ремесленников, промысловиков, купечества, мещанства. Отдельно можно выделить традиции городской интеллигенции из сферы образования: университетской среды, здравоохранения и т. п. При этом часто и в поведении, и в позиции, и в манерах современного человека просматривается его социальное происхождение: из крестьян, из потомственных рабочих, из дворян, из профессорской интеллигенции. А в постсоветской России о нем вспомнили многие семьи и стали культивировать социально-сословные ценности — от рода занятий до манер и имиджа. Появились дворянские общетва, казачьи и старообрядческие общины и т. д.

В ментальности и идентичности современного человека оставили свой след и советская система воспитания, и советская идеология. Можно говорить о советском человеке как оформленном явлении со своими социально-культурными группами (колхозники, сельская интеллигенция, городская интеллигенция, квалифицированные рабочие крупных предприятий и т. д.). Грани различий в советское время пролегли между горожанами и сельчанами (образы и прозвища — «деревня», «колхозник»); между населением провинций и центра, столичных и региональных городов, между партийными и беспартийными, репрессированными и не репрессированными и т. п. При всем этом их объединяет некая «советскость».

Советскую ментальность, советский образ жизни, советский тип мышления в соответствии с идеями первого поколения историков «Анналов», которые считаются основоположниками многих научных направлений и субдисциплин в истории, необходимо рассматривать как сложное явление. Л. Февр писал, что «мы не должны недооценивать роль идей в истории», но нельзя и переоценивать их, отрывать от «различных форм социальной жизни»; отделять их от социальных систем тоже неверно. Нельзя отделять или «изолировать идеи и системы от условий, санкционирующих их производство».

Действительно, при изучении советской эпохи как части российской истории и советского человека как наследника культуры дворянско-крестьянской России, стоит исходить из утверждения Л. Февра, что «социальные феномены никогда нельзя разложить на те идеологии, которые способствовали их формированию». Любая эпоха или период в развитии той или иной цивилизации имеет свои истоки, ко-

торые не исчезают бесследно и могут трансформироваться в новое качество; формирует и оставляет после себя новые факторы развития цивилизации, от которых новая эпоха не может сразу отказаться и также адаптирует их. Вот как описывает эти закономерности развития цивилизаций Л. Февр: «Каждая цивилизация имеет свои собственные интеллектуальные средства. И даже более того, каждая эпоха внутри одной цивилизации, любой прогресс в науке, который определяет его ее основные особенности, имеет набор выверенных инструментов, более приспособленных для одних целей и менее для других. Цивилизация или эпоха не имеет гарантии того, что и удастся передать этот ментальный инструментарий во всей полноте последующим цивилизациям и эпохам. Он может подвергнуться существенной порче, регрессу и искажению или, напротив, усовершенствоваться, обогатиться и стать более сложным. Этот ментальный инструментарий ценен для той цивилизации, которой удастся ее создать, и для той исторической эпохи, что им пользуется, но он не представляет ценности для вечности или для всего человечества, или даже для локальных изменений в пределах одной цивилизации»¹.

Одним из путей выявления и изучения ментальности является опрос, который как метод работы с индивидуальным субъективным миром человека научно проработан прежде всего в устной истории. Устная история как метод может использоваться в разных направлениях совместно с историей ментальностей исследований.

Народное сознание: 1) культ личности и народное сознание; 2) отношение к тоталитаризму; 3) формирование однопартийной системы и народное сознание.

Образы и стереотипы: 1) представление о социализме и советском патриотизме, демократии, капитализме; 2) коллективное и индивидуальное в традициях российского крестьянского и советского общества; 3) образ власти: местная администрация, центральная власть.

В русле этих направлений можно использовать вопросники из Приложения 5 «Политические, государственные и партийные деятели советской и постсоветской истории в оценках населения (сельского, городского)» (№ 18), «Советская праздничная система и праздни-

¹ Цит. по: *Шартье Р.* Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.rus.ru/nlo/2004/66/shart2.html>.

но-досуговые традиции советских людей» (№ 19), и «Церкви на Алтае в 1920–1940-е гг.: жизнь прихода, репрессии против священников и разрушение соборов» (№ 20).

Устная история и история повседневности: методические и методологические перекрестки

История повседневности (*everydaily* или *every day life story*), как и устная история, является новой отраслью исторического знания. Предметом ее изучения является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности, по мнению исследователей, находится «комплексное исследование повторяющегося, нормального и привычного, конструирующего стиль и образ жизни, их компоненты и их изменения у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения. В русском языке синонимы слова „повседневность“ – будничность, вседневность, каждодневность, обыденность – указывают на то, что все относимое к повседневному привычно, „ничем не примечательно, имеет место изо дня в день“... т. е. регулярно, повторяемо»¹. Для историков этого направления задачами исследования является выявление условий бытования человека, от обустройства жилой среды до средств и технологий самосовершенствования и развития среды обитания. Их интересуют и большие сдвиги в условиях и факторах личной и производственной жизни человеческого сообщества, и мелочи, которые окружают его и каждодневно служат ему в повседневной жизни.

Как многие новые или новационные направления зарубежных и отечественных исторических исследований, повседневная история, или *every day life story*, в определенной степени является «хорошо забытым старым». В этом плане можно провести аналогии между устной историей и историей повседневности. История повседневности как подход к исследованию исторической жизни встречается в первых исторических описаниях греческих и римских историков. Ее эле-

¹ Пушкарева Н. Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник, 2007. М., 2008. С. 9.

менты встречаются и в работах отца истории Геродота, которому не чуждо было описание среды, в которой жили его герои, в трудах Тацита, Плиния и других античных фиксаторов исторической жизни. Оформление ее как самостоятельной сферы знаний происходит в XX в. В частности, ее истоки мы находим в так называемой «бытовой истории», очень популярной у исследователей 1900–1920-х гг. В эти же годы происходит становление устной истории как метода исторических исследований.

В формировании современного представления об «истории повседневности», в отличие от ее предшественницы — бытовой истории, по мнению Н. Л. Пушкаревой, выявились два подхода. Первый связывают с французскими исследователями «макроконтекста жизни людей» и собственно с Ф. Броделем, который ввел понятие «структуры повседневности» и относил к ней все, что окружает человека и опосредует его жизнь изо дня в день: географические и экологические условия, трудовую деятельность, потребности (в жилище, питании, одежде, лечении), возможности их удовлетворения, «спектр соответствующих взаимоотношений и межвидовых коммуникаций, поступков, действий, желаний, надежд, идеалов, ценностей и правил, регулирующих поведение людей, индивидуальных и коллективных практик, форм и институтов брака, семьи, анализ религиозных культов, политической организации социума».

Второй подход сформировался в германской и итальянской историографии. Он призывал «обратить все силы на изучение «микроисторий» отдельных рядовых людей или их групп, носителей повседневных интересов»¹. Это позволяет говорить о методологических точках соприкосновения устной истории и истории повседневности. Более ранний глобальный броделевский макроподход сформировался в рамках социальной истории и отражал интерес к жизни макросоциумов. Второй подход сформировался уже в послевоенное время в постнацистских обществах Италии и Германии. Как ответ на вызовы фашистской идеологии в обществах этих стран возник интерес к судьбе и жизни рядовых людей, попавших в чудовищные идеологические эксперименты.

¹ Пушкарева Н. Л. История повседневности... С. 15, 17–18.

В устной истории также реализуются и элитарный, и демократический подходы. Но главное, что устная история и история повседневности как самостоятельные исторические субдисциплины «родились как „история снизу“ или „изнутри“, дав голос „маленькому человеку“, жертве модернизационных процессов: как необычному, так и самому рядовому, сделав интересным для потомков его поведение и жизненные ориентиры тех, кто жил и страдал, кто именовался маленьким человеком»¹. Закрепили этот интерес кардинальные техногенные модернизации среды бытования человеческого общества в 1950–1980-е гг. Они приобрели перманентный характер.

Это создает огромные возможности и перспективы и для устной истории, и для истории повседневности: например, сравнение условий труда в колхозе в 1950-е гг. (преобладание ручного труда, начало механизации ферм и токов, распространение малогабаритной техники), в 1980-е гг. (гигантизация сельскохозяйственного производства, электрификация всех производственных процессов, распространение крупногабаритной техники) и на современном этапе (развал колхозно-совхозной производственной базы, фермеризация и товаризация подсобного хозяйства), а также быт и использование технических средств в семье колхозника в 1950-е гг. (время этажерок, промартельной мебели, начало радиофикации и электрификации жилых домов), 1980-е гг. (оснащение домашнего производства электробытовой техникой и средствами передвижения) и на современном этапе (компьютеризация, информатизация, новое цифровое поколение бытовой техники); реконструкция городской квартиры в 1950, 1980, 1990-е гг. и в наши дни. Интерес представляет и изменение представлений о зажиточности семьи, о внедрении в повседневную жизнь технических достижений, моральная и денежная ценность предметов быта, представления о благополучии семьи, возможностях работы и отдыха. Например, телевизор — роскошь или часть обихода в 1960, 1990, 2010-е гг.: черно-белые, цветные; ламповые; аналоговые, цифровые телевизоры и т. д.; появление первого радиоприемника, первого видеомаягнитофона, первого компьютера, мобильного телефона и т. п.

¹ Там же. С. 20.

Можно говорить о значительном совпадении методологического и концептуального подхода двух субдисциплин: устной истории и истории повседневности, недаром в германской историографии произошло их фактическое слияние. Среди точек соприкосновения — «человек в истории», его ощущения и условия проживания в той или иной эпохе, и «история снизу» — внимание к самому массовому участнику исторической жизни — представителю нижних этажей общественной лестницы. Эти совпадения вызвали и междисциплинарный методический обмен — использование методов опроса и устной историей, и историей повседневности. Среди отличий можно назвать то, что предмет исследования истории повседневности более хронологически углублен. Историки повседневности скрупулезно изучают повседневность античности по документальным памятникам, повседневность средневековья — по архивным документам. Устные историки, для которых главный предмет исследования — коллективная и индивидуальная историческая память, также используют коллекции древних документов и манускриптов, находя в них элементы устной информации: например, пересказы современников в исторических трудах Тацита или Плиния, фрагменты устной информации в средневековых летописях и хрониках, устные свидетельства в памятниках народного творчества и т. д. Известно упоминание об использовании устных рассказов при написании истории Фукидидом: «...Что касается речей, произнесенных одними и другими... очень сложно воспроизвести с точностью содержание; также и когда я лично слышал от всякого, кто мне докладывал о тех или иных событиях, я писал то, что, по-моему, они могли бы сказать и что лучше бы отвечало ситуации...»¹.

Но все же доминирует интерес к недавнему прошлому, с погружением в него до уровня исторической памяти дедов и прадедов. При совпадении хронологических границ исследования основным инструментом исследования становится интервью. Историческое интервью как вид качественного интервью обладает уникальными возможностями в изучении повседневного жизненного мира человека, позволяет проникнуть в тот мир, с которым респондент встречался и встречается каждый день в быту и на производстве, найти путь к изучению взаимодействия людей в человеческом мире.

¹ Фукидид. История. Кн. 1. Л., 1981. С. 22.

Наконец, общий интерес к человеку и его бытованию в исторической жизни способствовал тематическому сближению двух исторических субдисциплин. Среди перспективных направлений работы в рамках истории повседневности с использованием методов, источников и подходов устной истории является изучение повседневной жизни советского города и советской деревни. Каждое из этих направлений дробится на самостоятельные темы и подтемы. Например, в изучении повседневности советской деревни в 1930–1950-е гг. можно выделить следующие проблемы:

- повседневная жизнь колхозников и членов совхозов в советское время;
- условия быта и обучения детей в школе в довоенный период, в годы Великой Отечественной войны, в послевоенный период;
- быт и жизнь на полеводческой бригаде;
- досуг и развлечения колхозников и рабочих совхозов в нерабочее время;
- государственные, общественные и семейные праздники в колхозном и совхозном обществе и семье колхозников;
- санитарно-бытовая культура сельского населения в 1920–1940-е гг. и т. д.

При этом заниматься повседневной историей села в советское время можно как в селе, так и в городе. Большинство современных горожан «родом из деревни». Советская модернизация, индустриализация, урбанизация, аграрная политика вели к большому оттоку населения из деревни в город. Если в 1926 г. на территории Алтайского края было около 5800 сельских населенных пунктов, то в 1989 г. – 1624, в 1991 г. – 1611, в 1992 г. снято с учета 6 населенных пунктов, в 2002 г. – 9¹. По численности сельское население с 1926 г. (92,2%) уменьшилось более чем в два раза: в 1939 г. – 82,6%, в 1959 г. – 66,6%, в 1970 г. – 52,8%; после 1975 г. в селе проживала половина населения Алтайского края – 50,5%, а в 1989 г. – 42,1%.

Кроме того, колхозно-совхозный период в истории деревни Алтайского края являлся уникальным советским экспериментом по переустройству крестьянского мира на «новых основаниях», но, как показывает история, кардинально не противоречащим ментально-этни-

¹ Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. С. 436.

ческим традициям мироустройства. В мировой истории он остался как политико-идеологический и национально-этнический эксперимент, в отечественной истории — как самостоятельный цельный период исторического развития России, прежде всего в крестьянноведении в силу преобладания в стране аграрного населения. В отличие от тенденций развития в странах Старого и Нового света, крестьянство России повели «другим путем». Колхозно-кооперативное движение и советско-совхозное строительство ускорили «раскрестьянивание» и в корне изменяли мировоззрение и жизненные ценности.

Изучение повседневной истории горожан является самостоятельным интересным направлением исследований. Развитию советского города были более присущи общемировые тенденции, в нем быстрее происходили изменения в бытовой сфере, в повседневной жизни. В жизнь городской семьи быстрее входили электрификация, радиофикация, механизация. Модернизацией и переходом от традиционного общества к индустриально-аграрному объясняется интерес к повседневной жизни советского, прежде всего сельского общества, когда друг на друга наложились техногенные, политические и идеологические процессы. В период глобализации и всеобщей унификации повседневная история советской деревни и советского города представляет большой интерес. Среди включенных в Приложение 5 вопросников могут использоваться вопросники «Санитарно-бытовая культура сельского населения в 1920–1940-е гг.» (№ 21), «Повседневная жизнь советских крестьян в колхозах или совхозах в мирное время» (№ 22) и др.

Устная история и архивоведение: традиции и новации

Архивоведение — это первая научная и прикладная дисциплина в России, которая серьезно начала обсуждение научно-методических и научно-методологических аспектов устной истории применительно к архивной практике. Она первой обратилась к зарубежному опыту, адаптируя его к советско-российским условиям. В научных изданиях архивных центров 1970-х гг. появились первые публикации по устной истории¹. Но в силу специфики архивной работы, казалось

¹ Автократов В. Н., Елпатьевский А. В. Проблемы комплектования государственных архивов современными документами // Источниковедение отечественной истории. М., 1976; Виноградов В. М. Рябов А. В. «Устная история» и комплектование государственных архивов //

бы, бурное начало не получило конструктивного развития. Теория опередила практику и постепенно оказалась невостребованной.

От взаимодействия устной истории с архивоведением, как и с другими направлениями и дисциплинами, существует обоюдная польза и необходимость методического и научного диалога. Для архивоведения внедрение устной истории в теорию и практику носит новационный характер. Устная история расширяет функции архивов и способствует выполнению их главного назначения — созданию адекватной и полновесной архивно-документальной базы исторического прошлого и обеспечению запросов современников в информации. Устная история компенсирует недостатки, за которые архивы часто подвергаются критике, особенно в нашей стране: обслуживание в первую очередь государственных структур, преимущественное выполнение государственных запросов и потребностей, преобладание производственной информации, вмешательство государства в процессы комплектования фондов, цензура и ревизии архивных фондов. Что касается хранения в них документов личного происхождения, то их отличает элитарность. Устная история, с ее обращением к «истории снизу» и инициативному выбору тем и проблем, способствует более полному комплектованию архивов, ликвидации запретных тем и представительству разных социальных групп.

Актуальные проблемы советского архивоведения. М., 1986; *Коляда В. А.* ЦГАЗ СССР и устная история // Сов. архивы. 1990. № 6; *Коровайников В. Ю.* Стенограммы вечеров воспоминаний как источник по истории Великой Октябрьской революции // Сов. архивы. 1990. № 35. С. 75–79; *Кузнецов Н. П., Суринов В. М.* Устная история в практике работы зарубежных архивов и научных учреждений // Сов. архивы. 1980. № 1; *Курносков А. А.* Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР. Организация и методика собирания // Археогр. ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 118–132; *Курносков А. А.* Приемы внутренней критики мемуаров. Воспоминания участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 478–505; *Мусатова Т. Н., Кузьмичев Н. А., Серегин А. В.* «Устная история» как метод активного комплектования // Проблемы хранения и обеспечения сохранности архивных документов: сб. науч. тр. М., 1985. С. 14–20; *Суринов В. М.* Историческое интервью в системе источниковедческих средств // Методологические вопросы документоведения и архивоведения: сб. докл. методолог. семинара ВНИИДАД. Вып. 1. М., 1976. С. 86–113; *Урсу Д. П.* Архив ЮНЕСКО в Париже // Сов. архивы. 1980. № 6; *Он же.* Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории. М. 1989; Устная история в зарубежных архивах. Обзор, М., 1988; и др.

Укреплению связей устной истории и архивоведения способствуют процессы развития теории и практики архивов, особенно за рубежом. За последние годы, по мнению ряда устных историков, оно коснулось «архивного сознания, отраженного в зарубежной литературе и изменившего отношение не только к историческому источнику и документу, но и архиву в целом». Исследователи в области архивоведения и устной истории отмечают «тенденцию современной гуманитарной мысли к философской интерпретации понятия „архив“ и обоснованию, таким образом, появления и тиражированности термина «устный архив» как «симбиоза устности и архива». Эти изменения нашли терминологическое отражение: в зарубежной практике наряду с традиционным понятием «архив» как хранилище письменных документов все активнее используются такие понятия, как «депо», «хранилище», «записи» (records)¹.

Для устной истории важнейшее значение имеют технологии документирования и архивирования. Среди наиболее интересных для устной истории вопросов архивного функционирования можно назвать выборку, комплектование, интервьюирование, обсуждение роли вопросника, предварительных интервью, аспекты научно-технического обеспечения, транскрибирования, составления НСА, каталогизации, этические и юридические аспекты, проблемы авторства, авторского права и доступа к документу устной истории, использование материалов в научной и массово-просветительной деятельности и подготовка кадров в области устного архивоведения. В современном зарубежном архивоведении анализ концепций простирается от системы традиционного архивоведения до концепции «новой архивистики для новой истории» (П. Нора). В новейшей научной ситуации сохраняются дискуссии о приоритете архивного или исторического в «устной истории» и «устном архивоведении», споры о методике интервьюирования/документирования и создании концепции «устного архива», подвергаются анализу конкретные опыты организации устных архивов.

В частности, отмечается, что функции устных архивов, идентичные на первый взгляд традиционному архивному делу, существенно

¹ Хубова Д. Н. Устная история и архив: зарубежные концепции и опыт: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М, 1992. С. 11.

отличаются. Основное отличие заключается в процессе интервьюирования – «инициативном документировании», своей спецификой влияющем на все остальные технические процедуры, направленные на создание устного архива. Через устную историю укрепляются междисциплинарные связи архивоведения с источниковедением и методологией исторической науки. Попытки решить ряд поднимаемых перед архивоведением устной историей новых вопросов и методолого-гносеологических проблем усиливают потребности в научно-теоретической работе архивистов. Она вращается в основном вокруг проблемы формирования историком исторического источника и затрагивает вопросы как прикладного характера (роль интервьюера, его влияние на вербальные и поведенческие реакции информанта), так и научно-теоретического характера (источниковедческая критика устного документа, его достоверность и легитимность, субъективность или объективность исторического источника, создаваемого в ходе межличностной коммуникации).

Рекомендации для проверки усвоенного материала. Вопросы для обсуждения на семинарах. Практические задания для самостоятельной работы

1. Изучите какое-нибудь конкретно-историческое исследование с использованием устных источников¹. Определите вид устного источника. Напишите рецензию на исследование. Для этого прежде всего посмотрите, как написаны рецензии на монографии и другие виды научных исследований, например, в журналах «Российская история», «Вопросы истории», «Новая и новейшая история», «Этнографическое обозрение», других периодических изданиях. По-

¹ Например, см.: *Щеглова Т. К.* Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке; Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003; *Томпсон П.* Голос прошлого...; *Бердинских В. А.* Очерки крестьянской цивилизации в России // Волга. 1991. № 1–3; *Он же.* Рядовые фронта и тыла // Волга. 1989. № 5–6; Барнаул в воспоминаниях старожилов. XX в.: в 2 ч. Барнаул, 2004, 2007; *Теркел С.* «Хорошая война». Устная история Второй мировой войны // Иностран. лит. 1985. № 5, 10; *Суринов В. М.* Историческая память народа. Сельское хозяйство Зауралья в образах и мыслях сибирского крестьянина. Тюмень, 1990; *Сенявская Е. С.* Психология войны: исторический опыт России в XX веке. М., 2002; *Сенявская Е. С.* Человек на войне: историко-психологические очерки. М., 1997; *Бердинских В. А.* Крестьянская цивилизация в России. М., 2001; *Он же.* Россия и русские (Крестьянская цивилизация в воспоминаниях очевидцев). Киров, 1998; *Он же.* История одного лагеря (Вятлаг). М., 2001, и др.

- старайтесь, чтобы ваша рецензия включала не только краткое изложение рецензируемого исследования, но и элементы его критического анализа.
2. Подумайте, какие возможности представляет устная история для развития новых направлений исторических исследований.
 3. Назовите «синтезированные» исторические дисциплины и направления. Найдите их определения. Для этого привлечите дополнительный материал, включая интернет-источники. Найдите и изучите другие новейшие подходы к изучению исторического прошлого. Что их объединяет с устной историей? Сравните их между собой по предмету, методам, источникам, результатам исследования.
 4. Что такое контент-анализ? Проведите контент-анализ материалов нескольких тематических интервью.
 5. Как вы считаете, можно ли сказать «устная социальная история»? Подумайте, что нового или какие перспективы дает устная история для новейшей социальной истории. На ваш выбор возьмите одно из возможных направлений работы, связанной с формированием новых социальных групп в постсоветской России, например «фермеры», «предприниматели», «бизнесмены», «олигархи», «новые русские», «челночники», «белые воротнички», другие, и составьте вопросник для их изучения. Или составьте вопросы к изучению категорий советских людей в городе и селе: рабочих, заводской интеллигенции, колхозного крестьянства и др.; «врагов народа», «репрессированных», «спецпоселенцев», бывших военнопленных, депортированных и др.
 6. Методы опроса всегда имели важнейшее значение в этнографии. Чем, по вашему мнению, различается опрос в этнографии и устной истории? Назовите причины, по которым возросла необходимость использования устной истории как метода и источника этнографических исследований. Кратко сформулируйте и перечислите преимущества, которые приобретает этнография от взаимодействия с устной историей. Порассуждайте, есть ли сходство и различие (и в чем они заключаются) между «устным источником» и «устным историческим источником»; между ПМА и устным историческим источником
-
7. Какую роль играет этничность в жизни современных людей? Как, по вашему мнению, соотносятся между собой этничность, идентичность, ментальность? Поставьте вопросы, направленные на выявление этничности (идентичности, ментальности). Выявите на примере своей семьи принадлежность ее членов к той или иной историко-культурной, гражданской, этноконфессиональной, иной группе. Поставьте вопросы, чтобы выявить, как эта принадлежность влияет на их поведение, предпочтения, жизненные установки.

8. Уточните определения «музееведение», «музеология», «музейное дело». Какие возможности для музейного дела предоставляет устная история? Определите предлагаемые устной историей новые подходы к экспозиционной работе; новые формы презентации историко-культурного наследия. Составьте план экспозиции по выбранной вами теме с использованием методов и источников устной истории.
9. История повседневности достаточно доступна для каждого начинающего исследователя. Найдите в тексте предлагаемые темы изучения бытовой истории. Расширьте список направлений исследования истории повседневности с использованием методов устной истории, опираясь на представления и опыт вашей семьи, друзей, соседей.
10. Опишите бытовое обеспечение и обустройство дома в Вашей семье на протяжении нескольких поколений: старшего (деды и прадеды), среднего (родителей, тетей, дядей), младшего (дети, внуки). Сравните на примере разных поколений использование аудио- или телевизионной техники. Поставьте вопросы о приобретении в вашей семье бытовой техники в разные времена: первого холодильника, телевизора, автомобиля, магнитофона, компьютера, телефона и т. п. Запишите рассказы об этом. Вспомните, какие технические изобретения существенно повлияли на Вашу жизнь? Пообсуждайте на семинаре как они изменили качество жизни? Сформулируйте вопросы, позволяющие выявить возможности приобретения бытовой техники: для социальных групп современного общества, в разных территориях и т. д.
11. Проведите опрос среди родственников и одноклассников о традиционных, советских, новых государственных и общественных праздниках. Выделите группу вопросов о студенческих праздниках, акцентируя внимание интервьюируемых на развертывание описаний собственного опыта участия в них. Проведите сравнительный анализ полученных материалов на предмет выявления традиций и новаций.
12. Чем обусловлен интерес архивов к устной истории? С какими изменениями в архивном деле и в исторической науке связано усиление роли устной истории?

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Руководство и пошаговые методические рекомендации по подготовке устных историков для руководителя группы

Развитие современной исторической науки требует подготовки специалистов в области устной истории. Устная история как способ получения исторической информации позволяет запечатлеть и сохранить факты и события, не отраженные в традиционной письменной бумажной документации и изложенные самими участниками или живыми свидетелями событий. Письменные источники часто не могут ответить на вопросы о повседневной жизни человека, о мотивах его поведения, причинах принятия им тех или иных решений и т. п. На эти вопросы может ответить устная история. Ее возможности в любом сообществе, любом населенном пункте почти не ограничены. В каждом городе или селе сформировалась информационная среда, социокультурное поле, которое существует в устной форме. Их наличие дает реальные возможности приобщения к устной истории по любой проблеме новейшей истории и открывает принципиально новые перспективы не только в научно-исследовательской, но и в учебной деятельности, позволяет включать в подлинный творческий процесс неограниченное количество участников, давая им основы научно-технических знаний, навыки общения с людьми и работы с информацией. Причем эта работа может проводиться не только в учебных заведениях, но и в кругу семьи, соседей, друзей, на даче, в деревне и т. п. Устно-исторический ракурс способен придать новое дыхание краеведческому движению, работе с ветеранами, старожилами, бывалыми людьми, стимулировать интерес к истории семьи, истории промышленных предприятий, других учреждений, истории села, города, края, области, страны¹.

Вместе с тем кажущаяся легкость — «включай диктофон и собирай информацию» — может дезориентировать нацеленных на устноисторические исследования и руководителя проекта, и его подопечных. Исследователь, вовлекающий в устноисторическую работу школьников и студентов, должен сначала их научить. Неквалифицированный или плохо подготовленный к беседе интервьюер невольно снижает конечный результат.

¹ Например, интерес представляет история крупных предприятий и банковской системы в период перестройки и постсоветской реструктуризации, приватизации, смены собственности, разрушение советской финансовой и промышленной системы, закрытие и крупных заводов и фабрик и судьбы людей.

Будущего устного историка надо вооружить знаниями, умениями и навыками исследовательской работы, правилами организации и проведения интервью, этикета и психологии общения, обучить техническому обеспечению и навыкам работы с видео- и аудиозаписывающей техникой, а также методам организации хранения этих материалов и использования их в научных целях, в учебной, музейной, культурно-массовой и краеведческой работе и т. д. Приобщение к устной истории в образовательных учреждениях края не только открывает новые перспективы в поисковой, исследовательской, учебной и воспитательной работе, но и позволяет включать в творческий процесс познания неограниченное количество участников.

Методические рекомендации по подготовке устных историков

Подготовка группы интервьюеров включает несколько этапов учебно-методической работы.

1. Прежде всего надо увлечь, заинтересовать, убедить. Показать, что наряду с традиционными способами изучения и познания исторического прошлого существует новый подход, ориентированный на активное творческое участие исследователя (школьника, студента). Его надо убедить, показать значимость его работы по созданию исторических источников, нужных не только ему, но и профессиональным историкам, объяснить, что устная история как метод работы с ретроспективной информацией позволяет сохранить (а в ряде случаев спасти) для будущего прошлое, запечатленное в звуке, изображении или тексте. Аргументами для молодых исследователей могут стать привлекательность технического обеспечения исследования — работа с техникой, публичность деятельности («игра в корреспондента»). Устная история более включена в общественную жизнь, чем академическая история, более «социально заряжена». Она дает возможность ощутить преемственность поколений, оздоравливает общество, объединяет историков-профессионалов, краеведов, любителей истории, начинающих исследователей, музееведов, архивистов, социологов, узких специалистов.

2. Руководитель обязан погрузить будущих интервьюеров в изучаемые проблемы, помочь им овладеть исторической темой, изучить имеющуюся литературу. Интервьюер должен быть в состоянии в случае необходимости подсказать респонденту забытые им известные факты, даты, события, имена, вокруг которых ведется опрос, уметь детализировать

изучаемые проблемы с помощью наводящих вопросов. Без знания исторической канвы интервью проводить невозможно.

3. *Научить составлять вопросники, а затем разрабатывать самостоятельные индивидуальные устноисторические проекты или программы.*

4. *Научить методике проведения интервью, анкетированию и другим видам опроса.* Формировать умение применять интервью, выбирать его типы, формы, способность в конкретной ситуации определять последовательность этапов интервью. При подготовке студентов и школьников необходимо учитывать возможности стационарной работы в одном населенном пункте, это значит научить распределять работу с ценным респондентом в соответствии с условиями и обстоятельствами, использовать разные схемы и «траектории» организации встреч, например, простое или пролонгированное интервью.

5. *Освоить классическую схему пролонгированного интервью, которое включает:*

– предварительные встречи для установления контактов, получения информации и договоренности об участниках, месте проведения, основных целях, датах и т. д.;

– одно или серию исследовательских интервью с целью глубокого зондирования памяти респондентов по предложенной теме. Научить технологии опроса: на основной фазе интервьюирования уточнять и корректировать получаемую информацию от интервью к интервью, привлекать другие источники;

– завершающее интервью для уточнения информации по фактологическому материалу (даты, имена, термины, названия, топонимы);

– заключительную фазу простого или пролонгированного интервью, когда исследователь «выходит» из беседы, благодарит за участие в программе. В это же время происходит обсуждение дальнейшего использования воспоминаний.

6. *Проводить учебно-методические тренировочные занятия для овладения умениями и навыками интервьюирования.* Следует учить будущих интервьюеров созданию в процессе интервьюирования непринужденной обстановки, атмосферы доверия, созданию условий для раскованности участников беседы, их взаимного интереса. Необходимо помочь овладеть искусством интервьюера: побуждать собеседника вспоминать факты и события, высказывать свои мнения и ощущения, не навязывать своего подхода к освещению действительности, помогать восстанавли-

вать потерянную нить рассказа. Интервьюера надо учить стремиться «выжать» из памяти респондента всю исторически ценную информацию, ухватывать «на лету» недосказанную мысль, развивать ее до получения ценной информации; учить терпеливо ждать, когда респондент соберется с мыслями и изложит информацию, давать время собраться с мыслями для ответа, прежде чем задать новый вопрос или изменить ход беседы.

7. Формировать навыки общения с людьми. И здесь будущему исследователю важно не просто уметь задавать вопросы, но и следить за своей речью, особенно за ее темпом, что важно для работы с пожилым человеком. Известно, что дискомфорт у слушателя может вызвать не только быстрая речь, но и слишком высокий, визгливый тембр. На качество записи могут повлиять также неуместные реплики и излишне пространные вопросы. Важнейшей составляющей учебно-методической работы руководителя является формирование этики общения. Отдельные занятия надо посвятить психолого-этическим аспектам интервью-диалога. Будущий исследователь обязан бережно относиться к своему собеседнику. Главным правилом деятельности устноисторического коллектива должен быть девиз: не навреди человеку, доверившемуся в беседе. Как правило, респонденты – люди преклонного возраста, любые неприятные воспоминания (это относится и к более молодым людям) могут травмировать их и нанести вред здоровью. Руководитель несет ответственность за носителя информации, к которому отправляет начинающего интервьюера.

8. Сформировать навыки работы с информацией. Научить фиксировать все виды информации, идущие от рассказчика, и уметь их расшифровывать. Информативными являются тембр и громкость голоса самого рассказчика, интонация, длительность и распределение пауз, голосовые ударения и выделения, характер и степень логической выдержанности. Среди жестовых знаков большую роль играют поза, микродвижения, мимика и другая невербальная информация.

9. Давать основы научно-технических знаний. Ознакомить со звукозаписывающей аппаратурой и носителями звукозаписи. Вооружить представлениями о преимуществах и недостатках цифровой аудио- и видеозаписи. Научить работать с техникой: фотоаппаратурой – пленочными и цифровыми фотоаппаратами; звукозаписывающей аппаратурой – аналоговыми и цифровыми диктофонами, магнитофонами разных классов, встроенными диктофонами в мобильных телефонах и плеерах; видеозаписывающей техникой – аналоговыми и цифровыми видеокамера-

ми. Изучить инструкцию к каждому аппарату, научить правильно выбирать композиции при фотосъемке, правильно устанавливать режимы звукозаписи, определять место для качественной записи. В организации устной истории большое значение принадлежит высокой точности звукозаписи, от этого зависит последующее ее использование в научных исследованиях. Необходимо сформировать представления о принципах записи (например, лучшее качество записи и звучание и на магнитофонной ленте, и при цифровой записи достигается при высокой скорости записи; низкая скорость, хотя и позволяет увеличить объем записываемой информации, дает сравнительно большой шумовой фон). Сформировать психологические приемы обращения с техникой, снижающие эффект скованности респондента: например, пользоваться миниатюрными моделями диктофонов или магнитофонов, не бросающими в глаза при проведении интервью, позволяющими бесшумно фиксировать начало, конец, паузы во время записи и не отвлекать рассказчика резкими движениями.

10. *Научить правильной подготовке каждого выхода на интервью.* В сумке должны лежать: ручка и бумага для записи, вопросник и вспомогательные материалы: книги, документы, удостоверяющие личность респондента, и др.; диктофон (если аналоговый, то должны быть запасные батарейки или аккумуляторы, запасные аудиокассеты) или видеокамера (в обоих случаях надо иметь сетевые шнуры, если придется подключаться к розетке; если аналоговая видеокамера — то видеокассеты). Всегда необходимо иметь запас пленок, памяти при цифровой записи, заряженные аккумуляторы. Учить быть «во всеоружии» при всех поворотах интервью. Например, предполагая, что интервью займет не более 1 часа, можно получить затянувшуюся беседу. Более того, респонденты именно в конце беседы могут вспомнить потрясающе интересные сведения, при этом окажется, что пленка закончилась или вся память диктофона заполнена. Кроме того, перед походом, а затем перед началом интервью надо проверить записывающее устройство, так как техника часто дает сбои. Обязательно проверить, пошел ли процесс записи, так как часто уже по завершении интервью начинающие респонденты сталкиваются с неприятным сюрпризом — запись отсутствует. Не следует забывать заранее, перед началом беседы, зная, у кого интервьюер собирается взять интервью, произнести в микрофон обязательную информацию «Сегодня (число, месяц, год). Я (Ф. И. О.) беру интервью у (Ф. И. О.). Интервью проводится (дома, в кабинете...).

11. *Привить навыки документирования материалов опроса.* Документирование предполагает несколько видов работ: составление подробного досье к каждому устному историческому источнику (в источниковедении эта информация нужна для так называемой «внешней критики документа», т. е. полного представления условий и факторов создания документа, которые так или иначе влияют и на форму, и на содержание источника); собственно формирование устного исторического источника, осуществляемое путем полновесного транскрибирования, т. е. переводение вербальной (устной) и визуальной (язык телодвижения) информации в письменный текст; наконец, составление карточки документированного интервью с протоколированием информации о созданном источнике.

Подробное описание должно содержать следующую информацию:

- дата, место проведения интервью; время начала и окончания записи;
- фамилия, имя, отчество респондента и данные о нем (происхождение, сведения о родителях и дедах, социальный статус, образование, профессиональная подготовка, места работы, должности), координаты (адрес, телефоны);
- общее количество минут записи, марка пленки и формат записи, модель диктофона/видеокамеры, скорость записи (для аналоговой звукозаписи), оценка качества записи, архивный номер, присвоенный каждой кассете;
- указание на проведение во время интервью фотосъемки (портреты, вещи, панорама – сюжеты фотосъемки с полным описанием кадров).

12. *Обучение приемам и навыкам транскрибирования.* Работа с текстом интервью предполагает переводение полной версии устного рассказа (вербальный текст) в письменную форму с расшифровкой визуальной (мимика, жесты, телодвижения) информации. В научно-исследовательской работе школьников и студентов, впрочем, как и опытных исследователей, целесообразнее это делать самим интервьюерам. Дело в том, что во время транскрибирования происходит как бы повторное восприятие записанного разговора, его осмысление, оценка поведения как собственного, так и респондентов.

Тренинги по транскрибированию целесообразно проводить на тех интервью, которые проведены самим начинающим исследователем. Во-первых, транскрибирование собственных материалов носит обучающий характер, становятся видны все логические нарушения беседы, собствен-

ные ошибки и упущения. Интервьюер увидит пропущенные возможности: прерванный сюжет, не «раскрученную» линию рассказа, забытые вопросы, нечеткие формулировки и произнесенные имена, топонимы и т. д. Во-вторых, новое прослушивание позволит увидеть новые нюансы в оценках и позициях рассказчика, более глубоко проанализировать полученный материал, выведет на новые горизонты осмысления всей исследуемой темы. Кроме того, многие слова и фамилии, которые не разберет человек со стороны, для него не составят труда, так как он их уже слышал.

13. *Обучение транскрибированию предполагает овладение важнейшими принципами перевода устной речи в письменную.* Транскрибировать интервью нужно буквально, в соответствии со слышимыми фразами, не продгоняя под нормы литературного языка, сохраняя все особенности разговорной речи, неоконченные предложения, слова-паразиты и оговорки. Письменный текст интервью должен дословно соответствовать фонозаписи. Научить ставить в транскрибированном документе знаки препинания. Пунктуация проставляется с ориентацией на интонации, паузы и ритм речи. Начинаящий исследователь должен всегда помнить, что создаваемый источник будет использован не только тем, кто его создавал, и не только по исследуемой теме. Будущих исследователей, и не только историков, могут заинтересовать любые подробности и детали. Сокращения или правки ведут к их утрате.

14. *Разработать и освоить знаковую систему шифровки вербальной и визуальной информации.* Можно использовать системы археографов, лингвистов или стенографистов. Например, «...» (многоточие) – незавершенность начатой фразы; (пауза) – длительная фраза; [с удивлением] или [с подозрением] или [с гневом] – разные эмоции рассказчика; [неразб.] – неразборчиво слышимый текст; [?] – ставится после слова, в точном написании или правильности воспроизведения которого нет уверенности и т. д.

15. *Научить составлять научно-справочную информацию, разработать методичку о транскрипте.* Начинаящий исследователь, например, должен знать, что в транскрипте отмечается сторона расшифрованной пленки магнитофона, или файл цифровой записи, CD или DVD, место начала (по времени) и окончания ведущих фрагментов. В будущем это упростит поиск нужного фрагмента.

Завершение транскрибирования во время учебно-методических тренингов происходит после проверки всей информации связанной с дата-

ми, цифрами, фамилиями, топонимами, терминами, аббревиатурами, названиями учреждений и т. д. Можно привлечь словари, справочники, интернет-публикации, а также, выявив прорехи в интервью, предложить начинающему исследователю еще раз обратиться к респонденту.

16. *Руководитель несет ответственность не только перед вовлеченными в работу студентами и школьниками, но и перед респондентами, научным сообществом и историей* за сохранение полученных материалов. Поэтому он должен изначально формировать навыки не только грамотного документирования, но и грамотного архивирования полученных материалов. Привычка к системной работе формируется у начинающего исследователя именно руководителем. А для этого обязательной частью учебно-методической работы является организация «устного архива» при музее, кабинете, библиотеке образовательного, музейного или культурно-просветительного учреждения. Накопление аудио-, видеоматериалов, транскриптов, фото происходит незаметно и быстро. Поэтому необходимо изначально проработать систему архивирования и продумать дальнейшую судьбу формируемого архива. Последнее является более простым. Нет надежнее места для хранения уникальных «человеческих документов», чем государственные архивы — центральные, региональные, муниципальные. Руководитель еще в начале работы может заключить договор о последующей сдаче устного архива образовательного учреждения в государственный архив. Это позволит под руководством профессиональных архивистов, в соответствии с требованиями, предъявляемыми к комплектованию архивов, документировать, формировать фонды и создавать научно-справочный аппарат.

17. *Разработать принципы архивирования.* Показать на занятиях, что они определяются направлениями, объемом, целями и задачами устно-исторической работы и требованиями к хранению документов в государственных архивах. Для устной истории неприемлем опыт лингвистов, этнографов и социологов. В полевой работе этих специалистов широко распространена традиция создания полевых авторских архивов. Каждый исследователь все полученные рабочие материалы (полевые дневники, записи бесед, аудиозаписи и транскрибированные материалы) хранит в личном (домашнем) архиве. Полевые авторские материалы рассматриваются как своего рода форма защиты авторского права. Такая позиция неприемлема для устного историка хотя бы потому, что собранный материал получен от другого человека, который тоже может предъявлять права на автор-

ство. Но в отечественной практике ряда социогуманитарных наук традиционно именно сборщик материала имеет право на использование и публикацию материалов. Как правило, судьба этих уникальных материалов часто бывает печальна: часть из них исследователю удается ввести в научный оборот, часть теряется и безвозвратно гибнет, если не сдается в архив. Устноисторические исследования могут быть индивидуальными или групповыми, но обязательно должны завершаться созданием архива.

18. *На занятиях рассмотреть тематический, проектный или другие принципы систематизации материала.* Это позволит еще раз вернуться к вопросам организации исследовательского коллектива. Как правило, работа по созданию устных исторических источников ведется в рамках научно-исследовательской программы. Она может быть тематически цельной или состоять из нескольких проектов. Например, группа исследователей может работать по программе «История немцев на Алтае». В таком случае создается самостоятельный архив с фондами, которые будут формироваться на основе коллекций. Соответственно принципам формирования коллекций создаются фонды. Наиболее распространенным является тематический принцип. В данном случае это могут быть самостоятельные фонды по историческим проблемам: фонд депортированных немцев Алтайского края; фонд трудармейцев; фонд немцев-репатриантов; фонд устных исторических источников по истории создания немецкого района в 1921–1937 гг.; фонд устных исторических источников по истории создания Немецкого национального района 1991 г.; фонд истории создания и деятельности Общества репрессированных немцев; фонд истории создания и деятельности немецкой культурной автономии и т. д.

В соответствии со вторым принципом фондирования документов — организационно-хронологическим, или административно-хронологическим, коллекции будут содержать материалы интервью по разным проблемам истории немцев на Алтае, т. е. тематически являться комплексными и отличаться формами и временем организации интервьюирования. Например, фонд полевых исследований в Немецком национальном районе в 1990 г.; фонд интервьюирования немцев Барнаула в 2000 г.; фонд материалов Тогульской экспедиции в 2005 г. Последний принцип комплектования более удобен при создании фондов. При комплексном подходе в изучении истории немцев Алтайского края молодой исследователь работает в любом населенном пункте, с любым респондентом. Но работать

сложнее с аудиоисточником и его письменным транскриптом, так как исследователь тратит больше времени на выбор нужной информации. Первый принцип более удобен для исследовательской или публикаторской деятельности, но сложнее в период создания самих коллекций, так как работа предполагает поиск и подбор носителей информации. Комплектование устного архива может вестись и по фондированию устноисторических проектов в рамках как одной научно-исследовательской программы, так и нескольких программ. С начинающими исследователями необходимо обсудить все плюсы и минусы разных видов систематизации устных исторических источников и научить их составлять описи фондов.

19. При организации обучения будущих устных историков *необходимо дать основы архивоведения, включая условия хранения аудио-, видео- и письменных транскриптов устных исторических источников.* На занятиях уделить время условиям хранения различных носителей звукозаписи: температурному режиму, освещенности, влажности, перезаписи. Кассеты и диски лучше хранить в коробках, в них вкладывается карточка с информацией о содержании кассеты или диска и их архивный номер. В архивоведении в качестве одного из способов систематизация аудиоисточников и транскриптов в тематической коллекции принят хронологический принцип, в порядке поступления документов. В соответствии с ним формируется устный архив с самостоятельными фондами: каждой кассете присваивается свой номер; составляется полная опись фонда (коллекции) аудиодокументов и транскриптов с присвоением ему названия в соответствии с содержанием коллекции или устноисторического проекта. Опись включает архивные номера и аннотации на все входящие в фонд самостоятельные документы, что позволяет не только упростить систему поиска нужного интервью, но и работать с его материалами, находить нужные фрагменты и отрывки.

20. На современном этапе *необходимо позаботиться о сохранении информации, записанной на старых технических носителях.* Руководитель может использовать занятия с начинающими исследователями, чтобы провести очередную перемотку бобинных или кассетных записей, перевести аудиозапись в цифровой формат и осуществить транскрибирование пропущенных материалов.

Благодаря комплексному характеру проводимых устноисторических работ создаются и собираются одновременно аудио-, видео-, фото- и другие документы, появляющиеся в результате осуществления проекта по

устной истории, так как работа с людьми всегда сопровождается накоплением разных исторических документов (наградные листы, дневники, письма и др.). Все они могут представлять собой разные по виду и типу носителя материалы: фотонегативы и фотографии, цифровые фото, аудио- и видеокассеты, записи аналогового и цифрового формата, CD или DVD с фото-, аудио-, видеоинформацией и т. д. В учреждениях образования, науки, культуры создать условия (температуру, влажность), необходимые для их хранения, практически невозможно. Даже при соблюдении температурного режима и при проведении периодической перемотки пленок старые магнитофонные и видеокассеты начинают размагничиваться и «сыпаться». Поэтому в ходе занятий надо организовать перенос информации с кассет на CD или DVD (оцифровку). На занятиях же лучше дублировать информацию на несколько носителей для безопасности.

21. *Учить введению устных исторических источников в научные исследования.* Проработать этические принципы и формировать навыки источниковедческого анализа, включая текстологическую критику документов устной истории. Научить работать с нарративом, использовать метод контент-анализа, учить работать с латентной информацией, с мифологизацией событий в коллективной исторической памяти, освоить новые методики анализа стереотипов, образов и т. д. Обучить навыкам подготовки устных материалов к публикации, использовать их в культурно-массовой работе.

22. Для работы с группой начинающих устных историков каждому руководителю необходимо *изучить всю имеющуюся историографию устной истории.* Она не столь многочисленна и условно делится на три группы: теоретико-методологические, научно-методические и конкретно-исторические работы. В первую группу также входят работы по источниковедению и историографии устной истории. Для руководителей школьного, вузовского или другого коллектива устных историков важны прежде всего научно-методические и конкретно-исторические работы, которые помогут организовать подготовку и работу устных историков по созданию устных исторических источников и их использование в научных публикациях. Методических работ в отечественной практике не так много. Пожалуй, одним из первых методических пособий по устной истории была работа Д. Н. Хубовой, в основе которой лежит кандидатская диссертация «Устная история и архив: зарубежные концепции и опыт за рубе-

жом»¹. Автор предприняла попытку дать определение устной истории, обозначила основные проблемы документирования устной истории: от выбора респондентов до транскрибирования звукового документа и методов его использования при введении в научный оборот. Значительная работа была проведена М. В. Лоскутовой, переводчиком и составителем хрестоматии по устной истории, содержащей переведенные ею фрагменты работ ведущих зарубежных устных историков. Знакомство с зарубежным опытом позволило ей аккумулировать методический опыт и издать методическое пособие по устной истории². В 2003 г. в изданной учебно-методической книге трех московских авторов: С. С. Илизарова, О. А. Вальковой, М. В. Мокровой – по устной истории науки и техники была опубликована программа учебного курса «Устная история науки и техники Москвы» и к ней методические материалы³. В ней рассматриваются вопросы постановки целей и задач исследования, поиска респондентов, подготовки и проведения интервью, транскрибирования интервью и организации хранения полученных материалов. С 1991 г. неоднократно переиздавалось пособие Т. К. Щегловой, ориентированное на начинающего устного историка и его руководителя⁴.

Конкретно-историческая литература может служить пособием по использованию устных исторических исследований в научной работе с источниковедческим анализом устных документов. В качестве примера монографического устноисторического исследования можно использовать исследовательский проект Т. К. Щегловой «Деревня и крестьянство Алтайского края. Устная история»⁵. В ней предпринята попытка соединить конкретно-историческое исследование с проблемами источниковедения. Рассматриваются вопросы создания, документирования, архивирования

¹ Хубова Д. Н. Устная история «Verba volant...?»: метод. пособие. М., 1997; Она же. Устная история и архив: зарубежные концепции и опыт: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М, 1992.

² Лоскутова М. В. Устная история: метод. рекомендации по проведению исследования. СПб., 2002; Она же. Введение // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 5–31.

³ Мокрова М. В. Устная история науки и техники в Москве: метод. материалы // С. С. Илизаров, О. А. Валькова, М. В. Мокрова. История науки и техники в Москве: учеб.-метод. материалы. М., 2003.

⁴ Щеглова Т. К. Устная история и краеведческая работа // Преподавание истории в школе. М., 1998. № 5. С. 60–66; Она же. Методика сбора устных исторических источников: метод. пособие. Барнаул, 2006.

⁵ Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке...

и интерпретации источников нового типа — устных исторических источников. Характеризуются их содержательные и формальные особенности, способы работы с ними, затрагиваются проблемы их классификации и типологии.

В заключение необходимо указать, что руководителю устноисторического проекта нужно очень ответственно отнестись к организации исследования, запастись терпением при разработке программы и подготовке коллектива интервьюеров. Все затраты окупятся. Внешний (видимый) результат деятельности состоит в собирательской и оформительской работе, в том числе технической, когда много времени уходит на подготовку интервью, поиск носителей информации, проведение самого интервью, последующую письменную обработку источников. А внутренний (невидимый) результат устноисторических исследований состоит в изменениях, которые происходят в сознании и мышлении участников.

В первом случае собираемый из года в год материал составит архив исторических документов, станет основой учебно-научной базы вузовского или школьного кабинета истории, на которой может строиться учебная поурочная работа по истории XX столетия, этнокультуре, краеведению и научно-исследовательская работа во внеучебное время. Для сельской школы архив устных источников может компенсировать недостаточную комплектацию местных библиотек научной и краеведческой литературой, отсутствие в селах письменной источниковой базы (архивов, музеев). Необходимо помнить, что собранные источники будут иметь большую историческую ценность для последующих поколений.

Во втором случае реализуются принципы активного творческого изучения недавнего прошлого самими учащимися и студентами через организацию сбора и составления устных источников на основе местной истории, совершенствуются мыслительные способности (анализ, логика, сравнение) в ходе обработки и использования новых источников на уроках и в научно-исследовательских ученических и студенческих работах. Соприкосновение с живой историей через ее участников, новые, порой взаимоисключающие оценки, противоречия в суждениях, неизвестные факты и страницы из жизни старшего поколения вызывает также глубокие внутренние изменения в социально-психологической, культурной, мировоззренческой и других сферах личности.

Приложение 2

Программа учебного курса по подготовке устных историков «Устная история: теория и практика»

Цель: подготовить специалистов в области устной истории.

Задачи:

— дать общие представления об истории возникновения, развития и распространения приемов и методов устной истории в прошлом и настоящем;

— изучить зарубежный и отечественный опыт устной истории, познакомиться с наиболее значимыми устноисторическими проектами и программами, дать представление о ведущих зарубежных и отечественных центрах устной истории;

— дать методические рекомендации по организации, проведению и оформлению интервью;

— научить транскрибированию, документированию, архивированию устных исторических источников, показать основы формирования «устных архивов»;

— привить навыки источниковедческого анализа, интерпретации и использования устных исторических источников в научно-исследовательской работе.

Этот учебный курс призван дать теоретическую и методическую базу для организации и проведения устноисторической работы. Он должен содержать как занятия по теоретической части, так и практические занятия по составлению вопросников, подготовке и проведению интервью, транскрибированию и оформлению устных исторических источников.

«Устная история» в мировой исторической практике в прошлом и настоящем

История возникновения, применения и распространения приемов устной истории в прошлом. Появление письменности как способа фиксации устной информации и трансляции ее в пространстве и времени. Использование устных свидетельств в период становления и развития письменности. Первые исторические труды (Геродот, Фукидид). Проникновение устного текста в письменные источники.

Гносеологические и технологические условия и факторы формирования устной истории как нового направления исторических исследований в XX в. Первые широкомасштабные проекты по устной истории. Дея-

тельность А. Нэвиса. Американская традиция элитной устной истории. Развитие демократической устной истории в Европе. Образование Международной ассоциации устной истории. Международные конгрессы и периодические издания по устной истории (*Oral History, Oral History Review, International Journal of Oral History* и др.). Ведущие зарубежные центры устной истории. Современный опыт зарубежной устной истории.

«Устная история» в отечественной историографии¹

Устные свидетельства в ранней истории: летописание, хроники. Записной приказ и история XVI–XVII вв. Сбор и использование устной информации в истории и краеведении в XIX в. В. Я. Богучарский и сбор воспоминаний о революционном движении. Истпарт и деятельность его отделений в регионах. Артель «Краевед» и Общество пятигодников на Алтае. «Золотой век краеведения» и академическая наука: сбор воспоминаний об истории фабрик, заводов, промышленных предприятий (М. Горький). Комиссия по сбору воспоминаний в годы Великой Отечественной войны.

Устноисторические проекты по истории сибирской интеллигенции (Соскин, Осташко). Формирование устноисторической коллекции в МГУ. В. Д. Дувакин. Воспоминания научной интеллигенции.

Создание Общества устной истории СССР (Всероссийское общество устной истории). Создание Центров устной истории в Российской Федерации. Международные связи.

Устная история: определение, дискуссии

Определение устной истории. Ее предмет, цели и задачи.

Термин «устная история» (Oral history): его появление и трактовки. Синонимы устной истории в зарубежной практике: звуковая история, слуховая история, контактная история и т. д. Статус устной истории. Предмет устной истории. Зарубежные и отечественные школы, подходы, концепции. Научные дискуссии. Разграничение понятий «устная история» и «устная традиция». Формирование научных коллективов. Известные программы по устной истории. Устноисторические проекты. Подходы к устной истории: элитарное и демократическое направления.

¹ Щеглова Т. К. Развитие отечественной устной истории: проблемы и подходы в терминологии и классификации и классификации источников // Пишем времена и случаи. Новосибирск, 2008. С. 263–268; Она же. Устная история в XX столетии: метод, источник, направление исторических исследований или самостоятельная дисциплина // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 7. Барнаул, 2008. С. 246–256.

Устная история как метод

Количественные и качественные методы исследования. Методические рекомендации по составлению вопросника. Типы вопросов: открытые и закрытые; общие, уточняющие, провоцирующие, наводящие, зондирующие и др. Вопросы, направленные на поиск смысла. Вопросы на сравнение. Вопросы в условном наклонении или косвенной форме. Виды вопросников. Принципы составления вопросника.

Организация и проведение интервью: методические рекомендации. Техника и методика интервьюирования. Типы интервью: тематические, биографические, генеалогические и др. Выборка респондентов. Категории респондентов. Особенности работы с ними. Особенности речевой коммуникации мужчин и женщин. Проблемные ситуации во время интервью и пути их возможного решения.

Проблемы выборки информации для записи и последующего хранения. Роль исследователя-интервьюера, его влияние на вид, форму, структуру и содержание формируемого документа.

Устная история как источник

Актуальные проблемы источниковедения в устной истории. Определение источника устной истории. Специфика устного исторического источника. Преимущества устного исторического источника. Проблемы репрезентативности устных источников. Межличностные отношения в ходе интервью. Воздействие интервью на его участников: респондента и интервьюера. Проблема авторства источника устной истории. Подходы к определению устного исторического источника: историко-научное интервью, историко-социологическое интервью, биографическое интервью, устный исторический источник, устноисторические свидетельства, исследовательское интервью и др. Виды устных исторических источников и их специфика. Дискуссии о субъективности, достоверности, объективности документов устной истории. Влияние социально-культурных норм и стереотипов.

Подготовка и проведение интервью

Этапы интервью. Погружение в изучение темы интервью. Подготовка информации о предмете интервьюирования. Разработка стратегии интервьюирования. Определение целей и задач. Поиск и выборка респондента. Типы собеседников и специфика общения с ними. Составление рабочего списка информантов: пути и способы поиска носителей информации.

Сбор предварительной информации о респонденте. Типы интервью: тематическое, биографическое, генеалогическое и др. Стратегия интервью: свободное интервью, интервью по вопроснику-путеводителю, полуструктурированное интервью, жестко структурированное интервью. Организация встречи. Выбор места и времени проведения интервью. Техническое обеспечение проведения аудио- и видеointerview: рекомендации по выбору диктофона, аудио- и видеокассет, видеокамеры, формата записи. Требования к записи: расположение звукозаписывающей аппаратуры, фиксация на пленке даты, времени, места записи и данных о респонденте и интервьюере. Особенности проведения фотосъемки. Этапы проведения интервью, его структура. Особенности начального этапа (разминки) и установления контакта. Основной этап интервью: способы активизации воспоминаний и меры поощрения рассказчика. Наиболее распространенные ошибки при проведении интервью. Психологический климат интервью. Поведение интервьюера: умение формулировать и задавать вопросы, поддерживать беседу. Способы и приемы подогрева интереса респондента к беседе. Этические и нравственные проблемы (проблема «скрытого микрофона»). Ведение документации. Ведение заметок в процессе интервью. Завершение интервью. Создание аннотации и картотеки интервью. Кодекс интервьюера.

Транскрибирование и документирование устного исторического источника

Особенности преобразования текста интервью из звуковой формы в текстовую (устный исторический источник, транскрипт). Транскрибирование и устный исторический источник (транскрипт). Особенности «устного текста» и «письменного текста». Транскрибирование и текстология. Соотношение устности и письменности при документировании устного исторического источника. Вербальная и визуальная информация устного исторического источника. Способы и пути ее фиксации и кодировки. Проблемы адекватного перевода смысла текста из одной формы в другую. Актуальные вопросы археографии устной истории. Составление научно-справочного аппарата устных исторических источников.

Создание устноисторических проектов и разработка научно-исследовательских программ по устной истории

Специфика деятельности в области устной истории. Разработка концепции исследования. Постановка целей. Определение задач. Направле-

ния и формы устноисторической деятельности. Предварительная гипотеза. Формирование временного научного коллектива и его подготовка. Разработка библиографии проекта. Выбор информантов. Методическое осмысление проекта. Техническое обеспечение проекта. Планирование этапов работы. Анализ типичных ситуаций. Обсуждение оптимальных условий реализации проекта, масштаба интервьюирования, источниковой базы и технического обеспечения (аудио-, видео-, фото-, письменные тексты и др.). Формы апробации и научной презентации материалов: планирование конференций, публикация документов, подготовка научных трудов. Методические рекомендации руководителю по научно-методической и технической подготовке начинающих устных историков и разработке устноисторических проектов.

Устные архивы: хранение и использование документов устной истории

Проблемы сохранения и оптимизации устноисторической информации (сохранение аудио- и видеозаписи, документированного интервью). Особенности хранения документов устной истории (формирование архивных коллекций, условия хранения, правила доступа и использования). Условия хранения звукозаписи: температура, режим, освещение, влажность. Требование к перезаписи и сохранению информации на ленточных носителях. Ведение документации архива: журнал поступлений, карточки, описи. Система допуска к работе с документами устного архива. Правила доступа и использования. Проблема авторства и пути ее решения.

Использование устных исторических источников в научных исследованиях и публикаторской деятельности

Проблемы использования устноисторических свидетельств. Публикации документов устной истории. Подготовка устных исторических источников к публикации: дискуссии о редактировании текста интервью. Правовые и этические проблемы, связанные с публикацией. Академическая практика использования устных исторических источников. Историко-ведческий анализ текстов устной истории. Использование документов устной истории в разных формах популяризации исторических знаний: музеи, радио-, телекоммуникации, СМИ, театр, популярная литература.

***Пути использования междисциплинарных подходов
в устной истории***

Связи устной истории с социогуманитарными науками: социальной и политической историей, музееведением и музеологией, этнографией и этнической историей, культурной и исторической антропологией, историей повседневности, интеллектуальной историей, социологией, исторической психологией, историей ментальности, лингвистикой, этнопсихологией и т. д. Привлечение междисциплинарных связей в организации и проведении устноисторических исследований. Междисциплинарные связи при работе с устными историческими источниками: лингвистика, герменевтика, феноменология, текстология, психология, линвокультурология, кинесика и др. Невербальная (визуальная) информация. Язык жестов и мимики. Раскодировка «языка тела» и речевых особенностей для интерпретации получаемой информации.

Приложение 3

Интернет-адреса зарубежных центров устной истории

Age Exchange, The Reminiscence Centre, 11 Blackheath Village, London.

<http://www.age-exchange.org.uk/>

Ambleside Oral History Group. <http://www.aohghistory.f9.co.uk/>

British Library National Sound Archive Oral History Collection / National Life Story Collection, London. <http://www.bl.uk/>

BBC Education – History – 20th Century Vox.

<http://www.bbc.co.uk/education/20cvox/>

Department of Sound Records, Imperial War Museum, London.

<http://www.iwm.org.uk/lambeth/sound.htm>

Qualidata – Qualitative Data Service. <http://www.qualidata.essex.ac.uk>

Indiana University Oral History Research Center.

<http://www.indiana.edu/~ohrc/>

John F Kennedy Library Oral History Project.

<http://www.cs.umb.edu/~serl/jfk/oralhist.htm>

Kellogg African American Health Care Project.

<http://www.ur-net.com/kellogg/theoral.htm>

Mass-Observation Archive, University of Sussex.

<http://www.sussex.ac.uk/library/massobs/homearch.html>

Michigan Oral History Association. <http://www.h-net.msu.edu/~moha>

Museum of Welsh Life, St Fagans, Cardiff.

<http://www.nmgw.ac.uk/mwl/archives/sound/index.en>

National Library of Australia Oral History Collection.

<http://www.nla.gov.au/oh/>

National Library of Australia Oral History Directory.

<http://www.nla.gov.au/ohdir/>

North East Oral History Network. <http://www.oralhistorynortheast.info/>

Oral History Research Office, Columbia University, New York.

<http://www.columbia.edu/cu/libraries/indiv/oral/summer.html>

Regional Oral History Office, Bancroft Library, Berkeley University.

<http://www.lib.berkeley.edu/BANC/ROHO/>

School of Scottish Studies, University of Edinburgh. <http://www.sss.ed.ac.uk/>

- Smithsonian Institution Archives. <http://www.siris.si.edu/>
- Southern Oral History Program, University of North Carolina at Chapel Hill.
<http://www.unc.edu/depts/sohp/>
- Survivors of the Shoah Visual History Foundation. <http://www.vhf.org/>
- The Society of Archivists Film and Sound Group (UK).
<http://www.pettarchiv.org.uk/fsgmain.htm>
- South Wales Coalfield Collection/Miners Library, University of Wales Swansea. <http://www.swan.ac.uk/swcc/>
- Ulster Folk and Transport Museum, Belfast, Northern Ireland.
<http://www.uftm.org.uk/>
- United States Holocaust Memorial Museum, Washington.
<http://www.ushmm.org/>
- University of Alaska Fairbanks Oral History Program.
<http://www.uaf.edu/library/libweb/oralhist/>
- University of California at Los Angeles (UCLA) Oral History Program.
<http://www2.library.ucla.edu/libraries/special/ohp/ohpindex.htm>
- University of Connecticut Center for Oral History.
<http://www.oralhistory.uconn.edu/>
-
- University of Hawai'i Center for Oral History.
http://www2.soc.hawaii.edu/css/oral_hist/index.html
- University of Louisville Oral History Center.
<http://www.louisville.edu/library/uarc/ohc.html>
- University of New South Wales Oral History Program, Sydney, Australia.
<http://www.oralhistory.unsw.edu.au/>
- US Library of Congress WPA Federal Writers' Project Life Stories.
<http://lcweb2.loc.gov/ammem/wpaintro/wpahome.html>
- Utah State University Oral History Program.
<http://www.usu.edu/~oralhist/oh.html>
- Waltham Forest Oral History Workshop
<http://www.wforalhistory.org.uk/>
- East Midlands Oral History Archive
<http://www.le.ac.uk/emoha/>
- Exmoor Oral History Archive
<http://www.somerset.gov.uk/archives/exmoor/>

The King's Cross Voices Oral History Project.

<http://www.kingscrossvoices.org.uk/>

Dartmoor National Park Authority's Moor Memories Oral History Project.

The Federaton of Worker Writers and Community Publishers.

<http://www.thefwwcp.org.uk/>

Youngstown State University Oral History Program.

<http://www.as.ysu.edu/~histpres/>

1968: The Whole World Was Watching.

<http://www.stg.brown.edu/projects/1968>

Приложение 4

Методические материалы устноисторических исследований: программы

Программа изучения существующего или исчезнувшего села¹

Общие данные

Современное название села.

Сельский Совет / сельская администрация. Наличие ферм, отделений, поселков.

Административно-территориальная принадлежность: район.

История возникновения села

Время образования.

Причины образования (казачий форпост, станица, переселение, рудник, старообрядцы, выселок, что еще?). Легенды об образовании.

Название в прошлом. Народные толкования.

Административная принадлежность в прошлом и настоящем (губерния, уезд, край, район, село, сельсовет/администрация).

¹ Эта тема находится в разработке 20 лет. Опыт обобщался в конкретно-исторических и научно-методических работах для исследователей разного возраста и уровня подготовки, от школьников до учителей. При организации работы можно использовать публикации: Щеглова Т. К. Значение устных источников для изучения истории исчезнувших сел // Проблемы устной истории в СССР: материалы второй науч. конф. в г. Кирове. 14–15 мая 1991 г. Киров, 1991. С. 38–44; Она же. Устная история как объект краеведческой деятельности // Проблемы устной истории и современность. Калининград, 1992. С. 17–21; Она же. Изучение сел на основе устных исторических источников (методические советы) // Города и села Алтайского края: историческое наследие (Павловский район). Павловск, 1993. С. 102–113; Она же. Устная история как объект краеведческой деятельности в школе и вузе // Историческое краеведение в школе и вузе: материалы Первой Всерос. конф. (14–15 дек. 1994 г.). Кемерово, 1994. С. 65–68; Она же. Методологическое значение устной истории для изучения социального портрета крестьянства: крестьянское общество и власть (по устным источникам 80–90-х гг.) // Историческое краеведение: теория и практика: материалы рос. науч. конф. Барнаул, 1996. С. 53–56; Она же. История алтайской деревни глазами участников и очевидцев // Образование и социальное развитие региона. Барнаул, 1998. № 2–4. С. 153–159; Она же. Устная история как источник и метод исследования сибирской деревни XX столетия // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. Омск, 2004. Ч. 1. С. 23–28; Она же. «Устная история» как источник исследования сибирской деревни XX в. // Сибирская деревня: проблемы истории: сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. С. 142–153; Она же. Алтайская деревня в 1950–1970-е гг.: устная история безгласного большинства // История Алтайского края XVIII–XX вв.: науч. и док. материалы. Барнаул, 2005. С. 387–417, и др.

Описание месторасположения села

Географическое положение села относительно реки, тракта, железной дороги, административных центров, города (например, «на юг от райцентра около 5 км, на Змеиногорском тракте в 5 км от...»).

Топонимия окрестностей: географическая, народная, советская (местные названия ручьев, родников, гор, оврагов, болот, переселков, опушек и т. п.).

Легенды и были о происхождении местных названий.

Производительное пространство деревни в прошлом (при единоличном и колхозно-совхозном хозяйствовании) и настоящем (пахота, сенокосы, выпасы, пасека, охотничьи и рыбные угодья, лесозаготовки, ягодные и грибные места и т. п.). Какие тенденции развития производительного пространства деревни наблюдаются в наши дни?

Экономика села: традиции и инновации

Земледелие: хлебопашество в единоличном, колхозно-совхозном и современном семейном и общественном производстве (какое?). Производство других земледельческих культур (гречихи, проса, ячменя, каких еще?). Производство технических культур (льна, конопли, подсолнечника, каких еще?). Земледельческие орудия труда. Как менялась и меняется земледельческая техника? Традиционные способы обработки земли. Земледельческий календарь (время основных сельскохозяйственных работ, сравнение с народным календарем прошлого и совхозно-колхозным производством, сравнение с сопредельными территориями).

Огородничество (картофель, горох, арбузы, тыква, что еще?). Что изменилось в объемах и ассортименте огородных культур? Почему? Какое место огородничество занимало и занимает в семейном, общественном производстве?

Скотоводство в производственном секторе и в семейном подсобном хозяйстве (крупный рогатый скот, лошади, свиньи, маралы, кто еще?) Способы содержания скота. Знаменитые породы (лошадей, коров, чем славились?). Как развивалось племенное скотоводство? Как улучшали породы скота в семейном, общественном, частном хозяйстве? Откуда брали улучшенные породы для общественного стада? Распространенные породы. Как приобретали новый скот для семейного подсобного хозяйства раньше и сейчас? Кого держали в хозяйстве при единоличном хозяйстве, колхозно-совхозном производстве? Что наблюдается сейчас, при рыночной экономике? Причина различий? Какое место скотоводство занимало

раньше и занимает в современном семейном и общественно производстве? Что в нем меняется? Для чего выращиваете (выращивали) те или иные породы скота? Какое значение это имеет для питания семьи, ее доходов? Как реализовали раньше и как сейчас реализуете скот? Кто занимается забоем? Когда? Как? Кто разделывает мясо? Как храните?

Птицеводство (куры, гуси, утки, индюки, кто еще?). Расскажите о семейном и общественном птицеводстве в прошлом и настоящем. Что изменилось? Какую роль играло и играет птицеводство в вашем хозяйстве? Изменилось ли поголовье и виды птицы, почему? Где берете корм для птицы? Когда, кто и как забивает птицу? Где и как используете (использовали) мясо и перо (пух) птицы?

Традиционные крестьянские промыслы в прошлом и настоящем: рыболовство, пчеловодство, охота, табаководство, сбор орехов, грибов, ягод, папоротника, колбы. Что еще? Яркие, необычные случаи, связанные с теми или иными промыслами. Место и значение промыслов в семейном хозяйстве раньше и сейчас. Опишите формы и возможности занятия кустарными промыслами в прошлом и настоящем (орудия охоты, рыболовства, сбора), способы обработки сырья, пути и места сбыта. Какую роль играли и играют промыслы в вашем семейном производстве?

Кустарная промышленность и ремесло в прошлом и настоящем. Переработка сельскохозяйственных продуктов (маслоделие сливочное, подсолнечное, маковое, конопляное, льняное; мукомольное, овчинное, пимокатное, шубное производство, какое еще?). Деревообрабатывающие ремесла: щепное, бондарное, дегтярное, смолокурное; железоделательные; гончарное, какое еще? Какие существовали промышленные заведения в прошлом и настоящем: мельница (мутовка, ветряная), крупорушка, маслозавод, сырзавод, кузница, ремесленная мастерская, мелиоративные каналы, что еще?). Были ли центры кустарных промыслов, известные во всей округе мастера (пимокаты, гончары, скорняки и др.)? Какие сейчас сохранились кустарные или домашние мастерские? Кого знаете из мастеров? К кому обращаетесь или куда ездите за валенками, овчинами, хомутами, литовками и т. д.?

Местная торговля. Какие существовали и существуют пункты периодической торговли в единоличное, советское и постсоветское время: ярмарки, базары, автолавки, что еще? Кто в прошлом и сейчас занимался привозом товаров и их распродажей? Как и почему их называли («челноки», «барыги», «разносчики»)? Опишите постоянные пункты торговли: лав-

ки, магазины, ларьки, киоски, какие еще? Какие условия покупки существовали в вашем населенном пункте, как они менялись в прошлом и сейчас и почему? Как менялся характер торговли в разные времена и почему: меновая, скупщическая, кооперативная, кредитная, потребительская, государственная, частная. Как Вы их оцениваете? Дайте характеристику товаров (что продавали и покупали?)

Состав и характеристика населения

Первые фамилии села, родословные потомственных крестьян. Характеристика самобытных имен и фамилий. Численность населения в разные исторические периоды (какие события влияли на увеличение или уменьшение численности населения в селе?).

Массовые аграрные миграции в село (с конца XIX — 20-е гг. XX в. Причины крестьянских переселений. Места выселения (Тамбовская, Саратовская, Курская губернии, какие еще?). Положение переселенцев (приписанные, неприписанные, батраки и т. д.).

Переселение в советское время. Причины (раскулачивание и репрессии, депортация, ссылка из Центральной России во время холеры, Олимпиады, репатриации, спецпоселения и др.). Места выселения (Поволжье, Чечено-Ингушетия, Калмыкия, Молдавия, Украина, Москва и др.). Положение переселенцев.

Постсоветские переселения: миграции 1990–2010-х гг. из Казахстана и бывших республик СССР. Причины, условия и обстоятельства переселений. Возможности и факторы обустройства на новом месте. Взаимоотношения с местными жителями.

Знаменитые люди изучаемого населенного пункта, оказавшие влияние на судьбу деревни, края, страны (деятели культуры и науки: ученые, писатели, художники, певцы, композиторы; герои революции и войны; народные врачеватели и умельцы, изобретатели, политические деятели, краеведы).

Традиции, быт и культурное развитие села

Состав верующих (староверы, православные, баптисты, другие конфессии, согласия, секты), культовые здания (церковь, собор, монастырь, молельный дом, мечеть, синагога) в прошлом и настоящем. Были ли случаи разрушения культовых сооружений? Когда, кем, какова их дальнейшая судьба?

Взаимоотношения в семье (между родителями и детьми, между мужем и женой, между родственниками) в период единоличного хозяйство-

вания, в колхозно-совхозный период, сейчас. Распределение трудовых обязанностей в семье раньше и сейчас. Материальное и финансовое положение семьи в прошлом и в наши дни. Отношения между сельчанами. Формы общения в досоветский, советский и постсоветский периоды: труд (совместные виды работ, помощь, субботники и т. д.); отдых (посиделки, собрания, торжественные обряды, сельские праздники).

Внешний облик села. Исторические и географические достопримечательности

Плотность и структура застройки села в прошлом и в настоящем (одна, две улицы, вдоль реки, у подножия горы, квартальная или хаотическая застройка, как еще?). Архитектурная планировка села (административная, культовая, торговая площадь в центре села площадь, что еще?). Что представляла собой планировка раньше и сейчас? Памятники досоветской, советской, постсоветской архитектуры (церковь, часовня, купеческий или крестьянский дом, волостное правление, церковно-приходская школа, первый клуб, советская школа, правление колхоза, что еще?).

Исторические достопримечательности крестьянской эпохи и советского времени (здания или места, связанные с посещением или проживанием знаменитых людей), здания или места, связанные с историческими событиями (первый крестьянский дом, сельская управа, штаб партизанского отряда и т. д.), памятники, посвященные каким-либо событиям или людям. Советское плакатное и монументальное искусство (стелы, мозаика, скульптура, росписи, плакатные мозаика или роспись, памятники героям революций, Гражданской, Великой Отечественной и малых войн и т. д.). Географические достопримечательности (пещера, горные перевалы, реликтовые леса, рощи, озера, родники, лечебные ключи и т. д.).

Социально-политические преобразования и главные исторические события в судьбе села

Революция и Гражданская война. Красное и белое движение в регионе. Установление советской власти, первые преобразования. Отношение крестьян к советской политике военного коммунизма. Влияние нэпа на жизнь крестьян села. Развитие единоличного хозяйства и крестьянского самоуправления. Развитие сети населенных пунктов в период свободного землепользования. Формирование советской системы расселения и социалистического хозяйствования: коммунарское движение, формирование советских населенных пунктов и т. д.

Проведение политики сплошной коллективизации и борьба с кулачеством в деревне. Формирование общественных организаций, реализация программ ликвидации безграмотности и создания культурно-бытовой сферы, развитие колхозно-кооперативных и советских предприятий; разрушение церкви и борьба с верующими, соцсоревнование и советские праздники, спецпереселения, репрессии и т. д.

Влияние Великой Отечественной войны на жизнь деревни. Депортации и переселения на Алтай.

Послевоенные события, оказавшие влияние на жизнь деревни: голод 1947 г., реформы Маленкова, укрупнение колхозов, освоение целины, ликвидация неперспективных сел и другие реформы 1950–1960-х гг.

Жизнь села в 1970–1980-е гг. Строительство производственной базы земледелия, скотоводства, птицеводства, развитие системы образования, здравоохранения, культуры и т. д. Развитие сети населенных пунктов в колхозном и совхозном секторе. Жилищное строительство. Материальные возможности семьи. Отношение к селу со стороны государства, производительного общества, молодежи и причины. Реализация государственной политики: продовольственная программа, что еще?

Перестройка и перемены в жизни села. 1990-е гг. в истории сел.

История села в новом тысячелетии

Время и причины упадка или гибели села. Время основного потока миграции. Причины, вызвавшие миграцию. Места миграции (в другие села района, в другие районы, области, края). Когда и кто последним покинул село? Что осталось на том месте (материальные остатки жилищ, памятники, кладбище?)¹

¹ Программа формировалась автором на протяжении нескольких лет с 1991 г. В ходе историко-этнографических экспедиций были проведены полевые исследования на территории ряда районов с последующей публикацией материалов. Например: *Щеглова Т. К.* Деревня Солонешенского района в XX в.: устная история // Солонешенский район: очерки истории и культуры: сб. науч.-практ. материалов. Барнаул, 2004. С. 110–143; *Она же.* Изучение сел на основе устноисторических источников (метод. советы) // Города и села Алтайского края: историческое наследие: Павловский район. Павловск, 1993. С. 102–133; *Она же.* Исторический очерк сел Алтайского края: по итогам работы краеведческих экспедиций на территории Солонешенского, Павловского и Третьяковского районов // Алтайский сборник. Барнаул, 1995. Вып. 16. С. 67–91; *Она же.* Особенности развития населенных пунктов Нижнего Причумышья в XX веке: материалы к картотеке села // Нижнее Причумышье: очерки истории и культуры. Тальменка; Барнаул, 1997. С. 84–90; *Она же.* Очерки по истории крестьянства, раскрестьянивания и традиций селообразования в XX столетии по устным источникам // В предгорьях Алтая. Барнаул; Алтайское, 1998. С. 150–172 и др.

Приложение 5

Методические материалы устноисторических исследований: вопросники

В методических материалах даны вопросники, которые могут использоваться повсеместно. При необходимости исследователь легко сможет адаптировать их к региональной социально-экономической и этнополитической ситуации. Пример вопросника, который можно развернуть в соответствии с категорией переселенцев и мигрантов того или иного региона, — вопросник о переселении. Он может быть адаптирован не только для разных территорий, но и для истории разновременных миграционных потоков: крестьянских переселений на рубеже XIX–XX вв.; переселений от голода в 1920–1940-е гг., добровольных и принудительных переселений, спецпереселений, депортаций, постсоветских миграций в 1990–2010-е гг.

Вопросники предусматривают получение как первичной информации от непосредственных участников, так и вторичной, т. е. в пересказе или в интерпретации детей и внуков непосредственных очевидцев, а также записи семейных историй.

В методических материалах представлены примеры вопросников (вид, построение, форма) для начинающих интервьюеров. Их отличает четкая структура, отражающая организационные этапы интервью: начало, введение, основную и заключительную части. Это помогает акцентировать внимание и интервьюера, и интервьюируемого на логике собеседования, делает беседу понятной для рассказчика, а расспросчику позволяет выстроить вопросы. В таком виде, например, в методических материалах представлены вопросы к интервью по темам репрессий. На примере вопросника по репрессиям этапы и логика интервью показаны выделением блоков вопросов, которые помогут последовательно и доступно строить интервью по изучаемой проблеме. В развернутом виде, с предисловиями, вступлениями, этапами и в соответствии с логикой исследовательского интервью даны, например, вопросники о переселениях на Алтай.

Другие вопросники представляют собой своеобразные «путеводители», или «маршруты» опроса, по тем или иным историческим проблемам. Они ориентированы на опытных исследователей, которым не нужна мелочная регламентация. Для молодых исследователей они являются материалами, которые можно использовать при составлении собственных вопросников.

Часть вопросников составлена с методическими указаниями. Они особенно нужны для организации практических занятий по спецкурсу по устной истории, в ходе которых проводится обучение составлению вопросников и для организации учебной практики в форме как полевых исследований, так и стационарной работы. Например, перед вопросником о строительной и жилищной культуре показано, как оформляется научно-справочное сопровождение документа, так называемая паспортика источника. В этом же вопроснике дана доступная для начинающих устных историков инструкция. Ее можно использовать перед любыми вопросниками.

В некоторых вопросниках не только выделена структура интервью с этапами, но и (например, в вопроснике про русское население) предусмотрено несколько вариантов начала интервью. Это позволяет выстраивать разные траектории дальнейшего опроса в зависимости от принадлежности респондента к той или иной этнографической или историко-культурной группе и времени переселений на Алтай. Многовариантность первой части вопросника позволяет начинающему исследователю работать с представителем любой группы русского населения. Более упрощенным, но с акцентами на тематических блоках является вопросник о роли этнокультурного фактора в имущественной и социальной дифференциации в доколхозной деревне. Он оставлен в форме свободного «путеводителя», или «маршрута опроса».

По характеру и содержанию вопросники можно разделить на универсальные и тематические. Те и другие могут использоваться и в ходе чисто исторических исследований, и в междисциплинарных проектах и программах. Так, в методических материалах приведены вопросники, которые дают музеоведам возможность ввести новационные материалы в формирование экспозиций по истории XX в. К ним относятся вопросники об этнографических исследованиях на Алтае и по истории пионерии. Тематичность позволяет использовать их при популяризации историко-культурного наследия; они могут использоваться также как опорная схема при составлении вопросников для географических, биологических, археологических и других исследований на Алтае, исследований по истории комсомольской, партийной, профсоюзной организаций, общественных организаций: ВООПИиК, региональных филиалов Географического общества и др. На примере вопросника по истории пионерии показано, как можно адаптировать его к разным возрастам. Пионерское движе-

ние как массовое общественное движение, начавшись в 1930-е гг., прошло и трагические, и романтические, и полные одухотворенности этапы и завершилось в конце 1980-х гг. Его история на памяти нескольких поколений: тех, кто помнит истоки, и тех, кто видел его закат. Поэтому предусмотрены два варианта — для работы с теми и другими. Вопросник по истории пионерии показывает, как нужно корректировать вопросы в соответствии с эпохой, в которой жили информанты, и в соответствии с событиями, участниками или очевидцами которых они могли быть.

Благодаря разным формам оформления вопросников автор показывает разные технологии составления вопросников; таким образом, методические материалы носят обучающий характер.

1. История переселений на Алтай¹

Разрешите начать со знакомства: Ваши имя, отчество и фамилия, дата и место рождения, национальность и вероисповедание.

И для нас очень важна информация о ваших родителях, дедах, предках (фамилии по отцу и матери, место проживания, род занятий, материальное положение).

Какие Вам рассказывали семейные предания из истории Вашей семьи, Ваших предков на старом месте жительства?

Что Вам известно и от кого о местах выселения (их малой родины) Ваших предков? Интересовались Вы ими? Поддерживаете ли связи? Посещали ли их?

Давайте сейчас поговорим о том, что Вы помните сами или что Вам рассказывали о семье и хозяйстве до переселений (ссылки, высылки).

1. Где проживали (село, город, губерния, область, республика) до переселений?

2. Опишите имущество и материальное положение семьи: дом, хозяйство, хозяйственные постройки, орудия труда, предметы быта, одежды, что еще?

¹ Вопросник может быть адаптирован для истории разновременных миграционных потоков: крестьянских переселений на рубеже XIX–XX вв.; переселений от голода в 1920–1940-е гг., добровольных и принудительных переселений, спецпереселений, депортаций на протяжении всего XX и начала XXI столетий. Характер вопросов предусматривает получение как первичной информации от непосредственных участников, так и вторичной, т. е. в пересказе или в интерпретации их детей и внуков, а также семейных историй.

3. Какой состав семьи был до переезда?

4. Чем занимались члены семьи? Какое вели хозяйство? Чем промышляли? Где работали?

5. Как участвовали в жизни (общественной, политической или культурной) села или города?

Давайте отдельно поговорим о том, как Вы переселялись на новое место.

1. Почему Ваша семья переселилась? Каковы причины переселения?

2. Кто в семье и как выбирал место для переселения? Откуда получали информацию? Кто повлиял на решение?

3. Когда началось переселение? На чем добирались (перечислите все средства передвижения) и какими путями (какие помните населенные пункты)?

4. Сколько членов семьи переселялось, в каком возрасте? Все ли добрались до места? Кто и как переносил дорогу? Кому было труднее всех? Сколько других семей путешествовало с Вами?

5. Что взяли с собой из орудий труда, имущества, скота? Почему? Что удалось довести?

6. Опишите бытовые условия переселения. Чем питались, кто и как готовил пищу? Где ночевали? Как и где мылись, стирали? Как одевались в дороге и какие проблемы были с одеждой? Были ли случаи заболевания и эпидемий? Как лечились? Чем? Как спасались от жары, холода, дождя, что еще? Как обходились с Вами во время остановок местные жители?

7. Какие истории из путевой жизни рассказывали в семье? Какие случаи помощи, взаимовыручки или, наоборот, недоброжелательности помните?

Теперь перейдем к вопросам об устройстве на новом месте.

1. Вспомните время и опишите место прибытия семьи — село, поселок, деревня, ее население, численность, размеры, внешний вид, окрестности и т. д. Что понравилось, что нет?

2. Были ли случаи смены места первого поселения и почему?

3. Расскажите об устройстве на новом месте. Где разместились? Какой вид имело ваше временное или постоянное жилье: дом, комната, барак, землянка, самануха, что еще? Кто и как строил? Была ли возможность и какая строиться самим? Какую помощь Вам оказали на новом месте? Как решали вопрос о земле, о работе?

4. Чем занимались и за счет чего выжили на новом месте: батрачество, наем, собственное хозяйство, служба? Как скоро приступили к работе и соответствовала ли она прежним занятиям? Какие умения и навыкигодились на новом месте? Чему пришлось учиться заново?

5. Как изменялись условия жизни и труда в начале обустройства и по мере обживания? Какие складывались отношения между работодателем и вами (родителями, дедами), чем оплачивали?

В заключение давайте поговорим о взаимоотношениях с местным населением и адаптацией переселенцев на новом месте.

1. Как складывались отношения со старожилами?

2. В чем состояли различия в положении переселенцев и местных жителей в поведении, языке, одежде, манерах, питании, убранстве жилища? Что еще отличало переселенцев и местных жителей?

3. Каково было отношение местных жителей к Вам? Как Вас восприняли? Были ли случаи неприязни? Помощи?

4. Какое имущество было у семьи и каким было ее материальное положение после переселения? Что и как быстро менялось?

5. Была ли у Вас возможность свободного возвращения на прежнее место жительства или выезда для проживания в другое место?

6. Бывали ли Вы после переселения на своей родине? Не возникало ли желание вернуться?

2. Репрессии в Алтайском крае¹

Прежде всего позвольте задать Вам ряд вопросов о Вашей жизни до рокового события (ареста).

¹ В данном вопроснике предполагается опрос человека, пострадавшего от репрессий, продолжавшихся до 1956–1957 гг. В наши дни в ходе исследований все чаще встречаются дети или внуки репрессированных, особенно в 1930–1940-е гг. Для беседы с ними вопросник необходимо адаптировать, так как информация будет даваться в пересказе. Кроме того, в этом случае необходимо усилить вопросы, связанные с ощущениями члена семьи репрессированного, изменением его положения в обществе, статуса и т. д. И, наконец, возможна организация беседы с внуками репрессированных, которые сами не являлись очевидцами, а знают рассказы старших членов семьи (родители, бабушки, дедушки). На современном этапе среди носителей информации преобладают представители второй и третьей групп. Их интервьюирование, несомненно, дает интересный материал, но пока еще существует возможность работы с самими репрессированными, надо стремиться в первую очередь к ней. Сегодня чаще встречаются репрессированные в 1940–1950-е гг. На примере вопросника по репрессиям в Алтайском крае показано выделение блоков вопросов, которые помогут логично и доступно выстроить интервью по изучаемой проблеме.

1. Где проживали до ареста?
2. Чем занимались (образование, профессия, занятия, должность, место работы)?
3. Какие события, происходившие в стране в 1920–1950-е гг., Вам запомнились или Вы сами в них участвовали? Откуда Вы получали информацию?
4. Как оценивали происходящие вокруг Вас события – коллективизацию, коммунарское движение, раскулачивание? Что еще запомнили?
5. С чего и когда начались репрессии в Вашем селе? Что предвещало беду?
6. Как относились к этому в селе? Что говорили между собой?

Далее просим Вас ответить на вопросы, касающиеся неприятных для Вас событий ареста, следствия и суда.

-
7. Когда и при каких обстоятельствах Вы были арестованы?
 8. Как вели себя близкие, как вели себя Вы, как вели себя приехавшие арестовывать?
 9. Как проходили следствие и суд (действия и поведение следственных и судебных органов власти, Ваше поведение)?
 10. Где и сколько времени находились Вы в период следствия? С кем из заключенных познакомились? Кого из следователей, надзирателей запомнили и почему?
 11. Какие порядки существовали в следственном изоляторе? Какие методы допроса к Вам применялись? Какие случаи запомнились?
 12. Какие обвинения были Вам предъявлены, кто и какой был вынесен приговор?
 13. Как отразился Ваш арест на положение семьи, родственников и друзей?

Следующая группа вопросов относится к периоду Вашей ссылки (высылки) или отбывания наказания.

14. Где отбывали наказание (название, местонахождение, основное назначение)?
15. Как выглядели лагерь и место ссылки (жилые помещения, административные здания, столовая, строительный материал, окрестные места)?
16. Какой преобладал контингент заключенных? На каких работах использовался труд заключенных? В каких работах участвовали Вы? Какой труд считался самым трудным? Какие работы относились к привилеги-

ям? Какие условия труда существовали? Опишите режим работы и отдыха, график работы, рабочую одежду, орудия труда и инвентарь.

17. Как было организовано питание? Чем и как кормили? Опишите состав пищи, ее получение и употребление. Были ли случаи голода, отравления, голодной смерти?

18. Были ли случаи травматизма? Были ли случаи гибели на производстве? Заболевания или смерти от условий содержания, работы, проживания? Какие заболевания являлись самыми распространенными? Были ли случаи эпидемий (брюшной тиф, холера, что еще)? Какие инфекционные заболевания были связаны с условиями жизни заключенных? Как боролись с педикулезом? Чесоткой? На какую медицинскую помощь могли рассчитывать заключенные?

19. Как складывались отношения между заключенными? Какое положение занимали Вы? Были случаи издевательства среди заключенных? Почему?

20. Что представляла собой «власть»? Кто представлял государственную администрацию? Как формировали «власть» из заключенных? Как складывались Ваши отношения с лагерной администрацией и с представителями лагерного самоуправления?

21. Как осуществлялась связь с внешним миром (семьей, родственниками, жителями окрестных мест)? Какие пути передачи информации использовали заключенные?

22. Как влияли репрессии на положение семьи репрессированных — на работе, в школе, в повседневных и родственных отношениях?

23. Какие существовали порядки в лагере (тюрьме, ссылке) в организации труда, дисциплины, жизни?

24. Какие наказания применялись за нарушения внутреннего режима?

25. Кто из заключенных, охранников запомнился больше всего и почему?

26. Какие наиболее трагичные и светлые случаи помните из лагерной жизни?

27. Пытались ли Вы добиться освобождения?

28. Были ли случаи успешного побега? Что ожидало за побег?

В завершение нашей беседы хочу задать вопросы, относящиеся к периоду долгожданного освобождения.

29. Когда и при каких обстоятельствах Вы были освобождены?

30. Где и как Вы обустроились после освобождения?

31. Как повлияло отбывание наказания на Вашу дальнейшую судьбу?

32. Как относились к Вашему прошлому знакомые, родственники, сослуживцы?

33. Изменилось ли что-то в Вашей жизни в период хрущевской «оттепели»?

34. Какие события в стране изменили Ваше положение?

И в заключение, пожалуйста, сообщите некоторые сведения о себе (вопросы паспортички).

Благодарим Вас за Ваши воспоминания.

3. Раскулачивание и высылка¹

1. Где проживала Ваша семья?

2. Что представляла собой деревня до коллективизации: количество дворов, хозяйственная специализация, мирское управление, церковный приход?

3. Какая была семья у Вас (состав семьи, занятия членов семьи, образование)?

4. Чем занималась Ваша семья (земледелие, скотоводство, промыслы, торговля, кустарное производство)?

5. Сколько было земли в хозяйстве (где и сколько посевных площадей), какие культуры возделывали?

6. Сколько имели скота (лошадей, коров, овец и др.)?

7. Какие технические средства применялись в хозяйстве?

8. Как распоряжались продуктами хозяйства?

9. Как распределялись трудовые обязанности в семье?

10. Применялся ли в хозяйстве наемный труд?

11. Расскажите о крестьянском доколхозном быте: опишите дом, его убранство, усадьбу, состав хозяйственных построек, мирские порядки, традиции наделения земель, использование батрачества, найма.

12. Когда и как Ваша семья была подвергнута раскулачиванию?

13. Кем и как была обоснована целесообразность и необходимость раскулачивания Вашей семьи (местными органами власти, НКВД, бедняцкими хозяйствами)?

¹ Этот вопросник может быть использован как для интервьюирования самих раскулаченных, так и членов семьи раскулаченных — детей, внуков, а также родственников.

14. Кто еще в селе был раскулачен? За что (их состав семьи, материальное положение, наличие техники, использование наемного труда, хозяйство)?

15. Как проходило раскулачивание (действия местных органов власти, НКВД, суда)? Кто участвовал в раскулачивании? Кого из «активистов» запомнили в селе? Когда они пришли? Как себя вели? Кто из членов семьи был раскулачен? Что с ними сделали? Где их разместили? Что разрешили взять с собой? Как Вы с ними общались?

16. Как поступали с имуществом раскулаченных? Куда девали конфискованное имущество: дом, скот, орудия труда, домашний скарб? Были ли случаи побегов раскулаченных? Были ли случаи сопротивления раскулачиваемых? Были ли случаи заступничества за раскулачиваемых?

17. Кого в селе еще раскулачивали? За какой промежуток времени? Были ли случаи массового раскулачивания? Сколько семей раскулачивали за один раз?

18. Как люди пытались избежать раскулачивания? К каким хитростям прибегали?

19. Что означало «кулачить по-твердому»?

20. Какие меры наказания и кем были определены Вашим членам семьи, другим раскулаченным (отселение сыновей, самораскулачивание, что еще)?

21. Какой материальный и моральный ущерб понесла Ваша семья?

22. Изменилось ли отношение к Вашей семье в селе?

23. Что говорили в селе про раскулачивание на собраниях? В семье? В общении сельчан? Были ли случаи осуждения политики раскулачивания? Что осуждали? Были ли случаи расправы за публичное осуждение раскулачивания? Были случаи сочувствия или заступничества за односельчан? Чем они закончились?

24. Где разместили раскулаченных (накопительные пункты, перевалочные пункты)? Как передавали информацию для оставшихся родственников?

25. Куда Ваша семья была сослана? Знали ли о конечном пункте высылки, что говорили Вам или что было известно о тех местах? Сослали одну семью или с другими односельчанами? Что Вы знаете о судьбе раскулаченных односельчан?

26. Как и на чем добиралась семья до места ссылки? Как долго были в дороге? Как питались, как одевались? Где спали? Где ели? Где справляли нужду?

27. Все ли доехали до места? Были ли случаи заболевания, смерти? Как вели себя люди во время доставки?

28. Как обустроилась семья на новом месте: где жили, работали, чем и как питались? Как было организовано обучение детей?

29. Охранялось ли место поселения? Как контролировали власти жизнь раскулаченных на новом месте?

30. Чем отличались права раскулаченных от других жителей окрестных мест?

31. Что окружало поселение раскулаченных: опишите природные условия, наличие других поселений?

32. Где могло учиться или лечиться население в поселениях раскулаченных?

33. Пытались ли члены Вашей семьи вернуться домой? Чем это закончилось и почему?

34. С какими событиями связано Ваше возвращение из ссылки? Сколько времени заняло освобождение? Были трудности с трудоустройством и обеспечением жильем? Какие и почему?

35. Отразилось ли раскулачивание на дальнейшей Вашей жизни, работе, учебе?

36. Как изменилось село в результате коллективизации: количество дворов, усадеб, улиц, планировка и застройка?

4. Коллективизация и колхозная жизнь¹

Первые 9 вопросов используются из предыдущего вопросника (о репрессиях).

10. Каким было Ваше доколхозное хозяйство: бедняцким, середняцким, кулацким? Кого называли бедняками, кулаками? Приведите примеры бедняцких или кулацких хозяйств Вашей деревни. Как Вы считаете, почему некоторые семьи были бедными? Почему и как люди станови-

¹ Вопросник может использоваться как с непосредственными участниками или свидетелями событий — взрослыми, так и очевидцами — детьми и внуками колхозников, или потомками, которые знают события по рассказам старшего поколения. Кроме того, этот же вопросник может использоваться при изучении истории повседневной жизни в колхозах, образа жизни колхозников, сознания советских колхозников.

лись зажиточными (кулаками)? Что могло влиять на это: материальный достаток, состав семьи (количество мужчин и женщин, девочек или мальчиков), численность семьи, совместное проживание дедов, родителей, детей? Как влияли на имущественное положение занятия членов семьи?

11. Как проводились хлебозаготовки и изъятия хлебных излишков? Были ли случаи недовольства крестьян хлебозаготовками? Какие?

12. Какие налоги и в каком размере были установлены для единоличников: сельскохозяйственный, поземельный, индивидуальный?

13. Какие кооперативные хозяйства существовали в вашем селе до коллективизации: артели, коммуны, ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли)? Сколько человек и кто именно в них состоял?

14. Какие коллективные хозяйства были созданы во время сплошной коллективизации в Вашем селе и окрестных деревнях?

15. Почему Вы или Ваша семья вступили в колхоз (артель)? Как это происходило? От кого узнали о создании колхоза (артели)? Как и кем принималось решение о создании колхоза (артели)? Когда, кем и как проводилась агитация? Что помните о бедняцких собраниях?

16. Как сельчане вступали в колхоз: добровольно, принудительно, по убеждениям, из страха? Были ли случаи бегства из колхозов?

17. Были ли случаи сопротивления коллективизации? Какие формы сопротивления (поджог имущества, убийство или избивание агитаторов, какое еще?). Какую позицию заняли Ваши родители?

18. Как назывался Ваш колхоз и почему? Где он был образован: на базе одного села или несколько колхозов в одном селе? Как формировалось колхозное самоуправление? Кого и почему избирали председателем колхоза? Как формировалось колхозное имущество? Что сдавали при поступлении в колхоз? Что сдала Ваша семья?

19. Как изменилось село в результате коллективизации: численность населения и дворов, хозяйственная специализация, крестьянский быт, положение мужчин и женщин, положение детей?

20. Как формировалась и что представляла собой производственная база коллективного хозяйства: наличие скота, земли, орудий производства?

21. Когда появился первый трактор? Что рассказывали очевидцы о встрече первого трактора?

22. Когда, кем, из каких средств и каким способом создавалась производственная база коллективных хозяйств: скотные дворы, мехток, конюшня, что еще? Как они выглядели?

23. Как коллективизация сказалась на семье: составе, численности, обязанностях? Что изменилось во взаимоотношениях взрослых и детей, мужчин и женщин? Как изменилась роль бабушек и матерей? Где проживали молодые после свадьбы? Как в колхозный период решались жилищные проблемы? Почему стали переходить от больших семей к малодетным? Как изменялись представления о семье?

24. Как решались проблемы образования детей и взрослых?

25. Как было организовано здравоохранение? Прибегали ли к помощи бабок-повитух? Местных знахарей? Где женщины делали аборт?

26. Как повлияла коллективизация на личное подсобное хозяйство? Что представляло собой личное подсобное хозяйство? Какой скот и почему держали на подворье колхозники? Как изменился состав хозяйственных и подворных построек на усадьбе и почему (наличие амбаров, загоны, гумна, овина, стайки, дровяники, бани, что еще?)

27. Что такое налоги на хозяйство? За что колхозники должны были платить? Какой размер налогов существовал в колхозе? Когда и где Вы выплачивали налоги?

28. Что такое государственные займы? Являлись ли они обязательными? Были случаи отказа от государственных займов?

29. Как и почему отразилась коллективизация на питании семьи? Как изменились количество и качество, регулярность и порядок питания? Сравните состав продуктов питания до и после коллективизации: зерновые, мясные продукты, овощи, что еще?

30. Как жили и работали в колхозе? Как был организован труд колхозников летом, осенью, зимой, весной? Сколько бригад, полевых станков было? Как проходила жизнь на полевых станках? Как долго там проживали колхозники? Как питались, где ночевали? Как работали? Как отдыхали?

31. Кто оставался дома во время полевых работ? Кто занимался воспитанием и обслуживанием детей?

32. Как расплачивались за работу в колхозе? Какие формы оплаты труда существовали в Вашем колхозе? Как исчисляли трудодни? Какие нормы оплаты трудодней существовали? Чем оплата труда ваших колхозников отличалась от оплаты в соседних колхозах? Чем отличалась оплата в совхозах? В МТС? Отличалась ли в Вашем села оплата труда колхозников от оплаты труда других категорий работников, занятых в сфере образования, здравоохранения, леспромхозе, торговле? Чем? Различались ли опла-

та и материальное положение рядовых колхозников и администрации колхоза?

33. Как работали магазины, «кооперация»?

34. Были ли случаи воровства продуктов, зерна из колхозных амбаров, у соседей?

35. Что было радостного и трудного в первый год создания колхозов?

36. Чем занимались в свободное время (читали газеты, слушали радио, ходили в клуб и т. п.)?

37. Что знали о В. И. Ленине, И. В. Сталине?

38. Как в Вашей семье относились к кулакам?

39. Как проходило раскулачивание в вашем селе?

40. Как оценивали политику раскулачивания и действия местных властей, органов НКВД?

41. Был ли голод в вашем селе (в 1930, 1940-е гг.)? Когда? Кто пострадал от голода в вашей семье? В вашем селе? Как лечили от голода?

42. Были ли случаи отравления в селе в годы голода? Сколько человек отравилось? Из каких семей? Чем отравились? Как лечили? Были ли смертельные исходы?

43. Были ли случаи эпидемий инфекционных заболеваний? Каких? Что такое брюшной тиф или холера? Были ли случаи этих заболеваний в Вашем селе? Как боролись?

44. Что Вы думаете о создании колхозов, о современных колхозах, о крестьянском труде и судьбе крестьянина? Была ли политика коллективизации оправданной и нужной?

45. Правильным ли было разрушение колхозного производства в 1990-е гг.?

46. Есть ли перспектива у колхозно-кооперативной собственности на современном этапе?

47. Чем отличается современная жизнь сельчанина в Вашем селе от жизни в колхозе — по занятиям, по источникам дохода, по возможностям развития своего хозяйства?

48. Что было хорошего в колхозной жизни? Что было плохо? Каким Вы видите будущее села?

5. Социальные отношения в советской деревне в 1930–1960-е гг. в период колхозно-совхозного строительства¹

1. Социальное происхождение Ваших родителей (рабочие, крестьяне, интеллигенция, что еще?). Их образование, профессия, должность, работа.

2. Ваши социальное происхождение, образование, профессия, должность, работа.

3. Какие хозяйства были в Вашем селе (колхоз, артель, совхоз, МТС, заготовительные пункты, лесхоз, леспромхоз, что еще)?

4. К какой собственности принадлежали хозяйства или предприятия (государственной, кооперативной, колхозной, другой)?

5. Чем отличались выплаты, размеры и виды зарплат в вашей семье и семьях односельчан, работающих в государственных или колхозно-кооперативных учреждениях (в колхозах, совхозах, МТС, лесхозах и др.).

6. Кто возглавлял эти хозяйства или предприятия?

7. Как выбирали или назначали руководителей (председателей колхоза, директора совхоза, лесхоза, МТС, заготовительной артели)?

8. Учитывалось ли мнение и оценка рядовых работников хозяйства или предприятия при выборе или назначении руководителей?

9. Какие руководители Вам запомнились и почему? Какой руководитель, по Вашему мнению, был хорошим и почему? Кто был плохим и почему? Приведите примеры. Совпадали ли Ваши оценки с мнением вышестоящих структур? Почему? Кто считался хорошим руководителем?

¹ С этим вопросником можно работать с горожанами. Как известно, большинство горожан старших поколений родились и проживали в деревне. Существует даже поговорка «Все мы родом из деревни». В советской России процесс урбанизации, через который зарубежные страны прошли гораздо раньше, кроме объективных причин, был обусловлен и политическими факторами. Массовые миграции из села в город начались в 1950–1980-е гг. вследствие таких аграрных реформ, как укрупнение колхозов и ликвидация неперспективных сел. За последующий советский период число сельских населенных пунктов Алтайского края сократилось в 3,6 раза: с 5800 в 1926 г. до 1624 в 1989 г. и 1611 – в 1991 г. К 1989 г. произошла перегруппировка населения между городом и деревней. В 1926 г. в селах проживало 92,2% населения, в городах – 7,8%, а в 1989 г. соответственно 57,9 и 42,1%. Переломным периодом в демографической переориентации являлись 1950–1970-е гг., связанные с очередным переустройством российской деревни. Если в 1939 г. сельское население составляло 82,6%, городское – 17,4%, то в 1959 г. (после первого этапа укрупнения колхозов) сельское население сократилось до 66,6%, в 1970 г. (после кампании ликвидации неперспективных сел) – до 52,8%. А в 1975 г. городское население края впервые превысило сельское и составило 50,5%, сельского – 49,5%.

10. Чем различалось материальное или имущественное положение рядовых работников и руководителей? Приведите примеры.

11. Кто из Вашего коллектива запомнился Вам как хороший работник? Плохой работник? Почему? Кто считался хорошим работником? Плохим?

12. Совпадало ли Ваше мнение о лучших работниках с мнением руководства? Учитывали ли мнение коллектива при награждении лучших работников или присвоении почетных званий, назначении премий?

13. Кого называли передовиком производства? Отстающим? Как награждали передовиков? Как наказывали отстающих? Как влияла система награждений на производительность труда?

14. Различалось ли материальное или имущественное положение односельчан, работающих в разных хозяйствах или на предприятиях разной формы собственности? Если да, то в чем это проявлялось (например, колхозников и рабочих совхозов) и почему?

15. Как складывались отношения между односельчанами, работающими на предприятиях с разной формой собственности, вне рабочего времени: в быту, в магазине, в клубе, на празднике, в повседневном общении? Были конфликтные ситуации? Неприязнь (например, между колхозником и работником леспромхоза)? Соперничество?

16. Сказывалась ли работа в разных хозяйствах или предприятиях с разной формой собственности на дружбу, выбор друзей и знакомых, на межличностные отношения, выбор жениха или невесты?

17. Как вы понимаете народную песню «На горе совхоз, под горой колхоз» и слова из этой песни «Ты колхозница, тебя любить нельзя»?

18. Была ли заметна разница в социальном происхождении между детьми в школе, в уличных забавах? Какие случаи вражды из-за социального происхождения Вы знаете? Расскажите.

19. Влияло ли социальное происхождение на карьерные возможности человека в советское время? На получение образования? На доступ к материальным благам или получение социальной и профсоюзной помощи, например приобретение путевки в санаторий, постановку в очередь на дефицитные товары, такие как автомобиль?

20. Какая существовала система распределения дефицитных товаров (машины, телевизоры, холодильники, ковры, что еще?) Какие были льготы или преимущества у выходцев из разных социальных групп — крестьян, рабочих, интеллигенции, например, в получении жилья, в чем еще? Расскажите известные Вам случаи.

21. Влияло ли социальное происхождение на уважение или неуважение к человеку в обществе? Проявлялось ли это во взаимоотношениях между людьми (дети учителя, директора школы или дети доярки, поярки)? Если да, то в чем это проявлялось? Как это сказывалось по отношению к Вам? Как гуляли, общались, дружили представители разных социальных групп?

22. Влияло ли социальное происхождение человека на выдвижение его кандидатуры или на его участие в выборах депутатов в сельские органы власти, в представительные органы власти других уровней, районные, краевые, республиканские советы или в выборах делегатов на партийные или профсоюзные съезды?

23. Какие помните квоты выборов по социальному происхождению (как еще)? Как вы оцениваете систему распределения квот делегатов или депутатов по социальному происхождению (рабочие, крестьяне, интеллигенция)?

24. Учитывалось ли социальное происхождение на производстве при определении передовиков производства, ударников труда, награждении грамотами, государственными медалями и орденами?

25. Учитывалось ли социальное происхождение в школьных коллективах при приеме в октябрята? В пионеры? В комсомол?

26. Как формировалась партийная организация вашего предприятия, учреждения, коллектива? Были ли случаи дискриминации при приеме в КПСС? Какие знаете примеры из своей жизни?

27. Являлись ли Вы членом КПСС? Если да, то почему вступили? Что сыграло роль – Ваше желание, предложение или давление окружающих? Связывали ли Вы, Ваши знакомые членство в партии с улучшением возможностей для карьерного роста, льгот? Как относились в селе к партии и партийным? Были ли случаи враждебных отношений между партийными и беспартийными? Были ли насмешки, прозвища? Сказывалось ли на повседневной жизни наличие или отсутствие партийного билета?

28. Какие льготы существовали для односельчан, работавших в разных хозяйствах или предприятиях с разной формой собственности (например, в колхозах и совхозах)? Где существовало больше льгот и почему? Легко ли было перейти с предприятия с одной формой собственности на предприятие с другой, например из колхоза в леспромхоз, контору Заготсбыта, МТС или совхоз и наоборот?

29. Кого в селе считали интеллигенцией? По каким признакам или факторам (происхождение, образование, работа, должность)? Была ли разница во взаимоотношениях между интеллигенцией и крестьянством? Отражалась ли принадлежность к интеллигенции и крестьянству во взаимоотношениях в повседневной жизни, на работе, в соседских отношениях? Случались ли драки? Существовали ли прозвища, дразнилки?

30. Были в Вашем селе семьи «врагов народа»? Приведите примеры. Кого так называли? Говорили об этом вслух? Как к ним относились? Как они себя вели? Была ли разница в отношениях к ним в сталинское, хрущевское, брежневское время?

31. Были ли раскулаченные, репрессированные или депортированные в Вашем селе? Приведите примеры. Что о раскулачивании и депортации говорили в сельской администрации? В селе? Были в Вашей семье раскулаченные или депортированные? От кого Вы об этом узнали? Что Вам об этом рассказывали? Как объясняли? Какие знаете случаи дискриминации? Встречались ли с примерами дискриминации, насмешек, издевательств в школе, на работе, в повседневной жизни? Сказывались ли репрессии против членов семьи на поведении детей во время игр, учебы, в прозвищах, дразнилках, обзывании? Во взаимоотношениях взрослых в производственной, общественной, досуговой, культурно-массовой жизни?¹

6. Целина: производственная и повседневная жизнь советской деревни в 1950-е гг.²

1. Откуда Вы родом? Расскажите о себе (образование, обучение, проживание и т. д.).

2. Когда вы впервые услышали о целине? Кто и что Вам рассказали? Что и где прочитали?

¹ Данный авторский вопросник апробировался в разных социальных группах. Полученные материалы интерпретировались в ряде публикаций. Например: *Щеглова Т. К.* Социальные отношения в советской деревне (1930–1950-е гг.): вызов устной истории // Устная история (oral history): теория и практика: материалы всерос. науч. семинара (Барнаул, 25–26 сент. 2006 г.). Барнаул, 2007. С. 16–22; *Она же.* Межэтнические взаимоотношения на Алтае в период депортаций и спецпереселений 1940–1950-х гг.: факторы этноконсолидации, колонизации и этнодифференциации (по устноисторическим источникам) // Проблемы этнического сепаратизма и регионализма в Центральной Азии и Сибири: история и современность: материалы науч. конф. (Барнаул, 13–14 сент. 2004 г.). Барнаул: изд-во АНУ, 2004. С. 108–118.

² Вопросы построены для общения с теми целинниками, которые приехали для поднятия целины на Алтай из других регионов, городов или других сел Алтайского края.

3. Что послужило причиной Вашего решения ехать на целину? Почему? Кто и что повлияло на Ваше решение?

4. Как отнеслись к вашему решению в семье, друзья, коллеги? Были ли Вы одиноки в своем решении или нашли единомышленников среди друзей? Собирались на целину одни или с друзьями и знакомыми?

5. Куда или к кому Вы обратились со своим решением? Кто занимался комплектованием групп и организацией отъезда? Как долго длилась процедура оформления? Как и с кем из добровольцев Вы познакомились? Что запомнилось в сборах к отъезду? Было у Вас право выбора территории освоения целины? Почему Вы оказались на Алтае?

6. Как и сколько времени Вы собирались в поездку? Как Вас провожали?

7. Откуда и на чем Вы выехали на целину? Как долго Вы находились в дороге? Какие были условия поездки (вагон, питание, общение)? Какие дорожные случаи запомнились? С кем познакомились?

8. Встречали ли вас на конечном пункте? На месте распределения? Кто? Как встречали? Проводили собрания, вечера встреч или знакомств?

9. Где и как вас разместили? Ваша группа была распределена в уже существующее село или с вашим приездом создавалось новое село? Устраивали ли Вас социально-бытовые условия проживания, производственные условия, оплата труда?

10. Если вас разместили в существующем населенном пункте, то как Вам запомнилась встреча с селом? Как оно выглядело? Что понравилось? Что не понравилось? Были ли разочарования в Ваших ожиданиях от первой встречи?

11. Какое хозяйство располагалось в селе (колхоз, артель, совхоз, что еще)?

12. Как отнеслись местные жители к появлению целинников в деревне? Были ли случаи неприязни? Какие помните истории из знакомства с местными жителями?

13. Как возникали новые поселки целинников? Какие Вы знаете села, созданные целинниками? Если Вы участвовали в создании села на новом месте, то расскажите подробно о том, как выглядело выбранное под село место. Кто определил это место? Что повлияло на это: наличие целинных земель, водных источников, леса? Что принималось во внимание?

14. С чего началось строительство села? Где был поставлен первый дом и для чего? Как планировалась застройка села? Кем регулирова-

лась? Разрешалось ли самовольно выбирать место под дом? Как формировались улицы (рядами, улицами, кварталами?) Сколько земли выделялось под усадьбу? Регламентировались ли строительство хозяйственного двора или скотного двора (количество скота, количество построек), размеры огорода? Их размещение (например, на заднем дворе за домом, как еще)?

15. Как строили жилье? Из какого материала? Где его брали? Какие типы домов строили? Регламентировались ли (если да, то кем и как) строительный материал и планировка домов? Кто строил? Как обустроивался дом? Где брали кухонную утварь, мебель, ткань? Были ли у целинников льготы на приобретение вещей и строительство? Какие?

16. Где и как был сформирован административный и культурный центр села? Была ли обустроена центральная площадь? Что на ней располагалось и как (сельсовет, правление, торговые точки, школа, что еще)?

17. Различались ли условия проживания и организация труда целинников и местных жителей?

18. Отличалась ли Ваша оплата труда от оплаты труда местных жителей (по форме выплат, по размеру)?

19. Кто в период освоения целины жил в селе зажиточно? Была ли материальная разница между разными группами населения, в том числе между целинниками и колхозниками? Можно ли назвать одной из причин поездки на целину «погоню за длинным рублем»? Давала целина какие-либо материальные преимущества и заработки? Какие? Что играло бóльшую роль для Вас и знакомых целинников – материальные или моральные факторы, например романтика?

20. Расскажите об организации труда целинников. Где работали? Кто и какой трудовой график устанавливал? Отличался ли он от графика местных колхозников?

21. Как, где и чем питались? Как было организовано питание в поле?

22. Как были целинники обеспечены техникой? Кто ее поставлял и обслуживал? Различалось ли техническое обеспечение труда целинников и колхозников?

23. Как работали целинники? Какие существовали нормы труда? Как поощряли за труд? Существовали ли льготы, например, в приобретении техники, и какие? Были ли нарушения трудовой дисциплины? В чем они проявлялись? Какие существовали наказания за нарушения трудовой дисциплины, за невыполнение трудовой нормы?

24. Было ли организовано соцсоревнование? В какой форме? В каких соревнованиях Вы участвовали? Как поощряли победителей? Как относились к отстающим?

25. Не разочаровались Вы в своем решении о поездке на целину? На Алтай? Совпали ли Ваши цели, ожидания и результаты? Были ли разочарованные? В чем? Вспомните случаи отъезда. Как к этому относились?

26. Когда у Вас созрело решение остаться? Почему? С чем это связано?

27. Как оценивалась Вами, обществом, СМИ работа целинников тогда? Были ли разногласия в оценках (положительно, отрицательно)? Обсуждалось ли это между сельчанами, на собраниях?

28. Как сейчас относитесь к неоднозначным оценкам целины? В чем видите пользу? В чем видите вред разработки целинных земель?

29. Что целина дала лично Вам? Краю? Стране?

30. Как Вы оцениваете аграрную политику советского государства в те годы?

31. Какие программы развития сельского хозяйства (при Хрущеве—Брежнев) считаете полезными?

32. Что было правильным в советской аграрной политике? Что ущербным? Что вредным?

33. Какие Вы видите успехи, недочеты, ошибки в развитии деревни Алтайского края в советское время?

34. Каких успехов, на Ваш взгляд, достигли земледелие, животноводство, рыбоводство и др. отрасли в советское время при Хрущеве—Брежнев?

35. Чья политика в области сельского хозяйства и в отношении деревни была более правильной — Н. С. Хрущева или Л. И. Брежнева? Почему?

36. Нужно ли было реформировать советскую деревню и сельское хозяйство?

37. Как Вы встретили перестройку 1985 г.? Как Вы относитесь к аграрным реформам 1990-х гг.? Нужны ли они были? Правильно ли проводились перестройка колхозно-совхозной системы М. С. Горбачевым и реформы Б. Н. Ельцина? Дайте Вашу оценку и приведите примеры из истории села или из своей жизни.

7. Укрупнение колхозов в 1950-е гг. и ликвидация неперспективных сел в 1960–1980-е гг.¹

Сначала хотелось бы задать Вам ряд вопросов, касающихся истории села до укрупнения (ликвидации).

1. Каким был административный статус села (сельсовет, центральная усадьба колхоза, совхоза, ферма, отделение, бригада и т. д.)?

2. Сколько было дворов? Как выглядела типичная усадьба сельчан? Что на ней имелось? Как располагались дворы (улицами, кварталами, разбросанно)? Где располагалась центральная площадь? Что на ней находилось? Где располагались мемориальные зоны: памятники (погибшим в годы Гражданской войны, Великой Отечественной войны, какие еще?), памятные места, что еще?

3. Сколько человек проживало в селе? Какие преобладали жилые дома: тип домов, строительный материал?

4. Каковы были основные занятия жителей села? Опишите подсобное хозяйство и домашнее подворье сельчан.

5. Какое хозяйство существовало в селе: колхоз, промартель, совхоз, отделение колхоза, ферма совхоза, что еще? Каковы были основные отрасли производства? Опишите их.

6. Производительная база села: пахотные земли, сенокосные и пастбищные угодья, скот, техника, что еще? Опишите подробно: какая земля, где, сколько? Какой скот, поголовье, породы? Сельскохозяйственная техника: какая, сколько? Где ее содержали? Где ремонтировали?

7. Производственный сектор села: мехток, скотный двор, конюшня, автоколонна, кирпичный завод, гараж, пилорама, пасека, что еще? Опишите, что они собой представляли, когда, кем, из чего построены, где располагались, как содержались.

¹ Этой проблемой автор занимался с 1990 г. Вопросник сформировался в 1991–1992 гг., апробирован в ежегодных историко-этнографических экспедициях с 1991 г. вплоть до 2010 г. Проблемы истории алтайской деревни комплексно ставились в целом ряде публикаций, например: Щеглова Т. К. Устная история как источник и метод исследования сибирской деревни XX столетия // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. ст. Омск, 2004. Ч. 1. С. 23–28; Она же. «Устная история» как источник исследования сибирской деревни XX в. // Сибирская деревня: проблемы истории: сб. тр. Новосибирск, 2004. С. 142–153. Апробирован в ряде конкретно-исторических исследований, например: Щеглова Т. К. Алтайская деревня в 1950–1970-е гг.: устная история безгласного большинства // История Алтайского края XVIII–XX вв.: науч. и док. материалы. Барнаул, 2005. С. 387–417.

8. Какие производственные достижения односельчан помните (в полеводстве, овощеводстве, скотоводстве, пчеловодстве и т. д.)? Назовите известных односельчан (передовики производства, герои труда)? Чем они были известны?

9. Какие государственные, образовательные, культурные, медицинские учреждения существовали в селе?

10. Какие односельчане прославились в литературе, культуре, других сферах?

11. Как традиционно проводили свой досуг односельчане? Какие отмечали праздники? Как? Какие праздничные традиции существовали в дни 7 Ноября, 23 февраля, 1 Мая, 9 Мая? Были ли праздники, связанные с сезонными завершениями сельскохозяйственных работ (например, Первая борозда, Праздник первого снопа, День урожая и т. д.)? Существовали ли традиции выезда на природу? С кем? Когда? Как? Опишите любимые места отдыха.

12. Какие положительные и отрицательные (природные, производительные, культурные) условия влияли на развитие села?

Затем давайте коснемся вопросов, связанных с укрупнением колхозов или ликвидацией неперспективных сел.

13. Когда и где Вы узнали о предстоящем укрупнении (ликвидации) Вашего села?

14. Кто определял судьбу Вашего села (местные органы власти, партийные организации, конкретные партийные и хозяйственные деятели)?

15. Согласны ли были Вы с оценкой бесперспективности вашего села? Почему, по Вашему мнению, село попало в разряд неперспективных? Какое мнение было у членов Вашей семьи? Какие мнения существовали в селе? Считались ли с ними при принятии решения? Какие аргументы были у сторонников укрупнения (ликвидации)? Какие аргументы были у противников укрупнения или противников ликвидации неперспективных сел?

16. С каких конкретных мероприятий началось укрупнение (ликвидация) Вашего села?

17. Какими методами проводилось укрупнение села (принудительно, добровольно, как еще)? Дайте свою оценку и обоснуйте ее. Кто участвовал в агитации и принуждении к отъезду?

18. Как отнеслись Вы и односельчане к укрупнению (ликвидации) вашего села? Какие существовали мнения и оценки?

19. Были ли случаи сопротивления ликвидации (укрупнению) села? Что вызвало недовольство людей?

20. Когда и почему началась миграция из Вашего села?

21. Куда шел основной поток миграции (села, района, края, города, другие области)?

22. По каким причинам и куда уехала Ваша семья?

23. Какую помощь в переселении оказывал колхоз (совхоз) (или нет)?

24. Как решался вопрос с Вашим жильем на новом месте (перевезли дом, получили квартиру и т. д.)? Что стало с домом в ликвидированном селе?

25. Как повлиял переезд на жизнь и занятия членов семьи, состояние приусадебного хозяйства? Как относились местные жители села к приезжим из ликвидированных сел? Много ли односельчан из Вашего села переехало с Вами? Были ли случаи неприязни, ущемления прав в предоставлении жилья, работы, оплаты труда? Как приняли Ваших детей в школе? Были ли случаи издевательств, насмешек со стороны местных жителей?

26. Сравните производственные возможности и окрестности сел объявленных неперспективными с перспективными.

27. Когда и кто последним уехал из села?

28. Какие материальные остатки существуют на месте села в настоящее время?

29. Бывали ли Вы на месте вашей бывшей деревни? Если бываете, то с какой целью?

30. Хотелось ли Вам вернуться на старые места?

31. Как Вы оцениваете результаты и последствия укрупнения (ликвидации) Вашего села? Как это сказалось на развитии сельского хозяйства Алтайского края?

32. Можно ли было бы, по Вашему мнению, возродить село? Каким способом?

8. Перестройка и советское сельское общество

1. Где Вы проживали перед перестройкой?

2. Какой профессией владели? Где работали?

3. Состояли ли в Коммунистической партии? Были ли членом ВЛКСМ?

4. Как Вы встретили перестройку (положительно, негативно) и почему? Были Вы морально готовы принять перестройку? Что Вас устраивало в советском образе жизни? Что не устраивало в социализме?

5. Чем Вам раньше не нравилось советское время и социалистическое общество? Изменили ли Вы свое мнение?

6. Что нравилось в прошлой советской жизни раньше? Как сейчас ее оцениваете?

7. Говорили ли Вы открыто до перестройки о том, что не нравится в советской власти? Где вы это делали: в семье, среди друзей, на работе? Как обсуждали?

8. Правильно ли говорят, что в то время (1980-е гг.) боялись говорить вслух о том, что не нравится? В какой период советского государства больше боялись осуждать советскую власть и Коммунистическую партию и почему (при Сталине, Хрущеве, Брежнев, Горбачеве)?

9. Какие знаете из личной жизни или по слухам примеры наказаний за критику советской власти и ее политики? С кем это произошло? В какое время? Какое наказание было применено? Как наказывали в советское время (государственные меры, общественное порицание)? Как это сказывалось на дальнейшей судьбе человека?

10. Как Вы относитесь к последним государственно-партийным руководителям СССР (Ю. В. Андропов, К. У. Черненко)?

11. Как отнеслись к появлению во власти М. С. Горбачева? С какими событиями помните его первое появление в политике? Менялось ли у Вас отношение к нему в период его президентства?

12. Что привлекало и что не привлекало в заявленной М. С. Горбачевым политике перестройки? Как вы отнеслись к началу перестройки? Как отнеслись в семье, на работе?

13. Что изменилось с началом перестройки у вас на работе? В обществе? В семье? В личной жизни?

14. Как Вы оценивали тогда происходившие изменения? Что было хорошего и что плохого лично для Вас? Для членов семьи и окружающих Вас людей? Изменилось Ваше отношение к переменам в конце перестройки? В положительную или отрицательную сторону и почему?

15. Вспомните, что произошло за весь период перестройки в Вашей семье, в Вашей организации (в колхозе, совхозе, на заводе, предприятии, в учреждении). В чем заключались перемены? Какие последствия они вызвали в семейной жизни? В повседневной жизни? В быту? На производст-

ве? Во взаимоотношениях в коллективе, между коллективом и администрацией?

16. Остались ли Вы членом КПСС или ВЛКСМ? Изменилось ли Ваше отношение к партии или комсомолу? Как? И почему?

17. Была ли реорганизация на Вашем производстве, в организации или предприятии в перестройку? В чем она проявлялась? С какого времени началась реорганизация? Кто явился ее инициатором? Кто решал вопросы о реорганизации? Произошла ли смена собственности? Согласовывались ли решения инициаторов с коллективом?

18. Какую позицию занимали Вы? Активно ли участвовали в перестройке? Кого поддерживали? Что изменилось в общественной жизни?

19. Совпадали ли Ваши ожидания о перестройке и происходящие вокруг Вас изменения? Что устраивало Вас? Что не устраивало?

20. Кого из деятелей перестройки Вы больше всего запомнили?

21. Как относились к новым лицам на политической арене (Казанник, Сахаров, Собчак, Афанасьев, Новодворская, кто еще)?

22. Как оцениваете деятельность государственных деятелей-участников (и сторонников, и противников) перестройки: Рыжкова, Лигачева, Ельцина, Гайдара, Хасбулатова, Руцкого, кого еще? Кого запомнили и почему?

23. Откуда Вы получали информацию, как относились к трансляции съездов? Чем Вам запомнились трансляции? Какие телевизионные передачи смотрели («Взгляд», «600 секунд», «До и после полуночи», какие еще)? Кого из журналистов запомнили (Листьев, Любимов, Невзоров, Киселев, Миткова, кто еще) и почему? Какую роль, по Вашему мнению, сыграли средства массовой информации и почему? Как вы оцениваете их деятельность?

24. Как Вы отнеслись к возникшему противостоянию Горбачева и Ельцина? Изменилось ли отношение к Горбачеву? Чью сторону заняли во время противостояния Горбачева и Ельцина Вы, Ваши родные, ваши друзья и почему?

25. Как вы отнеслись к сообщениям об устранении Горбачева от власти? Разделяли ли Ваше отношение окружающие? Какие мнения встречались на работе? Почему, на Ваш взгляд, общество не встало на защиту М. С. Горбачева?

26. Как в Вашей семье и коллективе относились к дебатам между сторонниками и противниками перестройки?

27. Как перестройка повлияла на общественную жизнь коллектива: на партийно-комсомольские собрания, профсоюзную жизнь, собрания трудового коллектива? Какие вопросы вызывали интерес и бурно обсуждались? Что изменилась в содержании и характере выступлений до, в период и после перестройки?

28. Как Вы сейчас оцениваете перестройку? Поддержали бы ее сейчас? Что изменили бы в ней?

29. Как отнеслись к выступлению ГКЧП?

9. Строительство и обустройство крестьянского жилища: рациональные, сакральные и фольклорно-обрядовые представления¹

П а с п о р т и ч к а: Ф. И. О. рассказчика, год, место рождения, место проживания (с какого времени), этнографическая принадлежность.

Источник информации (сам видел, бабушка рассказывала, мужики советовали, как еще? В случае опосредованной информации взять сведения об информаторе).

¹ Этот вопросник был разработан и апробирован автором в 1993–1999 гг. Полученные материалы интерпретируются в ряде работ, например: Щеглова Т. К. Традиции, приметы и верования в крестьянском зодчестве и жилищно-бытовой культуре // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2001. Вып. 4. С. 125–131; Она же. Состояние традиционного крестьянского жилища в предгорьях Алтая: по материалам полевых исследований 1992–1993 гг. // Этнография Алтайского края. Барнаул, 1994 г. С. 11–19; Она же. Внутреннее убранство избы алтайских крестьян в первой половине XX века: по полевым исследованиям 1993–1995 гг. // Этнография Алтая. Барнаул, 1996. С. 93–105; Она же. Жилые и хозяйственные постройки с. Усть-Калманка: из опыта этнографического исследования // Там же. С. 111–124; Она же. «Избяная литургия»: традиционная жилищно-строительная культура крестьян-старожилов предгорного Алтая // Алтайский сборник. Барнаул, 1997. С. 253–278; Она же. Народные традиции в архитектуре Тальменки (Тальменского района) // Нижнее Причумышье: очерки истории и культуры. Тальменка; Барнаул, 1997. С. 114–128; Она же. Очерки по сельской архитектурно-застроечной среде, жилищно-бытовой и сакральной культуре Среднего Причумышья // Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 118–150; Она же. Переселенческое жилище на Алтае в первой половине XX века: типология, строительные материалы и строительные традиции (по полевым материалам 1991–2006 гг. // Алтайская деревня в первой половине XX века: сб. науч. ст. Барнаул, 2007. С. 153–163; Она же. Современное состояние и бытование жилищно-строительных традиций и обрядности крестьянского двора // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы междунар. симп.: в 2 т. Т. 2. Новосибирск, 2002. С. 522–532; Она же. Традиции, приметы и верования в крестьянском зодчестве. URL: http://www.uni-altai.ru/Resources/p_arh/russian/tradition/beliefs.html; Она же. Типы крестьянской архитектуры. URL: http://www.uni-altai.ru/Resources/p_arh/russian/pamjatn/type.html и др.

Инструкция

1. Вопросы делятся на тематические группы (при слабой осведомленности респондента по той или иной группе вопросов следует более подробно расспросить его по знакомой ему теме). В таком случае необходимо найти респондента по другим вопросам (желательно не менее 3–5 интервью).

2. Рассказы по задаваемым вопросам записывать на диктофон (аудио- или цифровая запись). Тщательно и аккуратно транскрибировать с соблюдением всех правил записи текста. Параллельно аудиозаписи обязательно делать вручную краткий опорный конспект.

3. При проведении интервью главным является не использование всего объема вопросов, а умение «раскрутить» респондента по тем вопросам, на которые он может дать ценную информацию. Задача интервьюера – «вычерпать» все, что он знает.

4. Интервью должно браться не у случайного человека, а старожил, которого в деревне обычно характеризуют как знатока народной жизни.

Жилая среда.

1. Какие дома преобладали раньше в вашей деревне (избы, связи, крестовые, пятистенки, с подклетом¹) в доколхозный период? Как они назывались в вашем селе и почему (например: стопа, круглый, длинный, еще как)? Какие стали строить дома в советское время и почему? Какие преобладают сейчас дома сейчас?

Давайте поговорим о старинных домах и старых крестьянских традициях строительства.

2. Какой тип дома считался лучшим (например, пятистенный или крестовый) и почему? От чего зависел выбор типа и планировки дома? Было ли это связано с категориями населения (старожилы, переселенцы, русские, украинцы, немцы и т. д.)? Чем различались дома у разных групп населения? Почему?

3. Какой способ строительства преобладал (срубный, глинобитный, каркасный, саманный)? Чем он отличался у разных групп населения, например у переселенцев и у старожилов или у русских и у казахов?

¹ Желательно расспросить о владении знаниями о традиционных типах крестьянских домов с вертикальной и горизонтальной планировки.

Далее вопросы строятся в зависимости от строительных традиции, природно-географических условий, этнографического состава населения каждого конкретного населенного пункта. Ниже предлагается вариант старожильческого срубного строительства. При использовании последующих вопросов надо адаптировать их к местным условиям (например, вместо заготовки бревен и подготовки их к строительству можно описать процесс заготовки и подготовки камыша, мха, соломы и т. п., так же как и описать изготовление самана).

*Строительные рациональные и сакральные традиции и обряды
(старожилы, переселенцы)*

1. Какой лес использовался для срубного строительства? Назовите породы деревьев, которые произрастали в окрестностях села. Какие из них были предпочтительнее и использовались в строительстве? В случае заготовки леса в отдаленных местах назовите, в каких местах какой лес заготавливался и почему? Какие породы деревьев не рекомендовали для строительства?

2. Где и когда (время года, месяцы) заготавливали строительный срубный материал? Какие существовали признаки или приметы подбора строительного материала (например, по верхушкам деревьев, на северном склоне, на сограх, по звону, как-либо иначе?) Какое дерево считалось лучшим для жилого дома, почему? Какое дерево не годилось и почему? Охарактеризуйте качества хвойных пород — лиственницы, сосны, пихты, лиственных пород — березы, осины. Какой лес называли лиственничным, кондовым, материчным, какие еще использовались названия?

3. Какие породы дерева использовались для сруба (лиственница, сосна, другие)? Или строили сруб комбинированно: нижние венцы, средние венцы, верхние венцы? Какой материал готовили для кровли, из какого дерева? Использовались ли камыш, солома? Как, где, когда (зима, осень, весна, лето) и в каком месте их заготавливали?

2. Кто участвовал в заготовке леса? Какое время выдерживали (просушивали) материал, как и где (год, два, три, в лесу, в срубе, как еще)? По каким признакам определяли готовность материала (сухость)?

3. Как (кто) выбирали место под строительство дома? В каких местах считалось «не к добру» строить дом? Почему? Какие могли произойти события, связанные с неправильным выбором места под дом? Знаете ли примеры? Слышали ли рассказы об этом?

По каким природным приметам определяли, можно или нельзя строить дом на данном месте (по траве, насекомым, животным) и почему (сухость, сырость, что еще надо было учитывать)? Какие совершали действия для проверки пригодности места, в том числе сухости, теплоты места (например, оставляли на ночь сковороду)?

Какие совершали гадания или ритуалы на месте, выбранным под строительства дома для проверки правильности выбора (с хлебом, водой и т. д.)? Кто в них участвовал?

4. Какое время считалось лучшим для начала и завершения строительства дома? С чего начиналось строительство? Какие существовали традиции первого действия? Кто начинал строительство, участвовал в нем? Опишите распределение обязанностей.

5. Какие этапы строительства считались важными и какие существовали ритуалы по их завершении (подкладывали деньги по углам сруба, матицы или как)?

6. Какой мастер строительства считался хорошим? Какие существовали оценки его труда? Какие существовали способы проверки его мастерства? Какие Вы знаете легенды о мастерстве народных умельцев? Как расплачивались с мастерами? Бывали случаи недовольства оплатой труда? Как могли отомстить недовольные строители? Какие несчастья происходили в подобном доме и почему?

7. С чего начиналось новоселье? Кто первым входил в дом? Какие вещи, предметы или животных вносили в дом и почему? Как переводили с собой старого «хозяина» (домового)? Какие надо было совершить действия (ритуалы, обряды и т. д.) в новом доме, чтобы в нем не было несчастий? Какие приметы будущего неблагополучия существовали? Как их можно было предупредить?

Прибегали ли к освящению нового дома? Какие должны быть в доме «обереги»?

8. Как называли домовых? Где они жили? Существуют ли отдельные домовые двора, бани, стайки и т. д.? Как выглядит домовый? Как проявляет себя в доме? Какие издает звуки? Как проявляет недовольство? Как мстит? Какие знаете истории, связанные с домовыми?

9. Какие места в доме считаются «чистыми» или наиболее почетными? Какие — наиболее опасными для человека? Почему? Как используются разные части дома (порог, печь, чистый угол) в повседневной жизни? При рождении ребенка? Свадьбе? Похоронах? При гадании? При колдов-

стве или знахарстве? При лечении? Почему? Какие существуют приметы, традиции, запреты, связанные с важнейшими частями дома? Например, почему нельзя здороваться через порог?

10. Русское население Алтайского края: этнографические группы и их взаимоотношения¹

Сначала поговорим о родителях, дедах и других Ваших предках (Ф. И. О., год рождения, место рождения, этническая и этнографическая принадлежность)².

Вариант вопросов для тех, чьи предки были переселенцами

1. Откуда приехали Вы или Ваши предки в село? (По возможности указать точное место выхода.)
2. Почему они уехали из родных мест?
3. Почему выбрали для переселения Сибирь/Алтай? В каком году и в какое время выехали в Сибирь (на Алтай)?
4. Кто, когда и как выбрали место для поселения? Посылали ходоков или приехали сразу сами? Жили ли уже в Сибири родственники?
5. Каким образом проходило переселение (в одиночку, с родственниками, деревней или ее группой и т. п.). Как добирались до Сибири или Алтая (описать подробно, включая время, средства передвижения, питания, оде-

¹ Вопросник может быть адаптирован для других этнических групп, а также переселенцев разных миграционных волн, добровольных и принудительных. Составлен автором и апробирован в 1992–2002 гг. Материалы исследовательского интервью использовались в ряде публикаций: Щеглова Т. К. «Народная этнография»: представления об этнокультурных и этносоциальных группах в современной деревенской среде // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы IV науч.-практ. конф. Барнаул, 2001. С. 67–83; Она же. Русское население Алтайского края: этнокультурное многообразие и идентичность // Народы Евразии: этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации: сб. Новосибирск: СО РАН, 2005; Она же. Русское население Алтайского края: состав, формирование, численность // Краеведческие записки. Барнаул, 2009. Вып. 8. С. 119–134; Она же. Русские старожилы и новоселы // Алтайский благодатный край / [гл. ред. и сост. А. М. Тарунов]. М., 2007. С. 94–101 (Наследие народов Российской империи. Вып. 8, ч. 2); Она же. Этнокультурные группы русского населения Алтайского края [Электронный ресурс]. URL: http://www.uni-altai.ru/Resources/p_arh/russian/sreda/etn_gr.html и др.

² Например, для русских – старожилы или сибиряки: «кержак», «чалдон»; переселенцы и «россейские» – «рязанские», «тамбов», «куряне» и др. Для немцев из старожилов (добровольных переселенцев) – волынские или «южнороссийские, например меннониты, лютеране, католики; из мигрантов (депортированных, репрессированных) – поволжские, ростовские, прибалтийские и др. Для татар – казанские, сибирские, крымские, кряшены, мишари и др.

жды, встреч, впечатлений, запомнившихся случаев)? В течение какого времени происходил переезд? Подрабатывали по дороге? Получили ли помощь от государства (от кого)? Из каких мест (губерний, республик, областей, краев регионов) еще приезжали люди в ваше село?

Теперь поговорим об обустройстве на новом месте.

1. Почему для поселения выбрали именно этот населенный пункт или место?

2. В каком году поселились или в какое время — до реформ П. А. Столыпина, столыпинские переселенцы, в советское время, когда еще? Поселились в нем сами или по распоряжению властей?

3. Кто проживал в данном населенном пункте (русские, казахи, украинцы, немцы, кто еще?) Как их называли местные жители?

4. Как называлось местное русское население: старообрядцы, кержаки, сибиряки, российские, чалдоны, воронежские, куряне, казаки, как еще?

5. Как называли Вас и других переселенцев местные жители? Как они относились к Вашей семье и другим переселенцам? Препятствовали ли местные жители (старожилы) поселению в селе? Какие устраивали проверки?

6. Как обустраивались на новом месте (жилье, хозяйственные постройки, хозяйство, имущество)? Как обеспечивали семью: покупали все по приезду, получали за работу у старожилов, привозили с собой, устраивались на работу? Как еще? Нанимались на работу к старожилам, на каких условиях, справедливо ли они рассчитывали? Когда обзавелись собственным хозяйством? Какое оно было: поголовье скота, земельные наделы, инвентарь, что еще?

Второй вариант вопросов предназначен для работы с выходцами из семей старожилов.

С какого времени Ваши предки проживали в селе? Какие семейные предания Вам рассказывали? Что Вы знаете об основании села? Какую роль играли Ваши предки в истории и жизни села? Откуда они родом? Как они себя называли? Как их называли вновь приезжавшие переселенцы? Гордились ли они своим происхождением? Как относились к вновь приезжавшим? Существовали ли прозвища для переселенцев; для старожилов? Вспомните истории, смешные или неприятные случаи взаимоотношений старожилов и переселенцев. Кого вообще относили к старожи-

лам? В чем были их преимущества (местоположение, земельные наделы, права, что еще?) Как это проявлялось в быту или общении?

Теперь поговорим о складывавшихся взаимоотношениях между старожилами и переселенцами¹. Сначала поговорим о старожилах.

1. Была ли разница между группами старожилов одной деревни или двух деревень?

2. Чем (в каких элементах культуры) различались между собой проживающие в одном или нескольких селах группы старожилов? Сравните по вере, одежде, говору, имущественному положению, свадебным и похоронным обрядам, трудовым обычаям и другим элементам культуры старожилов между собой и старожилов с переселенцами.

3. Какие отношения были между старожилами, например старообрядцами и казаками, и переселенцами (напряженные, дружные)? Между сельчанами и депортированными? В чем это проявлялось? Как жили они в пределах одного села: смешанно или на разных «краях»? В чем это проявлялось?

Теперь поговорим о переселенцах.

1. Вспомните группы переселенцев, проживающих в селе и в окрестных селах, и названия переселенцев («вятские», «куряне», «рязань», «гомель», «смоляки», «тамбовщина», как еще?) Какие различия были между группами переселенцев?

2. Какие отношения были у русских переселенцев между собой и со старожилами? Какие отношения были у русских (и старожилов, и переселенцев) с другими народами — казаками, украинцами, немцами, татарами, кумандинцами, мордвой, чувашами и др.? Старожилов и спецпереселенцев? Какие дома строили переселенцы, чем они отличались от построек других (старожилов, других переселенцев, других народов)?

3. Какие культурные различия были между старожилами и переселенцами и у разных групп переселенцев в религии, одежде, говоре, жилище, свадебных и похоронных обрядах, трудовых традициях, праздниках и др.? Какое это имело значение для людей, для сельского общества? Какую «моду» в труде, одежде старались перенимать у старожилов? От чего это зависело?

И в заключение давайте подведем итоги.

¹ Эта часть опорного вопросника используется и для старожилов, и для переселенцев.

Какие прозвища были у историко-культурных, этнических и этнографических групп, проживавших в вашем селе? Почему их так называли? Этнографические или историко-культурные группы проживали совместно или селились на разных краях деревни? Почему? Как они назывались? Бывали ли конфликты между представителями историко-культурных, этнических и этнографических групп? Если да, то по каким поводам? Какие группы населения существуют сейчас? Когда они появились? Как складываются отношения между ними? Чем они различаются между собой?

11. Православие в представлениях сельского населения в советское и постсоветское время; возрождение православных соборов и открытие приходов

Давайте начнем с вопросов о Вашем отношении к вере.

1. Вы считаете себя верующим? Как Вы себя называете (православный, христианин, старовер, поповцы, как еще?) С какого времени? К какой вере относитесь? Как она называется? Почему? Знаете ли историю православия? Какие читали или читаете книги (слушаете радиопередачи, телепередачи, видео/DVD-фильмы)?

2. Знаете ли Вы о расколе православной церкви? Как Вы его оцениваете? Как относитесь к старообрядцам (ревнителям официальной церкви)? Есть среди Ваших знакомых старообрядцы? Чем различаются староверы и никониане?

3. Знаете ли или хотите знать о принципах православной жизни? Считаете ли нужным учиться и учить этому? Нужно ли соблюдать все правила поведения, обряды или достаточно «иметь бога в душе»?

4. Есть ли люди другой веры в селе (городе)? Чем они отличаются? Как Вы к ним относитесь?

5. Знаете ли другие христианские конфессии? Как к ним относитесь? Знаете ли баптистов? Другие протестантские группы (пятидесятники, свидетели Иеговы, адвентисты, какие еще)? В каких случаях с ними сталкивались? Как Вы относитесь к их деятельности? Есть среди Ваших знакомых перешедшие в другую веру? Встречались Вам новые религиозные группы (культ Анастасии, «кедровники», какие еще)? Что Вы о них знаете? Как Вы относитесь к их деятельности?

6. От кого Вы приняли веру? Носите ли крест, где его приобрели? Есть у Вас церковные книги, иконы и другие религиозные предметы?

7. Обучались ли молитвам? Часто ли Вы молитесь (в день, в неделю, в месяц)? С какого времени Вы молитесь (с детства, недавно, как еще?) Кто повлиял на Ваше решение и поведение? Когда и где молитесь? Какие молитвы читаете? От кого вы их узнали? Кто научил молиться? Ходите ли Вы на молитвы в храм? Есть ли у Вас наставник?

8. Как относились к верующим в советское время? Был в Вашей жизни период неверия? Можете ли сказать, что в советское время Вы были в душе верующим, или являлись убежденным атеистом? Как Вы оцениваете свое отношение к вере в разное время? Чем объясняете?

9. Зачем нужно молиться? Может ли молитва защитить человека? В каком случае? Помогала ли Вам молитва? Какая? Знаете ли случаи помощи молитвы другим людям? В каких случаях? Слышали ли Вы, что молитвы спасали человека, его семью или дом?

10. Как Вы относитесь к неверию? Пытаетесь ли повлиять на человека, его мнение? Нужно ли вмешиваться в вопросы веры и неверия? Считаете ли Вы это личным делом человека?

11. Как Вы относились к атеизму? Как относитесь к нему сейчас?

12. Есть или были ли в вашей семье или селе неверующие? Много? Почему они не верят? Кто повлиял на их позицию? Как советское время отразилось на вопросах веры? Плохо ли быть неверующим? Что ждет, по Вашему мнению, неверующего в жизни и после смерти?

13. Есть ли у человека душа? Что она собой представляет? Что происходит с ней после смерти?

А теперь давайте поговорим о самой вере. Хотелось бы знать Ваше мнение.

14. Кто сотворил мир? Можно ли Бога увидеть или почувствовать? Кто такой Христос? Почему мы Христу молимся (зачем он приходил на землю)? Кто были отец и мать Христа? Где родился Христос? Какой национальности он был? Почему его имя Иисус?

15. Какие православные праздники Вы знаете? Какие являются главными? В честь каких событий празднуют Рождество, Крещение, Пасху, Троицу?

16. Как Вы сейчас справляете Рождество? Участвуете ли в церковных службах? Как ведете себя во время церковной службы, дома, в гостях? Как ведут себя окружающие? Опишите свои чувства, ощущения и поведение¹.

¹ Такие же вопросы можно задать по пасхальной службе.

Как праздновали Рождество раньше? Что делают на Святках? Как Вы участвовали в святочных гуляниях? Как празднуете Крещение, что Вы делаете, что надо делать? Что является для Вас главным в праздновании Крещения? Почему?

17. Как встречаете и празднуете Пасху? Опишите подготовку к празднику, обязательные приготовления к встрече Пасхи. Что для Вас значит Пасха? Что делаете во время Троицы? Что отличает этот праздник от других? Расскажите о праздничной пище в эти дни. Какие обряды связаны с этими праздниками? В каких обрядах участвовали? Участвуют ли другие члены семьи? Что они делают при этом?

18. Смотрите ли по телевидению репортажи праздничных служб (Рождество, Пасха)?

19. Расскажите, как справляли эти и другие праздники раньше. Что рассказывали Вам об этом родители, бабушка?

20. Чем отличаются праздничные дни? Как себя нужно вести и что делать? Что нельзя делать?

21. Какое значение имеет пост для верующего? Строго ли соблюдаете пост, делаете ли послабления, когда и почему? Когда и как Вы поститесь? Что разрешается и что запрещается в эти дни? Как относятся к посту в Вашей семье?

22. Расскажите о питании в дни поста. Какие блюда и продукты используете? Почему? Как их готовите?

23. Кто такой Иуда? Илья-пророк? Николай Угодник? Святой Георгий?

24. Какую роль на земле играют «хозяева» (домовые, лешие, полевики, русалки)? Как они связаны с Богом? Как они связаны с человеком? Они помогают или мешают Богу, человеку? Нужно ли и как от них избавляться?

25. Что такое ад, рай, праведность, грех? Какие грехи являются самыми страшными для человека? Для женщины, мужчины?

26. В чем Вы видите сейчас главный грех молодых людей? Что Вам не нравится в их поведении в церкви, на улице, дома? Почему?

27. Есть ли сейчас настоящая вера? Если нет, то почему? Что нужно сделать, чтобы утвердить веру?

28. Когда наступит конец света? Какие приметы предвещают конец света? Является ли наше время началом конца света? Как об этом Вам рассказывали деды, бабушки? Что сбылось из их предсказаний?

29. Откуда Вы черпаете знания о своей вере? Стремитесь Вы знать о ней? Какие читаете книги, журналы, смотрите кино?

И в заключение поговорим о церкви.

30. Есть в Вашем селе (городе) церковь? Была ли церковь в досоветское время? Как она называлась и выглядела? Где располагалась? Что с ней произошло? Что от нее сохранилось? Что сейчас находится на ее месте?

31. Когда началось строительство современной церкви или в каком здании располагается современная церковь? Кто участвовал в ее строительстве, благоустройстве? Кто являлся инициатором строительства или открытия церкви? Были ли благотворительные взносы? Как Вы относитесь к благотворительности? К подаяниям в церкви? К подаяниям у ворот храма, на паперти, на улицах, к тем, кто просит «Христа ради»?

32. Когда был открыт ваш приход? Есть ли в церкви священник? Что Вы знаете о нем? Где он живет? Есть ли у него семья? Какая? Что имеет его семья? Опишите дом, усадьбу, хозяйство. Кто был первым священником, когда и откуда он прибыл?

33. Как обустроивалась церковь изнутри? Опишите алтарь, церковную живопись, настенную или купольную роспись. Кто являлся автором проекта церкви? Автором внутренней росписи? Откуда взяты иконы? Есть ли подаренные иконы? Когда? Кем? Почему? Есть ли иконы из старой церкви? Завершено ли оформление церкви изнутри и снаружи, и если нет, то что необходимо для завершения?

34. Какие проблемы существуют у прихода? Как общаются прихожане между собой в обыденной жизни?

35. Как часто Вы ходите в церковь? Знаете ли священников церкви? Есть ли свой наставник?

36. Часто ли обращаетесь за помощью к наставнику, другому священнику? Ходите ли на исповедь? Есть ли в церкви свои прихожане? Общаетесь ли Вы с другими прихожанами в церкви? Общаетесь вне службы?

37. Удовлетворяет ли Вас положение церкви? Службы? Священника?

38. Есть ли при церкви воскресные школы? Посещают ли Ваши дети или внуки воскресную школу? Церковные мероприятия? Пытаетесь ли сами влиять на детей? Внуков? Пользуетесь Вы церковной лавкой? Что покупаете?

39. Как относитесь к усилению роли церкви в жизни общества? Что думаете о введении в школах факультатива по православной культуре?

12. Этнокультурные факторы в социально-экономическом развитии деревни в период единоличного хозяйствования¹

1. Что представляла собой деревня в доколхозный период: численность населения, количество и расположение дворов, хозяйственная специализация, состав хозяйственных построек на индивидуальной усадьбе и в общественном пользовании?

2. Какое хозяйство имела Ваша семья? Сколько было земли? Где и как она располагалась (полосами, на сограх, в падах, на солнцепеке, где и как еще)?

3. Опишите орудия труда, использовавшиеся в земледелии. Какие культуры сеяли и почему? Пшеница (какая)? Гречиха, овес, ячмень, горох, просо?

4. Сколько держали скота и какого? Лошадей, КРС, овец, коз, свиней? Кого еще? Где содержали животных? Какие устраивали скотные дворы? Были ли временные скотные дворы или загоны вне деревни? Как их использовали?

5. Чем кормили скот? Как был организован выпас (с пастухом или без)? Существовала ли покотина? Как и кто ее соорудил? Как было организовано ее содержание? Кто отвечал за это? Кто был пастухом?

6. Когда и как организовывался покос? Кто участвовал в нем? Расскажите, как заготавливали сено. Когда косили? Как сушили? Как стоговали? Когда и куда перевозили? Как и где хранили на усадьбе? Сколько времени занимал покос (в течение дня, в течение месяца, в течение года)? Где Ваша семья имела покосы? Кто и как их распределял?

7. Для чего держали лошадей? Коров? Овец? Свиней? Как их использовали в хозяйстве, как к ним относились? Как производился забой скота?

8. Содержала ли Ваша семья птиц и для чего? Кур, гусей, уток, кого еще? Для чего? Опишите, как содержали кур на подворье. Гусей? Уток? Строили ли специальные птичники? Чем кормили? Когда и как начинал-

¹ Данный вопросник можно адаптировать для изучения подсобного хозяйства колхозников в 1930–1980-е гг. Комплекс вопросов формировался как самостоятельный в период изучения исчезнувших и малых сел. Период единоличного хозяйства отличается яркой этнографичностью как в хозяйственной жизни, так и в социальных отношениях. Его изучение особенно ярко показывает роль этнокультурных факторов в историческом процессе. См. примеры интерпретации устных исторических источников по этой проблеме в ряде публикаций. Например, *Щеглова Т. К.* Крестьянское общество и семья при «единоличной жизни»: этнокультурный фактор в социальной стратификации 20-х гг. XX в.: по устным историческим источникам // Алтайский сборник. Барнаул, 2004. Вып. 21. С. 51–65; и др.

ся забой? Кто этим занимался? Как использовалось мясо и субпродукты (перо, пух, потроха, лапы, головы)? Как и какие готовили блюда?

9. Как и кто занимался домашним овощеводством? Где располагался огород? Что выращивали? Перечислите все культуры? Где и сколько сажали картофеля? Какие виды овощей больше всего выращивали и почему? Опишите производственные процессы посадки, прополки, уборки, хранения разных овощных культур. Как их заготавливали на зиму? Как использовали в пищу? Вспомните рецепты блюд для повседневного питания, для праздничного стола.

10. Занимались ли в семье домашним ремеслом или промыслами (пимокатным, выделкой кож, пошивом обуви, гончарством, чем еще)? Как распределялись работы между мужчинами и женщинами? Опишите известные Вам по семейному производству домашние или кустарные добывающие промыслы (охота, рыболовство, собирательство — ягоды, грибы, что еще?). Опишите известные вам обрабатывающие промыслы и домашние производства (пимокатное, гончарное, изготовление деревянной посуды, мебели, орудий труда и др.) Опишите женские домашние промыслы и рукоделия (ткачество, вязание, что еще?).

11. Как было организовано управление крестьянского общества? Какие вопросы и как решал сельский сход, кто являлся его участником? Знаете ли о воровстве, других проступках односельчан? Как выявлялись и наказывались проступки?

12. В какой церковный приход входила деревня? Как относились к церкви? Как она влияла на жизнь семьи, сельского общества?

13. Как решались вопросы о земле? Как распределяли землю в селе до колхозов?

14. Какие существовали совместные общественные работы по содержанию мостов, дорог, площадей? Какие еще общественные работы? Как они организовывались? Как их выполняли?

15. Какие существовали формы выносного крестьянского земледелия и скотоводства: заимки, хутора, выселки, отруба? Как они выглядели: количество дворов, расположение, название, фамилии жителей, производственная направленность? В чем существовали различия с деревней: по числу дворов, виду домов и усадеб, составу жителей, их занятий? Как был организован быт, досуг и труд в них? Чем отличались они в планировке, застройке?

16. Какие и как появились новые типы советских хозяйственно-поселенческих населенных пунктов в 1920-е гг.: коммуны, артели, ТОЗы? Чем они различались в организации труда, быта и жизни от жизни единоличников в крестьянских деревнях? Как к ним относились единоличники? Как они относились к единоличникам?

17. Как, исходя из известных Вам примеров, Вы дадите определение, кто был «кулаком» и «бедняком»? Кого называли «раскулачиваемыми», кого — «активистами»? С чем Вы согласны: «кулаки — это эксплуататоры» или «кулаки — трудяги»; «бедняки — это эксплуатируемые» или «бедняки — это бездельники и пьяницы»? Как бы Вы дали оценку тем и другим? Как складывались отношения между зажиточными и бедными в Вашем селе? К какой группе относилась Ваша семья?

18. Кем были Ваши родители, деды, прадеды? Как человек становился богатым в доколхозной деревне? Почему одни односельчане становились богатыми, а другие — нищими?

19. Расскажите о составе семьи: количество детей, возраст, пол. Как влияли на имущественное и материальное богатство такие факторы, как количество человек в семье и ее состав в доколхозный период, в том числе соотношение мужчин и женщин, старших и младших?

20. Влияло ли на возможности семьи количество в ней мальчиков и девочек? Опишите их обязанности в семье. В каких случаях отдавали детей на заработки? Как использовался их труд? Была распространена практика отдачи девочек в няньки? Мальчиков на сельхозработы или для промыслов в другую семью?

13. Пионерская организация в жизни советских людей¹

Давайте вспомним Ваше пионерское детство и пионерскую жизнь. Но сначала скажите, какого Вы года рождения? В какое время учились? Где учились? В каком году поступили в первый класс, в каком окончили школу? Сколько окончили классов?

1. Вы были октябренок? Остались ли какие-либо воспоминания об этом?

¹ Вопросник для исследовательского интервью с людьми советской эпохи, 1930–1970-х гг. рождения.

2. Была ли в Вашей школе пионерская организация? Что Вы знали о пионерах до вступления в ряды пионеров? Как к ним относились школьники младших классов? Хотели ли Вы вступать в пионеры?

3. Кого принимали в пионеры? Как принималось решение?

4. Когда Вы вступили в пионеры? Почему? Что Вы помните о приеме в пионеры? Как к этому готовились в семье, как отнеслись к этому событию?

5. Как относились к галстуку? Носили ли галстук в школе, после школы? Где покупали (шили) Ваш галстук? Где хранили галстук после школы? Кто и как ухаживал за ним? Часто ли забывали его повязывать? Что чувствовали? Как реагировали на отсутствие галстука школьники, учителя? Как за это наказывали?

6. Знаете ли случаи, связанные с наказанием за потерю галстука? За неаккуратное ношение галстука?

7. Кто и почему не был пионером?

8. Как относились к тем, кто не был пионером?

9. Сколько было пионеров в Вашем классе (укажите время Вашего обучения)?

10. Как проходили пионерские сборы?

11. Кто был командиром отряда? Как его выбирали? Хотели ли другие быть командиром?

12. Как пионерские взаимоотношения влияли на жизнь вне школы? Могли ли одноклассники в детских играх сказать, что ты пионер и поэтому так делать стыдно?

13. Как часто, когда и почему говорили «честное пионерское»? Нарушали ли данное слово и как относились к его нарушению?

14. В каких мероприятиях (пионерских делах) участвовал Ваш отряд, лично Вы? Расскажите интересные случаи из совместных пионерских дел? Как относились Вы к этим мероприятиям («Зарница», тимуровская работа, сбор макулатуры, металлолома, что еще)?

15. В каких общественных мероприятиях жизни Вашего села, города (День Победы, встречи с ветеранами войны, праздничные концерты, что еще?) принимал участие пионерский отряд?

16. Как были организованы в пионерской дружине соревнования отрядов? Как организовывались в отряде соревнования звеньев?

17. Чье имя носил Ваш пионерский отряд? Как Вы участвовали в работе вокруг имени героя? Что Вы помните о герое, чье имя носил отряд? Ка-

кие проводились мероприятия? Велась ли переписка с родственниками, друзьями героя? Повлиял ли на Вас, Вашу жизнь образ героя?

18. Что Вам нравилось в пионерской жизни?

19. Что Вам не нравилось в пионерской жизни?

20. Как сложилась судьба Ваших пионерских лидеров (командиров отрядов, звеньевых)?

21. Как Вы оцениваете значение и роль пионерской организации в Вашей жизни, в жизни общества?

22. Нужны ли сейчас пионерские организации?

Теперь давайте попытаемся восстановить историю первых пионеров в вашем населенном пункте¹.

23. Что Вы помните о пионерах? С какого времени появились в деревне (в городе) пионеры?

24. Кто из односельчан был в числе первых пионеров? Кто преимущественно вступал в пионерскую организацию в период ее создания?

25. Кто мог стать пионером в довоенное, военное и послевоенное время?

26. Кто входил в пионерскую организацию?

27. Как относились к первым пионерам в деревне?

28. Как пионеры сотрудничали со взрослыми организациями (комсомолом, партией)?

29. Чем занимались пионеры после уроков? Как они помогали сельчанам? Кому из сельчан помогли?

30. Были ли случаи расправы с первыми пионерами?

14. История пионерии²

1. Какого Вы года рождения? В какое время учились? Сколько окончили классов?

2. С какого времени появились в деревне пионеры?

3. Кто входил в пионерскую организацию?

4. Кто из односельчан были первыми пионерами? Кто преимущественно вступал в пионерскую организацию?

¹ Этот раздел вопросника используется при интервьюировании старожилов села и города (1910–1930-е гг. рождения).

² Вопросник для исследовательского интервью с информантами, хорошо помнящими становление советских организаций и движений. Его можно адаптировать к истории первых комсомольских, профсоюзных, партийных организаций.

5. Как относились к первым пионерам в деревне?
6. Как пионеры сотрудничали со взрослыми организациями (комсомолом, партией)?
7. Чем занимались пионеры после уроков? Как они помогали сельчанам? Кому из сельчан помогли?
8. Носили ли галстук после школы?
9. Как относились к галстуку? Знаете случаи, связанные с наказанием за потерю галстука? За неаккуратное ношение галстука?
10. Были ли случаи расправы с первыми пионерами?
11. Кто мог стать пионером в довоенное, военное и послевоенное время?
12. Сколько было пионеров в Вашем классе (укажите время Вашего обучения)?
13. Кого принимали в пионеры?
14. Кто и почему не был пионером?
15. Как относились к тем, кто не был пионером?
16. Как проходили пионерские сборы?
17. Кто был командиром отряда? Как его выбирали? Хотели ли другие быть командиром?
18. Влияли ли пионерские взаимоотношения на жизнь вне школы? Могли ли одноклассники в детских играх сказать, что ты пионер и поэтому так делать стыдно?
19. Как часто, когда и почему говорили «честное пионерское»? Нарушали ли данное слово и как относились к его нарушению?
20. Где хранили галстук после школы? Часто ли забывали его повязывать? Что чувствовали? Как реагировали на отсутствие галстука школьники, учителя? Как за это наказывали?
21. В каких мероприятиях участвовал Ваш отряд, лично Вы?
22. Как Вы относились к этим мероприятиям?
23. Что Вам нравилось в пионерской жизни?
24. Что Вам не нравилось в пионерской жизни?
25. Как сложилась судьба Ваших пионерских лидеров (командиров отрядов, звеньевых)?
26. В каких мероприятиях жизни Вашего села, города принимал участие пионерский отряд?

27. Как Вы оцениваете значение и роль пионерской организации в Вашей жизни, в жизни общества?

28. Нужны ли сейчас пионерские организации?

15. История этнографических исследований на Алтае¹

1. Информация о себе

1. Когда и где Вы родились? Год, дата и месяц рождения Ваших родителей. Их корни. Образование, работа и увлечения Ваших родителей.

2. Где Вы получили образование (школа; вуз – специальность, квалификация; послевузовское образование – научная квалификация)? Где и когда Вы занимались кандидатской диссертацией (научная квалификация). Ее тема? Кто был руководителем? Расскажите о ее написании. Где и когда защищали диссертацию?

3. Где и когда началась трудовая деятельность? Какими обстоятельствами был обусловлен Ваш выбор?

4. Когда и где стали заниматься наукой? Почему? Какими проблемами, вопросами, темами Вы занимались в течение всей научной деятельности?

5. Как сформировались научные пристрастия? Кого считаете своим учителем? Кто, что и каким образом повлияло на выбор Ваших научных предпочтений?

6. Кто окружал Вас в начале научного пути? Что Вам запомнилось из Вашей научной практики? Какие случаи из жизни в научном коллективе помните?

7. Когда Алтай попал в сферу Ваших научных интересов? Как сформировалась научная тема и проблема?

8. Были ли какие-либо личные причины выбора Алтая объектом исследования? Вспомните, почему в 1950–1960-е гг. началась активизация региональных этнографических исследований. Что послужило основанием или толчком к изучению Сибири? Каким темам отдавался приоритет? Почему? Какую роль сыграли ученые Института этнографии РАН?

9. Какую роль сыграло образование Института этнографии СО РАН?

¹ Вопросы исследовательского интервью обращены к этнографу – специалисту по русскому населению. Но он одинаково может использоваться при интервьюировании специалистов по другим славянским, германским, тюркским и другим народам.

10. Кто, по Вашему мнению, сыграл большую роль в усилении внимания именно к русскому населению Сибири? Сложилось ли в исследованиях 1950–1970-х гг. разделение русского населения по регионам? Каким регионам и почему было уделено наибольшее внимание? Что принималось в расчет при определении направлений и тем этнографических исследований в 1950–1970-х гг.? Оцените состояние изучения русского населения в то время и сейчас. Какие проблемы изучения русских существовали раньше и сейчас? Что изменилось в подходах и вопросах изучения русского населения? Какие вопросы, по Вашему мнению, сейчас актуальны и почему?

11. С чего Вы начали изучение Алтайского края? Изменились ли Ваши представления и отношение к изучаемой проблеме в начале и во время ее изучения? Как и почему?

12. Когда, где и с кем из коллег Вы впервые провели первые экспедиционные, архивные, музейные изыскания в Алтайском крае? Расскажите о них подробнее.

13. Сколько всего раз Вы побывали на Алтае? Опишите маршруты экспедиционных исследований по годам с указанием целей, задач, участников, результатов.

14. С кем из исследователей, краеведов, музейных работников Вы встречались во время своего первого экспедиционного исследования? Следующих экспедиций?

15. Какие экспедиции на Алтае были более удачны и интересны? Почему? Какие запомнились случаи, информаторы, деревни?

16. Поддерживаете или поддерживали Вы отношения с какими-либо респондентами? С кем, почему и как?

17. Кого из местных исследователей Вы можете назвать? Какие отношения Вас связывали? Какую помощь он Вам оказал, или Вы ему?

18. Какие методы исследования и фиксации Вы использовали (фото, опрос, зарисовки, наблюдение)? Где и в каких архивах работали?

19. Какой объем составляет Ваш полевой и иной материал по Алтайскому краю? Как Вы оформляли полученные материалы? Где они хранятся? Все ли опубликованы?

20. Завершили Вы работу на Алтае? Если да, то когда Вы почувствовали, что исчерпали тему или интерес к Алтаю? Какие факторы повлияли на завершение исследований на Алтае?

21. Следите ли Вы за развитием исследований на Алтае? С кем из исследователей поддерживаете отношения? Как?

22. Что сейчас входит в сферу Ваших интересов? Какие разрабатываете проблемы?

23. Продолжаете ли полевые исследования? Какое место, по Вашему мнению, они должны и могут занимать?

24. Сколько Вами подготовлено учеников? По каким темам? Руководите ли аспирантами, докторантами?

25. Когда Вы подготовили первую монографию? Сколько времени это заняло? Сколько и какие публикации изданы Вами с использованием материалов по русскому населению Алтайского края? Составьте, пожалуйста, библиографический список с полными выходными данными.

16. Великая Отечественная война. Человек на войне¹

Повседневность и санитария

1. Какое было обмундирование (летнее, осеннее, зимнее)? Перечислите состав каждого комплекта. Опишите, какого качества оно было.

2. В чем было удобно? Почему? Какое обмундирование было неудобно и почему?

3. Как часто и когда его меняли? По каким причинам?

4. Когда оно изнашивалось, можно ли было его заменить?

5. Разрешалось ли отступать от формы? Например, заменить кирзовые сапоги или гимнастерку?

6. Какую обувь носили по сезонам? Насколько ее хватало? Кто и как ремонтировал ее на фронте? Когда полагалась зимняя обувь? Что делали с негодной? Прибегали ли к помощи местного населения для приобретения обуви? Были ли случаи использования трофейной обуви или одежды? Разрешалось ли реквизировать обувь? Изымать у местных жителей? Были ли случаи воровства или насильственного изъятия? Поощрялись или наказывались такие случаи? Как?

7. Как обстояло дело с портянками? Когда и сколько их выдавали? Приходилось ли их стирать, как и где? Сушить? Как и где?

¹ Данный вопросник составлен для работы с фронтовиками Великой Отечественной войны. Его можно использовать при работе с участниками малых войн и военных конфликтов, адаптировав отдельные блоки вопросов интервью.

8. Какое было нательное белье? Как часто меняли? Кто стирал? Сколько времени его носили в условиях затишья? Сражений?

9. Были ли проблемы с насекомыми? Вшами (нательными, волосяными)? Как боролись? Были ли случаи заболевания тифом? Расскажите, кто болел? Как болел? Как лечили? Как уберегали других?

10. Была ли чесотка? Кто и как ее лечил? Какую профилактику проводили? Бывали ли на фронте эпидемии? Как боролись с инфекционными заболеваниями (какими, тиф, холера)?

11. Как обстояло дело с личной чистотой? Была ли туалетная бумага? Чем ее заменяли?

12. Как обустроивали отхожие места в период затишья? Во время сражений? Во время продвижения? Марш-броска?

13. Как обустроивался быт во время передвижения? Во время сражения? Где размещались офицеры? Где размещались солдаты? Где спали? Было ли постельное белье? Какое? Как его меняли? Где стирали? Чем укрывались? Были ли случаи замерзания? Обморожения? Чем различались условия обустройства солдат и офицеров? Опишите и перечислите.

14. Как было организовано питание? Сначала расскажите о питании во время передышек. Где готовили? Что представляла собой походная кухня? Кто был поваром? Сколько раз в день готовили? Кто и сколько человек обслуживали походную кухню?

15. Опишите меню походной кухни. Какие блюда готовили чаще? Какое блюдо было Вашим любимым? Где брали продукты? Были ли в кухне трофейные продукты? Были ли поставки американских консервов? Что считали деликатесом?

16. Была ли возможность перекусывать между общим завтраком, обедом и ужином? Чем? Какими источниками пользовались помимо общего стола?

17. Оказывали ли помощь продуктами местные жители? Кто и чем помогал? Были ли случаи реквизиции продуктов у местных жителей?

18. Как организовывалось питание во время марш-броска? Во время длительных сражений? Выдавался ли сухой паек? Что он включал? На сколько дней его выдавали?

19. Часто приходилось голодать? Почему и сколько? Были ли голодные обмороки? Чем утоляли голод во время затяжных боев? Хотелось ли есть перед сражением? После сражения? Во время сражения?

20. Вспомните свои чувства перед и во время первого для Вас сражения. Что Вы испытали? Какие были мысли?

21. Когда и как вы увидели первую смерть? Смерть своего однополчанина? Что Вы испытали? Как часто на Ваших глазах погибали? Было ли чувство страха? паники? отчаяния? Что еще? Как Вы учились владеть собой?

22. Что испытали при первом убийстве противника? Видели ли Вы его? Какие чувства были в дальнейшем: ненависти, жалости, мести, удовлетворения? Почему?

23. Как после сражения или гибели однополчан от случайной пули организовывалось погребение? Кто занимался захоронением? Как, в чем, где хоронили? Организовывались ли почести? Как сообщали семье? Что ставили на месте погребения?

24. Кто, когда и как занимался погребением погибших неприятельских солдат и офицеров? Отмечалось ли место погребения? Как? Когда и при каких обстоятельствах увидели первого убитого немца? Что испытывали? Когда увидели первых пленных? Что испытывали? Как обращались с пленными немцами?

25. Как вы оцениваете боевой дух Ваших однополчан? Что двигало Вами, Вашими друзьями во время войны? Во время боя? Необходимость выжить? Долг перед Родиной? Мечь за погибших? Что еще?

Вопросы вокруг «стереотипов», «мифологем» или «былей», созданных в постсоветский период

26. Действительно ли во время сражений использовали СМЕРШ для подстраховки частей брошенных в сражение? Были ли в Вашей фронтовой жизни примеры использования частей СМЕРШ против отступающих частей? Слышали ли об этом от других? Как об этом говорили между собой? Ощущали ли Вы давление НКВД? Вмешивалось ли НКВД в военную жизнь? Знаете ли Вы пострадавших от НКВД, за что?

27. Действительно ли был высок авторитет И. В. Сталина? Насколько часто и искренне использовали во время сражений призыв «За Родину, за Сталина!»? Как Вы относились к И. В. Сталину? Как Вы относитесь сейчас к И. В. Сталину?

28. Действительно ли массовым во время войны было вступление в партию? Были ли в Вашей жизни случаи, когда перед сражением писали «Прошу считать меня коммунистом»?

29. Как относились в армии к политрукам? К партии? К партийным? Действительно ли партийность влияла на твердость и героизм коммунистов? Были ли у коммунистов привилегии? Были ли особые обязанности? Как относились к партийным? К комсомольцам?

30. Действительно ли фашисты прежде всего расправлялись с коммунистами? Какие Вы видели зверства фашистов? Опишите, что Вы видели в освобожденных селах. Что больше всего Вас поражало? Как Вас встречало мирное население? На что они жаловались?

Гендерный фактор на войне

31. Сколько женщин воевало в вашей части? Где они жили? Какие складывались отношения с женщинами? Были ли романы с медсестрами? Были ли «походные жены»? Как относились к «походным женам»? Были ли фронтовые свадьбы? Были ли случаи беременности? Как решался этот вопрос (аборты, комиссование)? Был ли приоритет на отношения с женщинами у офицеров или солдат? Были ли случаи принуждения женщин к сожительству?

Вера и атеизм на фронте

32. Верили Вы в бога до фронта? Являлись членами пионерской, комсомольской, партийной организации? Были ли верующие в Вашей семье? Кто? В чем проявлялась их вера? Как Вы к ним относились?

33. Изменилось ли Ваше отношение к вере и верующим на фронте? Обращались ли Вы к богу? Когда и как это происходило? Читали ли молитвы? Встречались ли Вам на фронте верующие? Чем отличалось их поведение? Разрешалось или запрещалось верить в бога солдатам и офицерам? Преследовали ли за веру или относились терпимо? Вспомните связанные с этим случаи.

34. Как изменилось отношение государства к церкви в годы войны? В чем это проявлялось? Доводилось ли Вам встречать в воинских частях священнослужителей?

35. Как Вас провожали на фронт родители и деды? Благословляли ли иконой? Брели ли Вы на фронт с собой православные святыни? Иконки? Носили ли крестик? Где Вы их брали? Были ли с Вашими однополчанами случаи или слышали ли Вы рассказы о роли крестиков, икон, живых помощей в спасении, исцелении или защите, помощи?

17. Деревня и сельское общество Алтайского края в годы Великой Отечественной войны¹

1. Когда и как Вы узнали о войне?
2. Как Вы отреагировали на известие? Как вели себя окружающие? Что Вам больше всего запомнилось?
3. Что изменилось в Вашей семье, в деревне, в Вашей жизни?
4. Какой состав имела Ваша семья на протяжении войны? Кто был призван на фронт? Кто и в каком возрасте остались?
5. Чем Вы занимались до войны? Какое имели образование? Где работали во время войны? На какие работы Вас привлекали до и во время войны (сельскохозяйственные работы, заготовка леса и т. д.)?
6. Какие условия труда были (на предприятии, в колхозе, бригаде, лесхозе) до войны, что изменилось во время войны? Кто работал вместе с Вами? Как распределялись обязанности? Кто руководил работой? Как было организовано техническое и производственное обеспечение труда? Опишите на примерах из собственного опыта.
7. Какой существовал режим труда? Кто следил за трудовой дисциплиной? Что относилось к нарушению дисциплины? Как наказывали за нарушение режима и трудовой дисциплины? Приведите примеры. Как поощряли? Приведите примеры из жизни Ваших односельчан.
8. Были ли случаи воровства на производстве? Опишите известные Вам случаи. Что Вы помните про закон о колосках? Какие меры наказания применялись к пойманным? Как относились к ним окружающие? Как Вы оценивали эти случаи в то время? Изменилась ли оценка сейчас?
9. Какие существовали жилищные и бытовые проблемы в военное время? Где Вы жили во время полевых работ и как питались? Кто и что готовил? Опишите продукты питания. Вспомните наиболее употребляемые блюда в полевой кухне, «на бригаде» и дома. Опишите «полевой стан», «бригаду». Как был обустроен ночлег? Где можно было ежедневно умыться? Мыться?
10. На какое время Вас отрывали от дома во время работ? Сколько Вы проживали «на бригаде» или на «полевом стане»? Кто оставался дома?

¹ Вопросник ориентирован на тех информаторов, которые были в трудоспособном возрасте — молодежь и взрослые. Он может использоваться и коллективами, работающими в русле «истории повседневности».

11. Были ли у Вас дети? С кем оставляли детей? Как обеспечивали уход, питание детей во время Вашего отсутствия?

12. Какие продукты питания Вы могли купить? Был ли магазин? Что в нем продавалось? Какие продукты питания производили в домашнем хозяйстве? На огороде? Кто выполнял работы по дому, по хозяйству? Какие обязанности были у членов семьи?

13. Какими продуктами дополняли домашний рацион? Какие дикорастущие растения использовали в пищу? Использовали ли мясо диких животных (сусликов, зайцев, каких еще?) или птицы (куропатки, тетерева, голуби)? Кто занимался их ловлей и как? Какие блюда готовили? Были ли случаи использования в пищу насекомых? Каких домашних животных содержали? Что готовили? Были ли случаи отравления? Как лечились во время отравления?

14. Какие болезни были в годы войны самыми распространенными? Чем болели Вы? Как лечились? Чем лечились? Были ли эпидемии (тиф, холера, дифтерия)? Освобождались ли от работы во время болезни? Выдавали ли больничные?

15. Были ли медицинские учреждения? Были ли в селе медики? Были ли знахари или колдуны? Обращались ли к ним за помощью? Как рожали в годы войны? Делали ли аборт? Где и как? Были ли в Вашем селе примеры «подпольных абортов»? Кто их делал? Самоабортов? Какие знаете способы «вытравливания» плода? Какие последствия могли быть? Были ли случаи гибели женщин от подпольных абортов или «вытравливания» плода? Были ли бабки-повитухи?

16. Как поддерживали чистоту в доме? Чем стирали? Как часто и где мылись? Чем мылись? Какие насекомые водились дома (клопы, тараканы, блохи, мухи, комары, мошка)? Какую опасность они несли? Как боролись с ними? Опишите известные Вам способы.

17. Как боролись с нательными насекомыми и вшами? Какие кожные заболевания встречались в годы войны и почему (чесотка, лишай, что еще)?

18. Какие санитарно-гигиенические проблемы были у женщин, девушек в повседневной жизни, в «кризисные» дни? Как их решали? Учитывались ли «женские проблемы» при определении объема колхозных работ и условий труда (подъем тяжести, длительность работы, место работы — холд, жара)?

19. Какие проблемы возникали в воспитании и обучении детей в годы войны? С кем оставляли малолетних детей? Были ли ясли, детский сад? Как работала школа? Какие трудности возникали при подготовке и отправке детей в школу (с одеждой, школьными принадлежностями, учебниками и т. д.)? Как их решали? Какие обязанности были у детей?

20. Какие праздники отмечали в семье? Откуда получали информацию о фронте? С кем обсуждали новости с фронта в семье? На работе? Была ли политинформация? Выписывали ли газеты?

21. Какие отмечали праздники в трудовом коллективе? 1 Мая? 8 Марта? 23 февраля? 7 Ноября? Как отмечали? Как общались в свободное время? Какие песни пели? О чем говорили?

22. Как в селе встречали похоронки? Кто их приносил? Как поддерживали семьи, получившие похоронку?

23. Были в Вашем селе (городе) депортированные (немцы, калмыки, чеченцы)? Кто? Когда и как их привезли? Где их размещали? Как к ним относились в деревне (особенно к немцам)? Почему? Были ли случаи вражды, драк? Существовали прозвища? Какие? Различались ли права и возможности местного населения и депортированных? Чем? Были ли официальные запреты на какие-либо виды работ, должности? Были ли ограничения в общественной жизни (членство в комсомоле, партии, профсоюзе, что еще)? Были ли негласные ограничения в повседневной жизни (например, не приветствовалось их присутствие на сельском празднике, что еще)? Как реагировали на депортированных немцев во время получения в селах похоронок? Были ли случаи агрессии? Были ли с их стороны агрессивные высказывания или действия?

24. В каких работах участвовали депортированные? С кем из депортированных Вы работали? Чем отличались депортированные в быту, в работе, по характеру, поведению от односельчан? Участвовали депортированные в сельских мероприятиях, связанных с производством (собрания трудового коллектива, партийной или профсоюзной организации?) Принимали ли депортированные участие в официальных сельских праздниках (7 Ноября, 1 Мая), в неформальных праздниках и досуговых развлечениях: клубных вечерах, домашних вечерках или семейных праздниках (дни рождения, свадьбы)? Было ли различие в отношении к депортированным немцам в начале войны и по ее завершении? Что изменилось в положении депортированных после войны? На производстве? В общественной жизни? В повседневном общении?

25. Встречались ли Вы с пораженческими настроениями, неверием в победу, с разговорами о поражении СССР? Были ли сомнения у Вас? С какого времени или после каких событий Вы поверили в победу?

26. Как Вы узнали о победе? Как Ваша семья и окружающие (на работе, в СМИ) встретили весть о победе? Что изменилось в труде, в жизни?

18. Политические, государственные и партийные деятели советской и постсоветской истории в оценках населения (сельского, городского)¹

1. Кто из советских или постсоветских руководителей страны, по Вашему мнению, сделал больше всего для простых людей? Чья политика была не в интересах народа?

2. Что Вы знаете о Ленине? Из каких источников? Как Вы относились к нему раньше, как относитесь к нему сейчас? Как относитесь к современным негативным оценкам его личности и деятельности? С чем Вы согласны или не согласны?

3. Как относитесь к советской политике увековечивания памяти Ленина (ордена, медали, песни, стихи, фильмы, праздники, другое), наличию памятников Ленину, Мавзолея Ленина?

4. Отмечали дни рождения Ленина в стране? В семье? Расскажите, что помните.

5. Какие события из жизни Ленина Вам запомнились? Почему? Каких соратников Ленина знаете и почему?

¹ Работа по изучению исторической памяти в этом направлении может и должна вестись шире в рамках общей проблемы «Российское общество и российская власть» в двух плоскостях, связанных с особой ментальностью — доверием со стороны «безгласного большинства» к верховной власти и перенесением вины на местную администрацию. Эта проблема была обозначена автором еще в 1994–1995 гг. См.: *Щеглова Т. К.* Методологическое значение устной истории для изучения социопсихологического портрета крестьянства: крестьянское общество и власть по устным источникам 80–90-х гг. // Историческое краеведение: теория и практика: материалы Рос. науч.-практ. конф. Барнаул, 1996. С. 53–56. На протяжении нескольких лет в ходе ежегодных историко-этнографических экспедиций отработывался вопросник и апробировался в разного рода публикациях, в том числе студенческих. Наиболее полно результаты интервьюирования по этой проблеме обобщены автором в монографии: *Щеглова Т. К.* Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке..., в разделе «5.2. Взаимоотношение власти и крестьянского общества: местная администрация и руководители государства глазами рядовых сельчан» (с. 410–436).

6. Храните ли Вы вещи с ленинской символикой? Какие? Как Вы оцениваете его вклад в развитие страны? Российского общества? Крестьянскую жизнь?

7. Что для Вас значит фамилия Сталина? С какими событиями у Вас ассоциируется его деятельность или его время? В чем Вы видите заслуги Сталина? Какие? Если заслуг нет, то почему Вы так считаете?

8. Что Вам нравится или не нравится в Сталине? Какие черты характера, привычки, принципы Сталина Вы знаете? Какие толки о них ходили среди односельчан? Что говорили о нем в семье — родители, деды, дети? Как к нему относились? В чем это проявлялось? Были ли случаи осуждения его политики и кем? В чем это проявлялось? В чем проявлялось почтение Сталина при его жизни? Что было известно о его личной жизни? Жене? Детях?

9. Как коснулась эпоха Сталина Вашей семьи? Какие атрибуты в оформлении кабинетов, жилища, одежды использовали в сталинскую эпоху? Какие помните песни, частушки, стихи о Сталине? Отмечались ли дни рождения Сталина? Как? Других соратников?

10. Что вы думаете о репрессиях и раскулачивании? Кто и почему начал раскулачивание и репрессии? Кто в них виноват: сталинская власть или местные начальники? Кого знаете из соратников Сталина? Кого Вы вините в массовых репрессиях: Сталина или соратников?

11. Как война повлияла на отношение к Сталину? Как Вы относитесь к мнению, что Россия победила благодаря Сталину? Что в атаку шли «за Сталина?»

12. Разделяете ли другую точку зрения — об ответственности Сталина за многочисленные потери в войну и неготовность страны к войне? Кто, по Вашему мнению, больше всех способствовал победе? Почему удалось победить в войне?

13. Что Вы слышали о репрессиях против Бухарина, Троцкого, Тухачевского? Что вы о них знаете? Слышали Вы о «деле врачей»?

14. Где и от кого Вы узнали о смерти Сталина? Как Вы отнеслись к этому известию? Как отнеслись окружающие? В чем проявлялось отношение? Были ли случаи злорадства? Что Вы ждали после смерти Сталина (перемены к лучшему, к худшему)?

15. Что изменилось в Вашей жизни, в жизни семьи, коллег после смерти Сталина?

16. Что Вы знаете о передаче власти Маленкову? Какое отношение к нему существовало? Кто из его окружения был известен и симпатичен Вам? Что говорили о Берии? Знали ли Вы о его аресте? Что? Как Вы отнеслись к его расстрелу?

17. Когда узнали о Хрущеве? Что о нем было известно до смерти Сталина? Как отнеслись к его приходу к власти? С чего он начал свою политику? Какие мероприятия его политики Вам больше всего запомнились и почему?

18. Как Вы отнеслись к разоблачению Сталина и осуждению его культа? Нужно было это делать или нет? Поясните свою точку зрения. Как Вы думаете, почему осудили Сталина на XX съезде партии? Как относитесь сейчас?

19. Как Вы отнеслись к аграрной политике Хрущева? Что полезного и что вредного он сделал для села? Как относились к политике ликвидации неперспективных сел?

20. Какие еще кампании в сельском хозяйстве связаны с Хрущевым? Как Вы оцениваете распашку целинных земель?

21. Как Вы относились к политике укрупнения районов и созданию совнархозов? Как она реализовывалась в вашем районе? Какие она имела последствия для Вашей семьи или села

22. Кто из соратников Хрущева Вам запомнился и почему?

23. Как вел себя Хрущев в международной политике? Какие ходили слухи о его поведении во время Карибского кризиса?

24. Что было известно о его семье? Знали ли о его жене и детях?

25. Что Вам нравилось или не нравилось в Хрущеве как человеку? Чем он был Вам симпатичен и чем отталкивал? Испытывали ли Вы уважение к Хрущеву или нет и почему?

26. Что Вы знаете об отстранении Хрущева от власти? Как это встретили Вы? В обществе? Знакомые? Что дальше произошло с ним? Какие анекдоты о Хрущеве знаете?

27. Как встретили приход к власти Брежнева? Как его восприняли в обществе? Что запомнилось из первых лет его власти? С какими событиями связаны воспоминания о Брежневе? Какие мероприятия его политики вам запомнились? Почему?

28. Почему и когда стали называть время правления Л. И. Брежнева «застоем»? Как вы понимаете это название? Согласны ли Вы с ним? Что Вам нравилось в том времени? Что Вас не устраивало?

29. Что Вам нравилось или не нравилось в Брежнев как политическом деятеле? Как руководителе государства? Как личности? Как к нему относились в обществе? Почему про него создавалось много анекдотов? Какие Вы знаете?

30. Какую роль играло Политбюро? Кто из соратников Брежнева запомнился и почему? Как формировалась местная власть? Существовал за ней контроль? Кто его осуществлял? Почему считают, что для государственно-партийной власти, в том числе местной, время Брежнева было «золотым»?

31. Следили ли за политикой и деятельностью Брежнева (по газетам, радио, телевидению)? Следили ли Вы, Ваша семья, родители, дети за трансляцией съездов КПСС по телевидению? Ваши коллеги? Насколько серьезно обсуждались работа и программы съездов? Партийных документов? Проводилась ли на работе политинформация? Как Вы к ней относились? Сами участвовали? Что вызывало наибольший интерес на политинформации?

32. Как часто обсуждали Брежнева в кругу семьи и друзей? Не боялись ли делать это вслух? Рассказывать анекдоты? Сравните, когда можно было свободнее обсуждать, хвалить или осуждать вождей. Знаете ли случаи репрессий, наказания или порицания за обсуждение и осуждение Сталина, Хрущева, Брежнева?

33. Как восприняли смерть Брежнева? Опишите Вашу реакцию и реакцию окружающих. Какие были прогнозы о новом генсеке? На кого Вы рассчитывали и почему?

34. Что знали об Андропове до его избрания генсеком? Как Вы к нему относились? Как Вы думаете, почему он стал генсеком? Что о нем говорили окружающие? Что ждали в обществе от Андропова? Вспомните какие-либо события или преобразования, связанные с Андроповым? Что Вы одобряете? Что осуждаете? Что изменилось в обществе? Как к нему относились в обществе?

35. Когда и как Вы узнали о его болезни и смерти? Какое отношение к этому было в обществе? Были ли другие точки зрения? Какие предположения существовали о новом генсеке? Что представляло собой в тот период Политбюро? Кто туда входил? Обновился ли его состав к этому времени? Кто Вам запомнился из членов Политбюро 1960–1980-х гг. и почему? Какую роль играло Политбюро? Совет министров? Что можете сказать о Косыгине, Суслове, Гречко? О ком еще?

36. Что можете сказать о выборах генсеком К. У. Черненко? Что о нем знаете? Почему выбрали его? Как к нему относились в обществе? Как Вы относились к нему? Что Вы можете рассказать о его деятельности? Смерти? Отношение общества к этому? Что говорилось в обществе по поводу смены генсеков?

19. Советская праздничная система и празднично-досуговые традиции советских людей

Давайте поговорим об официальных общесоюзных праздниках, таких как 1 Мая, 23 февраля, 8 Марта. Но сначала давайте вспомним о 7 Ноября.

1. Какие у Вас остались воспоминания и ощущения об этом празднике? С чем он был связан? Являлся он для Вас праздником? Готовились Вы к 7 Ноября на работе? В семье? Как готовились? Что Вам нравилось в нем, что не нравилось?

2. Чем Вам запомнились торжественные собрания? Как Вы о них вспоминаете? Являлось их посещение обязательным? Какое Вы участие принимали в них?

3. Как проходили демонстрации? Как к ним готовились? Как готовились к демонстрациям на работе? Что готовили? Какие транспаранты? Лозунги? Где их брали? Где хранили? Обязательным или добровольным было участие в демонстрации? Кто организовывал колонны, и кто следил за порядком?

4. Какие курьезные или неприятные случаи, связанные с 7 Ноября, демонстрациями помните? С какими событиями связаны Ваши детские (взрослые) воспоминания?

5. В честь чего праздновалось 7 Ноября?

Теперь вспомните 1 Мая.

1. В честь чего был основан праздник? Что Вы о нем знали? Сравните, как праздновали 1 Мая и 7 Ноября (например, проведение торжественных собраний, демонстраций). Как готовились на работе и в семье к 1 Мая?

2. Были ли в селе (городе) демонстрации? Как проходили? Опишите праздничное шествие, как оно выглядело, кто им руководил. Опишите транспаранты, украшения. Кто являлся участниками демонстраций? Оцените их поведение и настроение.

3. Охотно ли Вы участвовали в демонстрации? Что нравилось? Что вызывало раздражение? Что было обязательным для каждого? Как наказывали за отказ от участия?

4. Была в этот день в обществе праздничная атмосфера? Было ли у вас праздничное настроение? Были ли традиции «маевок» с выездом на природу? Что Вас радовало в этот праздник? С какими событиями связаны Ваши детские (взрослые) воспоминания?

5. Какие моменты были любимыми в праздниках 1 Мая и 7 Ноября? Отмечаете ли сейчас эти праздники? Как? Что изменилось?

Сейчас много критикуют советские праздники за официоз, политико-идеологическое давление, принудительность мероприятий. В частности, отрицается искренняя праздничность.

6. Выскажите свое мнение о факторах, влиявших на настроение. Согласны ли Вы с тем, что праздничное настроение возникало и 7 Ноября, и 1 Мая потому, что они давали выходные дни; короткие рабочие предпраздничные дни; премии накануне праздников, награждения? Какую роль в таком случае играли для праздничного настроения коллективные способы и формы общения во время собраний, демонстраций и др., взаимоотношения на работе и в семье, что еще?

7. Как Вы относились к праздникам 8 Марта, 23 февраля? В честь чего праздновались эти дни?

Как официально (неофициально) отмечали их на работе? В чем была разница между ними? Как поздравляли мужчин? Как поздравляли женщин? Как относились к этим праздникам?

Как проходил этот праздник дома? Какие подарки дарили друг другу?

Как отмечали эти праздники в школе?

8. Как Вы относитесь к празднику 9 Мая? Как Вы праздновали его раньше? Как празднуете сейчас?

Были ли в Вашей семье участники войны? Как Вы отмечали этот праздник с ними? Как они его отмечали? Что говорили? Как себя вели?

Какие мероприятия проводились 9 Мая? В каких мероприятиях Вы участвовали (митинги, парады, демонстрации, торжественные собрания, встречи с ветеранами). Опишите школьные вечера. Что в них Вам нравилось? Что изменилось в праздновании 9 Мая сейчас?

9. Какие еще негосударственные официальные праздники существовали?

Кроме советских праздников, в советское время сохранялись традиции отмечать и традиционные церковно-народные праздники. Давайте вспомним о том, как это происходило в вашей семье или в вашем селе.

1. Какие сохранялись религиозные (православные, мусульманские, другие) праздники?

2. Вспомните, как отмечали Пасху. От кого и когда Вы узнали об этом празднике? Кто его признавал? Что Вам запомнилось из празднования Пасхи в советское время? Красили ли яйца? Как к этому относились члены семьи — бабушка, дедушка; мама, папа; дети? Как к этому относились в обществе? Говорили ли о Пасхе в школе? Были ли случаи общественно-го осуждения самого праздника и тех, кто его отмечал?

3. Что знали о Рождестве? Отмечали ли Рождество в семье? Если да, то кто и как? Были запреты на что-то в Рождество, и с чьей стороны? А Святки праздновали? Были ли ряжания? Гадания? Открыто или скрытно гадали? Как гадали? Как к этому относились окружающие? Как относились в школе, в обществе?

4. Отмечали ли в Вашем детстве в семье Троицу? Были примеры празднования Троицы в селе? Что Вы знали о Троице? Как вели себя старшие в семье?

5. Признавали ли в советское время родительский день? Вспомните, как поминали умерших в родительский день? Посещали ли кладбища в родительский день? Подавали ли поминальные конфеты, пряники? Как к этому относились администрация и партийные органы?

В советское время было много праздников, связанных с историей советского общества. В праздновании многих из них Вы тоже принимали участие, начиная с детских лет. Давайте поговорим о них.

1. 19 мая вся страна отмечала День пионерии. Вспомните жизнь Вашей пионерской дружины, пионерского отряда, пионерского звена. Как отмечали в школе День пионерии? Как проходили торжественные линейки? Что говорилось в эти дни? Какие требования предъявлялись к форме, поведению? Принимали ли в пионеры в эти дни? Как Вы относились к этому празднику? Для Вас и Вашей семьи этот день как-то выделялся?

2. 29 октября вся страна отмечала день рождения комсомола. Осталась ли в Вашей памяти информация об этом празднике? Как он проходил в школе, в Вашей комсомольской организации? Как готовилась к этому школа (стенгазеты, украшения, что еще)? Кого приглашали на торже-

ственное комсомольское собрание? Существовали ли соревнования накануне празднования? Принимали ли в комсомол в эти дни?

3. Что Вы помните о праздновании дня рождения В. И. Ленина? Что проводилось в эти дни на предприятии, учреждении, колхозе, совхозе? Какие к нему приурочивались мероприятия? Что такое ленинский субботник? Принимали в них участие? Кто их организовывал? Кто в них участвовал? С чего они начинались? Где они проходили, что делали на субботниках? Какие субботники запомнились? Что Вам нравилось (не нравилось) в субботниках?

Отличительной системой советских праздников стало учреждение профессиональных праздников.

1. Вспомните, какие профессиональные праздники отмечали в советское время: День сельского работника, День шофера и др. Как они проходили? В коллективе? Дома? В селе или городе? Как их праздновали?

2. Если была торжественная (официальная) часть профессиональных праздников, то что в нее входило: собрание, торжественный вечер, что еще? Как они проходили, опишите (доклад, награждения, концерт, что еще?).

3. Как продолжался праздник после официальной части: застолье, выезд на природу, коллективом, друзьями, семьей, как? Сложились какие-либо традиции при их праздновании? Вспомните интересные случаи.

4. Известными и популярными в советском обществе были День учителя, День медицинского работника. Как Вы думаете почему? Вспомните, когда и как отмечался день учителя. Что Вам запомнилось? Участвовали Вы в поздравлении учителей? Каких? Как к этому празднику относились Вы, Ваши родители? Принимали ли участие, если да, то как?

Давайте вспомним местные праздники: сельские или городские.

1. Когда и как праздновался День села? Праздник города?

2. Расскажите о праздниках, связанных с началом или завершением цикла сельскохозяйственных работ, например, Праздник урожая, Праздник первой борозды, Праздник снопа, Начало сева, какие еще. Когда они обычно проходили? Кто их организовывал: администрация, общественность?

3. Как их праздновали на работе, дома, в семье? Начнем с того, готовились Вы дома к празднику? Расскажите, что входило в празднование: с чего начинался праздник и где (в клубе, на административной площади, в

школе, где еще). Какие мероприятия праздник включал? Были награждения передовиков? Была официальная и не официальная часть? Где они проходили, кто в них участвовал? Расскажите подробно, что сами помните, в чем участвовали, что видели. Была приуроченная к празднику праздничная торговля? Где она проводилась? Кем? Приезжали посторонние организации? Что продавали? Была торговля съестным? Были праздничные площадки за околицей, в поле, в лесу, на берегу реки? Сохранились ли фотографии, документы награды от тех праздничных мероприятий.

4. Как проходил праздник «Проводы зимы»? Когда праздновались (празднуются) Проводы зимы? Кто организовывал (организует)? Для чего? Где собиралось население для празднования Проводов? Что Вам нравилось (нравится) в этом празднике? Какие игры, конкурсы устраивались в этот день? В каких Вы участвовали сами? Какие подарки получали? Зачем жгли чучело в этот день? Какие Вы знаете приметы, связанные с празднованием Проводов зимы? Какие знаете случаи, связанные с празднованием Проводов зимы?

5. Существуют ли другие специфические праздники в Вашем селе (День цветов, День урожая и т. п.)? Расскажите о таких традициях, которые сформировались в Вашем городе или селе.

Наконец, частью советской праздничной системы стали семейные праздники: день рождения, день свадьбы, какие еще?

1. Расскажите, как отмечали ваш день рождения в детстве. Ходили ли Вы на дни рождения друзей? Что Вам дарили? Что дарили Вы? Чем Вас угощали? Что ставили на стол? Что считалось деликатесом? Что Вам из яств запомнилось или поразило Вас? Как организовывали развлечения детей? В какие игры играли: в лапту, прятки, жмурки, скалки, городки, какие еще? Опишите, как играли, по каким правилам.

2. Как отмечали день рождения мамы, папы, бабушки, дедушки? Кто к ним приходил в гости? Где устраивалось застолье (дома, на улице, во дворе, где еще?) Как взрослые развлекались? Были застольные песни, кто и какие песни пели? Под гармонь, под гитару? Где находились дети во время застолий? Приглашали их за стол? О чем говорили взрослые?

3. Как относитесь к новым праздникам (12 июня, 4 ноября)? Как они называются? В честь каких событий их празднуют? Как Вы их отмечаете?

20. Церкви на Алтае в 1920–1940-е гг.: жизнь прихода, репрессии против священников и разрушение соборов. Воссоздание приходов в постсоветское время¹

1. Жизнь прихожан в 1920–1940-е гг.

1. Наличие церкви в селе. Название церкви. Почему так называли? Когда, кто и как ее строил? Как выглядела церковь (архитектурный облик церкви: количество куполов, ниш, оконных проемов и др.)?

2. Расскажите о «церковной» жизни односельчан: периоды и частота посещения церкви сельскими жителями; праздники, службы по случаю свадьбы, похорон, семейных и житейских неурядиц, исповедание, причащение и т. д. Какую роль играла церковь в их жизни? Вмешивалась ли в их жизнь? Как они относились к церкви? Помните ли Вы свои посещения церкви? Как односельчане участвовали в уходе за зданием церкви и прилегающей территорией?

3. Какой приходской праздник был у Вашей церкви? Приходские праздники в деревнях, относящихся к приходу? Как их праздновали?

4. Помните ли крестные ходы? В честь чего они проводились (каких праздников) или по каким причинам (засуха или другие стихийные бедствия)?

5. Что Вы знаете о священнослужителях: церковные имена, состав семей, где жили (опишите дом, хозяйство)? Отношение односельчан и Ваше к священнику. Почему так относились?

6. Проводилась ли агитация против церкви, религии, Бога? Как объясняли репрессии против священников или разрушение соборного здания? Кто вел агитацию? Как к этому относились в селе?

7. Было ли осквернение церковных праздников (кем, как)?

¹ Данный вопросник был разработан автором в середине 1990-х гг., материалы интервью использованы в ряде публикаций, например: *Щеглова Т. К.* Значение устной истории в изучении сознания русского населения Алтая на примере интерпретации разрушения церквей // V конгресс этнографов и археологов России. Омск, 2004. С. 84; *Она же.* История разрушения православных церквей в 1930-е гг. на Алтае: комплексное использование устноисторических источников // Краеведческие записки. Барнаул, 2003. Вып. 5. С. 125–136; *Она же.* Значение устной истории в изучении сознания русского населения (по источникам о разрушении церквей // История и культура Сибири в исследовательском образовательном пространстве (к юбилею проф. Е. И. Соловьевой) материалы регион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2004. С. 137–175; *Она же.* Церковь Ближнего Приобья в 1920–1950 гг.: устные интерпретации и толкования крестьян // Бийский район: история и современность : сб.: в 2 т. Барнаул, 2005. Т. 1. С. 50–77.

8. Какое отношение было к верующим, к священникам со стороны партийцев, власти? Было ли запрещение церковных празднеств (кем, как)?

9. Помните ли участников агитационных кампаний (сельские учителя, работники партийных комитетов и сельских советов, другие лица)? Как они себя вели?

10. Отношение населения к агитации против церкви, против священника. Как протестовали против насмешек над верующими? Продолжали ли посещать церковь в период агитации против веры и церкви, праздновать религиозные праздники? Велась ли служба в церкви в этот период?

11. Как повлияла агитация на совершение венчания, отпевания, крещения и других религиозных обрядов?

12. Соблюдались ли религиозные традиции и обычаи в период официального запрещения посещать церковь. Кем? Как?

2. Разрушение церквей

1. Почему, когда и как конфисковали церковное имущество?

2. Как объясняли конфискацию населению? Кто это делал?

3. Куда дели иконы, утварь и предметы церковной службы? Какова судьба конфискованного имущества? Что сохранилось до наших дней? Кто и как спас его? Где оно хранится и почему?

4. Когда церковь была закрыта? Как Вы узнали об этом? Видели ли своими глазами? Что? От кого узнали? Что Вам рассказывали? Как поступали с церковным имуществом: иконами, книгами и др.? Что с ними было?

5. Кто участвовал в разрушении церкви? Что известно о них и их семьях? Посещали ли они церковь до разрушения, были ли верующими? Кого в деревне считали инициаторами и руководителями разрушения церквей? С чего началось разрушение церкви? Кто и как снимал крест? Кто и как снимал колокол? Где они?

6. Как относилось население к закрытию, а затем разрушению храмов? Кто открыто выступал против закрытия и разрушения церкви? Какие еще были формы протеста? Массовые недовольства? Какова судьба протестовавших? Были ли случаи ареста? Каковы были Ваши личные ощущения? Как Вам об этом рассказывали очевидцы?

7. Поведение церковнослужителей в период разрушения храмов. Их судьба.

8. Когда и кем (в том числе род занятий) было разрушено (переоборудовано) здание церкви? Опишите разрушение (переоборудование) церк-

ви. Как в дальнейшем использовался строительный материал из разрушенной церкви? Были ли необычные случаи в новых культурных, торговых и других объектах, построенных на месте храма? Что необычного происходило в переоборудованном здании?

9. Где праздновали Пасху, Крещение, Рождество и другие религиозные праздники после ликвидации храма? Где, как и кто совершал обряды крещения и отпевания в отсутствие священника?

3. Мифологизация разрушения храмов

1. Как относилось население к участникам разрушения храмов и разграбления церковного имущества.

2. Расскажите о судьбах участников разрушения церквей. Как они жили дальше? Коснулось ли «возмездие» членов их семей? За что постигло «возмездие»?

3. Вспомните необычные случаи на месте разрушенных храмов, в помещениях бывших храмов. С чем это связано?

4. Что находится на месте разрушенного храма в настоящее время? Как к этому месту относилось старшее поколение? Какие случаи происходили в бывших зданиях или на местах разрушенных храмов?

5. Бывали ли случаи чудодейства с иконами, крестами, колоколами, сохранившимися от старых соборов или найденными в последнее время?

4. Возрождение православного храма в постсоветский период

1. Кто был инициатором возрождения храма?

2. Кто принял решение?

3. Кто разработал и утвердил проект храма?

4. Когда, кто и на чьи деньги начал строительство? Как относится к этому население? Какое принимает участие?

5. Когда начались службы? Кто их проводит?

6. Есть ли приходская община? Кто ее возглавляет? Кто в нее входит? Что она делает? и т. д.

21. Санитарно-бытовая культура сельского населения в 1920–1940-е гг.¹*Жилищная санитарно-бытовая культура*

1. Какой дом имела Ваша семья? Крестовый, пятистенный, какой еще? Сколько комнат было в доме?
2. Кто его строил? Из чего строили? Саманный, срубный, какой еще?
3. Сколько окон было в доме? Какого размера они были?
4. Сколько человек проживало в одном доме?
5. Как дом отапливали: русская печь, голландская печь, водяное отопление, как еще?
6. Где было место для принятия пищи? Когда и как принимали пищу? Кто убирал со стола после обеда? Что разрешалось держать на пустом столе между приемами пищи? Где готовили пищу: чистили картошку, стряпали, солили капусту, что-нибудь еще? Где и куда сливали помой? Кто их выносил? В каком месте и в чем они находились в доме?
7. Кто следил за чистотой в доме? Как распределялись обязанности между мужчинами и женщинами, между мальчиками и девочками?
8. Как часто убирали, мыли в доме? В чем заключалась ежедневная; субботняя уборка? Сколько времени она занимала?
9. Было ли в доме особое место, которое должно было быть чистым, опрятным независимо от дня недели? Кто и как следил за чистотой?
10. Чем пользовались при уборке в помещении (тряпки, веник, другое)? Где брали воду, как часто меняли, куда выливали?
11. Как изнутри жилого помещения заделывали стены (между бревнами, штукатурка, побелка)? Как содержали стены в чистоте? Если они были бревенчатые, как заделывали стыки бревен? Кто штукатурил?
12. Как часто белили в доме? В какое время года? Чем белили? Где брали известь?
13. Вешали ли занавески на окна, двери, печь, кровать? Вешали ли полотенца на зеркала, иконы, стены? Как часто их стирали или заменяли чистыми?

¹ Вопросник был введен в исследовательскую программу со второй половины 1990-х гг. Промежуточные итоги анализа материалов интервью публиковались: Щеглова Т. К. Санитарно-бытовая культура и традиции личной гигиены сельского населения Алтайского края в 1920–1930-е гг. // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2003. Вып. 5. С. 155–163.

14. Где спали члены семьи (печь, полати, пол, кровати, что еще?) Что подстилали? Чем укрывались? С кем спали дети? Размещали их отдельно или они спали вместе? Где спали отец с матерью, дед с бабушкой?

15. Имелось ли постельное белье и какое? Чем укрывались летом и зимой?

16. Что из одежды полагалось иметь детям? Какую одежду имели летом? Зимой? Какая одежда и сколько комплектов было у взрослых?

17. Как часто стирали постельное (если было) и нательное белье?

18. Где и как стирали белье (зимой и летом)? Опишите процесс стирки (на реке, в бане, во дворе, где еще?). Объясните, что такое бученье.

19. Что добавляли в воду? Пользовались ли какими-либо вспомогательными средствами при стирке?

20. Использовали ли для стирки щелок? Для чего еще использовали щелок?

21. Из чего изготавливали щелок?

22. Как изготавливали щелок?

23. Имел ли он лечебные свойства?

24. Где сушили белье (зимой, летом)?

25. Как и чем гладили белье?

26. Где хранили белье и одежду? Какими способами оберегали белье от моли?

27. Какие средства использовали для борьбы со вшами, блохами, клопами, тараканами?

28. Какая и из чего была обувь? Как ухаживали за обувью? Какие были чистящие средства?

Личная гигиена и санитарно-бытовые традиции

29. Умывались ли раньше утром и перед сном? Чем? Где? Когда появилось требование умываться по утрам и вечерам?

30. Было ли оборудовано специальное место для умывания? Какими умывальными принадлежностями пользовались (ковш, таз, рукомойник, умывальник)? Опишите, как и над чем умывались. Была ли защита стен от брызг? Какая?

31. Как часто мыли руки в течение дня? Обязательно ли мыли руки перед едой?

32. Существовало ли отдельное мыло для умывания?

33. Имелись ли специальные полотенца для лица, рук, тела, ног?

34. Существовали ли отдельные детские полотенца?
35. Как часто мыли (купали) детей? Где?
36. Чем чистили зубы? Были ли болезни зубов, полости рта? Какие способы их лечения существовали? К кому обращались при зубных болях? Для удаления зубов?
37. Как часто мылись в бане?
38. Были ли бани в каждом дворе или несколько семей пользовались одной?
39. Были ли в селе семьи, не имеющие бани? Где они мылись?
40. Какие преобладали типы бань? Почему? Какие были преимущества и достоинства у «бани по-черному»? У «бани по-белому»?
41. Из чего строили баню? Что она собой представляла? Была ли парилка? Была ли мойка?
42. Был ли в бане пол? Полок? Скамейки?
43. Как часто топили баню? Чья это была обязанность? Кто из членов семьи первым ходил в баню? С чем это связано?
44. Как мылись муж и жена (раздельно, вместе)? Как мыли детей?
45. Парились ли в бане? Какой использовали веник? Кто заготавливал веники? Когда? Где?
46. Чем мылись в бане? Какие использовали моющие средства? Было в Вашей семье мыло? Где его брали?
47. Были ли ограничения в мытье, стирке, уборке в дни религиозных праздников?
48. Как следили за чистотой в бане? Когда ее мыли?
49. Как использовалась баня в другие дни? Можно ли было в ней стирать? Сушили ли в ней белье? Сушили лен? Принимали роды? Использовали для лечения? При каких заболеваниях? Как? Расскажите подробно.
50. Варили ли в семье и деревне мыло? Из чего его варили?
51. Кто варил мыло? Чем оно отличалось от современного мыла? Были ли разные виды мыла (например, лечебное, душистое, туалетное, хозяйственное)?
52. Чем различались способы приготовления различных видов мыла?
53. Какими средствами гигиены пользовались женщины в обычные и в «критические» дни?
54. Когда появилось женское нижнее белье? Как обходились без него?
55. Как готовили девочек к личной гигиене?

Условия санитарно-бытовой культуры сельского населения

56. Где брали воду для питья, стирки?
57. Использовали ли речную воду для питья?
58. Сколько колодцев было в селе? Каждая семья имела свой колодец или один колодец был на несколько семей? Кто в таком случае следил за чистотой колодца? Какие были колодцы (наличие сруба, крышки, журавля, материал для изготовления колодцев)?
59. Как выбирали место для колодца? Кто это делал?
60. Кто и как копал колодцы?
61. Какой глубины были колодцы?
62. Из всякого ли колодца вода была пригодна для питья? Почему?
63. Чистили ли колодец? Если да, то когда (весной, летом, зимой, осенью) и кто это делал? Как долго служил колодец? В каких случаях забрасывали колодец? Были ли какие-либо поверья или суеверия, связанные с колодцем? Какие знаете несчастные случаи? Расскажите. Как следили за его безопасностью? Как защищали детей? Были ли какие-либо происшествия с детьми, взрослыми?
64. Поили ли скот у колодца? Могли ли стирать около колодца?
65. Известны ли случаи заражения людей какой-либо болезнью через пользование одним колодцем?
66. Куда ходили в туалет?
67. Строился ли отдельно туалет (уборная)?
68. Где он обычно располагался?
69. Убирали ли там? Кто чистил туалет? Как часто? Как часто переносили туалеты? Как подбирали место? Были ли какие-то запреты?
70. Кто убирал территорию усадьбы у дома? Скотного двора и стайки? Улицы? Кто следил за чистотой села?
71. Сколько раз в год убирали территорию усадьбы, двора, пригона? Как проводилась уборка зимой и летом?
72. Как организовывалась уборка села? Кто в ней участвовал? Как часто это происходило? Как к этому относились односельчане? Были ли недовольные или уклоняющиеся?
73. Куда выносили мусор из дома? Существовали ли специальные мусорные ямы? Что делали с отходами (бутылки, тряпки, старая бумага, старая обувь, ржавая посуда и т. д.)?
74. Куда вывозили навоз со двора? Как часто это делали?

Отношение к санитарно-бытовой культуре в крестьянской семье и сельском обществе

75. Наказывали ли детей или женщин в доме за несоблюдение чистоты? Какие поговорки или присказки применяли к такой ситуации? Какие знаете случаи наказаний и за что?

76. Существовало ли общественное порицание или наказание домоладельцев за несоблюдение чистоты во дворе или в общественных местах?

77. К каким болезням, эпидемиям могло привести несоблюдение чистоты, правил гигиены?

78. Были ли в селе эпидемии чумы, холеры, тифа или других инфекционных болезней? Какие меры принимались сельским обществом или администрацией?

79. Какие средства и лекарственные препараты использовали при самолечении или применяли медицинские работники для лечения этих заболеваний?

80. Много ли людей умирало во время эпидемий или от инфекционных болезней?

Какие существовали народные способы профилактики и лечения различных инфекционных болезней?

22. Повседневная жизнь советских крестьян в колхозах или совхозах в мирное время¹

1. Что располагалось на усадьбе колхозника? Опишите жилой дом. Что имелось в каждом дворе? Опишите хозяйственные постройки. Какие помещения располагались на скотном дворе? Опишите скотный двор. Кто его чистил? Где формировали навозные кучи? Куда использовали навоз? Где находилось сено?

2. Как огораживались усадьбы колхозников? Из каких материалов (чаща, штакетник, ров, как еще)? Сколько в среднем места (десятин, метров, гектаров) занимала усадьба? Регулировались ли ее размеры? Если да, то кем и какие размеры допускались? Что разрешалось иметь на усадьбе, на скотном дворе и почему?

¹ При работе над этой темой можно использовать и другие вопросники, например, по теме «Санитарно-бытовая культура сельского населения в 1920–1940-е гг.».

3. Существовали ли при усадьбах колхозников огороды? Каких размеров? Где они располагались? Что сажали на огородах? Где сажали картофель? Какие овощи сажали на огородах? В каком количестве? Какую роль играли овощи в питании колхозной семьи? Какую часть рациона питания они составляли? Какие овощи были самыми важными? Как их хранили? Опишите все способы хранения. Что из них готовили? Опишите блюда и рецепты приготовления.

4. Существовали ли палисадники? Цветники? Сады? Опишите их. Какие использовались способы украшения усадьбы?

5. Были ли предусмотрены места для игры детей во дворе и дома? Где они играли в свободное время? Были ли предусмотрены места отдыха для старших членов семьи? Для стариков? Где и какие?

6. Как выглядел внутренний дворик? Использовался внутренний двор для застолий, праздников? Когда и в каких случаях?

7. Как выглядели колхозные улицы? Кто контролировал чистоту на улицах? Когда и как убирали? Проводились ли субботники или коллективные уборки улиц? Существовали ли места для выпаса гусей, уток? Разрешалось ли выпускать на улицу свиней, кур? Проводилось озеленение улиц?

8. Сколько было членов семьи? Сколько поколений жило вместе? Опишите все поколения: дедов, родителей, детей, внуков, правнуков. Сколько семейных пар проживало в доме? Сколько комнат было в доме? Как распределялась жилплощадь между взрослыми и детьми, между семьями? Где спали деды? Родители? Дети?

9. Где питалась семья? Как питались в колхозах: вместе или отдельно, сколько раз, в какое время? Где было обеденное место? Как оно выглядело? Где готовили пищу? С помощью чего? Опишите утварь, посуду. Где ее приобретали? Что из утвари или посуды делали сами или кто-то из односельчан? Кто готовил пищу? Кто убирал со стола? Где хранилась посуда? Где стояла питьевая вода? Откуда ее брали? Кто ее приносил? Чья это была обязанность?

10. Как распределялись в колхозной семье обязанности по кухне? Что относилось к женским делам, что к мужским? Кто, например, приносил дрова, уголь? Где брали или заготавливали дрова, уголь, кизяк, что еще? Опишите. Кто топил печь? Кто белил печь и кухню? Сколько раз? Когда белили?

11. Как проходил день у членов семьи? Кто вставал первым и почему? Когда вставали основные члены семьи? Когда уходили на работу трудоспособные члены семьи? Где они работали и до какого времени? Отличался рабочий график летом, зимой, осенью, весной? Чем? Опишите занятия и выполнение работ в колхозе: в поле, в посевную, в покос, в уборку урожая и т. д. В чем проявлялся коллективизм? Покажите на примере какой-либо коллективной сезонной сельскохозяйственной работы участие членов семьи от детей до взрослых в колхозных работах, например, покосах и заготовках сена. Как доставляли на покос и с покоса? Кто участвовал в покосе? Что поручалось детям (возить на копнах сено, участвовать в стожении, что еще)? Как распределялась работа между мужчинами и женщинами? Что брали с собой из продуктов? Было и как организовывалось общественное питание? Когда и где отдыхали?

12. В каких выездных формах работ они участвовали? На бригаде? На стане? Что они там делали? Сколько времени находились. Опишите быт и жизнь на бригаде: режим работы, систему питания, оборудованные спальные места и т. д.

13. Как проводили вечера в семье? Как распределялись обязанности в колхозной семье по содержанию дома, по работам на хозяйственном и скотном дворе, по воспитанию детей?

14. Какие советские, религиозные, сельские, семейные праздники отмечали в семье? Как? Опишите застолья, блюда, количество гостей, формы общения за праздничным столом, формы развлечений.

15. Кто проживал в соседях? Какие были отношения с соседями (дружили, враждовали)? В чем это проявлялось?

16. Как и где общалась молодежь в деревне? Были ли вечерки, тырла, танцы, посиделки, игрища, как еще назывались? Что делали по вечерам? Какие песни пели, какие танцы танцевали, в какие игры играли? Как дружили юноши с девушками? Какие были запреты?

17. Где проводились колхозные собрания, коллективные мероприятия? Была сформирована центральная площадь? Что на ней находилось? Как проводились митинги, торжественные собрания?

18. Где находилось кладбище? Как содержали его в порядке? Существовало ли огораживание? Как? Были ли традиции озеленения, посадки цветов? Когда массово посещали кладбища? Существовал ли в советское время родительский день? Опишите, как он проходил. Какие памятники пре-

обладали на погосте? В каких случаях устанавливали крест? Пирамидку, что еще? Где их изготавливали?

19. Существовали ли коллективизм, взаимопомощь в колхозном сообществе? В чем это проявлялось?

20. Как было устроено самоуправление колхоза? Кто входил в правление колхоза? Как проходили выборы в правление? Можно ли было назвать их проявлением воли колхозного общества? Как относились к председателю и другим членам правления?

21. Какие формы поощрения и наказания существовали в колхозном обществе? Например, при уличении в воровстве колхозного зерна, воровстве у соседей? Были ли случаи злоупотреблений или проступков, которые не доводили до суда, а сами разбирали и сами наказывали?

22. Что Вам нравилось в колхозной жизни? Что не нравилось?

23. 1980–1990-е гг. через жизненные истории (life story) советских людей

1. Ф. И. О.

2. Где и когда родились? Что знаете о происхождении своих предков (дедов, прадедов)?

3. Кем были родители (образование, социальное положение, профессия, работа, должность)?

4. С кем или где находились до школы (с бабушкой, мамой, в яслях, садике)? Как проводили детство (детские игры, забавы, уличные компании, любимые книги и т. д.)?

5. Когда поступили в школу? Что знали об октябрятах, пионерах, комсомольцах? Как к ним относились?

6. Вступали ли и когда в октябрюта? Помните этот день? Что делали октябрюта? Кто возглавлял Ваш октябрьский отряд? Какие помните октябрютские дела, мероприятия? В чем и где участвовали сами? Как Вы сейчас оцениваете октябрютскую жизнь детей?

7. Хотели ли Вы быть пионером? Как относились к пионерам? Когда и как Вас приняли в пионеры? Какую торжественную клятву Вы давали? Кто был командиром Вашего пионерского отряда? Чье имя носил пионерский отряд? Сколько было звеньев? Кто был звеньевым? Как выбирали командира и звеньевых отряда? Как Вы участвовали в пионерской жизни? Что помните из жизни Вашего отряда? Какие были пионерские праздники? Какие пионерские дела? Расскажите о пионерской жизни. Что Вам

нравилось и что не нравилось в пионерской жизни? Нужно ли пионерское движение для детей?

8. Когда и как Вас приняли в комсомол? Почему Вы вступили в комсомол? Что дало Вам вступление в комсомол? Кто был секретарем комсомольской организации? Что вы помните о жизни комсомольской организации (дела, мероприятия, досуг)? Что Вам нравилось, что нет? Вступление в комсомол было обязательно? Кого не принимали в комсомол? Почему? И как к ним относились?

9. Где получили профессиональное образование? Какое (училище, техникум, вуз, курсы)? Какую получили профессию? Как и куда получили распределение на работу? Был ли статус молодого специалиста? Кем работали? Какую заработную плату установили? Сравните с коллегами по работе, со знакомыми на других предприятиях или соседями. Какие существовали льготы (очередь на машину, мебель, технику, санитарно-курортную путевку)?

10. Как решался вопрос о жилье (предоставляли квартиру, дом)? Поставили на очередь? Расселили по квартирам? В общежитие?

11. На каком предприятии, в организации, совхозе, колхозе началась трудовая деятельность? К какой собственности оно относилось (государственной, кооперативной, какой еще)? Какие были преимущества и недостатки для работников?

12. Как повлияла перестройка на Ваше предприятие, производственную жизнь, заработную плату, систему руководства?

13. Что изменилось в Вашей жизни? Как новая политика перестройки повлияла на Ваше материальное положение? На имущественное состояние? На Ваш социальный статус?

14. Что происходило в колхозе? Совхозе? Какие изменения происходили на производстве, в управлении?

15. Что Вы ждали от перестройки и М. С. Горбачева? Поддержали ли Вы тогда политику М. С. Горбачева? Как сейчас ее оцениваете? Что делалось правильно? Что неправильно?

16. Как отнеслись к свержению президента СССР М. С. Горбачева? Как восприняли ликвидацию СССР?

17. Что стало происходить на Вашем предприятии в период президентства Б. Н. Ельцина? Что изменилось в управлении? В оплате труда? В самом коллективе, во взаимоотношениях людей? В условиях труда?

18. Как изменилось положение партийной организации? Профсоюза?

19. Что стало меняться в Вашем труде? В Вашей заработной плате?

20. Осталось ли Ваше предприятие государственным? Перешло в частную собственность? В какую форму? Как шла приватизация предприятия? Как менялось управление? Кто стал играть главную роль в распределении финансов? Какое долевое участие в собственности предоставили рядовым участникам? Как распорядились имуществом? Оборудованием?

21. Что представляли собой партийные органы власти? Кто входил в партком (райком)? Его функции? Кто возглавлял партком (райком)? Какую роль они играли на предприятии (в учреждении, организации, колхозе, совхозе и т. д.)? Как менялась их роль в период перестройки и после? В чем это проявлялось?

22. Что представляла собой исполнительная власть (правление колхоза, дирекция совхоза, предприятия, учреждения, райисполком)?

23. Что представляла собой государственно-общественная власть (сельсовет)? Кто еще ее возглавлял и в чем была разница в правах и обязанностях между сельсоветом, парткомом и правлением колхоза (дирекцией совхоза)? Как менялась исполнительная власть в период и после перестройки?

24. Как перестраивалась административная система (советы, администрация)?

25. Что происходило с колхозом (совхозом)? Как рассматривались вопросы развития колхоза? Как решались вопросы о земле? О колхозной собственности?

26. Когда стали появляться крестьянские или фермерские хозяйства? Где они брали технику? Как решали вопрос о земле? Чем занимались (производили зерно, молоко, мясо)? Кто работал (численность, наемные)? Как расплачивались? Где сбывали продукцию? Какие трудности испытывали? Какие выгоды приобрели? Какие были производящие предприятия (кирпичный завод, мехток, животноводческий комплекс)? Что с ними происходило?

27. Как складывались отношения между колхозами и фермерскими хозяйствами?

28. Какие трудности стали испытывать колхозы (совхозы)? Как это отражалось на заработной плате, на материальном положении членов колхоза и совхоза?

29. Как Вы оцениваете политику М. С. Горбачева по отношению к колхозам/совхозам? Как она отражалась на производстве, на коллективе?

30. Какую политику проводил Б. Н. Ельцин? В чем она проявлялась? Как Вы ее оцениваете?

31. Что такое приватизация? Как она проходила в колхозе/совхозе, на предприятиях (в организациях)?

32. Кто являлся ее организатором? Руководителем? Как распределялась собственность колхоза/совхоза/предприятия (здания, оборудование, сырье, продукция, финансовый капитал, что еще)?

33. Как изменился характер хозяйства? Направленность работы? Производство?

34. Сопровождались ли изменения сокращением численности работающих в колхозе, совхозе, на предприятии? Сокращение проводилось руководством?

35. Произошел добровольный отток с предприятия (из колхоза, совхоза)? Почему? Когда?

36. Как решали возникшие материальные трудности в семье? Имелась подработка? Где? Как решались вопросы приобретения товаров?

37. Когда возникла талонная система? Что выдавалось по талонам? На сигареты? Была ли спекуляция талонами? Как распоряжались талонами одинокие женщины? Старушки?

38. Как решалась проблема с промышленными товарами? Ткань? Постельное белье? Бытовая техника?

39. Когда появились импортные товары? Что из продуктов было наиболее популярным (кока-кола, зюка, китайская лапша, сникерс, что еще)? Какие помните случаи (смешные или печальные)?

40. Какую приобрели первую бытовую импортную технику? Что считалось дорогим или престижным (видеомагнитофон, фотоаппарат, музыкальный центр, телевизор, что еще)?

41. Когда стало улучшаться материальное положение? В чем это проявилось?

42. Как Вы реализовали свое право на приватизацию? Куда разместили ваучер (МММ, продали, обменяли, что еще)? Что такое ваучер? Что произошло с Вашими вложенными ваучерами? Принесли ли она доход?

Список использованной литературы на русском языке

- Автократов В. Н., Елпатьевский А. В.* Проблемы комплектования государственных архивов современными документами // Источниковедение отечественной истории. — М., 1976.
- Андерсон Катрин.* Техника интервью: отказ от заранее подготовленного плана // Воспоминания женщин: устные истории переходного периода. Теория и практика. — Бишкек, 2001. — С. 78–92.
- Байрамова Т. Ф., Луппова Г. П., Сенина В. Я.* Русские говоры Алтая: хрестоматия. Метод. разработки для студентов филол. фак. вузов Алтая. — Бийск, 1991. — 88 с.
- Барнард А.* Социальная антропология. Исследуя социальную жизнь людей. М., 2009.
- ~~*Барнаул в воспоминаниях старожилов. XX век : в 2 ч. — Барнаул, 2004, 2007.*~~
- Безносков А., Кушнарёва Ю.* О стандартах образования // История: еженед. прил. к газ. «Первое сентября». — 1996. — № 48.
- Бердинских В. А.* Рядовые фронта и тыла // Волга. — 1989. — № 5–6.
- Бердинских В. А.* Очерки крестьянской цивилизации в России // Волга. — 1991. — № 1–3.
- Бердинских В. А.* Россия и русские (Крестьянская цивилизация в воспоминаниях очевидцев). — Киров, 1998.
- Бердинских В. А.* Крестьянская цивилизация в России. — М.: АГРАФ ЛТД, 2001.
- Бердинских В. А.* История одного лагеря (Вятлаг). — М.: АГРАФ ЛТД, 2001.
- Бессмертный Ю. Л.* Школа «Анналов» и современные подходы в исторической науке // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. — М., 1991.
- Биографический метод в социологии : история, методология и практика / ред. и сост. Е. Ю. Мещеркина, В. В. Семенова. — М., 1994.*
- Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. — М., 1986.
- Вансина Я.* Устная традиция как история // Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введ., общ. ред. М. В. Лоскутовой. — СПб., 2003. — С. 66–110.
- Виноградов В. М., Рябов А. В.* «Устные архивы» и комплектование государственных архивов // Актуальные проблемы советского архивоведения. — М., 1986.
- Воспоминания женщин : устные истории переходного периода: теория и практика : сб. ст. — Бишкек, 2001.*
- Граница и люди.* Воспоминания современных переселенцев Приладожской Карелии, Карельского перешейка / ред. Е. А. Мельникова. — СПб., 2006.

- Грицкевич В. П., Каун С. Б., Ходин С. Н.* Теория и история источниковедения : учеб. пособие для студентов заоч. отд-ний гуманитар. фак. вузов. — Минск, 2000.
- Дискуссия о методологических поисках в современной исторической науке // Новая и новейшая история. — 1996. — № 3. — С. 75–90.*
- Илизаров Б. С.* Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания // *Вопр. философии.* — 1985. — № 8.
- Инголд Т.* Предисловие // *А. Барнард. Социальная антропология. Исследуя социальную жизнь людей.* — М., 2009. — С. 10–15.
- Историческое и культурное наследие алтайской деревни: материалы для полевых исследований по этнографии и устной истории: метод. пособие / науч. ред. Т. К. Щеглова.* — Барнаул: БГПУ, 2006. — С. 22–24. — (Этнография и устная история Алтайского края).
- Как провести социологические исследование: методология, программы, методы.* — М., 1987.
- Квале С.* Исследовательское интервью. — М., 2003.
- Кладова Н. В.* Проблемы исторического познания: источниковедческий аспект. — Барнаул: изд-во БГПУ, 2006.
- Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. — М.: Логос, 1999.
- Ковальченко И. Д.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах / *И. Ковальченко // Новая и новейшая история. — 1995. — № 1.*
- Козлов В. Ф., Леонтьев Я. В., Щербакова И. Л.* Человек в истории. Россия — XX век : Конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников : материалы в помощь участнику конкурса. — М., 2005.
- Коллингвуд Р.* Идея истории : Автобиография / пер. и коммент. Ю. А. Асеева. — М., 1980.
- Коляда В. А.* ЦГАЗ СССР и устная история // *Сов. архивы.* — 1990. — № 6.
- Коровайников В. Ю.* Стенограммы вечеров воспоминаний как источник по истории Великой Октябрьской революции // *Сов. архивы.* — 1990. — № 35. — С. 75–79.
- Кузнецов Н. П., Суринов В. М.* Устная история в практике работы зарубежных архивов и научных учреждений // *Сов. архивы.* — 1980. — № 1. — С. 73–76.
- Курносов А. А.* Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР. Организация и методика собирания // *Археогр. ежегодник за 1973 г.* — М., 1974. — С. 118–132.

- Курносов А. А.* Приемы внутренней критики мемуаров. Воспоминания участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. — М., 1969. — С. 478–505.
- Лейбова Е. К.* Потенциал устной истории в решении задач профильного обучения истории // Проблемы социогуманитарного образования. — Барнаул: изд-во БГПУ, 2005. — С. 19–22.
- Лейбова Е. К.* Методика обучения старшеклассников приемам работы с устными историческими источниками (на примере курса истории России XX–XXI вв.): дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 2006.
- Лейбова Е. К.* Обучение старшеклассников приемам анализа устных исторических источников // Перспективы исторического и культурного образования в вузе и школе: теория и практика. — Новосибирск: НГПУ, 2006. — С. 61–71.
- Лейбова Е. К.* «Живая история XX века»: устные источники в обучении истории // Вестн. Новосибирск. гос. ун-та. — (История, филология). — 2006. — Т. 5, вып. 1 (доп.): история. — С. 134–138.
- Лоскутова М. В.* Устная история: метод. рекомендации по проведению исследования. — СПб., 2002.
- Лоскутова М. В.* Введение // Хрестоматия по устной истории. — СПб., 2003. — С. 5–31.
- Майничева А. Ю.* Рассказы о переселении // Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX веков. — Омск, 2003. — С. 64–73.
- Маслова О. М.* Предисловие: услышать и понять партнера по социальному процессу (заметки после чтения рукописи) // Е. М. Ковалев, И. Е. Штейнберг. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. — М.: Логос, 1993. — С. 5–26.
- Маурер Г.* Без работы. — М., 1986.
- Мещеркина Е.* Качественные методы в гендерной социологии // Воспоминания женщин: устные истории переходного периода. Теория и практика: сб. ст. — Бишкек, 2001. — С. 255–294.
- Мокрова М. В.* Устная история науки и техники в Москве: метод. материалы // С. С. Илизаров, О. А. Валькова, М. В. Мокрова. История науки и техники в Москве: учеб.-метод. материалы. — М., 2003.
- Мокрова М. В.* Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2004.

- Мусатова Т. Н., Кузьмичев Н. А., Серегин А. Б.* Устная история как метод активного комплектования // Проблемы хранения и обеспечения сохранности архивных документов : сб. науч. тр. — М. 1985.
- Никитина Д.* Проблемы устной истории на VII Международной конференции // История СССР. — 1990. — № 6.
- Оболенская С. В.* История повседневности в современной историографии ФРГ// Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры. — М., 1990. — С. 182–198.
- Память о блокаде : Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества / отв. ред. М. В. Лоскутова.* — М., 2006.
- Пиз А.* Язык телодвижений. — М., 2002.
- Проблемы устной истории в СССР : тез. науч. конф. 28–29 нояб. 1989 г.* — Киров, 1990.
- Проблемы устной истории в СССР : материалы второй науч. конф. в г. Кирове. 14–15 мая 1991 г.* — Киров, 1991.
- Проблемы устной истории и современность.* — Калининград, 1992.
- Про А.* Двенадцать уроков по истории. — М., 2000.
- Программа учебного курса «Устная история науки и техники в Москве» // История науки и техники в Москве (учеб.-метод. материалы) / С. Илизаров, О. А. Алькова, М. В. Мокрова.* — М., 2003.
- Пушкарева Н. Л.* История повседневности : предмет и методы // Социальная история : Ежегодник, 2007. — М., 2008. — С. 9–55.
- Репина Л. П., Зверева М. Ю., Парамонова М. Ю.* История исторического знания. — М., 2004.
- Розовская И. И.* Методологические проблемы социально-исторической психологии (на материалах французской исторической школы «Анналов») — М., 1972.
- Сенявская Е. С.* Человек на войне : Историко-психологические очерки. — М., 1997.
- Сенявская Е. С.* Психология российских участников войн XX века. Сравнительно-историческое исследование : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1999.
- Сенявская Е. С.* Психология войны: исторический опыт России в XX веке. — М., 2002.
- Соколов А. К.* Социальная история России новейшего времени : проблемы методологии и источниковедения исторических исследований // Теоретические проблемы исторических исследований. — Вып. 1. — М., 1998.

- Страдлинг Р.* Преподавание истории Европы XX в.: материалы к семинару «Подготовка учителей истории для работы в поликультурной среде». — Томск: изд-во Томск. гос. ун-та, 2005.
- Суринов В. М.* Историческое интервью в системе источниковедческих средств // Методологические вопросы документоведения и архивоведения : сб. докл. — Вып. 1. — М., 1976. — С. 86–113.
- Суринов В. М.* Историческая память народа. Сельское хозяйство Зауралья в образах и мыслях сибирского крестьянина. — Тюмень, 1990.
- Теркел С.* «Хорошая война». Устная история Второй мировой войны // Иностран. лит., 1985. — № 5, 10.
- Томпсон П.* Голос прошлого: устная история / пер. с англ. М. Л. Коробочкин, Е. М. Криштов, Г. П. Буляблин; ред. Е. И. Солдаткина. — М.: Весь Мир, 2003.
- Тош Д.* Стремление к истине: как овладеть мастерством историка / пер. с англ. М. Л. Коробочкин; ред. В. А. Русеев. — М.: Весь Мир, 2000.
- Урсу Д. П.* Архив ЮНЕСКО в Париже // Сов. архивы. — 1980. — № 6.
- Урсу Д. П.* Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории. — М., 1989.
- Урсу Д. Н.* Программа и методические указания по спецкурсу «Устная история. Теория и практика» для студентов ист. фак. — Симферополь: СГУ, 1991.
- Устная история в зарубежных архивах. Обзор / сост. В. М. Виноградов, В. Н. Гармаш / сост. В. М. Виноградов, В. Н. Гармаш; Главархив СССР, ВНИИДАД, ОЦНТИ. — М., 1988.*
- Устная история и биография: женский взгляд / ред. и сост. Е. Ю. Мещеркина. — М., 2004.*
- Филлюшкин А. И.* Методические указания по проведению исследований по устной истории [Электронный ресурс] // Наш политех — URL: <http://www.nashpolytech.ru>.
- Фукидид.* История. — Кн. 1. — Л., 1981.
- Фукс-Хайнриц В.* Биографический метод // Биографический метод в социологии: история, методология и практика / под ред. Е. Ю. Мещериной, В. В. Семенов. — М.: Ин-т социологии РАН, 1994. — С. 11–42.
- Хастингс М.* Операция «Оверлорд»: как был открыт второй фронт. — М., 1988.
- Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введ., общ. ред. М. В. Лоскутова. — СПб., изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2003.*
- Хубова Д. Н.* Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 19 с.
- Хубова Д. Н.* «Устная история» и источниковедение: «В поисках утраченного времени» // Мир источниковедения. — М., Пенза, 1994.

- Хубова Д. Н.* «Устная история» и источниковедение : «В поисках утраченного времени» // Мир источниковедения. — М., Пенза, 1994.
- Хубова Д. Н.* Устная история «Verba volant...?» : метод. пособие. — М., 1997. — 52 с.
- Шанин Т.* Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. — М., 1999. — С. 317–372.
- Шартье Р.* Интеллектуальная история и история ментальностей : двойная переоценка [Электронный ресурс]. — URL: <http://magazines.rus.ru/nlo/2004/66/shart2.html>, свободный.
- Шнайнер К.* Предмет исследования музееведения и происхождение дисциплины [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pribaikal.ru/1600/article/2173.html>.
- Щеглова Т. К.* Значение устных источников для изучения истории исчезнувших сел // Проблемы устной истории в СССР: материалы второй науч. конф. в г. Кирове. 14–15 мая 1991 г. Киров, 1991. — С. 38–44.
- Щеглова Т. К.* Устная история как объект краеведческой деятельности // Проблемы устной истории и современность. — Калининград, 1992. — С. 17–21.
- Щеглова Т. К.* Изучение сел на основе устных исторических источников (метод. советы) // Города и села Алтайского края: историческое наследие (Павловский район) / отв. ред. А. Д. Сергеев, отв. за вып. Т. К. Щеглова. — Павловск, 1993. — С. 102–113.
- Щеглова Т. К.* Устная история как объект краеведческой деятельности в школе и вузе // Историческое краеведение в школе и вузе : материалы Первой Всерос. конф. (14–15 дек. 1994 г.) / [редкол.: Д. В. Коцюба и др.]. — Кемерово, 1994. — С. 65–68.
- Щеглова Т. К.* Состояние традиционного крестьянского жилища в предгорьях Алтая: по материалам полевых исследований 1992–1993 гг. // Этнография Алтайского края / отв. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул, 1994. — С. 11–19.
- Щеглова Т. К.* Исторический очерк сел Алтайского края: по итогам работы краеведческих экспедиций на территории Солонешенского, Павловского и Третьяковского районов // Алтайский сборник / отв. ред. В. А. Скубневский. — Барнаул, 1995. Вып. 16. — С. 67–91.
- Щеглова Т. К.* Внутреннее убранство избы алтайских крестьян в первой половине XX века: по полевым исследованиям 1993–1995 гг. // Этнография Алтая / редкол.: Т. К. Щеглова (отв. ред.) и др. — Барнаул, 1996. — С. 93–105.

- Щеглова Т. К. «Избяная литургия»: традиционная жилищно-строительная культура крестьян-старожилов предгорного Алтая // Алтайский сборник / отв. ред. В. А. Скубневский. — Барнаул, 1997. — С. 253–278.
- Щеглова Т. К. Жилые и хозяйственные постройки с. Усть-Калманка: из опыта этнографического исследования // Этнография Алтая / редкол.: Т. К. Щеглова (отв. ред.) и др. — Барнаул, 1996. — С. 111–124.
- Щеглова Т. К. Методологическое значение устной истории для изучения социального портрета крестьянства: крестьянское общество и власть (по устным источникам 80–90-х гг.) // Историческое краеведение: теория и практика: материалы рос. науч. конф. / [редкол.: М. А. Демин (отв. ред.), А. П. Уманский, Т. К. Щеглова]. — Барнаул, 1996. — С. 53–56.
- Щеглова Т. К. Народные традиции в архитектуре Тальменки (Тальменского района) // Нижнее Причумышье: очерки истории и культуры / науч. ред. Т. М. Степанская, Т. К. Щеглова (глав. ред.). — Тальменка; Барнаул, 1997. С. 114–128.
- Щеглова Т. К. Особенности развития населенных пунктов Нижнего Причумышья в XX веке: материалы к картотеке села // Нижнее Причумышье: очерки истории и культуры / науч. ред. Т. М. Степанская, Т. К. Щеглова (глав. ред.). — Тальменка; Барнаул, 1997. — С. 84–90.
- Щеглова Т. К. Очерки по истории крестьянства, раскрестьянивания и традиций селообразования в XX столетии по устным источникам // В предгорьях Алтая / науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул; Алтайское, 1998. — С. 150–172.
- Щеглова Т. К. История алтайской деревни глазами участников и очевидцев // Образование и социальное развитие региона. — Барнаул, 1998. — № 2–4. — С. 153–159.
- Щеглова Т. К. Устная история и краеведческая работа // Преподавание истории в школе. — М., 1998. № 5. — С. 60–66.
- Щеглова Т. К. «Народная этнография»: представления об этнокультурных и этносоциальных группах в современной деревенской среде // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы IV науч.-практ. конф. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул, 2001. — С. 67–83.
- Щеглова Т. К. Традиции, приметы и верования в крестьянском зодчестве и жилищно-бытовой культуре // Этнография Алтая и сопредельных территорий / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул, 2001. — Вып. 4. — С. 125–131.
- Щеглова Т. К. Современное состояние и бытование жилищно-строительных традиций и обрядности крестьянского двора // Сибирь в панораме тысяче-

- летий: материалы междунар. симп.: в 2 т. — Новосибирск: СО РАН., 2002. — Т. 2 / отв. ред. И. Н. Гемуев. — С. 522–532.
- Щеглова Т. К.* История разрушения православных церквей в 1930-е гг. на Алтае: комплексное использование устноисторических источников // Краеведческие записки. — Барнаул, 2003. — Вып. 5. — С. 125–136.
- Щеглова Т. К.* Санитарно-бытовая культура и традиции личной гигиены сельского населения Алтайского края в 1920–1930-е гг. // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. К. Щеглова, М. А. Демин. — Барнаул, 2003. — Вып. 5. — С. 155–163.
- Щеглова Т. К.* Значение устной истории в изучении сознания русского населения Алтая на примере интерпретации разрушения церквей // V конгресс этнографов и археологов России. — Омск, 2004. — С. 84.
- Щеглова Т. К.* Крестьянское общество и семья при «единоличной жизни»: этнокультурный фактор в социальной стратификации 20-х годов XX в. (по устноисторическим источникам) // Алтайский сборник / Комитет администрации Алт. края по культуре и туризму; Алт. отд-ние Рос. фонда культуры, Алт. краевед. ассоциация; [отв. ред. В. А. Скубневский]. — Вып. 2. — Барнаул, 2004. — С. 51–65.
- Щеглова Т. К.* Значение устной истории в изучении сознания русского населения (по источникам о разрушении церквей // История и культура Сибири в исследовательском образовательном пространстве (к юбилею проф. Е. И. Соловьевой): материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. В. А. Зверева. — Новосибирск, 2004. — С. 137–175.
- Щеглова Т. К.* Межэтнические взаимоотношения на Алтае в период депортаций и спецпереселений 1940–1950-х гг.: факторы этноконсолидации лонизации и этнодифференциации (по устноисторическим источникам) // Проблемы этнического сепаратизма и регионализма в Центральной Азии и Сибири: история и современность: материалы науч. конф. (Барнаул, 13–14 сент. 2004 г.). — Барнаул: изд-во АНУ, 2004. — С. 108–118.
- Щеглова Т. К.* Деревня Солонешенского района в XX в.: устная история // Солонешенский район: очерки истории и культуры: сб. науч.-практ. материалов / ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул, 2004. С. 110–143.
- Щеглова Т. К.* Устная история как источник и метод исследования сибирской деревни XX столетия // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. — Омск, 2004. — Ч. 1. — С. 23–28.
- Щеглова Т. К.* «Устная история» как источник исследования сибирской деревни XX в. // Сибирская деревня: проблемы истории: сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние; отв. ред. В. А. Ламин. — Новосибирск, 2004. — С. 142–153.

- Щеглова Т. К. Очерки по сельской архитектурно-застройочной среде, жилищно-бытовой и сакральной культуре Среднего Причумышья // Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры / науч. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул, 2004. — С. 118–150.
- Щеглова Т. К. Церковь Ближнего Приобья в 1920–1950 гг.: устные интерпретации и толкования крестьян // Бийский район: история и современность : сб. : в 2 т. / отв. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул, 2005. — Т. 1. — С. 50–77.
- Щеглова Т. К. Алтайская деревня в 1950–1970-е гг.: устная история безгласного большинства // История Алтайского края XVIII–XX вв.: науч. и док. материалы [редкол.: Т. К. Щеглова (отв. ред.), А. В. Контев]. — Барнаул, 2005. — С. 387–417.
- Щеглова Т. К. Потенциал устной истории в решении задач профильного обучения истории // Проблемы социогуманитарного образования. — Барнаул: изд-во БГПУ, 2005. — С. 19–22.
- Щеглова Т. К. Русское население Азиатского края: этнокультурное многообразие и идентичность // Народы Евразии: этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации: [сб.] / СО РАН, Ин-т археологии и этнографии [и др.]; отв. ред. И. В. Октябрьская, С. В. Соболева, Л. И. Шерстова. — Новосибирск, 2005.
- Щеглова Т. К. Методика сбора устных исторических источников: [метод. пособие]. — Вып. 2. — Изд. 2-е, испр. — Барнаул: БГПА, 2006. — (Этнография и устная история).
- Щеглова Т. К. «Живая история XX века»: устные источники в обучении истории // Вестн. Новосибирск. гос. ун-та. — (История, филология). — 2006. — Т. 5, вып. 1 (доп.): история. — С. 134–138.
- Щеглова Т. К. Социальные отношения в советской деревне (1930–1950-е гг.): вызов устной истории // Устная история (oral history): теория и практика: материалы всерос. науч. семинара (Барнаул, 25–26 сент. 2006 г.) / сост. и науч. ред. Т. К. Щеглова. — Барнаул, 2007. — С. 16–22.
- Щеглова Т. К. Русские старожилы и новоселы // Алтайский благодатный край / [гл. ред. и сост. А. М. Тарунов]. — М., 2007. — С. 94–101. — (Наследие народов Российской империи. Вып. 8. Ч. 2).
- Щеглова Т. К. Переселенческое жилище на Алтае в первой половине XX века: типология, строительные материалы и строительные традиции (по полевым материалам 1991–2006 гг. // Алтайская деревня в первой половине XX века: сб. науч. ст. / отв. ред. В. Н. Разгон, Т. К. Щеглова. — Барнаул, изд-во АГУ, 2007. — С. 153–163.

- Щеглова Т. К.* Устная история в XX столетии: метод, источник, направление исторических исследований или самостоятельная дисциплина // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 7. — Материалы междунар. науч. конф. / под ред. Т. К. Щегловой, И. В. Октябрьской. — Барнаул: БГПУ, 2008. — С. 246–256.
- Щеглова Т. К.* Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. — Барнаул: БГПУ, 2008.
- Щеглова Т. К.* Развитие отечественной устной истории: проблемы и подходы в терминологии и классификации источников // Пишем времена и случаи: материалы всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию кафедры отеч. истории (25–26 апр. 2008 г.). Новосибирск / под ред. В. А. Зверева. — Новосибирск, 2008. — С. 263–268.
- Щеглова Т. К.* Устная история в XX столетии: метод, источник, направление исторических исследований или самостоятельная дисциплина // Этнография Алтая и сопредельных территорий. — Вып. 7 : Материалы междунар. науч. конф. / под ред. Т. К. Щегловой, И. В. Октябрьской. — Барнаул, 2008. — С. 246–256.
- Щеглова Т. К.* Русское население Алтайского края: состав, формирование, численность // Краеведческие записки. Вып. 8 / [редкол.: О. В. Падалкина, И. В. Попова (отв. за вып.) Т. К. Щеглова (науч. ред.)]; Управление Алт. края по культуре; Алт. гос. краеведческий музей. — Барнаул: ОАО «ИПП „Алтай“», 2009.

Список использованной литературы на иностранных языках

- Les, archives orales // Annales. — 1980. — № 1.
- Oral History Association (US) [Электронный ресурс] — URL: <http://www.dickinson.edu/oha>.
- Oral history projects. Helping your application. — Cardiff, 2004. — P. 5
- Stephen E. Everett Oral history techniques and procedures // Center of Military History. United States Army. — Washington, D. C., 1992. — P. 3.
- What is Oral history — Indiana : Indiana University Center for the Study of History and Memory [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.indiana.edu>.
- What is Oral history [Электронный ресурс] — New York : Oral History Research Office, Columbia University. — URL: <http://www.columbia.edu/cu/libraries/indiv/oral/summer.html>.
- What is Oral history [Электронный ресурс] — Ottawa Canadian Oral History Association. — URL: <http://www.ncf.carleton.ca/oral-history>.
- What is Oral history [Электронный ресурс] // Oral History Society (UK). — URL: <http://www.oralhistory.org.uk>.

Щеглова Татьяна Кирилловна

Устная история

Учебное пособие

Формат 60×84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,75. Тираж 500 экз. Заказ №

ОАО «ИПП „Алтай“»
656049, г. Барнаул, ул. Короленко, 105

В авторском учебном пособии доктора исторических наук, профессора Т. К. Щегловой дается определение устной истории, предлагаемых ею новых технологий и методов исследования исторического прошлого. Большое внимание уделено вопросам создания, документирования и архивирования устных исторических источников, анализу их оценок и критики. Предлагаются рекомендации по интерпретации и введению устных исторических источников в научный оборот. Затрагиваются дискуссионные вопросы предметного поля устной истории, ее теоретико-концептуальных и методологических подходов. Рассматривается место устной истории в системе социогуманитарных наук. После каждой главы даны вопросы и практические задания для усвоения учебного материала. В объемном приложении, имеющем самостоятельное значение, приведены практические рекомендации и методические материалы по организации научно-исследовательской работы: программа по спецкурсу устной истории, пошаговая инструкция по подготовке молодых историков, тематические вопросники по изучению досоветской, советской и постсоветской истории и др.